ЛАРРИ НИВЕН
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

АПОКАЛИПСИС - I

СОКРОВИЩНИЦА БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛАРРИ НИВЕН
ДЖЕРРИ ПУРНЕЛЬ

АПОКАЛИПСИС-I

TALLINN

И (США)

Серия основана в 1993 году.

Ларри НИВЕН
Джерри ПУРНЕЛЬ
«Апокалипсис-I». Перевод с англ. Составитель А.Саяпин. Таллинн: «Мелор». 1996, 432 стр., ил. («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

Ничем необычным не нарушается привычная жизнь Землян. Каждый занят своим делом. Кто-то готовится к званому ужину, кто-то занят поисками работы и мечтает о куске хлеба. Влюбленные привычно целуются в парках на лавочках.

Но никто из этих людей не знает, что их дни уже сочтены...

ИТАК, «АПОКАЛИПСИС-I».

Н,П 470310100 - 046 / 8УЗ(03) - 96

ISBN 5-87005-046-4

© «MELOR», 1996.

В ОЖИДАНИИ

1

Голубой «мерседес» свернул с бокового шоссе Биверли-Хиллз и подъехал к особняку ровно в пять минут шестого. Джулия Суттер была чрезвычайно изумлена:

— Господи Боже, Джордж, это Тим! И точно к назначенному времени!

Джордж Суттер, *встав рядом с ней, выглянул из* окна. Да, это машина Тима. Хмыкнув, он вернулся к бару. Званые вечера, устраиваемые его женой, всегда считались важным событием. А этому вечеру предшествовали недели заботливой подготовки. Так почему она так боялась, что никто не явится? Этот психоз стал настолько распространенным, что ему бы уже следовало подобрать название.

Вот явился Тим Хамнер, причем явился вовремя. Это странно. Тим — представитель третьего поколения богатой семьи. По стандартам Лос-Анджелеса, это старые деньги, а денег у Тима много. Он посещает только те вечера, где ему хочется быть самому.

Архитектор Суттеров, должно быть, любил конкретность: прямоугольные углы дома, а в саду — мягко изогнутые, прихотливые формы бассейнов. Это не является необычным для Биверли-Хиллз, но те, что с востока, изумлены. По их мнению, справа должна стоять традиционная вилла в стиле «Монтре» — белые оштукатуренные стены и красная черепичная крыша. А слева — норманнский замок, магическим образом

перенесенный в Калифорнию. Особняк Суттеров был расположен вдали от улицы, как и предписывалось отцами города для этой части Биверли-Хиллз. Так далеко, что, казалось, высокие пальмы не имеют к дому никакого отношения. К самому дому, изгибаясь огромной петлей, вела подъездная аллея. Возле крыльца стояли восемь слуг, назначенных помогать в парковке автомобилей. Все восемь — проворные молодые люди в красных куртках.

Не заглушая мотора, Хамнер вылез из автомобиля. Взвизгнул автоматический напоминатель. В обычных условиях Тим не преминул бы огрызнуться, в сильнейших выражениях проехавшись по поводу геморроя Ральфа Надера, но сейчас он не обратил на визг никакого внимания. Взгляд Тима был задумчив, рукой он похлопал по карману, затем полез внутрь. Слуга-парковщик заколебался: на чай обычно дают лишь перед самым отъездом. Хамнер шествовал не спеша, и слуга испарился.

Хамнер взглянул вслед одетому в красное юнцу. Возможно, этот парень, а может еще кто-нибудь, интересуется астрономией. Эти ребята почти всегда из Лос-Анджелесского университета, либо из Университета Лойолы. А что, возможно... С неохотой он решил, что быть такого не может. Тим вошел в дом. Рука его, то и дело сбиваясь с пути, залезала в карман — ощутить, как шуршит под пальцами телеграмма.

Огромные двойные двери отворились, открывая обширное, тянущееся вдоль всего дома пространство. Высокие арки, облицованные красным кирпичом, отделяли прихожую от жилых помещений. Это был просто намек на стены, долженствующие разделять комнаты. Пол — вдоль всего дома — один и тот же: коричневый кафель, расписанный яркими мозаичными узорами. Здесь можно было бы принять две сотни и даже более гостей. А возле бара сгрудилось не менее дюжины. Они весело и оживленно разговаривали — несколько более громко, чем необходимо. Гости выг-

лядели как-то потерянно среди этого пустого пространства, сплошь уставленного столами. На столах — расшитые скатерти и свечи. Слуги в форменной одежде — их почти столько же, сколько гостей. Хамнер всего этого не замечал: он сам вырос в подобной же обстановке.

Джулия Суттер покинула крошечную группу гостей и поспешила навстречу Тиму. Глаза ее были накрашены, лицо приподнято — и лицо это выглядело моложе рук Джулии. В дюйме от щеки Тима она сделала губами похожее на поцелуй движение.

— Тимми, я так рада видеть вас! — А затем она увидела его сияющую улыбку. Она чуть отшатнулась, глаза ее сузились. Она как бы поддразнивала его, но в ее голосе прозвучала подлинная тревога:

— Боже мой, Тимми, чего вы накурились?

Тим Хамнер был высоким и костлявым. И маленький намек на брюшко, как раз чтобы не создалось впечатления об излишней худобе его фигуры. Его длинное лицо было создано для меланхолии. Семья его матери владела приносящим весьма высокий доход кладбищем (с моргом); происхождение выказывало себя. Сегодняшним вечером, однако, его лицо было прорезано ослепительной улыбкой, а в глазах сиял странный свет.

— Комета Хамнера — Брауна! — сказал он.

— О! — Джулия вытаращила глаза. — Что?

Услышанное ею не имело смысла, нельзя купить комету. Она попыталась справиться с изумлением, а глаза ее тем временем прыгали то к мужу: успел ли он уже выпить вторую рюмку? — то к двери: когда там придут остальные гости? Приглашения были сформулированы достаточно ясно. Самые, пожалуй, важные гости уже пришли. Они пришли рано, не так ли? И они не могут ждать допоздна...

Она услышала, что снаружи глухо урчит мотор большой машины. Сквозь узкие, обрамляющие дверь окна увидела, как из темного лимузина высыпало с полдюжины народу. Тим может сам позаботиться о себе. Она

похлопала его по руке:

— Как это мило, Тимми. Извините меня, ладно?

Поспешная, выражающая нечто интимное улыбка, и Джулия исчезла.

Если все это и смутило Хамнера, то он ничем не показал этого. Он подошел к бару. Сзади Джулия шла приветствовать самого важного гостя — сенатора Джеллисона и его свиту. Он всегда прихватывал с собой как членов своей семьи, так и своих помощников. Когда Тим Хамнер добрался до бара, улыбка его сделалась просто ослепительной.

Добрый вечер, мистер Хамнер.

— Добрый вечер. Сегодня у меня радужное настроение. Поздравьте меня, Родригес, они собираются присвоить комете мое имя!

Микаэль Родригес, расставлявший стаканы за стойкой бара, чуточку смешался:

— Комета?

— Ага. Комета Хамнера — Брауна. Она приближается, Родригес. В... мм... примерно в июне — несколько недель в ту или в другую сторону, — и ее уже будет видно. — Хамнер вытащил телеграмму и с треском развернул ее.

— Мы отсюда, из Лос-Анджелеса, ее не увидим. — Родригес рассмеялся. — Чем я могу быть вам полезен?

— Шотландского. Вы сможете увидеть ее. Она, возможно, величиной с комету Галлея.

Хамнер взял стакан и огляделся. Вокруг Джорджа Суттера собралась целая группа. Люди, словно магнит, притягивали сейчас Тима. В одной руке у него была зажата телеграмма, в другой — стакан с выпивкой.

Джулия, встречая новых гостей, вводила их в дом.

Сенатор Артур Клэй Джеллисон чем-то напоминал кирпич. Он был скорее мускулист, чем тучен. Это был грузный, общительный человек, украшенный густой седой шевелюрой. Он был невероятно фотогеничен, и его могла узнать в лицо добрая половина страны. Его

голос звучал точно так, как он звучал во время телевизионных передач: резонирующий, обходительный голос, так что все, что говорил сенатор, обретало некую таинственную значимость.

У Маурин Джеллисон, дочери сенатора, были длинные темно-рыжие волосы и бледная, чистая кожа. И красота, от которой в любое другое время Тима Хамнера охватил бы приступ застенчивости. Но когда Джулия Суттер обернулась и — наконец-то! — сказала: «Так что там насчет?..», он не смутился.

— Комета Хамнера – Брауна! — Тим взмахнул телеграммой. — Китт-Пикская обсерватория подтвердила мои наблюдения! Это действительно комета, моя комета, и ей присваивают мое имя!

Маурин Джеллисон чуть подняла брови. Джордж Суттер осушил свой стакан. Лишь после этого задал очевидный вопрос:

— Кто такой Браун?

Хамнер пожал плечами.

— Никогда не слышал о нем, — сказал Тим. — Но Международное астрономическое объединение утверждает, что он обнаружил комету одновременно со мной.

— Таким образом, вы владелец половины кометы, — сказал Джордж Суттер.

Тим совершенно искренне рассмеялся:

— Джордж, в тот самый день, когда вы станете владельцем половины кометы, я куплю все те акции, которые вы так упорно стараетесь мне продать, и я всю ночь буду поить вас за свои деньги. — Двумя глотками он прикончил свое виски.

Когда он поднял взгляд, то обнаружил, что слушатели смеялись. Джордж направлялся обратно к бару. Джулия завладела рукой сенатора Джеллисона и вела его знакомить с новоприбывшими. По пятам за ней следовали помощники сенатора.

— Половина кометы — это очень много, — сказала Маурин. Тим Хамнер обернулся и обнаружил, что она все еще остается на прежнем месте. — Скажите мне,

как вы вообще можете что-либо разглядеть сквозь смог?

В ее голосе звучал интерес, и глядела она с интересом. А ведь она могла уйти вместе с отцом. Шотландское согрело его. Тим принялся рассказывать ей о своей горной обсерватории. Ее — обсерваторию — отделяет от горы Вильсона не так уж много миль, но тем не менее она расположена в глубине гор Анжелос, так что свет Пасадены не мешает наблюдениям. Там у него сеть запасы пищи, и есть помощник, и он месяцами проводит ночные наблюдения неба. Он следит за уже известными астероидами, за спутниками иных планет, он приучает глаза и мозг к тому, чтобы они наизусть запомнили небо. Он все время наблюдал, ожидая найти точку света там, где ее не должно быть, найти аномалию, которая...

В глазах Маурин Джеллисон появилось знакомое ему выражение.

— Я уже надоел вам?

Она тотчас принялась извиняться:

Нет, мне очень жаль, просто... одна случайная мысль.

— Я знаю, что иногда меня заносит.

Она улыбнулась, покачала головой, роскошные темно-рыжие волосы всколыхнулись.

— Нет, правда. Папа — член подкомитета по финансированию науки и астронавтики. Ему по нраву отвлеченные научные исследования, и это от него перешло ко мне. Я была просто... Вы — человек, знающий, чего он хочет, вот вы и нашли то, что искали. Не о многих можно сказать то же самое. — Внезапно она стала очень серьезной.

Тим смущенно рассмеялся:

— Что мне исполнить на бис?

— Да, действительно. Что вы будете делать в следующем случае: вы высадились на Луне, и тут выясняется, что программа космического полета пропала?

— Ну... Не знаю. Я слышал, что у высадившихся на Луне временами бывали определенные трудности...

— Пусть это вас не волнует, — сказала Маурин. — Сейчас вы на Луне. Наслаждайтесь.

* * *

Очищая улицы от смога, вдоль холмов Лос-Анджелеса дул сухой, горячий ветер, известный под названием «Санта-Анна». Уличные фонари светились в рано наступившей тьме. Гарви Рэнделл и его жена Лоретта катили в зеленом «торнадо» с опущенными стеклами. Приятно: летняя погода в январе. Доехали до особняка Суттеров. Гарви развернул машину к одетому в красную куртку слуге-парковщику. Подождал, пока Лоретта отрегулирует на лице выверенную улыбку. Потом они вместе прошли через громадный парадный вход. Обычная сцена для вечеринок, устраиваемых в Биверли-Хиллз. Сотня людей, рассыпавшихся между столиков. И еще сотня, собравшаяся группами. В углу музыкальный ансамбль негромко наигрывал что-то веселое. И певец, прилипший к микрофону, достаточно хорошо демонстрировал всем и каждому, в каком он экстазе.

Они поздоровались с хозяйкой и разделились. Лоретта нашла себе собеседников, а Гарви, выискав самую многочисленную группу гостей, выяснил, где расположен бар. Гарри нравился двойной джин с тоником.

Иногда до него рикошетом доносились обрывки разговоров. «Понимаете, мы не разрешаем ему залезать на белый ковер. И получилось так, что кот стоял в самой середине ковра, а пес, как часовой, карауля, ходил по периметру...

...и вот в самолете, на одно сиденье впереди меня — прекрасный юный цыпленочек. Действительно, потрясающий цыпленок, хотя все, что я мог видеть, — это ее затылок и волосы. Я размышляю, как бы скле-

ить ее, и тут она оборачивается и говорит: «Дядя Пит! А вы что здесь делаете?»

...парень, это очень даже помогает! Когда я звоню и говорю, что это комиссионер Роббинс, я каждый раз просто сдаю экзамен. С тех пор как мэр назначил меня, у покупателя нет права выбора. И права на ошибку».

Все эти обрывки и отрывки различных историй откладывались в памяти Гарви. Это профессиональное: Гарви Рэнделл занимался телевизионной документалистикой. Он не мог не слушать. Ему не хотелось. Люди вокруг нравились ему. Ему бы хотелось иногда иметь тот же образ мышления, что и у них...

Он оглянулся в поисках Лоретты, но она была недостаточно высока ростом, чтобы выделяться в этой толпе. Вместо этого он наткнулся взглядом на высоко взбитую, неправдоподобного — оранжево-рыжего — цвета прическу. Бренда Тей, заговорившая с Лореттой перед тем, как Гарви направился к бару. Отбиваясь локтями от приглашающих выпить, он начал пробираться в сторону Бренды.

— Двадцать миллиардов капусты, и за все это мы получили... скалы! С этими проклятыми гигантскими ракетами доллары — миллиардами! — текут как вода меж пальцев. Зачем мы тратим столько, когда могли бы за такие деньги получить...

— Дерьма коровьего, — сказал Гарви.

Джордж Суттер обернулся с изумлением.

— О, Гарви... Привет!.. То же самое и с «Шаттлом». Именно то же самое. Деньги, просто утекающие сквозь пальцы...

— Эти деньги тратятся не просто так. — Голос был чистый, мелодичный, громкий. Голос прервал разглагольствования Джорджа, и игнорировать его было невозможно. Джордж остановился на полуслове.

Гарви увидел эффектную рыжеволосую женщину в зеленом, оставляющем открытым одно плечо, вечернем платье. Он смотрел на нее, и ее глаза встретились с его глазами. Гарви первым отвел взгляд. Он улыб-

нулся и сказал:

— Сказанное вами означает то же самое, что и «дерьмо коровье»?

— Да. Только более основывающееся на фактах, — она усмехнулась, и Гарви, вместо того чтобы убрать улыбку, продолжал улыбаться. И тут она бросилась в атаку: — Мистер Суттер, НАСА не тратит предназначенные для «Аполлона» деньги на скобяные товары. Мы платим за исследования, как улучшить производство скобяных товаров, и на это у нас есть свои деньги и есть скобяные товары. Деньги, потраченные на знания, не есть деньги, утекающие, как вода между пальцами. Что касается «Шаттла», то это цена за выход туда, где мы можем познать действительно важное, и цена не такая уж большая...

Женское плечо и грудь игриво коснулись руки Гарви. Должно быть, это Лоретта. Это и была Лоретта. Он протянул ей ее порцию спиртного. Его собственный стакан был уже наполовину пуст. Когда Лоретта начала что-то говорить, он жестом призвал ее к молчанию. Сделал он это чуть более грубо, чем обычно, а ее протестующий взгляд проигнорировал.

Рыжеволосая туго знала свое дело. Если заботливо подобранные доводы разума и логики могут считаться аргументами, она выиграла. Но она выиграла и нечто большее: на нее были обращены взгляды всех мужчин. И все слышали ее протяжный, медленный, южный выговор, когда подчеркивается каждое слово. И все слышали голос, такой чистый и музыкальный, что всякий другой прерывающий голос казался бормочущим или заикающимся.

Неравное состязание кончилось, когда Джордж, обнаружив, что его стакан пуст, с видимым облегчением изчез в направлении бара. Торжествующе улыбаясь, девушка обернулась к Гарви, и он кивнул в знак поздравления:

— Я Гарви Рэнделл. Моя жена. Лоретта.

— Маурин Джеллисон. Очень приятно. — Она на-

хмурилась на полсекунды. — Теперь я вспоминаю: вы были последним американским репортером в Камбодже. — Она церемонно обменялась рукопожатиями с Гарви и Лоретгой. — И не ваш ли вертолет, когда вы охотились за новостями, был сбит?

— Дважды, — гордо сказала Лоретта. — Гарви на себе вынес пилота. Нес его пятьдесят миль по вражеской территории.

Маурин степенно кивнула. Она была лет на пятнадцать моложе Рэнделлов и, похоже, в высшей мере умела владеть собой.

— Итак, теперь вы здесь. Вы местные?

— Я — да, — сказал Гарви, — а Лоретта из Детройта...

— Большущий городище, — автоматически сказала Лоретта.

— Но я-то родился в Лос-Анджелесе. — Гарви никогда не мог заставить себя сказать Лоретте хоть половину правды о ней. Мы — редкость, мы — местные, туземцы.

— А чем вы занимаетесь в настоящее время? — спросила Маурин.

— Документалистикой, в основном кинохроникой.

— Я знаю, кто вы, — в некоем благородном страхе сказала Лоретта. — Я только что видела вашего отца, сенатора Джеллисона.

— Это верно, — Маурин поглядела на супругов задумчиво, затем широко улыбнулась. — Вот что. Если вы занимаетесь новостями, есть кое-кто, с кем вам следовало бы встретиться. Тим Хамнер.

Гарви нахмурился. Имя казалось знакомым, но откуда, он не мог вспомнить.

— Почему?

— Хамнер? — сказала Лоретта. — Молодой человек с наводящей страх улыбкой? — хихикнула она. — Он несколько пьян. Никому не дает слова сказать, вообще ни слова. Он владеет половиной кометы.

— Это он, — сказала Маурин и заговорщически

улыбнулась Лоретте.

— Он также владеет мылом, — сказал Гарви.

Маурин взглянула на него с недоумением.

— Просто вспомнил, — сказал Гарви. — Ему досталась по наследству «Мыльная компания Кальва».

— Может быть. Но он больше гордится кометой, — сказала Маурин. — И я не порицаю его. Мой добрый старый папа, возможно, когда-нибудь станет президентом, но он никогда и близко не подойдет к открытию кометы. — Она начала оглядывать помещение, пока не обнаружила искомое. — Высокий мужчина, цвета костюма — белый и темно-красный. Вы узнаете его по улыбке. Встаньте где-нибудь поблизости от него, и он все сам вам расскажет.

Гарви почувствовал, как Лоретта тащит его за руку, и неохотно отвел взгляд от Маурин. Когда он оглянулся, кто-то уже увлек ее. Гарви пошел за следующей парой порций выпивки.

* * *

Как всегда, Гарви Рэнделл выпил слишком много. И хотелось бы ему знать, зачем он вообще ходит на эти званые вечера? Но он знал: Лоретта видит в таких вечерах способ участия в его жизни. Его выходы в поле ей наслаждения не доставляют. Единственная попытка взять ее с сыном в поход закончилась неудачей. Когда они вышли к месту назначения, ей захотелось остановиться в одном из фешенебельных отелей. Чувство долга заставило ее посещать предпочитаемые Гарви маленькие бары и места общественных увеселений. Но было очевидно, что ей стоило огромного труда скрыть, как она несчастна. Но на вечерах, подобных этому, она чувствовала себя как дома. Она даже ухитрилась приватно поговорить с сенатором Джеллисоном. Гарви ос-

тавил ее беседовать с сенатором и отправился за новой порцией спиртного.

— Побольше джина, Родригес, пожалуйста.

Бармен улыбнулся и, не комментируя, смешал коктейль. Гарви взял напиток. За одним из маленьких столиков в одиночестве сидел Тим Хамнер. Он смотрел на Гарви, но глаза его были полны дремы: они ничего не видели... и эта улыбка... Гарви пересек помещение и опустился в другое, стоящее у стола кресло.

— Мистер Хамнер? Гарви Рэнделл. Маурин Джеллисон сказала, что я должен произнести слово «комета».

Лицо Хамнера засветилось. Улыбка стала еще шире, если такое вообще было возможно. Он вытащил из кармана телеграмму и взмахнул ею:

— Верно! Сегодня днем наблюдение было подтверждено. Комета Хамнера — Брауна.

— Вы рассказываете не сначала.

— Она вам ничего не сказала? Что ж! Я Тим Хамнер. Нет, не профессионал, но оборудование у меня как у профессионала. И я умею обращаться с ним... Я астроном-любитель. Неделю назад я обнаружил недалеко от Нептуна пятнышко света. Но оно не принадлежало к данной области неба. Я продолжал наблюдать за ним: оно двигалось. Я изучал его достаточно долго, чтобы удостовериться, а затем сообщил о нем. Это новая комета. Китт-Пик подтвердил мое наблюдение. Международное астрономическое объединение решило назвать комету мои именем... и именем Брауна.

— Кто такой Браун?

Лицо Хамнера не изменилось.

— Гэвин Браун — это мальчик, живущий в Кентервилле, штат Айова. Построил себе телескоп из обломков зеркала. Он сообщил о комете тогда же, когда и я. По правилам Международного астрономического объединения это считается одновременным наблюдением. Если бы я не ждал до полной уверенности... — Хамнер пожал плечами и продолжал: — Сегодня днем я позво-

нил Брауну по телефону и послал ему билет на самолет: хочу встретиться с ним. Он не хотел сюда ехать, пока я не пообещал, что покажу ему солнечную обсерваторию на горе Вильсона. Вот все, что его по-настоящему интересует, – солнечные телескопы! Он обнаружил комету случайно!

— Когда мы увидим эту комету? То есть, — поправился Гарви, — можно ли будет ее вообще увидеть?

— Сейчас еще слишком рано задавать этот вопрос. Подождите с месяц. Следите за передачами новостей.

— Я не намерен следить за передачами новостей. Я намерен сообщать новости, — сказал Гарви. — И ваша комета — это, возможно, новость. Расскажите мне на эту тему еще что-нибудь.

Хамнер горел желанием сделать это. Тут же затрещал о своей комете. Гарви кивал, и улыбка его делалась все шире. Прекрасно! Весь этот поток слов означает, что оборудование для космических наблюдений стоит дорого (и в придачу, вероятно, фотоприспособления — тоже). Дорогостоящее и тщательно сделанное оборудование. Но ребенок с изогнутой булавкой вместо крючка и ивовой палкой вместо удилища может поймать такую же большую рыбу, что и миллионер.

Миллионер.

— Мистер Хамнер, если окажется, что эта комета представляет интерес для документального кино...

— Что ж, такое возможно. Таким и должно быть открытие. Точно так же и астрономы-любители могут иметь такое же значение, как...

Чокнутый, ей-Богу!

— Я вот о чем собирался спросить вас. Если мы будем делать документальный фильм об этой комете, заинтересована ли «Мыльная компания Кальва» стать заказчиком такого фильма?

Выражение лица Хамнера немного изменилось, и все же оно изменилось. Гарви мгновенно изменил свое мнение об этом человеке. У Хамнера большой опыт встреч с людьми, охотящимися за его деньгами. Он

энтузиаст, но едва ли дурак.

— Скажите мне, мистер Рэнделл, не вы ли делали тот фильм об аляскинском леднике?

— Да.

— От этого фильма воняло.

— Наверняка воняло, — согласился Гарви. — Заказчик настаивал на праве контроля. И получил это право. Мне не досталась по наследству процветающая компания. И к дьяволу вас, мистер Тимоти Комета Хамнера.

— А мне досталась. И это, пожалуй, неплохо. Фильм о дамбе Адских Ворот тоже вы делали?

— Да.

— Мне понравился этот фильм.

— Мне тоже.

— Хорошо. — Хамнер кивнул подряд несколько раз. — Понимаете, возможно, это будет ценный заказ. Даже если комету никогда не увидят, но я думаю, что она станет видимой. Бог знает, на что только тратятся деньги, какая только ерундовая реклама заказывается, — и никто не желает ее смотреть! Возможно, рассказать о комете — дело не менее важное. Гарви, вам придется взяться за это дело.

Они направились к бару. Вечер быстро шел к концу. Джеллисоны уже уехали, но Лоретта нашла себе другого собеседника. Гарви его узнал: это был городской советник. Тот бывал на студии Гарви, каждый раз преследуя одну и ту же цель: сделать передачу о городском парке. Вероятно, он решил, что Лоретта может повлиять на Гарви, что соответствовало действительности. И что Гарви может повлиять на телекомпанию и на ее Лос-Анджелесскую студию, что было абсолютно смехотворно.

Родригес в данный момент был занят, и они встали у бара.

— Существуют различные типы приборов для изучения комет. Превосходное оборудование, — сказал Хамнер, — включая большой орбитальный телескоп,

использовалось учеными только однажды — для изучения Кагоутека. Ученые всего мира хотят знать, чем отличаются кометы. В чем отличие Кагоутека от кометы Хамнера – Брауна. Многие ученые работают в наших краях. В Калифорнийском технологическом. Или планетарные астрономы из ИРД. Всем им захочется узнать побольше о комете Хамнера – Брауна.

Слово «Хамнер – Браун» резонировало, когда Тим Хамнер произносил это название. Было очевидно, что эти слова имели для него определенный вкус, и вкус этот ему нравился.

– Видите ли, комет в небе не так уж много. Они представляют собой остаток того гигантского газового облака, из которого формировалась Солнечная система. Если мы сможем действительно узнать что-либо о кометах (может быть, посылая к ним космические зонды) , тогда мы больше узнаем о том первоначальном газово-пылевом облаке. На что оно походило до того, как обрушилось внутрь себя, породив Солнце, планеты, спутники планет и так далее.

– Да вы трезвы... – с удивлением сказал Гарви.

Слова эти просто поразили Хамнера. Затем он рассмеялся:

– У меня было намерение выпить, чтобы отпраздновать событие, но, полагаю, я говорил вместо того, чтобы пить.

Освободившийся к тому времени Родригес поставил перед ними бокалы со спиртным. Хамнер поднял свой бокал в знак приветствия.

– Все дело в том, как блестели ваши глаза, – сказал Гарви. – Я подумал, что вы пьяны. Но в том, что вы сказали, много смысла. Сомневаюсь, что мы сможем запустить космический зонд, но — какого черта! — можно попытаться. Вы говорили о чем-то большем, чем просто съемки документального фильма. Послушайте, есть какой-нибудь шанс? Я имею в виду, сможем ли мы отправить зонд внутрь кометы? Дело в том, что я знаю некоторых людей в аэрокосмической про-

мышленности и...

И, подумал Гарви, из этого можно было бы сделать книгу. Хотелось бы знать, какого мне удастся найти редактора? И еще нужен Чарли Баскомб со своей камерой...

— Джеллисон тоже, — сказал Хамнер. — Он этим займется. Но, понимаете, Гарви... Мне многое известно о кометах, но не так уж и много. Сейчас это все догадки. Пройдет еще несколько месяцев, прежде чем комета Хамнера—Брауна достигнет перигелия. — И быстро добавил: — Ближайшей к Солнцу точке. Это не то же самое, что ближайшая к Земле точка...

— Как близко она пройдет от Земли? — спросил Гарви.

Хамнер пожал плечами.

— Орбита еще не совсем проанализирована. Может быть, близко. Во всяком случае, обогнув Солнце, комета Хамнера — Брауна начнет двигаться быстрее. Вырвавшись из кометного гало (это за орбитой Плутона), она прошла долгий путь. Очень долгий. Понимаете, я не могу точно рассчитать ее орбиту. Мне придется ждать, пока это сделают профессионалы. Ждать точно так же, как и вам.

Гарви кивнул. Они подняли свои бокалы и выпили.

— Но мне нравится эта идея, — сказал Хамнер. — Научный интерес к комете Хамнера — Брауна будет огромный. Но будет не вредно протолкнуть сведения о ней широкой публике. Эта идея мне нравится.

— Разумеется, — осторожно сказал Гарви, — прежде, чем я всерьез примусь за работу над этим, мне необходимо иметь твердое обязательство заказчика. Вы уверены, что «Мыльная компания Кальва» будет заинтересована в таком заказе? Передача, возможно, привлечет внимание публики, а может, и нет.

Хамнер кивнул.

— Кагоутек, — сказал он. — Они уже обожглись на этом раньше. Никому не хочется обмануться на одном и том же снова.

– Да.

– Так что можете рассчитывать на компанию. Давайте договоримся, что изучать кометы важно даже в том случае, если их нельзя разглядеть. Ибо я могу обещать вам заказ, но не могу обещать, что комета будет доставлена точно по обусловленному адресу. Возможно, она вообще будет невидима. Не обещайте публике ничего более этого.

– Я имею репутацию человека, честно излагающего факты.

– Если только не вмешивается заказчик, – сказал Хамнер.

– Даже в этом случае. Я честно излагаю факты.

– Хорошо. Но как раз сейчас нет никаких фактов. Хамнер – Браун – весьма большая комета. Она должна быть большой, в противном случае я бы не смог ее увидеть с такого далекого расстояния. И похоже, она пройдет очень близко от Солнца. Есть вероятность, что она будет представлять собой весьма импозантное зрелище, но как будут обстоять дела на самом деле, сказать невозможно. Может быть, ее хвост расплывется по всему небу... у-у-у... а может, солнечный ветер его вообще сдует. Все зависит от самой кометы.

– М-да. Вот что, – сказал Гарви, – можете ли вы назвать хоть одного репортера, потерявшего свою репутацию в результате случая с Кагоутеком? – И кивнул в ответ на озадаченный взгляд. – Верно. Ни одного. Это было бы невероятно. Публика ругала за научное вранье астрономов. Никто не ругал репортеров.

– А за что их ругать? Они только цитировали астрономов.

– Пусть так, – согласился Гарви. – Но мы цитировали тех, кто говорил что-нибудь интересное. Два интервью. Один говорит, что Кагоутек будет Великой Рождественской Кометой. Другой говорит: да, будет комета, но разглядеть ее без полевого бинокля будет вообще невозможно. Как вы полагаете, запись какого интервью будет передана в шестичасовых новостях?

Хамнер засмеялся. Осушил свой бокал. В этот момент к ним подошла Джулия Суттер.

— Заняты, Тим? — спросила она и, не дожидаясь ответа, добавила: — Ваш кузен Барри валяет дурака. Он на кухне. Вы можете доставить его домой? — Она говорила тихо, но настойчиво.

Гарви почувствовал ненависть к ней. Был ли Хамнер трезв? Вспомнит ли он утром хоть что-нибудь из этого разговора? Проклятье.

— Конечно, Джулия, — сказал Хамнер. — Извините. - Высвободившись он шагнул к Гарви. — Обязательно помните: наша серия о Хамнер — Браун должна быть честной. Даже если от этого она вздорожает. «Мыльная компания Кальва» может себе это позволить. Когда вы хотите начать работу?

Может быть, есть, в конце концов, в мире какая-то справедливость.

— Немедленно, Тим. Мне нужны будут фотографии: вы и Гэвин Браун на горе Вильсона. И его комментарий, когда вы показываете ему вашу обсерваторию.

Хамнер усмехнулся. Все это ему понравилось.

— Хорошо. Завтра созвонимся.

* * *

На другой кровати тихо спала Лоретта.

Гарви пристально смотрел в потолок достаточно долго. Знакомое ощущение. Нужно вставать.

Он встал. В большой кружке приготовил какао, отнес его в свой кабинет. Там его радушно приветствовал Киплинг, и, открывая драпри, Гарви рассеянно потрепал ладонью уши немецкой овчарки. Внизу в полутьме лежал Лос-Анджелес. «Санта-Анна» сдула прочь

смог. Даже сейчас, в эти поздние часы, шоссе походили на реки движущегося света. Силуэты фонарей отмечали большие улицы. Гарви заметил впервые, что фонари горят оранжево-желтым светом. Хамнер сказал, что все эти огни здорово мешают наблюдениям обсерватории на горе Вильсона.

Город простирался бесконечно. Квартиры карабкались одна на другую — в тени, во тьме. Голубые прямоугольники еще светящихся плавательных бассейнов. Автомобили. Ярко вспыхивающий через определенные интервалы, подмигивающий огонь — полицейский вертолет патрулирует город. Гарви отошел от окна. Подошел к письменному столу, взял книгу. Положил ее. Снова потрепал уши собаки. И очень осторожно — не доверял себе, старался не делать быстрых движений — поставил какао на стол.

Во время путешествий по горам, на лагерных привалах, он никогда не ощущал бессонницы. Просто когда стемнеет, он залезал в спальный мешок и спал всю ночь. Бессонницей он страдал в городе. Когда-то (уже прошли годы) он пытаются бороться: недвижно лежал на спине. Теперь он ночами вставал и бодрствовал до тех пор, пока не ощущал сонливости. Трудностей, связанных с бессонницей, обычно не бывало, только по средам.

По средам они с Лореттой занимались любовью.

Когда-то он попытался сломать эту привычку, но это было давно, годы назад. Да, Лоретта приходила к нему в постель ночью по понедельникам. Но не всегда, и ни разу не приходила днем, когда было светло. И ни разу не было так хорошо, как по средам или субботам. Потому что в среду они знали, что предстоит, они были готовы. И теперь обычай укоренился, словно его отлили из бетона.

Он прогнал эти мысли и сконцентрировался на своей удаче. Итак, Хамнер решил. Будет сделан документальный фильм. Он обдумал возникающие проблемы. Нужен специалист в области фотографии при слабом

освещении. Вероятно, время появления кометы будет определено с ошибкой. Вот будет забавно. Надо будет поблагодарить Маурин Джеллисон за то, что натолкнула меня на Хамнера, подумал он. Милая девушка. Яркая. Гораздо более здравомыслящая по сравнению с большинством встречающихся мне женщин. Плохо, что там была Лоретта...

Он прогнал эту мысль так быстро, что едва ли осознал ее. Это привычка, выработанная много лет назад. Он знал слишком много мужчин, убедивших себя в том, что они ненавидят своих жен. А на самом деле они не испытывали к ним даже неприязни. Далеко не всегда по ту сторону забора трава зеленее. Этому научил Гарви отец. И он никогда не забывал полученного от отца урока. Отец был строителем и архитектором. Всегда был близок к Голливуду, но ни разу не смог заполучить большой контракт, который бы сделал его богатым. А вот на голливудских званых вечерах он бывал часто.

У отца находилось время, чтобы брать с собой Гарви в горы. И, путешествуя, на привалах он рассказывал Гарви о продюсерах, о звездах, о писателях — о тех, кто тратит больше, чем зарабатывает. О тех, кто создает себе образ, который, возможно, никогда не найдет подтверждения. «Нельзя быть счастливым, — говорил Берт Рэнделл, — постоянно думая, что чужая жена в постели лучше или что она лучше смотрится на вечеринках. Нельзя быть счастливым, постоянно думая об этом: думаешь и наконец сам начинаешь в это верить. Проклятые города приучают людей верить прессе, но никто не может жить согласно придуманным писаками грезам».

И все это было правдой. Грезы могут быть опасными. Лучше сконцентрироваться на том, что имеешь. И, подумал Гарви, имею я немало. Хорошая работа, просторный дом, плавательный бассейн...

Все это еще не оплачено, сказал чей-то злобный голос в его голове. А на работе ты не можешь делать то,

что тебе бы хотелось.

Гарви проигнорировал сказанное.

* * *

В кометном гало — не только кометы.

Отдельные клубы и сгущения вблизи центра гигантского водоворота — этого вращающегося газового океана, в конце концов уничтожившего самого себя, чтобы образовать Солнце, — сконцентрировались в планеты. Страшный жар недавно родившейся звезды сорвал газовые оболочки с ближайших планет — остались лишь слитки расплавившегося камня и металлов. Расположенные дальше планеты остались в прежнем виде — гигантские газовые шары. Через миллиард лет человек назовет их именами своих богов. А кроме того, существовали сгущения, расположенные очень далеко от оси водоворота.

Одно сгущение образовало планету размером с Сатурн, причем масса планеты, собирая окружающее вещество, продолжала увеличиваться. Свет звезд освещал ее великолепные, широкие кольца. Поверхность планеты сотрясалась от штормов: ядро ее было страшно раскалено энергией, выделившейся при коллапсе. Гигантская орбита планеты была расположена почти вертикально к плоскости внутренних планет системы. Полный путь сквозь кометное гало — один оборот — занимал у планеты сотни тысяч лет.

Иногда вблизи черного гиганта проплывала сбившаяся с пути комета. И тогда ее втягивало в кольцо или в протянувшуюся на тысячи миль атмосферу. Иногда чудовищная масса планеты выталкивала ее в межзвездное пространство, где комета и исчезала навсегда. А иногда черная планета выбрасывала комету в гигантский водоворот, в адский огонь внутренней системы.

Они двигались медленно, плыли по устойчивым орбитам — эти мириады комет, выживших при рождении Солнца. Но когда мимо проходил черный гигант, орбиты делались хаотическими. Кометы, выброшенные в водоворот системы, могут — частично уже испаренные — вернуться обратно. И снова их поворачивает внутрь Мальстрема, снова и снова, пока от них ничего не останется, кроме облака, состоящего из камней облака. Но многие кометы вообще не возвращаются — никогда.

2

В ясный день видно далеко. Отсюда, с верхней точки здания «Ядерный проект Иоаквин», главному инженеру Барри Прайсу было отлично видно огромное, похожее на ромбовидное блюдце пространство, которое когда-нибудь станет морем, а сейчас является центром развития сельскохозяйственного производства Калифорнии. Отсюда долина Сан-Иоаквин протянулась на двести миль к северу, на пятьдесят — к югу. На низком холме, поднимающемся на двадцать футов над совершенно плоской долиной, высился незаконченный ядерный комплекс. Этот холм — самая высокая точка в окружности.

Суматоха деловой активности была заметна даже в эти утренние часы. Строительные бригады работали в три смены, работали по ночам, по субботам и воскресеньям, и, будь воля Барри Прайса, они бы работали также в Рождество и на Новый год. В последнем приступе деятельности бригады закончили с реактором №1 и сделали хороший зачин для реактора №2. Другие бригады начали рыть котлованы для №№ 3 и 4... И ничто не сделано так, как надо. Первый закончен, но законники не разрешают запустить его.

Его письменный стол завален бумагами. Волосы

Прайса подстрижены очень кротко, тонкие, как лезвие бритвы, усы щеголевато подбриты. Одет он в то, что его бывшая жена называла инженерной униформой: брюки цвета хаки, рубаха с эполетами цвета хаки, туристская куртка опять же с эполетами — цвета хаки, болтающийся на поясе портативный калькулятор (когда волосы Прайса были еще сплошь темными, это условие соблюдалось не обязательно), карандаши в нагрудных карманах. И в специальном кармане куртки — неизменный блокнот. Когда приходилось (что бывало все чаще) присутствовать на судебных заседаниях, на начальственных спектаклях, устраиваемых мэром Лос-Анджелеса и его советниками по энергетике и охране окружающей среды, давать показания перед Конгрессом или Комиссией по ядерной промышленности или Комиссией по соблюдению государственного законодательства, Прайс с неохотой надевал серый фланелевый костюм и галстук. Но, вернувшись к родным пенатам, он вновь немедленно облачался в свое боевое одеяние — и будь он проклят, если станет переодеваться ради посетителя!

Кофейная чашка была пуста, абсолютно пуста, и посему отпадала последняя отговорка. Он включил интерком:

— Долорес, я готов принять наших пожарных.

— Их еще нет, — сказала Долорес.

Передышка. Хоть ненадолго. Ненавидя то, чем вынужден заниматься, он вернулся к бумагам. Работая, он бормотал про себя:

— Я инженер, черт побери. Если б мне хотелось все мое время проводить над официальными бумагами или тратить его на суды, я должен был стать юристом или профессиональным убийцей.

Он начал жалеть, что он взялся за эту работу. Он специалист по энергетическим системам, причем чертовски хороший специалист. Он доказал это, став самым молодым главным инженером завода Пенсильванского эдисонового предприятия. И доказал это, руко-

водя Милфордовским ядерным комплексом, добившись наивысшей эффективности и обеспечив рекордный для всей страны уровень безопасности. И он хотел получить эту свою теперешнюю должность, хотел, чтобы ему поручили «Сан-Иоаквин». И заполучил его — великолепный комплекс, четыре тысячи мегаватт электроэнергии, когда проект будет закончен. Но его дело — строить и руководить, а не давать объяснения. С техникой он на короткой ноге. Более того, и с конструкторами, строителями, операторами силовых линий, электриками и линейщиками. Его энтузиазм в области всего, относящегося к ядерной энергии, передавался тем, кто работает с ним... «И что из того?» — угрюмо подумал он. Сейчас все свое время он тратит на работу с бумагами.

Вошла Долорес. В руках — более чем важные, не терпящие отлагательства бумаги, на которые необходимо ответить. Все они касаются отчетности, и все они исходят от людей достаточно высокопоставленных, чтобы занимать время главного инженера. Он глянул на кипу документов и памятных записок, положенных Долорес в ящик для входящих документов.

— Полюбуйся-ка, — сказал он. — И ведь каждая бумажка здесь — дело рук политиканов.

Долорес подмигнула:

— Иллепимити нон кардорундум.

Барри ей ответил:

— Это не просто. Пообедаем?

— Конечно.

В быстрой ее улыбке мелькнуло недвусмысленное обещание. Его охватило предчувствие. Барри Прайс спит со своей секретаршей! Полагаю, подумал он, да, полагаю, что, узнай об этом наверху, весь департамент перевернулся бы вверх дном. Ну и черт с ними.

На него снизошло умиротворение. Здание загудело от слабой вибрации турбин. Это ощущение, этот звук, порождаемый мегаваттами, вливающимися в сеть электроснабжения. Мегаватты, насыщающие Лос-Анджелес

и его индустрию. Но на деле ничего этого не было. Внизу, под ним, прямоугольное здание, заполненное турбинами, прекрасными машинами — вершиной человеческой изобретательности. Чудо инженерии, весящее сотни тонн и точно сбалансированное. Эти турбины могут вращаться с фантастическими скоростями и при этом вообще не вибрировать... Почему люди никак не могут понять этого? Почему не всем дано ощущать красоту прекрасных машин? Великолепие этих машин?

— Приободритесь, — сказала Долорес, прочитав его мысли. — Бригады работают. Возможно, как раз сейчас заканчивают.

— Разве об этом не стоило бы сообщить широкой публике? — спросил Барри. — И все же я, пожалуй, считаю, что нет, не стоило бы. Чем меньше о нас сообщают, тем лучше для нас. Чистой воды безумие.

Долорес, кивнув, подошла к окнам. Взгляд ее перенесся через долину Сан-Иоаквин по направлению к Темблор Рейндж, в тридцати милях отсюда.

— В один из ближайших дней...

— Да. — Мысль об этом радовала. Южная Калифорния должна быть обеспечена электроэнергией. А с истощением запасов естественного газа остаются только две возможности — использование угля либо ядерной энергии. И нет способа сжигать уголь, не получая взамен дым, туман и смог. — У нас лишь один путь, — сказал Барри. — И каждый раз, когда мы получаем ассигнования, каждый раз, когда раздается голос в нашу поддержку, — выигрыш. Сообщения о нашей работе должны получать даже законники и политиканы. — Он знал, что проповедь его обращена к верующим в иных богов, но это помогало ему разговаривать с теми, кто мог бы испытывать добрые чувства к проекту. С понимающими.

На столе его зажглась лампочка, и Долорес, вспыхнув на прощание улыбкой, поспешила к двери — приветствовать делегацию Законодательного собрания. Барри приготовился: еще один долгий, трудный день.

* * *

Суматошные утренние часы Лос-Анджелеса. Потоки беспрерывно движущихся машин. Несмотря на дувшую прошедшей ночью «Санта-Анну» — легкий запах смога и выхлопных газов. Клочья тумана с побережья, рассеивающиеся под порывами теплого, дующего с материка ветра. Как обычно в эти суматошные утренние часы, дороги запружены — и не обязательно идиотами. Большинство ездит этим маршрутом в эти же самые часы каждое утро. Они на привязи. Можете полюбоваться: машины подъезжают, строго соблюдая очередь; машины уезжают, ни на йоту не уклоняясь в сторону.

Эйлин не однажды подмечала это. Несмотря на комиксы, благодаря которым калифорнийские водители сделались посмешищем в глазах всего мира, они соблюдали порядок на шоссе много лучше, чем водители, которых Эйлин видела в других местах. Это означало, что она может вести машину, не уделяя ей слишком много внимания. Она тоже была на привязи.

Сложившийся шаблон сейчас у нее менялся редко. Пять минут, чтобы допить чашку кофе. Последнюю чашку перед выездом на шоссе. Поставить чашку на маленькую подставку (доставшуюся ей от Дж.С.Уитни). Еще пять минут на возню с гребенкой. Теперь она уже достаточно проснулась, чтобы заняться настоящим делом. Еще полчаса, чтобы добраться до «Корриганов-ской компании сантехнического оборудования» (город Бурбанк), а за это время, работая с диктофоном, можно успеть многое. Вообще, лучше вести машину, работая с диктофоном. Без диктофона Эйлин не удалось бы совладать с нервами. Ее колотило бы в приступах беспомощного бешенства при каждом малейшем заторе.

«Вторник. Продолжать дело с водяными фильтра-

ми, — сказал ей ее же голос. — У нас есть два клиента, установивших эти чертовы штуки. Они не знали, что там недоставало некоторых деталей». Эйлин кивнула. Она уже позаботилась об этом деле. Ей удалось утихомирить гнев деятеля, внешне напоминающего баржу и, по рассказам, превращающегося в одного из крупнейших предпринимателей долины. Это показательно: можно лишиться крупной сделки потому, что она выглядит как рядовая продажа. Она нажала кнопку перезаписи, продиктовала: «Вторник. Работникам складов проверить каждый из имеющихся фильтров. Пусть обратят внимание на наличие всех необходимых деталей. И послать письмо изготовителю». Потом она перемотала ленту.

Эйлин Сюзан Ханкок тридцать четыре года. Она довольно миленькая, но не очень. Причина заключается в руках, находящихся все время в движении, в улыбке — славной, но вспыхивающей слишком внезапно, будто Эйлин зажигала лампочку, и в походке. У нее была привычка обгонять других.

Однажды ей было сказано, что она оставляет других позади и в физическом и в эмоциональном отношении. Высказавший это не добавил: «...в интеллектуальном», а если бы и сказал, она бы не поверила. Но и такое определение было в основном правильно. Ей на роду было написано стать чем-то большим, чем секретаршей, причем задолго до того, как появилось что-либо схожее с движением за права женщин. Ей удалось добиться немало, и это несмотря на то, что ей пришлось поднимать младшего брата.

Если ей случалось говорить об этом, то только со смехом: уж очень банальной оказалась ситуация. С помощью старшей сестры брат заканчивает колледж, но сама она так и не вышла замуж. И все же это была не настоящая правда. Учеба в колледже была ей ненавистна. Может быть, иногда у Эйлин появлялась мысль (о которой она никогда никому не говорила) — поступить в очень хороший колледж. Поступить туда, где

человека учат думать. Может быть, в таком колледже ей бы захотелось учиться. Но просиживать в аудитории, где почасовик читает лекцию, основываясь на уже прочитанной ею книге, где ее не смогут научить ничему, чего бы она уже не знала, — да к чертовой бабушке все это! И отвергала она учебу отнюдь не по финансовым соображениям.

Что касается замужества, то не нашлось никого, с кем бы она могла ужиться. Однажды она попыталась сделать это — с лейтенантом полиции (и наблюдала, как он нервничает, что живет с нею без разрешения городского управления). Их связь, начавшаяся так хорошо, прервалась, не прошло и месяца. Был и еще один мужчина, но у него была жена, от которой он не собирался уходить. И был третий, который уехал в командировку на восток на три месяца, — и не вернулся даже по прошествии четырех лет. И был еще...

И я все делала правильно, вспоминая обо всем этом, говорила она себе. Разные мужчины называли ее женщиной нервного типа или утверждали, что у нее чрезмерно активно функционирует щитовидная железа, — в зависимости от полученного ими образования и словарного запаса. И не пытались сохранять с ней отношения. У нее был едкий ум, и использовала она его слишком часто. Нудная, пустая болтовня была ей ненавистна. Разговаривала она слишком быстро. Не будь этого, голос ее казался бы приятным. Голос, чуточку хрипловатый от употребления чрезмерно большого количества сигарет.

Этим маршрутом она ездила уже восемь лет. Машинально перестроилась, не замечая, в четвертый ряд. Сделала поворот. Однажды — уже годы прошли — она проехала мимо этого поворота, съехала на другую дорогу. И, припарковав машину, отправилась обратно пешком, с интересом рассматривая лабиринт зданий. Улицы походили на вылепленные из бетона спагетти. Ей было смешно: ну и картинка, она была совсем как растяпа-туристка. И все равно смотрела.

«Среда. Робин намерен попытаться уладить то дело. Если он это сделает, я — помощник генерального менеджера. Если не сделает, никаких шансов. Проблема...»

От предвкушения возможности служебного повышения уши и щеки Эйлин горели. И руки двигались слишком быстро. Но слышать она все слышала. Ее голос говорил: «Он хочет переспать со мной. Ясно, что тогда он не просто острил и притворялся. Если я дам ему отворот, не упущу ли тогда сделку? Должна ли я переспать с ним, чтобы заключить ее? Или из-за моей вовлеченности в дело я уже перестала видеть что-либо доброе?»

— Дерьмо все это, — прошептала Эйлин.

Она перемотала ленту назад и еще раз прослушала эту часть ее. «Я все еще не решила, принять ли мне приглашение на обед Робина Джестона. Не забыть стереть эту запись с ленты. Если кто-либо сопрет диктофон, не хочу, чтобы он сгорел со стыда. Помню, как было у Никсона». Эйлин выключила диктофон.

Но сама проблема так и осталась, горела обида, что она вынуждена жить в мире, где должны решаться такого рода проблемы. Тогда Эйлин стала думать, какие слова она подыщет для письма этому окаянному изготовителю, пославшему фильтры без проверки, все ли детали наличествуют, — и ей стало чуточку легче.

* * *

Сибирь. Поздний вечер. Врач Леонилла Александровна Малик закончила свой трудовой день. Ее последним пациентом была четырехлетняя девочка — дочь одного из инженеров научно-исследовательского космического центра, расположенного здесь, в пустынных областях севера Советского Союза.

Середина зимы, и с севера дул холодный ветер. За стенами больницы громоздились сугробы, и, даже находясь здесь, в помещении, Леонилла чувствовала, какая на улице холодина. Она ненавидела холод. Она родилась в Ленинграде, так что была несколько знакома с северными зимами. Но продолжала надеяться, что ей удастся перебраться на Байконур или даже в Капустин Шар — на Черное море. Ее обижало, что она вынуждена лечить тех, кто попал сюда не по своей воле, хотя, разумеется, сделать что-либо в этом отношении она могла очень мало. Работы для педиатра было немного: снежная пустыня. Помимо врачебной, она имела подготовку космонавта. И она все еще надеялась, что будет назначена в космический полет.

Вероятно, скоро. Говорят, американцы подготавливают женщин-астронавтов. Если будет похоже, что американцы готовы послать женщину в космос. Советский Союз сделает то же самое, и довольно быстро. Последний советский эксперимент с женщиной-космонавтом закончился неудачей (Леониллe хотелось бы знать, в чем же на самом деле ошиблась Валентина. Она была знакома как с Валентиной Терешковой, так и с космонавтом, за которого она вышла замуж. И ни он, ни она никогда не рассказывали, почему ее корабль пришел в беспорядочное движение, начал кувыркаться, лишив Советский Союз возможности совершить первое в истории приземление при возвращении из космического пространства). Разумеется, подумала Леонилла, Валентина была гораздо старше. Примитивные были тогда времена, теперь дела обстоят иначе. Работы у космонавта немного, все важные решения принимаются службой наземного контроля. Глупая метода, подумала Леонилла. Ее товарищи-космонавты (разумеется, все — мужчины) считали точно так же. Конечно, не высказывая своего мнения вслух.

Она вложила последний из использованных ею сегодня инструментов в автоклав. Упаковала сумку. Космонавт или нет, но она все равно врач, и куда бы ни

шла, брала с собой свой профессиональный инструментарий. Просто на тот случай, что кому-либо может понадобиться ее помощь. Она надела меховую шапку и тяжелое кожаное пальто. Чуть поежилась, слушая, как воет за стенами ветер. В соседнем кабинете работало радио — передавали новости. Леонилла задержалась, слушая. А вот это важно.

Комета. Новая комета.

Хотелось бы знать, не появятся ли планы ее исследования. Леонилла вздохнула. Если будет послана космическая экспедиция для изучения кометы, то ее, Леониллу, в эту экспедицию не включат. Пилот, врач, инженер по системам жизнеобеспечения — этими профессиями она владеет. Но не профессией астронома. Эта работа для Петра, Василия, либо Сергея.

Действительно, дела обстоят плохо, но интересно — новая комета.

* * *

На земле разразилась беда. Через три миллиарда лет после того, как сформировалась планета, начал развиваться ядовитый мутант. Это была форма жизни, напрямую использующая солнечный свет. Использование более эффективного источника энергии дало зеленому мутанту громадное преимущество. Он был *сверхактивен, силен, смертоносен. Распространяясь все дальше, завоевывая весь мир, он изливал потоки отравляющего воздух газа, он сжег ткани прежде доминировавшей на Земле формы жизни, теперь она стала лишь удобрением для мутанта.*

В это же самое время беда постигла и комету. Ее путь впервые пересекся с дорогой черного гиганта.

Планета источала страшный жар. Через миллиард лет поток этого жара достигнет звезд. Входившие в

состав кометы водород и гелий вскипели от инфракрасного излучения. Затем пути гиганта и кометы разошлись. Вновь вернулось спокойствие. Комета плыла сквозь холодную, беззвучную черноту, несколько уменьшившаяся. И орбита ее немного изменилась.

3

Бульвар Вествуд проложен неподалеку от здания Национального радио- и телевещания НБС и дома Рэнделла (рядом с Биверли-Глен). Это было главным аргументом, почему Гарви Рэнделл любил посещать расположенные здесь бары. В то же время маловероятно, что здесь он наткнется на кого-либо из чиновников-сослуживцев либо на приятелей Лоретты.

По улице шли студенты, весь набор: бородатые и одетые в поношенные джинсы; гладко выбритые в дорогостоящих джинсах; жутко выглядевшие студенты, намеренно придававшие себе такое обличье, и юнцы со старомодно-консервативной внешностью. А также все промежуточные типы. Гарви брел среди студентов. Миновал специализированный книжный магазин. Специализация — свободная любовь. Следующий книжный магазин назывался «Магазин для взрослых мужчин» — да, действительно, никто иной, кроме взрослых мужчин, сюда не заглянет. Еще один — обслуживающий любителей научной фантастики. Гарви отметил: надо бы зайти туда. Вероятно, там немало книг о кометах и астрономии, специально предназначенных для среднего читателя. Прочитав что-нибудь из этого, он сможет зайти в магазин студенческого городка Лос-Анджелесского университета и взять там действительно имеющие отношение к науке материалы.

Здание религиозной женской общины с зеркальными стеклами. А далее — готического шрифта буквы, гласящие: «Гарантированный первый федеральный

бар». Внутри — табуретки, три маленьких столика, четыре кабинки, игральный автомат и проигрыватель. Стены отделаны так, чтобы нравилось посетителям. На стойке лежали запасы авторучек, в промежутках между записями стены отмыты добела. Краска местами очищена, чтобы открыть записи, сделанные раньше. Нечто вроде археологии эпохи поп-культуры.

Гарви зашел в полумрак бара. Двигался словно уставший старик. Когда глаза привыкли к сумраку, он увидел сидящего на табуретке Марка Ческу. Он протолкался поближе к Ческу, оперся локтями о стойку.

Ческу было тридцать с лишком — это, в сущности, не возраст. Вечно молодой человек в начале своей карьеры. Гарви знал, что Марк прослужил четыре года на военно-морском флоте, попробовал себя в нескольких колледжах, начал было учиться в Лос-Анджелесском университете и сейчас работал в общежитии для студентов младших курсов. Иногда он даже называл себя студентом, но никто не верил, что ему когда-либо удастся закончить колледж. Он носил старые джинсы и тенниску, кроссовки велосипедиста и измятую шляпу землекопа. У него были длинные черные волосы и запущенная черная борода. Под ногтями грязь, и на джинсах — свежие полосы грязи. Но вообще видно, что недавно он мыл руки, и одежда его недавно выстирана. Просто он не испытывает желания отскребать себя дочиста.

Когда Марк не улыбался, вид у него был угрожающий, и это несмотря на респектабельный пивной живот. Улыбался он часто. Но к некоторым вещам он относился очень серьезно, а иногда примыкал к буянящей толпе. Это было частью выработанного им для себя образа: Марк Ческу может, если захочет, соревноваться с профессиональными мотогонщиками, но обычно ему не хочется. Он посмотрел на Гарви с интересом и сказал:

— Выглядите вы неважно.

— У меня ощущение, что я могу кое-кого убить, —

сказал Гарви.

— Если у вас именно такое ощущение, то, возможно, я могу подыскать для этого подходящего человека, — сказал Марк. И замолчал, позволяя обдумать сказанное.

— Нет. Я имею в виду моих боссов. Кого я хочу убить, так это моих боссов, да будут прокляты их бессмертные души.

Проигнорировав предложение Марка, Гарви заказал банку пива и два стакана. Он знал, что на самом деле Марк не пойдет на убийство. Это была часть образа: он обо всем знает гораздо больше других. Обычно это забавляло Гарви, но сейчас у него настроение было отнюдь не игривое.

— Мне нужно получить от них кое-что, — сказал Гарви. — И они прекрасно знают, что им придется пойти мне навстречу. Как они — черт бы их взял! — могут не знать этого? Есть даже надежный заказчик! Но эти сукины дети должны забавляться своими играми!.. Если один из них завтра свалится с балкона, на нового мне придется угрохать больше месяца, а я не могу позволить себе попусту тратить время. — То, что он сказал, не нанесет ущерба юмору Ческу. Парень может оказаться полезным. И при общении с ним улучшается настроение... И возможно, он действительно может организовать убийство. Никогда нельзя знать наверняка.

— Так с чем им придется пойти вам навстречу? — спросил Марк.

— С кометой. Я собираюсь сделать серию документальных фильмов, посвященных новой комете. Открывший ее парень — так уж случилось — владеет семьюдесятью процентами акций компании, заказывающей фильмы.

Ческу хихикнул. Гарви кивнул в знак согласия.

— Это прекрасная возможность. Мне действительно хотелось сделать такого рода фильм. И это было бы очень познавательно. Не то, что это последнее дерьмо

— интервьюирование предсказателей гибели Земли. Причем у каждого своя точка зрения на то, как произойдет конец света. Прежде чем первый из них закончил, мне уже хотелось перерезать себе глотку и разом покончить со всем этим.

— Так почему дела пошли вкривь и вкось?

Гарви вздохнул, отпил еще пива.

— Понимаете ли... Есть, скажем, четыре деятеля, которые могут сказать мне: «Сходи-ка туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Но ведь на самом деле все может оказаться не так. Верно? Нью-йоркцы не желают мириться с производством заказных серий. Они собираются платить за фильмы сами. Но откуда кто знает, что у них достаточно силы, чтобы сказать «нет» только потому, что они, не колеблясь, требуют, чтобы я подписал соглашение и представил смету и так далее? Ни от кого из этого дерьма нет ни малейшей пользы, тем не менее право решающего голоса у них. Четыре траханные примадонны, располагающие подлинной властью. О'кей, я мог бы поладить с ними. Но тогда еще остается с пару дюжин тех, кто не может помешать передаче в эфир самых глупых программ, но хочет показать, что они тоже важные персоны. Чтобы доказать друг другу, они — если захотят — действительно могут остановить производство фильма. Они выдвигают столько возражений, сколько могут придумать. Но в первую очередь необходимо учитывать интересы заказчика, верно? Не нужно добиваться, чтобы компания «Мыло Кальва» взбеленилась, верно? Дерьмо коровье. Но мне придется примириться со всем этим... — Гарви внезапно осознал, что он мелет. — Вот что, сменим-ка тему разговора.

— Ладно. Заметили, как называется это место?

— «Гарантированный первый федеральный бар». Остроумно. Украдено у Джорджа Карлина.

— Верно! Люди иногда подхватывают чужие идеи. Вы знаете, что такое — страхование у сумасшедшего Эдди?

— Почему же нет? Машины куплены у Мунтца-помешанного. А как насчет Раковой клиники Жирного Джека?

— Раковая клиника и покойницкая Жирного Джека, — сказал Ческу.

Петля, давившая на горло и плечи Гарви, потихоньку ослабла. Он отпил еще пива. Потом прошел в кабинку: там можно откинуться, опершись на стенку. Марк последовал за ним, занял место напротив.

— Эй, Гарви, когда мы снова отправимся в путешествие? Ваш мотоцикл еще на ходу?

— Да.

Год назад... нет, черт возьми, два года с лишним... он послал все к дьяволу и позволил Марку Ческу утащить его в поездку по побережью. Они выпивали в маленьких барах, беседовали с другими путешественниками, останавливались на привалы, где хотелось. Ческу взял на себя заботу о мотоциклах, а Гарви оплачивал счета. Счета были невелики. Это было время без тревог.

— Мотоцикл на ходу, но у меня нет возможности воспользоваться им. Когда эта серия пойдет в работу, времени не останется совершенно.

— Я смогу принять в этой работе участие? — спросил Марк.

Гарви пожал плечами.

— Почему бы и нет? — Марк часто работал с Гарви. Он таскал камеры или другое оборудование, а то и просто выступают в роли мальчика на побегушках. — Если вам удастся хоть ненадолго держать язык за зубами.

— Я меланхолик-всезнайка.

Бар заполнялся народом. Проигрыватель перестал играть, и Марк встал.

— Это для вас, — сказал он.

Из-за стойки он извлек двенадцатиструнную гитару и сел на стул в дальнем конце помещения. Это тоже входило в обычай: Ческу пел в барах за еду и выпивку.

Во время поездки по побережью пение Марка гарантировало им в половине баров между Лос-Анджелесом и Кармалем по бесплатному бифштексу. Пел Марк хорошо, мог бы стать профессионалом, но для этого ему не хватало самодисциплины. Где бы он ни работал, ему не удавалось продержаться на одном месте более недели. Марку казалось, что те, кто имеет постоянный заработок, волшебники, обладающие неким непостижимым для него секретом.

Марк взял пробный аккорд, затем проиграл вступление. Мелодия старой ковбойской песни «Чистая прохладная вода».

Весь день подряд — в телевизор взгляд.
Телевизор вместо культуры.
Культуры...
Мыльных опер водоворот и фильмы целый день напролет —
Чтобы забыл о культуре,
О... сладостнейшей... культуре.

Гарви одобрительно рассмеялся. Толстяк бармен поставил перед Марком банку пива, и Марк выразил признательность, мотнув головой.

Солнце село, и города тело вопит —
Вопит о культуре.
Культуре...
Судью с лягашом, разбирает смех:
Они растоптали культуры грех,
Сладостнейшей... культуры.

Марк на миг перестал петь — терзал гитару. Звенели аккорды, некоторые явно неверные, но некоторые — верные на удивление, будто Марк искал что-то и не мог найти — никогда.

Телевизор включи. Смотри и молчи.

Твой мозг уже не кричит.
В телевизор взгляд. Ты уже распят.
Рядом с культурой... культурой.
Ты забыл, забыл, кем ты прежде был.
Твой разум давно остыл,
И тебя и меня телевизор купил
И продал — вместе с культурой,
Сладостнейшей культурой.

Гитара смолкла, и Марк возвестил квакающим голосом:

— Она даст вам почти так же много, как фильмы старины Богарта:

СЛАДОСТНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА.

Леонард Бернстайн в сопровождении Лондонского симфонического оркестра и «Роллинг Стоунз»; поражающий воображение показ того, что такое

КУЛЬТУРА. СЛАДОСТНЕЙШАЯ КУЛЬТУРА.

Граждане, сегодня состоятся дебаты между президентом союза сельскохозяйственных рабочих и двадцатью двумя обезумевшими от голода домохозяйками. Домохозяйки вооружены мясницкими ножами. Это и есть

КУЛЬТУРА. СЛА-ДО-СТНЕЙ-ШАЯ КУЛЬ-ТУРА.

Господи, подумал Гарви. Господи, проиграть бы запись всего этого у нас на производственном совещании. Он откинулся, ему было хорошо. А скоро он отправится домой. Там Лоретта, и Энди, и Киплинг. И дом, который он так любит, и который стоит так дьявольски дорого.

* * *

Горячий сухой ветер — «Санта-Анна» — дул вдоль бухты Лос-Анджелеса. Гарви ехал с открытыми окнами, пиджак брошен на сиденье рядом, сверху скомканный галстук. Фары высвечивали зеленые холмы, покрытые облетевшими деревьями. В промежутках между холмами — пальмы. Непроглядная летняя тьма калифорнийского февраля — Гарви в этом не видел ничего необычного.

Он ехал и мурлыкал про себя песенку Марка. Когда-нибудь я пущу в телесеть ленту с записью этой песни, и ее услышат три четверти делового люда Лос-Анджелеса и Беверли-Хиллз. Полурасслабившись, он мечтал. Грезы рассеивались, лишь когда идущая впереди машина замедляла ход и, словно на волнах, раскачивались вспышки тормозных огней.

На вершине холма он свернул направо, к Мулхолланду, потом снова направо, в Бенедикт-каньон, чуть съехал вниз по холму и снова свернул направо — к Лисе. Переулок Лисы был одной из многих коротких, изогнутых улиц, что образованы построенными за пятнадцать лет домами. Один из этих домов принадлежал Гарви, благодаря Заемно-сберегательному обществу Пасадены. Дальше по Бенедикт-каньону был поворот на Силео-драйв, где Чарли Мэнсон доказал всему миру, что цивилизация — вещь хрупкая и недолговечная. После ужасного воскресного утра 1969 года на Беверли Хиллз не осталось дома, где не было бы ружья либо сторожевой собаки. Просроченные разрешения на владение огнестрельным оружием были возобновлены за считанные недели. И с того времени, несмотря на пистолет Гарви, на ружье и собаку, — Лоретта мечтала уехать отсюда. Она искала безопасное место.

Дом. Большой белый дом под зеленой крышей. Дом,

украшенный с фасада газоном, высоким деревом и маленькой верандой. Его можно хорошо перепродать, этот самый дорогостоящий дом квартала. Но Гарви отлично знал, что «самое дорогое» — понятие относительное.

К дому вела обычная подъездная дорога — не огромная круглая площадка, как у дома напротив. На хорошей скорости Гарви взял поворот, замедлил ход на подъездной аллее и с помощью радиосигнализатора дал сигнал на открытие двери. Машина еще не подъехала к дому, как дверь, качнувшись вверх, открылась; Гарви мысленно поздравил себя — превосходно рассчитал время. Дверь гаража закрылась за ним, и он позволил себе мгновение отдохнуть, сидя в темноте. Гарви очень не нравилось ездить в часы, когда улицы запружены машинами, и тем не менее чуть не каждый день — причем дважды! — ему приходилось ездить именно в эти часы. Пора принять душ, подумал он. Вылез из машины и снова вышел на улицу, направляясь к черному ходу.

— Вы, Гарв? — похожий на мычание баритон.

— Я, — ответил Гарви.

Волоча за собой грабли, через газон своего дома шел Горди Ване, сосед Рэнделлов слева. Он облокотился на забор, и Гарви сделал тоже самое. При этом он подумал, что все это карикатурно напоминает болтовню домохозяек. Только Мария Ване не нравится Лоретте. И во всяком случае, трудно представить, чтобы она беседовала, облокотясь на забор.

— Итак, Горди, как идут дела в вашем банке?

Губы Горди дрогнули в улыбке:

— Нормально. Во всяком случае, у вас недостаточная подготовка, чтобы читать вам лекцию об инфляции. Вот что... вы можете освободиться на выходные чтобы мы могли сделать пешую вылазку? Со скаутами. По снегу.

— Мальчик, это звучит здорово.

Чистый снег. Трудно поверить, что не более, чем в часе пути, в лесах Лос-Анджелесских гор лежит глубо-

кий снег, а среди елей и сосен свистит пронзительный ветер. Не более, чем в часе. А они стоят здесь, в темноте, в одних рубашках с закатанными рукавами.

— Вероятно, нет, Горди. У меня начинается работа. Господи, надеюсь, что она у меня начинается. Вы уж лучше не рассчитывайте на меня.

— А как насчет Энди? В размышлении, что я назначил бы его начальником передовой группы в этой вылазке?

— Он еще молод для этого...

— Не совсем так. И у него уже есть опыт. У меня сейчас будет несколько новых ребят, это будет их первая вылазка. Можно было бы назначить Энди.

— Да, тем более, что у него сейчас кончились занятия в школе. А куда вы собираетесь направиться?

— К Клаудберст Саммит.

Гарви рассмеялся. Хотя он никогда не видел лаборатории Хамнера, она была расположена как раз неподалеку от этого места. Должно быть, путешествуя, он проходил мимо нее с дюжину раз.

Они обсудили детали. Поскольку дует «Санта-Анна», снег, если не считать горных вершин, всюду растаял. Но на вершинах, конечно, он остался. Там сугробы, как на севере. Дюжина скаутов и Горди. Это звучит как забавная шутка. Это и была забава. Гарви уныло покачал головой.

— Знаете, Горди, когда я был ребенком, пеший поход к Клаудберст занимал добрую неделю. Не было никаких дорог. А теперь мы доезжаем туда за час. Прогресс.

— Да уж. Но ведь это и есть прогресс, не так ли? Я имею в виду, что теперь мы можем съездить туда, а потом успеть на работу.

— Верно. Черт возьми, мне так хочется пойти с вами. Настанет время, и они отправятся на своих машинах в путь — час езды. А потом пойдут пешком. А потом, достав из рюкзаков, что потребуется, разобьют лагерь. И сырое дерево будет гореть в походной печи.

И обезвоженно-замороженная пища для туристов, которая на вкус — точно амброзия. И кофе и ночь, когда нет убежища от ветра и ты слушаешь, как он свистит над тобой... Однако все это не имеет ни малейшего отношения к комете.

— Извините, очень жаль.

— Ладно. О'кей, я попробую с Энди. Проверьте его снаряжение для моего похода. Хорошо?

— Конечно.

Горди хотелось сказать еще кое-что: то, что у него на уме:

— Не позволяйте Лоретте снаряжать вашего сына. По горам и так тяжело идти — без того барахла, которое она ему навяжет. Грелки. Запасные одеяла. И даже, возможно, будильник.

Гарви вернулся обратно в гараж — за курткой и галстуком. Вновь выйдя из гаража, он пошел другой дорогой — на задний двор. Он подумал: а что, если бы он спросил у Горди: «Как вам нравится название Гордо-банк. И здесь друзья встречаются за чашкой кофе»? Судя по тому, как выглядело лицо Горди, это бы не прошло. Какие-то там трудности. Временные трудности.

На заднем дворе, по ту сторону бассейна, сам с собой играл в баскетбол Энди. Рэнделл остановился, молча наблюдая за ним. В мгновение ока (должно быть, на это ушел год, а кажется, будто неделя) Энди превратился из мальчика в... составленную из палок фигуру. Весь он — руки и ноги и длинные кости, предназначенные для баскетбола. Энди сорвался с места и с изысканной рассчетливостью бросил мяч. Пританцовывая, поймал отскочивший мяч, повел дриблингом и снова взорвался в великолепном броске. Энди не улыбнулся — лишь удовлетворенно кивнул.

Неплох мальчишка, подумал Гарви.

Штаны у Энди были новые, но не достигали лодыжек. В сентябре ему исполнится пятнадцать — возраст для поступления в высшую школу. Придется послать

его в Гарвардскую мужскую школу — безусловно, лучшую в Лос-Анджелесе. Только на школу уйдет целое состояние — чтобы забить место. И на зубного врача уже сейчас уходят тысячи. А потом будет уходить еще больше... И накачивающая воду в бассейн помпа издает какие-то странные звуки. И клуб электронной музыки, куда вступил Энди (это было незадолго до того, как парню захотелось иметь свой собственный микрокомпьютер, — и кто может порицать его за это?)... И... Рэнделл тихо вошел в дом, довольный, что Энди не заметил его.

Подросток — потенциально ценное имущество. Он может работать на поле — управлять упряжкой или даже трактором. Груз можно разделить, переложив часть его на юные плечи. И мужчине станет легче.

На кухне, в мусорном ведре — оберточная бумага. Лоретта снова сделала покупки. Не бывает Рождества без расходов, значит, на письменный стол Гарви лягут новые счета. И он уже слышал передаваемый по радио отчет фондовой биржи. Акции падают.

Лоретты нигде не было. Гарви вошел в примыкающую к ванной раздевалку и, содрав с себя одежду, встал под душ. Горячая вода била сверху, смывая напряжение. Мозг Гарви отключился. Ему представилось, что он — кусок мяса, обмываемый под водяной струей. Всего лишь. Если только его мозг действительно отключился.

У Энди есть совесть. Бог свидетель, я никогда не заставлял его чувствовать себя виноватым. Дисциплина — это обязательно. Наказывал, ставил в угол, даже шлепал... Но когда наказание закончено, — значит, закончено, вины больше не существует... И все равно он знает, что такое вина. Если бы Энди стало известно, чего он мне стоит — в долларах и центах... и в годах моей жизни... Если бы ему стало известно, что из-за этого я вынужден жить так, как я живу, сидеть в дерьме, держась за эту проклятую работу, гоняться за премиями, которые позволяют нам держаться на плаву...

что бы сделал Энди, если бы ему стало известно? Сбежал бы? Стал бы подметальщиком улиц в Сан-Франциско, чтобы попытаться вернуть мне эти деньги? Ничего ему не известно — и это чертовски хорошо.

Сквозь шум воды прорезался чей-то голос. Рэнделл вынырнул из мира своих размышлений и увидел Лоретту, улыбающуюся сквозь стекло двери душа. Она сказала:

— Эй! Как дела?

Он махнул рукой. Лоретта восприняла это как приглашение. Рэнделл смотрел, как она медленно раздевается. Похотливыми движениями снимала с себя одежду. А потом она быстро, чтобы вода не брызнула наружу, скользнула в дверь... И это была среда. Гарви обнял ее. Вода била по их телам, и они поцеловались. И это не была среда.

— Как дела? — спросила она.

С самого начала их знакомства он научился читать по ее губам, во что она никак не могла поверить.

— Думаю, они согласятся, — ответил Гарви Лоретте.

— Не вижу, почему бы им не согласиться. В этом не было бы смысла. Если они станут выжидать, тему перехватит Си-би-эс.

— Верно.

— Разве нет какого-нибудь способа объяснить им, как глупо они поступают?

— Нет. — Гарви повернул вентиль. Вода потекла тонкой струйкой.

— Почему нет?

— Потому что они и так все знают. Потому что они не играют в ту же игру, что мы.

— Все зависит от тебя. Если бы ты настоял на своем хоть однажды... — Под душем намокшие волосы Лоретты потемнели. Обняв его, она смотрела в его лицо. Смотрела так, чтобы убедить его: он должен настоять на своих принципах и заставить начальство осознать последствия допущенных им — начальством — ошибок.

— Да. Все зависит от меня, и поэтому, если что-то пойдет не так, именно на меня повалятся все шишки. Повернись, я потру тебе спину.

Она повернулась к нему спиной. Гарви потянулся за мылом. Заставил расслабиться мышцы своего лица. Его мыльные руки скользнули по коже спины Лоретты — медленно, осторожными движениями... И в то же время он думал: «Разве ты знаешь, что они могут сделать со мной? Они никогда не сожрут меня. Но в один прекрасный день меня переводят в другой кабинет, поменьше, на следующий день забирают ковер. Затем отключают телефон. Идет время — и обо мне уже никто не слышит, все забыли, что я вообще существую. А ведь мы сейчас тратим каждый заработанный мною цент».

Ему всегда нравилась спина Лоретты. Гарви переворошил свои мысли — не появляется ли в них вожделение? И ничего не обнаружил.

Она была такой с самого начала. Всю ее жизнь. Не боялась. Но она просто не понимает. Я могу переспорить Марка. Он будет пить мое пиво и говорить о чем-нибудь другом, если я достаточно ясно дам понять, что не желаю беседовать на эту тему. Но Лоретте я этого дать понять не могу... Что мне сейчас нужно, так это выпить.

Лоретта помыла ему спину. Затем купальными полотенцами они вытерли друг друга. Она еще раз попыталась объяснить ему, как ему следует справиться со сложившейся ситуацией. Она понимала, что что-то не так, как нужно. И как обычно, она пыталась понять, что именно, пыталась помочь.

* * *

Мириадами оборотов позже, когда по Земле, зажатой мертвой хваткой ледникового периода, нача-

ли распространяться люди, черная планета появилась снова.

Комета сейчас была больше, чем прежде. В течение тысячи миллионов лет она росла — один снежный ком за другим. Теперь она достигла четырех с половиной миль в диаметре. Жар инфракрасного излучения планеты начал разогревать ее поверхность. Водород и гелий вскипели в теле кометы, стали просачиваться наружу. Окруженный кольцами черный диск затмил крошечное Солнце. Диск занимал треть неба, он источал жар.

Затем планета прошла мимо, вновь воцарилось спокойствие.

Комета уже залечила раны, нанесенные предыдущей встречей. Столетия, миллионы лет, — что они значат в кометном гало? Но сейчас наконец пробил час и этой кометы. Черный гигант сбил ее с орбиты.

Медленно, влекомая слабым притяжением Солнца, комета начала свое падение внутрь гигантского водоворота.

4

Вездеход был битком набит оборудованием: камеры, магнитофоны, лампы, софиты, аккумуляторные батареи. Превеликое множество барахла, без которого не может обойтись телевизионное интервью. На заднем сиденье — телеоператор Чарли Баскомб и звукотехник Мануэль Аргуилец. Все, как обычно, если не считать того, что на переднем сиденье сидел Марк Ческу.

Из здания НБС вышел Гарви. Кивком подозвал Марка. Они прошли к стоящим в ряд «мерседесам» — здесь служащие студии оставляли свои машины.

— Вот что, — сказал Гарви, — ваша должность называется ассистент постановщика. Теоретически это

означает, что вы должны руководить. Должность дана вам потому, что того требуют правила профсоюза.

— Так, — сказал Марк.

— Но вы не будете руководить. Вы — мальчик на побегушках.

— Я меланхолик-всезнайка, — серьезно сказал Марк.

— Не надо выворачивать мои слова наизнанку и обижаться тоже не надо. Просто поймите. Моя команда работает со мной уже долгое время. Они знают, что надо делать. Вы не знаете.

— Я тоже знаю.

— Прекрасно. Вы можете быть нам очень полезны. Только запомните, что нам не нужно, чтобы...

— Чтобы я говорил всем и каждому, как им следует выполнять их работу. — На лице Марка вспыхнула широкая улыбка. — Мне нравится работать с вами. Я не стану мешать.

— Хорошо. — Гарви не уловил в голосе Марка ни крохи иронии. И почувствовал он себя поэтому лучше. Можно было бы сказать, что его беспокоит предстоящее интервью, но легче от этого не стало бы. Один его товарищ заметил однажды, что Марк подобен джунглям: все прекрасно, но нужно рубить и рубить — беспрерывно, иначе они закроют от тебя солнце.

Вездеход резко взял с места. Он побывал вместе с Гарви Рэнделлом во многих местах — от аляскинского трубопровода до низин Байи. Побывал даже в Центральной Америке. Они были старыми друзьями — вездеход и Гарви. Это был «Интернэшнл Харвестер», большой, четыре ведущих колеса, три сиденья, мощный двигатель. Уродливый, как смертный грех, и чрезвычайно надежный. Вездеход доехал до шоссе Вентура и свернул к Пасадене. Все молчали. Машины на дороге попадались редко.

— Знаете, — сказал Гарви, — мы вечно сетуем, что нигде ничего не делается. Но чтобы взять это интервью, мы проделали пятьдесят миль, и займет у нас это

меньше часа. А когда я был ребенком, для пятидесятимильного путешествия упаковывали бутерброды и надеялись, что доберутся до наступления темноты.

— На чем тогда ездили, на лошадях? — спросил Чарли.

— Нет. Просто тогда Лос-Анджелес не имел шоссе.

— Ага.

Они проехали через Глендейл и по Линда Виста повернули на север, к Розе Боул. Чарли и Мануэль беседовали о ставках на скачках, проигранных ими несколько недель назад.

— Думаю, ИРД принадлежит Калифорнийскому технологическому, — сказал Чарли.

— Так и есть, — сказал ему Марк.

— Наверняка его не случайно разместили так чертовски далеко от Пасадены.

— Его используют для испытания реактивных двигателей, — сказал Марк. — ИРД. Институт реактивного движения, — правильно? Все думают, что там занимаются взрывами, так Калифорнийский технологический перевел институт подальше — в Арройо. — Он махнул рукой, показывая на здания. — А затем как раз в этом конце Лос-Анджелеса, как раз вокруг института, возникло самое богатое предместье города.

Охранник уже ждал их. Он провел их на огороженный участок, примыкающий к одному из самых больших зданий. В этих местах свил свое гнездо ИРД, и все здания принадлежали ему. Большая центральная, состоящая из стали и стекла, башня выглядела чужеродным телом на фоне старых стандартно «временных» зданий, возведенных ВВС двадцать лет назад.

Здесь их уже ждала сотрудница отдела по связи с печатью и общественностью. Обычная шаблонная процедура: подпишите, прикрепите значки. Внутри здание походило на обычное учреждение, хотя и не совсем: в коридорах громоздились перфокарты IBM, и почти ни на ком из сотрудников не было пиджака и галстука. В углу покрывался пылью десятифутовый

глобус Марса. Никто не обращал внимания на Гарви и его команду. Для сотрудников стало привычным видеть работников телевидения. В ИРД были созданы космические зонды «Пионер» и «Маринер», ИРД запустил к Марсу «Викинг».

— Пришли, — сказала их провожатая.

Вид у кабинета был внушительный. Вдоль стен — книги. На досках написаны какие-то непонятные уравнения. Книги — всюду, где только можно их положить, и на дорогом письменном столе из тика — карточки IBM.

— Доктор Шарпс, Гарви Рэнделл, — сказала провожатая. Она стояла наготове возле двери.

Чарльз Шарпс надел очки. Очки изогнуты так, чтобы стекла перекрывали все поле зрения. Очень модерновые очки, и длинное бледное лицо Шарпса чуть смахивало из-за них на головку насекомого. Волосы у него черные, прямые, коротко подстриженные. Пальцы его беспрерывно двигались — то играли с фломастером, то ныряли в карманы. На вид ему было около тридцати, но, возможно, на самом деле он был старше. На нем была спортивная куртка и галстук.

— Давайте будем откровенны, — сказал Шарпс. — Вы хотите, чтобы я рассказал о кометах. Это для вас лично или для публики?

— И то и другое. Просто рассказывайте так, чтобы вас мог понять я. Если это не слишком трудно.

— Слишком трудно? — Шарпс рассмеялся. — Как это может быть слишком трудно? Ваша фирма сообщила НАСА, что вы хотите сделать документальный фильм о космосе, и НАСА устроила по сему случаю барабанный бой. Правильно, Чарли?

Провожатая кивнула:

— Они попросили нас о сотрудничестве.

— О сотрудничестве. — Шарпс снова рассмеялся. — Да провалиться мне, если я считаю, что это поможет выбить добавочную монету. Когда начнем?

— Сейчас, пожалуйста, — сказал Гарви. — Пока

мы болтаем, мои люди установят аппаратуру. А вы просто не обращайте на них внимания. Насколько я понимаю, вы местный специалист по кометам.

— Я тоже так полагаю, — сказал Шарпс. — На самом деле мне больше по праву астероиды, но кто-то ведь должен заниматься кометами. Я делаю вывод, что вас главным образом интересует комета Хампера—Брауна.

— Правильно.

Гарви поймал взгляд Чарли. Команда готова. Гарви кивнул. Мануэль прислушался, глядя на индикатор, и сказал:

— Начали.

Марк, сделав шаг, встал перед камерой. «Интервью с Шарпсом». Хлопушка щелкнула с громким «клак!». Шарпс подпрыгнул. Интервьюируемые всегда, когда впервые слышали это «клак», подпрыгивали. Чарли занимался камерой, направляя ее на Шарпса. Задающего вопросы Гарви он снимет позднее, уже без Шарпса.

— Скажите, доктор Шарпс, будет ли комета Хампера—Брауна видна невооруженным глазом?

— Не знаю, — сказал Шарпс. На лежащей перед ним перфокарте IBM он быстро нарисовал что-то непонятное. Возможно, рисунок означал двух спаривающихся лох-несских чудовищ. — Через месяц мы будем знать больше. Мы уже знаем, что она приблизится к Солнцу на расстояние, на каком находится Венера, но... — он замолчал и глянул на камеру. — Какого уровня объяснение вам желательно?

— Говорите все, что вам хочется, — сказал Гарви. — Сделайте так, чтобы понял я. А потом мы решим, как рассказывать все это публике.

Шарпс пожал плечами:

— Прекрасно. Итак, вот как выглядит извне Солнечная система, — он показал на стену. Рядом с доской висел большой чертеж с изображением планет и их орбит. — Планеты и их спутники всегда находятся там,

где им следует находиться. Их танец заключается в том, что они обращаются вокруг друг друга по гигантским замкнутым орбитам. Каждая планета, каждый спутник, каждый ничтожный камешек в поясе астероидов танцует под ньютонову мелодию гравитации. Меркурий чуть выпадает из общего тона, поэтому нам пришлось пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной.

— Как это? — спросил Гарви. — Конечно, я предпочитаю разбираться во всем самостоятельно, — но что за дьявольщина?..

— Просто каждый год его орбита немного меняется. Не намного, но больше, чем следовало бы по Ньютону. Этому факту нашел хорошее объяснение человек, которого звали Эйнштейн. И между прочим, оказалось, что Вселенная устроена более странным образом, чем мы представляли раньше.

— А! Надеюсь, чтобы разобраться в кометах, нет нужды привлекать теорию относительности.

— Нет-нет. Но на орбиту комет воздействует еще что-то, кроме гравитации. Странно, не так ли?

— Да. И теперь нам снова придется пересмотреть свои взгляды на устройство Вселенной?

— Что? Нет, данный случай попроще предыдущего. Взгляните... — Шарпс вскочил на ноги и шагнул к доске. Бормоча себе под нос, принялся искать мел.

— Пожалуйста. — Марк вынул из кармана кусок мела и протянул Шарпсу.

— Благодарю. — Шарпс быстро нарисовал белый шарик и параболическую кривую. — Это комета. Теперь пусть она приближается к планетам. — Он нарисовал два круга. — Земля и Венера.

— Я думал, что планеты движутся по эллиптическим орбитам, — сказал Гарви.

— Так они и движутся, но в данном масштабе можно рисовать так, разница несущественна. Теперь взгляните на орбиту кометы. Обе ветви кривой выглядят одинаково — ведущая в систему и выводящая. Парабо-

ла прямо по учебнику, так?

— Так.

— Теперь, как на самом деле выглядит комета, когда она удаляется от Солнца. Плотное ядро, ком, образованный мелкой пылью и газом, — он снова рисовал, — и хвост, состоящий из смешанного с пылью газа. Хвост направлен в сторону от Солнца. Вперед от выходящей из системы кометы. Хвост. Огромный хвост, иногда достигающий в длину ста миллионов миль. Но он — почти полный вакуум. Таким он и должен быть, если бы он был плотным, комете не хватило бы вещества на заполнение такого обширного пространства.

— Понятно.

— О'кей. И снова — как по учебнику. Вещество, находящееся в голове кометы, вскипает и выбрасывается из нее. Это разреженный газ и крошечные частички пыли. Такие крошечные, что их рассеивает солнечный свет. Световое давление Солнца выжимает их наружу, таким образом, хвост всегда направлен от Солнца. Все понятно? Хвост следует за кометой, входящей в систему, и опережает комету, выходящую из системы. Но...

Вещество вскипает неравномерно. Когда комета в первый раз входит в систему, она представляет собой твердую массу. Так мы думаем. Как на самом деле, никто не знает. Мы создали несколько моделей, удовлетворяющих наблюдаемым фактам. Что касается меня, я больше склоняюсь в сторону модели: снежно-пылевой шар. Комета состоит из камней и пыли, грязи, облепленной и связанной льдами и замерзшими газами. Некоторое количество водяного льда. Метан. Двуокись углерода — сухой лед. Цианиды и нитрогены. Различные виды вещества. Скопления этих газов тают и вырываются то в одну, то в другую сторону. Получается что-то вроде реактивного двигателя, и орбита кометы меняется. — Шарпс заработал мелом. Мел он держал как-то сбоку. Когда он закончил, входящая ветвь стала неровной и прыгающей, а выходящая расплылась, сде—

лавшись немного похожей на кометный хвост. — Итак, мы не знаем, как близко она пройдет от Земли.

— Понимаю. И вы не знаете, насколько велик будет хвост.

— Правильно. Но представляется, что это новая комета. Может быть, до сих пор она никогда не приближалась к Солнцу. Она не похожа на комету Галлея, которая возвращается через каждые семьдесят лет и с каждым разом делается все меньше. Каждый раз, проходя вблизи Солнца, кометы отдают маленькую часть своей жизни. Часть составляющего их хвост вещества теряется — и навсегда. Таким образом, каждый раз хвост кометы уменьшается. И в конце концов, не остается ничего, кроме ядра, состоящего из груды камней. Метеоритные дожди. Некоторые из самых красивых падающих звезд — это осколки старых комет, попавшие в поле притяжения Земли.

— Но данная комета новая...

— Верно. И следовательно, у нее должен быть впечатляющий хвост.

— Мне вроде бы вспоминается, что то же самое говорили насчет Кагоутека.

— А мне вроде бы вспоминается, что утверждавшие это были неправы, хотя и поступили в продажу памятные значки, изображающие как Кагоутек должен точно выглядеть. Понимаете, нет возможности знать заранее. Но по моему мнению, комета Хампера— Брауна будет хорошо видна. И она должна пройти довольно близко к Земле. — Внутри расплывшегося пятна выходящей из системы кометы Шарпс нарисовал точку. — Вот где мы будем. Разумеется, пока комета не пройдет мимо Земли, многого мы не увидим, потому что, чтобы разглядеть ее, нам придется смотреть прямо на Солнце. В таких условиях вести наблюдение трудно. Но когда она минует нас, видно ее будет хорошо. Бывали кометы, хвост которых расползался на полнеба. Их было видно даже днем. В этом столетии больших комет у нас еще не было — припоздились.

— Эй, док, — сказал Марк. — Вы нарисовали Землю прямиком на ее дороге. Мы не столкнемся?

Гарви бросил на Марка взгляд — взгляд, подобный кинжалу. Шарпс рассмеялся:

— Шансов — миллион к одному. Вы сейчас видите Землю в виде точки, нарисованной на доске. А на деле, если б я нарисовал Землю в нужном масштабе, вы бы ее вообще не смогли разглядеть. Как не смогли бы разглядеть ядра кометы. Таким образом, какова вероятность, что две исчезающе малые точки смогут столкнуться? — Он нахмурился, уставясь в доску. — Разумеется, хвост, скорее всего, пройдет там, где будет находиться Земля. Может быть, мы будем оставаться в хвосте несколько недель.

— И к чему это приведет? — спросил Гарви.

— Мы прошли сквозь хвост кометы Галлея, — сказал Марк. — Никакого вреда это не принесло. Только небо довольно ярко светилось и...

На сей раз взгляд Гарви возымел свое действие.

— Ваш приятель прав, — сказал Шарпс.

«Я знаю это». И Гарви спросил:

— Доктор Шарпс, почему Хаммер — Браун так заинтересовала астрономов?

— Дорогой мой, мы можем многое узнать, изучая кометы. Например, как возникла Солнечная система. Кометы старше Земли. Они состоят из изначального вещества. Эта комета, возможно, находилась за орбитой Плутона миллиарды лет. Существующая теория утверждает, что Солнечная система сконденсировалась из газово-пылевого облака, вращающегося в межзвездном пространстве. Большая часть этого вещества была унесена взрывом, когда зажглось Солнце, но некоторое количество осталось, образовав кометы. Мы сможем проанализировать состав хвоста кометы. Именно таким образом мы изучали Кагоутек, и Кагоутек не разочаровал астрономов. Были пущены в ход инструменты и средства, каких мы ранее не имели... «Скайлэб»... Многое было пущено в ход.

— А принесло ли это пользу? — подсказал Гарви.

— Пользу? Результаты были великолепные! И мы снова сможем провести такие же наблюдения! — Шарпс драматически взмахнул руками. Гарви быстро глянул на свою команду. Камера работала, у Мануэля был удовлетворенный взгляд звукотехника, у которого с аппаратурой все в порядке.

— Будет ли послано, когда настанет время, к этой комете что-нибудь вроде «Скайлэба»? — спросил Гарви.

— «Скайлэб»? Нет. Но есть капсула «Аполлона», которую мы сможем использовать. И в нашем распоряжении имеющееся в институте оборудование. Еще есть военные ракеты-носители, пентагоновские игрушки, которые больше никому не нужны. Они бы нам пригодились. Если бы мы запустили их прямо сейчас, можно было бы ни о чем больше не беспокоиться. — Лицо Шарпса помрачнело. — Но нам их не дадут, а ведь с помощью ракет мы бы действительно могли как следует исследовать комету Хамнера — Брауна. Мы бы узнали многое.

Камера и звуковая аппаратура были упакованы, сложены. Телевизионщики в сопровождении все той же провожатой вышли. Гарви задержался, прощаясь с Шарпсом.

— Не хотите ли кофе, Гарви? — спросил Шарпс. — Если вы не очень торопитесь.

— Не откажусь.

Шарпс нажал кнопку на консоли телефона.

— Ларри, пожалуйста, принесите нам кофе. — Обернулся к Гарви и сказал: — Проклятущая ситуация. Вся страна зависит от технологии. Остановись ее колеса на два дня, и нас захлестнут бунты. Нет города, где не витал бы дух революции. Представьте: Лос-Анджелес или Нью-Йорк, лишенные электроэнергии. А то заглянем подальше: остановились заводы, производящие удобрения. Или глянем еще дальше: в течение ближайших десяти лет исчезнет вся современная тех—

нология. Что случится с нашим жизненным уровнем?

— Конечно, мы — это цивилизация, обладающая высокоразвитой техноло...

— Однако... — голос Шарпса был твердым. Он намеревался закончить свою мысль. — Однако проклятые дураки не желают уделить науке и технологии никакого внимания, хоть по десять минут в день. Сколько вообще народу знает, чем они, в конце концов, занимаются? Откуда берутся их ковры? Откуда берется одежда, которую они носят? Для чего нужен карбюратор? Где таятся корни всего нашего изобилия? Вы знаете? А из тех, кто имеет право голосовать, — хоть один из тридцати знает? Они не желают потратить десять минут в день на размышления о технологии, на которой зиждется вся их жизнь. Неудивительно, что ассигнования на научные цели так урезаются, что скоро сойдут на нет. Мы за это поплатимся. В один прекрасный день нам понадобится что-то, что могло быть разработано многими годами раньше — и не было разработано... — Он замолчал. — Скажите, Гарви, будет ли эта телевизионная штука, с которой вы работаете, чем-то значительным? Или это будет обычная мелкота для научной программы?

— Первостепенной, — сказал Гарви. — Это будет серия, посвященная тому, как важно исследовать комету Хампера—Брауна. Между прочим, она будет посвящена и тому, насколько важна наука в целом. Разумеется, я не могу гарантировать, что люди не переключатся на программу «Я люблю Люси».

— Да. О... благодарю вас, Ларри. Ставьте кофе прямо сюда.

Гарви ожидал, что будут принесены чашки и кофеварка. Вместо этого помощник Шарпса внес на инкрустированном подносе поблескивающий термос и кофейный сервиз с серебряными ложечками.

— Не церемоньтесь, Гарви. Это хороший кофе. Мохаджава?

— Точно, — сказал помощник.

— Хорошо. — Шарпс махнул рукой, отпуская Ларри. — Гарв, чем объясняется, что ваша телекомпания вдруг так заинтересовалась кометой?

Гарви пожал плечами.

— На этом настаивает заказчик. Случилось так, что заказчиком является компания «Мыло Кальва», а контролирует компанию Тимоти Хамнер. И случилось так...

Слова Гарви были прерваны взрывом смеха. Тонкое лицо Шарпса весело сморщилось.

— Прекрасно! — Затем он задумчиво поглядел на Гарви. — Серия. Скажите, Гарв, если политик поможет нам с руководством студии... очень поможет... можно ли его участие обыграть в этой серии? Создать вокруг него благоприятную атмосферу? Разрекламировать?

— Конечно. Хамнер бы настаивал на этом. Да и у меня вроде нет возражений...

— Великолепно. — Шарпс поднял свою кофейную чашку. — Ваше здоровье. И спасибо, Гарв. Громадное спасибо. Думаю, в дальнейшем нам придется встречаться достаточно часто.

* * *

Шарпс подождал, пока Гарви Рэнделл не покинет здание. Он сидел неподвижно и тихо, очень тихо, что для него было необычно. И где-то в области желудка у него горело. Это может сработать. Это просто может сработать. Наконец он резким движением включил интерком:

— Ларри, соедините меня с Вашингтоном, с сенатором Артуром Джеллисоном. Пожалуйста.

Потом — нетерпеливое ожидание, пока наконец не загудел телефон.

— Он на связи с вами, — сказал помощник. Шарпс поднял трубку.

— Шарпс. — Снова ожидание, пока секретарша соединяет с сенатором.

— Чарли?

— Я, — сказал Шарпс. — Арт, у меня есть для вас предложение. Вы слышали о комете?

— О комете? А, о комете. Странно, что вы упоминаете об этом. Мне довелось встретиться с парнем, открывшим ее. Оказывается, он щедро вносил деньги в мой фонд. Но прежде я с ним никогда не встречался.

— Хорошо, это важно, — сказал Шарпс. — Случай, выпадающий раз в столетие...

— То же самое говорили насчет Кагоутека...

— Черт с ним, с Кагоутеком! Послушайте, Арт, есть шансы, что мы получим ассигнования на космический зонд?

— Сколько?

— Ну, тут две возможности. Вторая лучше, если нам вообще что-нибудь удастся... Институт может запустить автоматический зонд с записывающей аппаратурой — что-нибудь вроде того, что идет на «Тор-дельта»...

— Нет проблем. На это я вам смогу выделить, — сказал Джеллисон.

— Но вторая возможность лучше. Что нам действительно нужно, так это корабль с экипажем. Скажем, «Аполлон» с двумя людьми на борту. Плюс оборудование — вместо третьего члена экипажа. Арт, эта комета должна пройти близко. С помощью корабля мы сможем получить хорошие фотографии. Не просто фотографии хвоста или оболочки кометы. Есть отличные шансы, что мы сможем сфотографировать ее голову. Вы понимаете, что это значит?

— Не совсем, но раз вы говорите, что это важно... — Джеллисон помолчал мгновение. — Извините. На самом деле я понимаю, но на это шансов нет. Ни единого шанса. Во всяком случае, нельзя рассчитывать на «Аполлон», коль скоро наш бюджет...

— Нет, можно рассчитывать. Я как раз провенти—

лировал этот вопрос с Роквеллом. Задача более рискованная, чем нравится НАСА, но попытаться можно. У нас есть...

— Все это не имеет значения. Я не смогу выделить для этого деньги.

Шарпс нахмурился, глядя на телефон. Тошнотворное жжение в области желудка усиливалось. Артур Джеллисон — его старый друг. И Чарли Шарпсу всегда не по душе шантаж. Но...

—...даже если русские готовят к полету к комете «Союз»?

— Что?! Но они не...

— О, они — да, — сказал Шарпс, а про себя подумал: «Это и не то чтобы ложь, и не то чтобы правда. Просто предвидение...»

— И вы можете доказать это?

— Через несколько дней. Будьте уверены, они собираются взглянуть на Хамнер—Браун с близкого расстояния.

— Я окажусь по уши в дерьме.

— А...

— Вы играете со мной в кошки-мышки, не так ли, Чарли? — требовательно спросил Джеллисон.

— Не совсем так. Поймите, Арт, это важно. И все равно необходимо послать в космос корабль с экипажем, хотя бы для того, чтобы у людей не пропал интерес к космическим полетам. А вы, после того как состоится полет корабля, управляемого людьми...

— Да-а. Но у меня ни шанса добиться этого. — Снова продолжительное молчание. Затем Джеллисон сказал не столько Шарпсу, сколько себе: — Итак, русские готовятся. И несомненно, они многое на этом выиграют.

— Я убежден, что они готовятся.

Снова молчание. Чарли Шарпс почти не дышал.

— О'кей, — сказал Джеллисон. — Я разнюхаю тут, в верхах, и посмотрю, какого рода будет реакция. Но было бы лучше, если бы вы говорили со мной напрямую.

— Сенатор, через неделю у вас будут неопровержимые доказательства.

— Прекрасно. Я попытаюсь их использовать. Есть у вас ко мне еще что-нибудь?

— В данную минуту — нет.

— О'кей. Спасибо за совет, Чарли. — Сенатор положил трубку.

Неожиданный он человек, подумал Шарпс. Он слегка улыбнулся — сам себе. Затем резким движением вновь нажал кнопку интеркома:

— Ларри, соедините меня с Москвой, я хочу поговорить с доктором Сергеем Фадеевым. Да, я знаю, сколько там сейчас времени. Вы просто соедините меня с ним.

* * *

Легенда о Гильгамеше была одним из немногих не связанных друг с другом преданий, которые начали рассказывать люди, расселившиеся по дуге плодородных земель. Это было на Земле, в Азии...

Комета почти не изменилась. Она все еще находилась далеко за пределами гигантского водоворота. Бывший спутник, удравший от своей планеты (позднее его назовут Плутоном) выглядел сейчас, как выглядел бы четвертак, если, держа его за самый край, смотреть с расстояния вытянутой руки. Солнце походило на раздражающе яркую точку. Излучающийся от этой точки жар был все еще меньше, чем жар черного гиганта в момент наибольшего сближения с кометой. Поверхность кометы состояла сейчас в основном из льда. Лед отражал большую часть падающего на комету тепла. И тепло уносилось к звездам.

И шло время.

Климат на Марсе, завершая свой долгий путь, за

шел в тупик: Марс потерял свою воду. По Земле все дальше распространялись люди; они смеялись и сражались. А комета продолжала свое падение. Дыхание солнечного ветра — разогнанные до колоссальных скоростей протоны — обдирало поверхность кометы. Значительная часть водорода и гелия, составляющих ее, улетучилась. Гигантский водоворот становился ближе.

5

Марк Ческу посмотрел на дом и присвистнул. Стиль калифорнийско-позднеанглийской готики. Белые (хотя и небезупречно белые), оштукатуренные стены, по углам — массивные деревянные брусья. Точно, это настоящее дерево. Кое-где, например в Глендейле, построены дома в аналогичном стиле, но там не дерево, а фальшивые полосы из фанеры.

Большой дом, расположенный посредине большого земельного участка. Марк подошел к парадной двери, позвонил. Дверь тотчас распахнулась. Открыл ее юнец с длинными волосами и тоненькими, словно прорисованными карандашом, усиками. Он глянул на берейторские брюки и ботинки Марка, глянул на огромные коричневые чемоданы, поставленные Марком на крыльцо.

— Нам ничего не надо, — сказал он.

— А я ничего и не продаю. Я Марк Ческу из НБС.

— О! Извините. Вы удивились бы, узнав, как часто нас посещают торговцы вразнос. Меня зовут Джордж. Я домашний слуга. — Он поднял один из чемоданов. — Тяжелый.

— Да. — Марк огляделся по сторонам. Картины. Телескоп. Глобусы — Земли, Марса и лунный. Стеклянные статуэтки. Хрустальная посуда. Снаряжение для пеших путешествий. Сама комната будто предназначена для театральных представлений. Перед диваном сто-

ял телевизор.

— Похоже, что какой-то черт нанес сюда этот хлам, — сказал Марк.

— Наверняка так и было. Сюда, ставьте ваш чемодан сюда. В них что-нибудь хитрое?

— Не сказал бы. Вы знаете, что такое видеозвукозаписывающая аппаратура?

— Вообще-то должен бы знать, — сказал Джордж. — Я студент театрального факультета. Лос-Анджелесский университет. Но мы этого еще не проходили. Было бы хорошо, если б вы показали мне, как она работает.

— Невтерпеж? Хотите как можно быстрее израсходовать пленку?

— Не-а. Я сейчас репетирую «Дикую утку». Хорошая роль. А пленку вам израсходует мистер Хамнер.

— Вот ему я и буду показывать.

— В таком случае вам придется подождать. Его еще нет дома. Хотите пива?

— Звучит мило. — Марк проследовал за Джорджем на кухню. Кухня была большая, сверкала хромом и огнеупорной пластмассой. Две сдвоенные раковины для мытья посуды, две газовые плиты. Большая полка, уставленная подносами. Еще полки — книжные и стол, на котором лежали поваренные книги, последние романы Тревиса Макги и книга Станиславского «Актерское обучение». Лишь на романах и учебнике Станиславского виднелись следы того, что эти книги както использовались.

— А мне казалось, что Хамнер скорее подыскал бы себе студента-астронома...

— До меня был студентом-астрономом, — сказал Джордж, доставая пиво. — Они, он и Хамнер, много цапались.

— Ага, Хамнер изничтожил его.

— Нет, он послал его в свои горные владения. Хамнеру по нраву стычки, но только не в том случае, когда он находится у себя дома. Работать у него легко. И еще, в моей комнате стоит цветной телевизор, и я могу

пользоваться бассейном и сауной.

— Трудно поверить. — Марк маленькими глотками попивал пиво. — Похоже, что в этом доме устраиваются веселые вечера.

Джордж рассмеялся:

— Чертовски похоже. Вероятно, эти вечера устраиваются, когда я занят на репетициях. Или эти вечера похожи на сегодняшний.

Марк пристально оглядел Джорджа. Тоненькие усики. Правильное лицо актера. Какого черта, подумал он. Может, Хамнер развратник? Что-нибудь в этом роде?

— О Господи, нет, — сказал Джордж. — Нет, просто он нечасто дает себе разгуляться. Я заприметил его на последнем нашем спектакле с подругой. Милая девушка, из Сиэтла. Хамнер встретился с ней пару раз, и все. Ирен сказала, что, когда они оказались наедине, он был вежлив и вел себя как настоящий джентльмен... а потом он запрыгнул на нее.

— А ей бы следовало от него отпрыгнуть.

— То же самое сказал ей и я, но ей не хотелось отпрыгивать. — Джордж по-петушиному склонил голову набок. — А вот и мистер Хамнер прибыл. Я узнаю его машину.

* * *

Тим Хамнер прошел в боковую дверь и оказался в маленькой, великолепно обставленной комнате. Он подумал, что он дома. Лишь в этой комнате он чувствовал себя как дома, ему здесь было очень удобно, хотя, так или иначе, он использовал все здание. А вообще, Хамнеру не нравился его дом. Дом был куплен за хорошие деньги, и он стоил этих денег. В нем было достаточно места, чтобы Хамнер мог разместить свои коллекции, но на жилище он походил мало.

Хамнер налил себе немного шотландского виски и

опустился в кресло. Ноги он поместил на скамейке для ног. Ему было хорошо, он выполнил свой долг. Он побывал на совещании директоров компании. Он выслушал все доклады. И поздравил президента компании с полученной за последний квартал прибылью. Естественно, Тиму бы хотелось предоставить делать деньги тем, кому это занятие нравится. Но двоюродный брат Тима, поддавшийся той же склонности, потерял все, что имел. Никогда не мешает показать тем, кто управляет твоими делами, что ты заглядываешь им через плечо.

Воспоминание о совещании натолкнуло его на мысль о секретаре компании. До начала совещания она прелюбезно болтала с Тимом, но, когда он предложил ей завтра пообедать вместе, заговорила о переносе свидания на будущее. А возможно, она бы и пришла на свидание. Для этого она достаточно вежлива. Но Тим не согласился. Возможно, подумал он, я мог бы договориться с ней на ближайшую пятницу или на какой-либо день следующей недели. А если бы она отказала, не осталось бы сомнений почему.

Он услышал, как Джордж разговаривает с кем-то и лениво удивился: кто бы это мог быть? До сих пор от Джорджа он не видел никаких беспокойств, никаких неприятностей. Это единственное, что примиряет Тима с его пребыванием в этом доме. Единственное, что устраивает его. А потом он вспомнил. Да это же кто-то из НБС! Принесли отснятые материалы, которые понравились Тиму, но в фильм не вошли. Тим почувствовал приступ энтузиазма и начал переодеваться.

* * *

Около шести явилась Пенелопа Вильсон. Она никогда в жизни не отзывалась на имя Пенни — как бы ни настаивала ее мать. Разглядывающий ее в дверной

глазок Тим Хамнер вдруг вспомнил, что от имени Пенелопа она отказалась тоже. Она предпочитала свое второе имя, но как оно звучало, Тим не помнил.

Наберись смелости. Он широко распахнул дверь и, не скрывая, как это для него мучительно, завопил:

— Быстрее! Как ваше второе имя?

— Джойс. Привет, Тим. Я пришла первой?

— Да. Вы выглядите очень элегантно. — Он помог ей снять пальто. А знакомы они целую вечность; во всяком случае, со школьных лет. Пенелопа Джойс посещала ту же подготовительную школу, что и сестра Тима и с полдюжины его двоюродных сестер. Она была совсем своя. У нее был широкий рот и слишком крупная, квадратная челюсть. А фигура... Лучше всего было бы сказать, что у Пенелопы Джойс была крепкая фигура. Хорошеть она начала, когда поступила в колледж.

Сегодня она действительно выглядела элегантно. Длинные вьющиеся волосы были уложены в сложную прическу. Простого покроя неяркое платье, и сшито оно из ласкающей глаз материи. Тиму захотелось коснуться платья. Он достаточно долго жил вместе со своей сестрой, чтобы понять, сколько труда ушло на пошив такого платья, хотя и малейшего понятия не имел, как это делается.

Ему бы хотелось, чтобы ей здесь понравилось и чтобы одобрение было немедленным. Он ждал, пока она осматривалась в комнате, и удивлялся про себя, почему никогда прежде не приглашал ее сюда. Наконец она перевела взгляд на него. На ее лице — выражение, какого Тим не видел со школьных времен, когда Пенелопа полагала себя непогрешимым судьей во всех вопросах морали.

— Миленькая комната, — одобрительно сказала она. И, разрушая впечатление, хихикнула.

— Очень рад видеть вас. Действительно. Чрезвычайно рад.

— Правда? Мое мнение так важно для вас? — поддразнивая, она скорчила гримасу, памятную еще по

годам детства.

— Да. Через несколько минут здесь соберется вся эта чертова семейка, и большинство из них никогда этого дома не видело. У вас тот же склад мышления, что и у них, так что, если вам нравится, им понравится тоже.

— Гм. Полагаю, вы правы. Так мне и надо.

— Эй! Я вовсе не подразумевал...

Она снова подсменвалась над ним. Он протянул ей стакан со спиртным, они сели.

— Я удивлена, — промурлыкала Пенелопа. — Мы не виделись друг с другом по крайней мере два года. Почему вы пригласили меня на сегодняшний вечер?

Тим частично был готов к подобному вопросу. Пенелопа всегда была прямым человеком. Он решил сказать правду:

— Я размышлял, кого бы мне хотелось видеть здесь сегодня вечером. Это весьма эгоистично, правда? Вечер, посвященный моей комете... И я подумал о Джиле Уотерсе, лучшем ученике моего класса, о моих родных и о вас. А потом я понял, что вспомнил я о тех людях, на которых мне хотелось произвести впечатление. Громадное впечатление.

— На меня?

— На вас.

— Помните наши беседы? А ведь я никогда так и не смог сказать вам, что бы мне хотелось сделать, что я считал главным делом своей жизни. Все мои родичи, все, с кем я рос, — все они либо делают деньги, либо коллекционируют произведения искусства, либо увлечены гоночными автомобилями. Или что-нибудь в этом роде. А что касается меня, мне хотелось одного: наблюдать небо.

Она улыбнулась:

— Я действительно польщена, Тим.

— А вы действительно выглядите очень элегантно. Платье — ваше собственное творение?

— Да. Спасибо.

С ней было легко разговаривать. Тим решил, что это приятное открытие.

И тут зазвонил дверной звонок. Явились остальные приглашенные.

* * *

Вечер получился хороший. Поставщики провизии сделали свою работу как надо, так что с продуктами никаких трудностей не было. И это при том, что Джорджа, который мог бы помочь, не было. Тим обнаружил, что у него хорошее настроение, и расслабился.

Гости слушали.

Они никогда не слушали его так раньше. Они слушали, а Тим рассказывал им, как это происходило: холод, тьма, и так — часами, пока ведется наблюдение, пока изучаешь образованный звездами рисунок, пока ведешь записи. Бесконечные часы сосредоточенного сидения над фотографиями. И все это — без результатов, если не считать радости познания Вселенной. И гости слушали. Слушал даже Грег, который обычно не делал секрета из того, что он думает о богачах, не уделяющих должного внимания своим деньгам.

Здесь, в доме Тима, собрались в основном лишь члены его семьи, но он был радостно возбужден, напряжен, его трясла нервная дрожь. Он увидел, как Барри улыбнулся и покачал головой, и понял, о чем Барри подумал: «На что только люди тратят свою жизнь!» А на самом деле он просто завидует мне, подумал Тим, и эта мысль была восхитительно приятной. Тим глянул на свою сестру, смотрящую на него с неискренним интересом. Джилл всегда могла прочесть его мысли. Она всегда была ему ближе, чем брат Пэт.

Но именно Пэт вышел к бару, показывая, что хочет что-то сказать.

— Сам черт не знает, — сказал Пэт, — что делается в таком доме, как твой, Тим. — Он качнул головой в сторону матери, которая расхаживала по комнате, разглядывая приборы. Как раз в этот момент она зачарованно смотрела на непонятные ей чертежи и таблицы.

— На спор: я знаю, о чем она думает. А ты знаешь?

— Что я знаю?

— Что ты приводишь сюда девочек. Что устраиваешь здесь бардаки.

— Не твое, черт побери, дело.

Пэт пожал плечами.

— Очень плохо. Парень, бывало иногда, когда мне хотелось, чтобы я... но дьявол с этим. Но честное слово, тебе бы уже пора. Ты не бессмертен. Мама права.

— Конечно, — сказал Тим. Какого черта Пэту понадобилось затрагивать эту тему? Об этом будет говорить мать, и раньше, чем пройдет ночь. «Тимми, почему ты все еще не женился?»

Когда-нибудь я ей отвечу, подумал Тим. Когда-нибудь я ей все выскажу. «Потому что каждый раз, когда я встречаю девушку, с которой, как мне кажется, я мог бы прожить всю жизнь, ты заявляешь, что она и плевка не стоит, и девушка исчезает. Вот почему».

— Я хочу есть, — объявила Пенелопа.

— Господи Боже, — Джилл похлопала ее по животу. — Как в тебя столько вмещается? Мне хотелось бы узнать твой секрет. Только не говори, что все дело в покрое твоих платьев. Грег считает, что твои творения нам не по карману.

Пенелопа взяла Тима под руку.

— Пойдемте, вы покажете, где тут у вас воздушная кукуруза. И меня знобит. Дайте мне бокал чего-нибудь.

— Но...

— Для себя они найдут выпивку сами. — Она повела его к кухне. — Пусть они поговорят о вас в ваше отсутствие. От этого их восхищение вами только уси-

лится. В конце концов, главная персона сегодня вы.

— Вы так думаете? — Он заглянул ей в глаза. — Никак не могу понять, когда вы надо мной просто подшучиваете.

— Вот и славно. Где тут у вас масло?

* * *

Фильм был великолепен. Тим понял это, когда увидел, как смотрела фильм его семья. Как они смотрели, увидев его на телевизионном экране.

Камера Рэнделла прошлась по всему миру, показывая наблюдающих за небом астрономов-любителей. «Большинство комет открыто любителями, — сказал Рэнделл. — Широкой публике мало известно, какую неоценимую помощь получают большие обсерватории от этих следящих за небом людей. Разумеется, некоторые любители, в сущности, вовсе и не любители». Кадр сменился. Теперь на экране были Тим Хамнер, показывающий свою горную обсерваторию, и его помощник, Марти, демонстрирующий оборудование. Тим подумал, что этот отрывок слишком короток, но, когда увидел, как смотрит на него вся семья, когда увидел, что они ошеломлены, он понял, что Гарви Рэнделл все сделал правильно. Его родным не хотелось, чтобы этот отрывок сменился так скоро следующим. Всегда нужно делать так, чтобы людям хотелось продолжения — хоть еще немного...

— А некоторые любители, — сказал голос Рэнделла, — в большей степени любители, чем остальные. — Камера быстро переключилась на улыбающегося десятилетнего мальчика, стоявшего рядом с телескопом. Телескоп выглядел внушительно, но вместе с тем было очевидно, что это самоделка. — Гэвин Браун, из Кентервилля, штат Айова. Гэвин, как случилось, что ты

вел наблюдения за кометами как раз в нужный момент и искал в нужном месте?

— Я их не искал. — У Брауна был неприятный голос. И сам он был юн и застенчив, и говорил слишком громко. — Я так отрегулировал и поставил линзы потому, что хотел понаблюдать за Меркурием в дневное время; только, если хочешь найти Меркурий, все нужно сделать и отрегулировать правильно, потому что Меркурий находится очень близко от Солнца и...

— Итак, ты нашел комету Хамнера—Брауна случайно, — сказал Гарви Рэнделл.

Грег Мак Клив рассмеялся. Джилл бросила на своего мужа негодующий взгляд.

— Объясни мне, Гэвин, — сказал Рэнделл, — ты заметил комету много позже мистера Хамнера, но сообщили вы о ней одновременно. То есть твое сообщение последовало почти сразу... Как ты понял, что это была новая комета?

— Это было небесное тело, которого там не было раньше.

— Ты хочешь сказать, что знаешь все небесные тела, принадлежащие к данному участку неба?— спросил Рэнделл. На экране появилась фотография участка, где была обнаружена комета Хамнера—Брауна. Небо было сплошь заполнено звездами.

— Конечно. Разве эти тела известны не всем?

— Ему-то известны, — сказал Тим. — Он пробыл здесь неделю и — клянусь!— мог бы рисовать звездные карты по памяти.

— Он жил здесь?— спросила мать Тима.

— Конечно! В свободной комнате.

— Вот как! — Мать Тима неодобрительно уставилась в телевизор.

— А где сегодня Джордж?— спросила Джилл. — Придет в следующий раз? Мама, тебе известно, что домашний слуга Тима встречается с Линдой Гиллрей?

— Передайте мне воздушную кукурузу, — сказала Пенелопа. — Где сейчас Браун, Тим?

— Вернулся обратно в Айову.

— Из-за этого фильма мыло теперь продается лучше? — спросил Грег, показывая на экран.

— С «Кальвой» все в порядке, — сказал Тим. — По продаже за прошлый год — двадцать шесть и четыре десятых процента...

— Боже, оно расходится лучше, чем я думал, — сказал Грег. — Кто занимается у вас рекламой?

Затем программа возобновилась, хотя о Тиме Хаммере более не упоминалось. Однажды открытая, комета Хаммера — Брауна сделалась достоянием всего мира. Теперь на первом плане красовался Чарльз Шарпс. Он говорил о кометах и о том, как важно изучать Солнце, планеты и звезды. Тим не почувствовал себя разочарованным, но подумал, что остальные почувствовали. Если не считать Пэта, который неотрывно глядел на Шарпса и кивал. Затем Пэт отвел взгляд и сказал:

— Если бы я, как он, еще в молодые годы стал профессором, я, наверное, открыл бы комету самостоятельно. Ты с ним хорошо знаком?

— С Шарпсом? Никогда с ним не встречался. Но знаю его по экрану телевизора, — ответил Тим. — Как и он меня.

Грег подчеркнуто поглядел на свои часы.

— Мне нужно быть у себя на работе в пять утра. Рынок сходит с ума. А после показа этого фильма свихнется окончательно.

— А? — Тим нахмурился. — Это еще почему?

— Кометы, — сказал Грег. — Знамения неба, предвещающие изменения к худшему. Можно только удивляться, как много вкладчиков верит в это, и верит вполне серьезно. Умалчиваю о том чертеже, что нарисовал профессор. Я говорю о чертеже, где комета сталкивается с Землей.

— Но на рисунке этого не было, — запротестовал Пэт.

— Разумеется нет! — сказал Тим. — Разве вы не слышали? Шарпс сказал, что вероятность столкнове-

ния — один к миллиарду.

— Я это понял, — сказал Грег. — А еще он сказал, что иногда кометы сталкиваются с Землей. А эта пройдет близко от нас.

— Но при этом он не подразумевал столкновения, — возразил Тим.

Грег пожал плечами.

— Я знаю, что такое рынок. Утром, как только начнут заключаться сделки, я должен быть у себя в кабинете.

Зазвонил телефон. Тим озадаченно глянул в сторону аппарата.

Прежде чем он успел подняться, Джилл взяла трубку. Она выслушала, что ей говорили, и вид у нее тоже сделался озадаченным.

— Это из информационного отдела твоей компании. Они спрашивают: могут ли они соединить тебя с абонентом, звонок из Нью-Йорка?

— А? — Тим встал, взял трубку. Послушал. На экране телевизора представитель НАСА объяснял, что его организация может послать космический зонд для изучения кометы. Тим положил трубку.

— У вас ошеломленный вид, — сказала Пенелопа.

— А я и вправду ошеломлен. Это звонил один из продюсеров. Они хотят пригласить меня на «Ежевечернее шоу». Вместе с доктором Шарпсом, так что, Пэт, в конце концов, мне суждено познакомиться с ним.

— Каждый вечер я смотрю выступления Джонни, — сказала мать, и в голосе ее звучало восхищение. — Люди, которые получают приглашение на «Ежевечернее шоу», — это большие шишки.

* * *

Фильм Рэнделла заканчивался. Под конец показали сделанные со «Скайлэба» фотографии звезд и Солнца. Заодно твердо заверили, что для изучения кометы

Хамнера — Брауна будет послан пилотируемый корабль с экипажем. Затем пошел коммерческий фильм, и гости Тима начали расходиться. Тим осознал, и не в первый раз, насколько все же они далеки от него. Ему действительно не о чем говорить с главой маклерской фирмы или с человеком, застраивающим город домами, даже если это — его зять или родной брат. Оказывается, они — он и Пенелопа (да, Джойс!) остались в одиночестве. Он смешал себе и ей по коктейлю.

— Ощущение такое, как после неудавшегося спектакля, — сказал Тим.

— «В Бостоне неприятности, и весь город в крестах», — поддразнила Джойс.

Он рассмеялся.

— Ага. Не видел «Вспыхнувшее небо» с... ей-Богу, с тех пор, как вы играли в этой пьесе! И вы правы. Ощущение у меня точно такое.

— Фу.

— Фу?

— Фу. У вас всегда появляются такие мысли, причем без всяких оснований. Сейчас этих оснований нет тоже. Вы можете гордиться, Тим. А что дальше? Откроете еще одну комету?

— Нет, не думаю. — Он выжал в джин с тоником лимон, протянул стакан ей. — Не знаю. Я недостаточно подкован в теории, для того чтобы делать то, чем мне действительно хотелось бы заняться.

— Так займитесь изучением теории.

— Может, займусь. — Он походил кругами по комнате, присел с ней рядом. — Во всяком случае, начну писать исторические книги. Ваше здоровье!

Она подняла свой стакан, словно салютуя, но она не насмехалась над ним.

— Ваше здоровье!

Тим пил мелкими глотками, потягивая.

— Чем бы я ни занялся, все равно буду продолжать наблюдения за этой кометой. Рэнделл хочет сделать еще один фильм... И если дела мои пойдут не слишком

плохо, мы этот фильм сделаем.

— Дела? Ваши дела вызывают у вас беспокойство?

— Вы снова издеваетесь надо мной.

— На этот раз — нет.

— Гм. Ну, прекрасно. Я сделаю еще один фильм. Потому что мне этого хочется. Мы постараемся послать к комете космический корабль. Если удастся эту затею как следует разрекламировать, мы запустим этот корабль. И на борту его будет кто-нибудь вроде Шарпса — кто-нибудь, кто действительно понимает в кометах. Благодарю.

Она положила руку на его руку.

— Не за что. Делайте, что задумали, Тим. Никто из тех, кто присутствовал на сегодняшнем вечере, не сделал и половины того, что им хотелось бы сделать. А вы — вы уже выполнили намеченное на три четверти и без задержек доделываете остальное.

Он глянул на нее и подумал: «Если я женюсь на ней, мама вздохнет с большим облегчением. Она закончила привилегированную женскую школу. Она из породы, знакомой ему по сестре Джилл. Девушки этой породы уезжают потом учиться в колледжи восточных штатов, а каникулы они проводят в Нью-Йорке. Они пренебрегают одними и теми же нормами и правилами. Они не боятся своих матерей. Они прекрасны, и с ними страшно. Тяга к сексу, такая сильная у ребят-подростков, у этих девушек без труда подавляется. И потому их красота становится ослепительной, и когда эта красота сочетается с безграничной самоуверенностью... Девушка, подобная подругам Джилл, это страшно, страшно для парня, который никогда не верил в себя».

Но Джойс не пугала его. Для этого она была недостаточно красива.

Она нахмурилась.

— О чем вы сейчас думаете?

О Господи, нет! Он не может честно ответить на этот вопрос!

— Так, многое вспомнилось.

Вот он остался один на один с Джойс. Нужно ли ему вести себя осмотрительно? Конечно, она осталась после того, как остальные разошлись. Если он сейчас попробует...

Но Тиму не хватило смелости. Вернее, сказал он себе, мне не хватает тепла. Да, она элегантна, но какой смысл ложиться в постель с хрустальной вазой? Он встал, подошел к телевизору.

— Хотите посмотреть еще какую-нибудь передачу?

Какое-то мгновение она колебалась. Внимательно посмотрела на него. Потом с тем же неотрывным вниманием допила свой коктейль, поставила стакан на стол.

— Спасибо, Тим, но пойду-ка я лучше спать. Завтра ко мне придет покупатель.

Уходя, она сохраняла на лице улыбку. Тим подумал, что улыбка эта получилась несколько насильственной. А может, с интересом подумал он, я просто шлепнулся в грязь?

* * *

Гигантский водоворот делался невыносимо тесным. Космические тела всевозможных размеров вращались вокруг друг друга, искривляли пространство, и топология его бесконечно менялась. Планеты и их спутники были изборождены шрамами. Планеты, обладающие атмосферой, такие, как, например Земля и Венера, — усеяны кратерами. Поверхность Марса, Меркурия, Луны сплошь покрыта голыми кольцеобразными стенами и озерами замерзшей магмы...

У кометы был шанс спастись. Гравитационные поля Сатурна и Юпитера могли отправить ее обратно — вышвырнуть комету назад, в холод и тьму. Но для этого Сатурн и Юпитер должны были бы занимать несколько иное положение. И комета продолжала свое

падение, ускоряла его, вскипала.

Вскипала! Скопления летучих химических соединений били струей из тела кометы, выбрасывали клубы ледяных кристаллов и пыли. Теперь комету окружало облако светящегося тумана. Это облако, казалось бы, смогло, как щитом, прикрыть комету от жара — но нет. Наоборот — туман, распространившийся на тысячи миль, перехватывал солнечный свет и отражал его на комету. Жар лился на нее уже со всех сторон.

Жар с поверхности просачивался внутрь головы кометы. И вырывались все новые скопления газа, действующие словно реактивные двигатели космического корабля. Голову кометы бросало то туда, то сюда. Планеты, их спутники, астероиды, воздействовали на нее своим притяжением, когда она проходила мимо, — и тоже сбивали с курса. Заблудившаяся, слепая комета. Умирающая, она пролетела мимо Марса. Ее уже нельзя было разглядеть внутри облака пыли и ледяных кристаллов. И облако это было размерами примерно с Марс.

Телескоп с Земли нащупал ее. Она походила на мерцающую точку — поблизости от того места, где виден Нептун.

6

Фред Лаурен чуть подрегулировал телескоп. Телескоп был большой: четырехдюймовый рефрактор, стоящий на массивной треноге. Квартира стоила Фреду немало, даже слишком много, но она необходима ему, чтобы наблюдать. Обстановку составляли дешевая кровать, несколько подушек, брошенных на пол, и большой телескоп. Всего лишь.

Фред наблюдал за темным окном в четверти мили отсюда. Скоро она должна вернуться домой. Она всегда возвращается в это время. Кто она, чем занимает-

ся? Она одинока. Никто не провожает ее. Внезапная мысль ужаснула Фреда, затем он почувствовал себя совсем худо. А что, если она встречается с мужчиной где-нибудь в другом месте? Они вместе обедают, а потом отправляются к нему на квартиру. Может, как раз сейчас этот мужчина кладет свои грязные лапы на ее грудь. У него, конечно, волосатые грубые руки, как руки слесаря, и вот эти руки скользят вниз, они ласкают, движутся вниз, следуя изгибу гладкого ее живота.

Нет! Она не из таких. Она никому не позволит делать такое с собой. Не позволит.

Но все женщины позволяли и позволяют. Даже его мать. Фред Лаурен содрогнулся. Против воли он вспомнил: ему только девять лет, и он зашел к матери, он хотел попросить ее о чем-то, а она лежала на кровати, и на ней лежал мужчина, которого Фред называл дядей Джеком. Мать стонала и извивалась, а дядя Джек тут же соскочил с кровати.

— Ты, маленький выродок, сейчас я отрежу тебе — черт тебя драл! — яйца! Хочется посмотреть? Уверен, что увидишь нечто очень интересное?! Стой здесь, и если ты скажешь хоть одно слово, я оторву тебе член!

И Фред смотрел. А его мать позволяла этому мужчине делать с ней все что угодно...

Окно зажглось. Она пришла домой! Фред затаил дыхание. Она одна? Одна?

С собой у нее была большая продуктовая сумка, сумку она отнесла на кухню. Сейчас она выпьет свою обычную порцию, подумал Фред. Мне бы хотелось, чтобы она не пила так много... Выглядела она усталой. Он смотрел, как девушка смешивает себе мартини. Кувшин она тоже отнесла на кухню. Фред не стал следить, что она там делает, хотя и мог бы — с помощью телескопа. Он раздражнивал себя ожиданием.

У нее было треугольное лицо с высокими скулами, маленький рот и большие темные глаза. Длинные вьющиеся волосы — крашеные, светлые, волосы внизу живота очень темные. Фред простил ей этот маленький

обман, хотя и был шокирован.

Она вернулась обратно, неся кувшин и чайную ложечку. В магазине подарков, расположенном дальше по улице, продавалась оправленная в серебро ложечка для мартини, и Фред часто останавливался и рассматривал эту игрушку. И пытался совладать с собой, чтобы не купить ложечку для нее. Может быть, тогда бы она пригласила его, пригласила к себе на квартиру. Она не пригласит его, пока он не накупит ей подарков, а он не может этого сделать: ведь он знает, что ей нравится, и она обязательно захочет узнать, откуда он знает об этом. Фред Лаурен подался вперед, чтобы коснуться ее, коснуться сквозь волшебное зеркало телескопа... коснуться лишь мысленно, лишь в своем безнадежном томлении.

Сейчас. Сейчас она сделает это. Чтобы не уставать на работе, она надевает на себя не слишком много. Она работает в банке, и, хотя банкиры разрешают служащим у них девушкам носить брюки и прочие безобразные вещи, которые вошли в моду в нынешние времена, она их не носит. Коллин их не носит. Он знает, как ее зовут. Он хотел положить свои деньги на счет в ее банке, но не посмел. Она одевается хорошо, одевается так, что заслуживает продвижения по службе, и ее повысили: теперь она работает в отделе новых вкладов, а там Фреду не удастся поговорить с ней.

Он гордится тем, что ее повысили, но одновременно ему хотелось бы, чтобы она оставалась работать на старом месте, в справочной, тогда... и он представляет: вот он входит и направляется к ее окошку и...

Она сняла голубое платье и бережно повесила в единственный в ее квартире шкаф. А квартира у нее очень маленькая: всего одна комната и ванна и крошечное помещение для кухни. Спит она на кушетке.

Белье у нее было потрепанное, старое. Фред не раз видел, как по ночам она штопает его. Под комбинацией она обычно носила черные кружевные трусики. Он мог разглядеть их цвет сквозь комбинацию. А иногда она

надевала трусики розовые, с черными полосками.

Скоро она пойдет принимать ванну. Коллин подолгу моется в ванной. За это время Фред успел бы дойти до ее дома и постучать в дверь. И она бы открыла дверь, не одевшись, только закуталась бы в полотенце, а снаружи стоял монтер телефонной компании. А в другой раз так к ней постучал управляющий домом, и Фред знал, что он смог бы сымитировать его голос. Он не раз ходил вслед за управляющим в бар и там слушал, как тот говорит. Она бы открыла дверь...

Но ему не следует этого делать. Он знает, что произойдет, если она откроет ему дверь. Это будет в третий раз. Третье изнасилование. И тогда его запрут с этими мужчинами. С этими нелюдьми. Фред вспомнил, как эти посаженные под замок мужчины именовали его, что они вытворяли с ним. *И он задушенно заскулил, как можно тише, будто она могла услышать его.*

Она надела халат. Обед ее уже разогрелся в духовке. Она села, включила телевизор. Фред переключил его на тот же канал, затем быстро снова приник к телескопу. Теперь он, глядя поверх ее плеча, не только видел экран ее телевизора, но и слышал звук. Будто они смотрят телевизор вместе — она и Фред.

По этому каналу шла передача, посвященная комете.

* * *

Сильные руки мужчины *были длинные, безволосые*, тонкие. Они были сильнее, чем казалось на первый взгляд. Они скользили по телу Маурин — хитрые, опытные руки. «Мурр», — сказала Маурин. Внезапно она притянула мужчину к себе, лежа на боку, изогнулась, обхватила его своими длинными ногами.

Он мягко оттолкнул ее. И продолжал гладить. Он играл ею, как... реактивными двигателями при высадке на Луну. Мысль эта пронзила его мозг. Странная

мысль, неудобная. Его губы скользнули по ее груди, язык коротко и быстро касался кожи. И настало — она растворилась в нем. Сейчас она уже забыла о технике любви. Но он не забыл; он никогда не терял над собой контроля. Он не кончит раньше нее, и она может на это рассчитывать, но сейчас — не время для мыслей, сейчас — лишь волны содрогания, ощущения...

Она очнулась, вернулась из далекого далека.

Они лежали, обнявшись, дышали единым дыханием. Наконец он шевельнулся. Ухватив его за курчавые волосы, она приподняла его лицо вверх. Стоя, он был одного с ней роста: астронавты обычно невысоки. А когда он лежал на ней, его голова оказывалась на уровне ее горла. Она приподнялась, чтобы поцеловать его, и удовлетворенно вздохнула. Но сейчас ее мозг снова работал четко. Мне хотелось бы, чтобы я полюбила его, сказала она себе. А почему бы и не полюбить? Потому что он такой неуязвимый?

— Джонни, ты хоть когда-нибудь отключаешься?

Прежде чем ответить, он поразмышлял.

— Видишь ли, о Джоне Гленне рассказывают такую историю... — Он перекатился, опершись на локоть. — Парни из космической медицины попытались выяснить, при каких нагрузках он продолжает оставаться работоспособным. Они опутали Джона Гленна проводами, идущими к различным приборам: фиксировалось биение сердца, потоотделение и так далее. А он в это время на имитаторе прогонял программу полета «Джемини». В середине программы прямо за спиной Гленна уронили железную чушку на железную плиту. От грохота зазвенела вся комната, где проводился эксперимент. А потом уронили еще раз и еще. Сердце Гленна продолжало тикать все так же, — палец Джонни нарисовал в воздухе индейский вигвам. — Он даже не вздрогнул, ни разу. Он выполнил всю программу и лишь потом сказал: «Сукины вы дети...»

Он смотрел, как она смеялась, а потом немного грустно сказал:

Мы не имеем права на слабость или ошибку. — Он сел. — Если мы не хотим отклоняться от твоей программы, нам пора вставать.

— Да. Наверное, так. Ты вставай первый.

— Ладно. — Он, нагнувшись, поцеловал ее снова и спрыгнул с кровати.

Она услышала, как зашумел душ, и мелькнула было мысль: присоединиться к нему. Но сейчас его это не возбудит. Она сказала то, о чем упоминать не следовало, сейчас он захлестнут воспоминаниями о своей рухнувшей карьере. Рухнувшей не вследствие допущенной им ошибки, а из-за того, что Америка ушла из космоса.

Она обнаружила его халат там, где он оставил его для нее. Предвидение. «Мы не имеем права на слабость или ошибку». Если что-нибудь делаешь — делай вовремя и делай наилучшим образом. Неважно, какое это дело, — ползешь ли ты по потерпевшему катастрофу «Скайлэбу», восстанавливая его (а корабль по-прежнему остается на орбите), или ты занимаешься любовью, — все делается так как надо. И при этом делается без суеты.

Когда они познакомились, Бейкер работал в Комитете космонавтики в Хаустоне и был назначен сопровождающим к сенатору Джеллисону и его свите. У Джонни Бейкера была жена и двое детей подросткового возраста. Он был джентльменом в полном смысле этого слова и, когда сенатору неожиданно пришлось уехать, пригласил Маурин пообедать вместе. И всю неделю, пока сенатор пребывал в Вашингтоне, Джонни составлял ей компанию. Была еще Флорида, прогулки на катере...

Он оставался джентльменом в полном смысле этого слова вплоть до момента, когда они вернулись в мотель за забытым там кошельком, когда оказались там в одной комнате... и по сию пору она так и не знает, — кто же из них кого соблазнил? До сих пор она никогда не спала с женатыми мужчинами. И еще, точно так же

она никогда не спала с мужчинами, если не любила их. Но что там *любовь*! В нем было что-то, против чего Маурин устоять не могла. У него была единственная цель в жизни, и он был способен добиваться ее осуществления, неважно, каким способом.

А она молода и уже побывала раз замужем, и не давала обета блюсти свое целомудрие, — и пошли они к черту, твои навязчивые думы, девочка! Маурин быстренько скатилась с кровати и включила телевизор. Включила так, что телевизор злобно щелкнул, чтобы прервалась цепочка горестных размышлений.

Но ведь я не дрянь.

Вопрос о его разводе решится на следующей неделе, и с этим я ничего не могу поделать. Энн ничего не знает. Пока что Энн ничего не знает. Но может быть, он не собирается разводиться с ней. Если тут виновата я — ладно, но Энн ничего не знает. Мы с ней по-прежнему добрые друзья.

«Он не всегда был таким, — как-то сказала Энн. — До полета он был занят лишь одним: он все время был занят тренировками, а я составляла лишь малую часть его жизни... и все же я была для него хоть чем-то. А потом он получил свой шанс, и все пошло прекрасно, и мой муж стал героем... а у меня вообще не стало мужа».

Энн не понятно случившееся, подумала Маурин. А мне понятно. Дело не в самом полете, дело в том, что это был последний полет, и если ты — Джонни Бейкер, и всю жизнь ты трудился и тренировался, готовясь лишь к одному, а теперь это «одно» уже никогда и никому не нужно...

Единственная цель жизни. Примерно то же у Тима Хамнера. Джонни ведом одной целью, единственной, и, может быть, можно как-то принять, проникнуться этой целью — хоть частично. Ну-ка, разберемся: у Джонни отобрали единственную цель его жизни, а самое важное, что совершила в своей жизни Маурин Джеллисон, была стычка с глупой правительницей Вашингтона...

Эта стычка еще не забылась, далеко не забылась, подумала Маурин.

Аннабелл Коун — человек свободный, неограниченных возможностей и непредсказуемый. Шесть месяцев назад ее беспокоила угроза вымирания одного из видов улиток. Еще через полгода ее, возможно, встревожит угасание артистических традиций среди австралийских аборигенов. А сейчас ее ничто не тревожит: она лишь обвиняет мужчин — сколько их ни есть на белом свете — за все самое плохое, что когда либо случилось. И никто не смеет ей по-настоящему возразить. Никто не смеет. Не имеет значения, на какие мировые проблемы обращают свой взор Аннабелл и ее приспешники.

Однажды ночью Аннабелл связалась с Маурин: понадобилась поддержка ее отца. Тогда-то Маурин и разозлилась. Аннабелл хотела, чтобы Конгресс выделил деньги на исследования по созданию искусственной матки: необходимо освободить женщин от месяцев рабства, на которое их обрекает перестройка тела.

И я сказала ей, подумала Маурин, я сказала ей, что детоношение есть часть сексуального акта, и если она хочет избавиться от беременности, то ей придется отказаться от секса. Я ей так и сказала! А у меня самой ребенка так и не было!

Конечно, папочка может отметать некоторые важные контакты, завязанные его дочерью, но уж с этой проблемой Маурин справится. Через полгода, когда Аннабелл найдет новую причину для беспокойства, у Маурин уже будет достаточно сподвижников, и тогда она через кого-нибудь назначит Аннабелл встречу. Она уже все продумала. Трудность состоит вот в чем: ощущение, будто драка с Аннабелл Коун оказалась наиболее важным делом ее жизни!

— Я налью нам выпить, — воззвал Джонни. — Тебе лучше бы принять душ — передача начнется буквально через минуту.

— Ладно, — отозвалась она. И подумала: «Он? Женатый мужчина? Обеспечить ему другую карьеру?

Дать ему возможность удрать из комитета? Дать ему другой выход, помимо писания мемуаров? Если он постарается, ему по плечу любое дело... Но почему для себя самой она не может отыскать цель жизни?»

* * *

Комната была типично мужской комнатой. Книги, модели боевых самолетов, на которых летал Джонни Бейкер, «Скайлэб» с поломанными крыльями. Большая, вставленная в раму картина, изображающая одетого в раздутый неуклюжий костюм человека в открытом космосе. Человек полз к разрушенному крылу «Скайлэба» — безликая, непривычных форм фигура. Человек не был связан тросом с кораблем, он полз, рискуя погибнуть, если хоть на мгновение потеряет контакт со «Скайлэбом». И это была бы смерть в одиночестве. Под картиной висела медаль НАСА.

Напоминания о прошлом. Не было ни картин, ни фотографий с «Шаттла», запуск которого снова отложен. И не было ничего, напоминающего о Пентагоне, теперешнем месте службы Джонни. Две фотографии детей. (На одной фотографии, на заднем плане — Энн, невысокая, нахмуренная, умная Энн. И глядела она со снимка с грустью и недоумением.)

В поле зрения показалась рука Джонни. Рука взяла было стакан, но он тут же забыл и о стакане и о своей руке. Маурин глядела ему в лицо, а он даже не сознавал, что на него смотрят. Джонни Бейкер видел только экран.

Параболические орбиты, пересекающие стабильные круговые орбиты планет. Старые фотографии комет Галлея, Брукса, Каннигема и других, завершающиеся фотографией расплывшейся точки — кометы Хамнера—Брауна. У человека на экране были большие, по

хожие на глаза насекомого, очки. Человек говорил яростно и напористо:

— О, когда-нибудь столкновение неизбежно. Но вероятно, столкнемся мы не с астероидом. Орбиты астероидов слишком близки к стабильным. Наверняка существовали астероиды, орбиты которых пересекались с орбитой Земли. Но на столкновения с такими астероидами было отведено четыре миллиарда лет, и, очевидно, данные столкновения в основном уже произошли. Они в прошлом, - сказал человек на экране. — Они произошли так давно, что даже от кратеров следа не осталось, они выветрились, если не считать самых больших и недавних. Но взгляните, какие отметины астероиды оставили на Луне! Кометы — другое дело. — Указательный палец лектора провел вдоль нарисованной мелом параболы. — За орбитой Плутона находятся определенные скопления вещества. Может быть, там еще не обнаруженная нами планета... Мы даже придумали для нее имя. Персефона. В общем, какая-то масса возмущает орбиты вращающихся там громадных снеговых скоплений, и они, в шлейфе кипящих химических соединений, сваливаются прямо на наши головы. Ни одно из этих скоплений не может столкнуться с Землей, пока не пройдет насквозь почти всю нашу Солнечную систему. Но когда-нибудь столкновение случится. Мы будем знать об этом заранее — примерно за год. Возможно, в нашем распоряжении будет и больше времени, если нам удастся узнать достаточно много при изучении Хампера—Брауна.

Затем аскетического вида девушка заявила, что никак не могла выйти замуж: женихи, стоило им посетить ее дом, тут же исчезали. А потом ей сказали, что изобретено новое дезинфицирующее средство для мойки унитазов «Мыло Кальва»... и Джонни Бейкер с улыбкой вернулся на грешную землю.

— Он четко гнет свою линию, не так ли?

— Работает он хорошо. Я тебе говорила, что знакома с человеком, с которого все началось? Я имею в

виду Тима Хамнера. Познакомились с ним на том же вечере, где был и Гарви Рэнделл. Хамнер — это не просто. Маньяк. Он как раз перед этим открыл свою комету, и не мог выждать ни секунды, чтобы не поведать о ней кому угодно.

Джонни Бейкер маленькими глотками потягивал из стакана. Затем, после долгой паузы, сказал:

— По Пентагону ходят странные слухи.

— То есть?

— Звонил Гус. Из Дагуни. Похоже, с «Аполлона» снова счищают ржавчину. И при этом что-то вякают о том, что титановый стартовый двигатель «большой птицы» будет заменен чем-то другим. Тебе что-нибудь известно?

Она такими же маленькими глотками допила свое спиртное. И ощутила, что ее охватила волна печали. Теперь она знала, почему вчера звонили Джонни Бейкеру. Провести шесть недель в Пентагоне, шесть недель в Вашингтоне, не пытаясь повидаться с ней, а затем...

И я собиралась удивить его. Удивить его приятным подарком.

— Папа пытается заставить Конгресс ассигновать деньги на посылку экспедиции к комете, — сказала Маурин.

— Это правда? — спросил Джонни.

— Это правда.

— Но... — Его руки тряслись. А ведь его руки никогда не тряслись. Джонни Бейкер водил истребители над Ханоем, и совершаемые им маневры были всегда безупречны. Он не оставлял МИГ ни одного шанса. А однажды, когда не было времени вызвать врача, Джонни собственными руками выколупывал осколки из тела командира своего экипажа. Один осколок застрял в груди командира, и Бейкер вытащил его, ухитрившись не затронуть артерию, и твердыми как сталь пальцами зажимал рану. А командир пронзительно кричал, и все поле заполнил глухой гул пушек, и руки Джонни ни

разу не дрогнули.

Но сейчас эти руки тряслись.

— Конгресс не даст денег.

— Может быть, даст. Русские планируют посылку такой экспедиции. Нельзя позволить им перегнать нас, — сказала Маурин. — Чтобы сохранить мир, мы обязаны показать, что у нас еще есть воля к соревнованию, в какой бы области им ни захотелось обыграть нас. И если мы вступаем в соревнование, то выигрываем.

— Да. Меня бы меньше беспокоило, вступи мы в соревнование с марсианами. Мне скоро надо уходить. Пора. — Он отпил из стакана. Руки его вновь сделались твердыми.

Маурин зачарованным взглядом смотрела на него. Он приказал рукам перестать трястись, потому что у него появилась цель. И я знаю, какая это цель: я. С моей помощью попасть на этот корабль. Минуту назад, может быть, он действительно любил меня. Сейчас — нет.

— Извини, — сказал он внезапно. — Мы не много времени провели вместе, но... это я прошу сделать тебя. Наведи здесь порядок. Моя голова сейчас занята только одним. — Он сделал большой глоток размешанного со льдом виски.

Глаза его вновь вернулись к экрану. А Маурин осталось только удивляться: какое богатое у нее воображение. И куда, кстати, делось добродушие Джонни Бейкера?

Рекламная вставка закончилась. Камера переключилась на Институт реактивного движения.

* * *

Ведя почтовый автомобиль одной рукой, Гарри Ньюкомб торопливо дожевывал последний бутерброд. Начальство выделяло ему время на обеденный пере-

рыв, но Гарри никогда не тратил его на еду. Это время он тратил на что-нибудь более полезное.

День уже клонился к вечеру, когда Гарри добрался до «Ранчо Серебряной долины». Как обычно, у ворот он затормозил. Здесь место, где открывается просвет между холмами и можно видеть все великолепие тянущейся к востоку Хай Сьерры. На вершинах гор блестел снег. К западу предгорья были выше, над ними светило солнце. Наконец Гарри вылез из машины, чтобы открыть ворота. На приколоченный к столбу за воротами почтовый ящик он не соизволил обратить внимания.

По дороге он остановился, чтобы насобирать себе гранатов. Гранатовая роща началась с одного дерева, и с тех пор, без всякого ухода, сама собой разрослась вдоль идущего к реке склона холма. Гарри увидел, насколько увеличилась роща за те полгода, что его здесь не было. Ему стало ясно, что гранатовые деревья будут захватывать все новые участки вниз по холму. Но там репейник. Кто кого сможет заглушить? Кто кого — Гарри и понятия не имел. Он был городским парнем.

Гарри был экс-городским парнем. Ха-ха-ха! И он будет счастлив, если больше никогда не увидит города.

Он ухмыльнулся, взвалил груз на плечо и, согнувшись, пошел к входной двери. Позвонил. Скинул сумку с плеча наземь.

Еле слышное завывание пылесоса стихло. Миссис Кокс открыла дверь и улыбнулась, увидев раздувшуюся сумку у ног Гарри.

— Снова к нам? Добрый день, Гарри!

— Ага. С праздником, миссис Кокс! С Праздником почтового хлама!

— И вас с этим праздником, Гарри. Кофе?

— Не, не задерживайте меня. Не соблазняйте меня.

— Свежезаваренный кофе. С только что испеченными булочками.

— Ну, ладно... Этому я противиться не могу. —

Гарри полез в маленькую сумку, висевшую у него на боку. — Письмо от вашей сестры, из Идаго. И еще письмо от сенатора. — Он передал ей письма, затем снова взвалил большую сумку на плечо, пошатываясь, вошел в дом. — Куда?

— На обеденном столе все поместится.

Гарри вывалил содержимое сумки на полированный стол. Казалось, что стол сделан из одного куска дерева, и на вид ему было лет пятьдесят. Таких столов больше не делают. Если такова мебель в жилище домоправительницы, то какова же она в большом доме на вершине холма?

Почтовые отправления покрыли полированный стол: просьбы о пожертвованиях от благотворительных организаций, письма от различных политических партий, письма из колледжей. Призывы участвовать во всяческих лотереях. Для участия в лотереях нужно купить: граммофонные пластинки, ткани, книги. А можно и просто оформить подписку на журнал. *«Вы можете выиграть! Добавочные сто долларов в неделю!»* Религиозные трактаты. Политические лекции. Брошюры по налоговой политике. Образчики мыла, зубной пасты, моющих средств, дезодорантов.

Алис Кокс внесла кофе. Ей было только одиннадцать, но ее уже смело можно назвать прекрасной. Длинные светлые волосы. Голубые глаза. Доверчивая девочка, в этом Гарри убедился, когда в свободное от служебных обязанностей время присматривался к ней. Но она вправе быть доверчивой: никто здесь не обидит ее. В автомобилях большинства мужчин, живущих в Серебряной долине, покачиваются в ременных петлях винтовки. И эти мужчины преотлично знают, как следует поступать со всяким, кто вздумает обидеть одиннадцатилетнюю девочку.

И это, в частности, тоже нравилось Гарри (ему многое нравилось в Серебряной долине). Нравилась не угроза насилия, ибо Гарри ненавидел насилие. Нет, ему нравилось, что это была лишь угроза. Винтовки вытас-

кивались из своих петель только для охоты на кабанов (необязательно в охотничий сезон, закон нарушался, если жителям ранчо хотелось свежего мяса или если кабаны вытаптывали посевы).

Миссис Кокс внесла булочки. Когда Гарри игнорировал правила и доставлял почту прямо на дом, его очень часто пытались угостить кофе или едой. Кофе у миссис Кокс не самый лучший, но уж чашки, безусловно, прекраснейшие во всей долине: тонкий китайский фарфор. Такая чашка, пожалуй, слишком хороша для почтальона-полухиппи. В первый раз, когда Гарри посетил этот дом, он, стоя в дверях, выпил воды из оловянной кружки. А теперь он сидит за превосходной работы столом и пьет кофе из китайского фарфора. Добавочная причина радоваться тому, что он уже не «городской парень».

Он торопливо допил кофе. На свете существует еще одна девочка-блондинка, но ей уже больше одиннадцати, и в ее доме тоже отмечаются праздники. Она дома. Для Гарри Донна Адамс всегда дома.

— Почта здесь в основном для сенатора, — сказал Гарри.

— Да. Но он сейчас в Вашингтоне, — ответила миссис Кокс.

— Но он скоро вернется, — медленно пропищала Алис.

— Хотелось бы, чтобы он там не задерживался, — сказала миссис Кокс. — Это очень мило, когда сенатор находится здесь. Тогда нас все время посещают люди: одни уходят, другие приходят. Очень важные люди. В «большом доме» оставался на ночь сам президент. В тот раз была большая суматоха: все ранчо было заполнено людьми из секретной службы. — Она засмеялась, и Алис тоже захихикала. Гарри посмотрел на них, не понимая. — Как будто кто-нибудь в этой долине мог покуситься на президента Соединенных Штатов, — пояснила миссис Кокс.

— А вот я думаю, что ваш сенатор Джеллисон —

просто миф, — сказал Гарри. — Я развожу почту по этому маршруту уже восемь месяцев и еще ни разу не видел его.

Миссис Кокс внимательно оглядела Гарри с ног до головы. Внешне вполне милый паренек, но миссис Адамс утверждает, что ее дочь уделяет ему чрезмерно много внимания. Волосы у Гарри длинные, вьющиеся темными волнами, такие волосы хорошо бы подошли девушке. Еще у него очень красивая бородка. А усы — настоящее произведение искусства. Наверное, Гарри их завивает и чем-то умащивает: длинные усы его на концах закручивались маленькими колечками.

Он может отращивать свои волосы сколько угодно, подумала миссис Кокс, но он такой тощий и маленький. Он не такой крупный, как, например, я. И в который раз удивилась: что только нашла в нем Донна Адамс? Может быть, причина в машине. У Гарри спортивный автомобиль, а все местные парни, подобно их отцам, водят пикапы.

— Возможно, вы очень скоро повстречаетесь с сенатором, — сказала миссис Кокс.

Ее слова (хотя Гарри об этом даже не подозревал) служили знаком чрезвычайного благоволения: миссис Кокс весьма заботило, кто именно встречается с сенатором.

Алис принялась рыться в возвышающейся на столе груде разноцветных конвертов:

— Как их на этот раз много. Тут за сколько времени?

— За две недели, — сказал Гарри.

— Ну, спасибо вам, Гарри, — сказала миссис Кокс.

— И от меня спасибо, — добавила Алис. — Если б вы их не доставили непосредственно на дом, тащить все это, наверное, пришлось бы мне.

Гарри вернулся к автомобилю. Поехал дальше вдоль длинной улицы. Снова остановился, чтобы полюбоваться Хай Сьеррой. И поехал к другому ранчо — добираться туда еще добрых полмили. Сенатор — владелец

обширного поместья, хотя немалая часть его земли представляет собой лишь пустоши, усеянные норками сусликов.

Возле ворот (ворота эти принадлежали Джорджу Кристоферу) росла апельсиновая роща, и творилось там что-то невообразимое. Вероятно, Кристофер окуривает деревья, решил Гарри. Гарри открыл ворота, и Кристофер тяжелой походкой направился ему навстречу. Кристофер был толст — ростом с Гарри, зато раза в три объемистее. И шея у него была толстая. Он был лыс (и лысина загорелая), хотя ему вряд ли было много за тридцать. На нем была клетчатая фланелевая рубаха, темного цвета брюки и заляпанные грязью ботинки.

Гарри вылез из автомобиля, вытащил сумку и поставил рядом с собой.

— Снова Праздник почтового хлама, Гарри? — Кристофер оглядел длинные волосы и экстравагантно оформленную бородку почтальона и нахмурился.

Гарри в ответ оскалил зубы в улыбке:

— Ага. Праздник почтового хлама. Через каждые две недели — как часы. Я занесу это в дом.

— Вы не обязаны этого делать.

— А мне нравится это делать.

Здесь не было миссис Кристофер, но у Джорджа была сестра, примерно того же возраста, что и Алис Кокс, и она любила поболтать с Гарри. Очень красивая маленькая девочка, с которой приятно беседовать. И всегда у нее полно новостей о том, что делается в долине.

— Отлично. Не забудьте о собаке.

— Будьте уверены. — Гарри не боялся собак.

— Весьма интересно, что вкладывает в вашу голову наша рекламная индустрия? — спросил Кристофер.

— А я устрою с ними обмен: тоже засыплю их. Вопросами, — сказал Гарри. — Почему правительство снижает им налоги, так что у них появляется все больше возможностей отнимать у нас попусту время? И

почему не снижает ваши налоги?

Кристофер перестал хмуриться. Он уже почти улыбался.

— Задайте им эти вопросы, Гарри. На этом свете стоит сражаться только за безнадежные дела. А дело налогоплательщика, считай, теперь почти безнадежное. Я закрою за вами ворота.

* * *

Конец дня. Работа закончена. Гарри зашел в сортировочную — она расположена в заднем конце здания почты. К столу Гарри была приколота кнопкой записка.

«Гар... в смысле Волосатик! Волчище желает тебя видеть. Джина XXX».

Джина стояла у длинного стола, где сортировали письма. Она высокая, черноволосая, широкая в кости, держится очень прямо. Единственная брюнетка, насколько известно Гарри, на всю долину. Гарри подмигнул ей, затем постучал в дверь управляющего.

Когда он вошел, мистер Волк холодно уставился на него.

— Поздравляю вас с Праздником почтового хлама, Гарри, — сказал наконец мистер Волк.

Гарри улыбнулся:

— Спасибо. И вас с Праздником почтового хлама, сэр.

— Не смешно, Гарри. Зачем вы это делаете? Для чего вы отбираете коммерческую почту и храните ее, чтобы разом развезти ее в один день... через каждые две недели?

Гарри пожал плечами. Он мог бы дать объяснение: сортировка того, что он называл «почтовым хламом», занимала так много времени, что не оставалось ника-

кой возможности поболтать с клиентами. Вот поэтому он и начал сваливать «хлам» в одну кучу. Все началось именно таким образом, но адресатам эта шутка понравилась.

— Всем это нравится, — извиняющимся тоном сказал Гарри. — Люди могут прочесть сразу все, или просто отправить одним махом всю кучу в камин.

— Это незаконно — препятствовать работе государственной почты, — сказал Волк.

— Если кто-либо возражает, я вычеркну его из списка празднующих День почтового хлама, — сказал Гарри. — Но мне кажется, что моим клиентам этот праздник очень по нраву.

— Но не миссис Адамс, — сказал Волк.

— А!.. — Очень плохо. Не будет Праздника почтового хлама, и у Гарри не будет предлога заходить в дом Адамсов и беседовать с Донной.

— Вам придется доставлять коммерческую почту так, как это предписывают правила, — заявил Волк. — По мере ее поступления. Не надо накапливать ее. Праздник хлама должен быть отменен.

— Хорошо, сэр. Какие еще изволите дать указания?

— Сбрейте свою бороду. Постригите короче волосы.

Гарри помотал головой. Он знал, что на этот счет гласят правила. Волк вздохнул.

— Гарри, вы просто не понимаете, что это такое — быть почтальоном.

* * *

Кабинет у Эйлин Сюзан Ханкок маленький, тесный, но все же — кабинет. Не один год она проработала, прежде чем получила свой собственный кабинет.

Раньше у нее был только стол. Кабинет доказывал, что она — нечто большее, чем просто секретарша.

Она работала, нажимая на кнопки калькулятора, хмурилась. Потом от внезапно мелькнувшей мысли рассмеялась. А мгновением позже поняла, что в дверях стоит Джо Корриган.

Корриган шагнул в кабинет. Верхняя пуговица на брюках у него опять была не застегнута — и всем это видно. Его жена не разрешает ему покупать брюки большего размера. Она не оставляет надежды, что он еще похудеет. Корриган засунул большие пальцы за пояс и уставился на Эйлин насмешливым взглядом.

Эйлин оборвала смех. Снова принялась считать на калькуляторе, и теперь она даже не улыбалась.

— О'кей, — сказал Корриган. — Как идут дела со штамповочной линией?

Эйлин взглянула на него расширившимися глазами:

— Что? О, нет. Пока я ничего вам сказать не могу.

— Думаете, если заморочите мне голову, так захватите контроль над компанией? Так? Линия не работает. Я это проверил. — Корригану нравилось наблюдать за ней, нравились подобные сцены. Эйлин относилась к породе людей «все или ничего». Либо она была очень серьезной и полностью погружена в работу, либо веселилась от всей души. — О'кей, — вздохнул Корриган. — Выдам вам один секрет. Вам предстоит повышение. Дело в том, что Робин Джестон подписал контракт.

— Вот как? Это хорошо.

— Ага. И отсюда следует, что нам придется труднее. А облегчить нам может... в общем, в качестве первого шага вы назначаетесь помощником генерального директора. Если вам по душе эта работа.

— О, она мне по душе. Спасибо. — Улыбка осветила ее лицо: такая короткая вспышка, словно молния, гаснущая прежде, чем успеваешь заметить ее. И Эйлин снова нагнулась к калькулятору.

— Я знаю, что вам она по душе. Поэтому я и повысил вас. И уже вызвал рабочих оборудовать для вас новый кабинет. Я им сказал, что, когда они закончат подготовительные работы, пусть проконсультируются с вами. — Корриган уселся всей своей тушей на край стола. — Итак. У меня был для вас секрет. Сюрприз. А в чем заключается секрет вашего смеха.

— Я забыла, — сказала Эйлин. — Зато я закончила работу над теми сметами, так что можете захватить их и отнести Бакерсфильду.

— О'кей, — сказал Корриган.

И, разбитый наголову, отправился в свой кабинет.

Если б он знал, подумала Эйлин. Ей захотелось рассмеяться, но она сдержалась. Нет, правда, ей не хотелось бы дразнить Корригана. И она подумала: что ж, я сделала это. А Робин — прелесть. Он не лучший в мире любовник, да он на это и не претендует. Вот как он намекнул ей о повторном свидании: «Любовникам нужна практика, — вот что он сказал. — Во второй раз всегда получается лучше, чем в первый».

Данный вопрос остался открытым. Может быть, да, может быть, она переспит с ним еще раз, но скорее всего, нет. Он без обиняков сказал ей, что он женат. До сих пор она это только подозревала.

Никогда у нее не возникало и намека на мысль, что ее личная жизнь может как-то повлиять на жизнь деловую. Но он подписал контракт с Корригановской компанией сантехнического оборудования, а это очень большая сделка. И теперь она ощущала себя очень странно. И хотелось понять, отнеслась бы она с таким безразличием к выявленному семейному статусу Робина, не ожидай она, что он заключит контракт. А он подписал.

И вот она сидит здесь, складывает цифры, перекладывает бумаги, и внезапно она спросила себя: какое значение имеет ее работа для дела водоснабжения и канализации? Я не произвожу труб. Я их не прокладываю. Я вообще не имею дела с трубами, я даже не указываю другим, где следует прокладывать эти тру-

бы. Все, что я делаю, — это перекладываю бумаги.

И это немаловажная работа. Она упорядочивает хаос. Эйлин может ошибиться. Это может быть оплошностью, а может быть преднамеренной ошибкой. От мельчайшего прикосновения ее пера тысячи тонн материалов и оборудования будут посланы с одного конца земли не другой. Но к творчеству ее работа не имеет никакого отношения. Работа у Эйлин ничуть не более творческая, чем у тех, кто двигает вперед цивилизацию или занимается взысканием налогов... или, скажем, у кочегара на дизельном поезде.

Мистер Корриган, вероятно, весь день будет ломать голову, чем был вызван внезапный взрыв ее смеха, и невозможно объяснить ему причину этого хохота. Просто смех овладел ею, неожиданный и непреодолимый: то, чем она занималась позапрошлой ночью с Робином Джестоном, было больше, чем что-либо иное в ее жизни, связано — непосредственно связано! — с делом водоснабжения и канализации.

* * *

О том, что автомобиль украден, узнают еще не скоро. Несколько часов, во всяком случае, есть — в этом Алим Нассор был совершенно уверен. Настолько уверен, что мог бы просидеть в этом автомобиле еще хоть десять добавочных минут. Раньше Алим Нассор был великим человеком, его звали Джордж Вашингтон Карвер Дэвис. Его мать очень гордилась этим именем. Она рассказывала, что остальные члены семьи хотели назвать его иначе: Джефферсоном Девисом, дурачье — это было бы неудачное имя, в нем не чувствовалось силы. Потом у Алима Нассора было множество иных имен — уличные клички. Матери эти имена не нравились. Когда она выгнала, наконец, его, он принял свое

теперешнее имя.

В арабском и суахили Алим Нассор означает Мудрый завоеватель. Немногие знают смысл его имени, — так и что из того? Это имя пропитано силой. В «Алиме Нассоре» несравнимо больше силы, чем в «Джордже Вашингтоне Карвере». Об Алиме Нассоре писали газеты. Он запросто заходил в здание городского муниципалитета — заходил, чтобы посмотреть, что там делается. Он получил на это право после того, как прекратил бунты. В туфлях, украшенных бритвенными лезвиями, и с цепью, обмотанной вокруг талии. И были деньги; деньги, которые можно было грести лопатой. Деньги государства. Все что угодно, лишь бы в черном гетто вновь стало спокойно. Это была чертовски хорошая игра... а закончилась она весьма скверно.

Он тихо выругался. Мэр Бентли Аллен. Черный мэр Лос-Анджелеса — этот чертов дядя Том перекрыл все каналы, все возможности. И этот глупый черный конгрессмен, сукин сын, которому все было мало... Нет, он, эта задница, внес всех своих родственников в платежную ведомость города. Всех до единого, что и обнаружил тот траханный репортер телевидения. В наши дни честный человек, занявшийся политикой, должен иметь незапятнанную, безупречно белую репутацию....

Ладно, та игра закончилась, и нужно было начинать снова. Он и начал. Одиннадцать дел, и каждое сработано превосходно. Они принесли... что? Добыча составила за четыре года четверть миллиона долларов. А скупщики краденого выдали за нее лишь менее ста тысяч. Значит, каждый из них заработал за четыре года только двадцать тысяч. Это даже нельзя назвать заработком! Подумать только: часть денег ушла на подкуп служителей закона. Но даже без этого, — пять тысяч за год?

Это дело будет тринадцатым. Оно не займет много времени. Сейчас в кассе магазина должны быть деньги. Много денег. Алим ждал, он всегда точно чувствовал время. Из дверей вышли двое покупателей. На

улице больше никого не было. Ему не нравилось то, чем он вынужден сейчас заниматься. Ему не по душе проливать кровь. Он постарался вбить в головы своих сподвижников, что, хоть раньше игра и была хорошая, продолжи он ее, и ему пришлось бы оставить их, своих братьев в одиночестве. Неизвестно, что думают братья о нем сейчас. Но он загнан в угол, и действовать ему приходится быстро.

Все подготовлено, он берег этот вариант на крайний случай, и вот он — мать его так и этак! — крайний случай. Служители закона, вероятно, сразу припишут это дело ему, но юристам и сыщикам хочется кушать именно сейчас, а не когда-нибудь в будущем. Идиотизм — грабить магазин, чтобы иметь возможность заплатить лягавым за то, чтобы они не преследовали его за ограбление магазина. Ничего, когда-нибудь положение дел изменится. Он, Алим Нассор, сделает так, чтобы положение дел изменилось.

Почти время. Две минуты назад один из его братьев добровольно отдался в руки полиции, нарушив уличное движение в четырнадцати кварталах отсюда. Значит, один свинячий патрульный автомобиль не в счет. Двадцать минут назад другой брат чуть пострелял, и сестра сообщила об этом в полицию. Туда был послан второй автомобиль. А их — полицейских автомашин — всего две. Районы, где живут черные, патрулируются не так тщательно, как те, где живут богатеи. Черные меньше полагаются на полицию. А может, просто не знают, как нужно подлизаться к муниципалитету.

Иногда ему приходилось использовать до четырех способов отвлечения внимания полиции одновременно. Лучше всего организовывать уличные пробки. Для этого только нужно дать ребятне на молочишко, и они затевают игры посреди улиц. Алим Нассор был прирожденным лидером и попадал под арест только в юности, если не считать того случая, когда навстречу попался вышедший из прачечной самообслуживания лягавый... А ведь он был не на дежурстве: он, этот негр-полицей-

ский, просто зашел в прачечную... Кто бы мог подумать, что этот брат был лягавым? По сию пору непонятно, почему он, Алим, не выстрелил. Он просто заскочил в переулок и избавился там от пистолета, маски и сумки: пусть заботу о них примут те, кто служит закону. Конечно, доказательством его вины могли бы послужить показания ограбленного лавочника, но существовали способы объяснить ему, что показаний давать не следует...

Пора. Алим вылез из автомобиля. Маска походила на лицо. С расстояния десяти шагов никто вообще не понял бы, что это маска. Через пять минут после того, как дело окажется сделанным, плащ и маска будут выброшены. Мысли Алима сконцентрировались на одном, сейчас для него не существовало ни прошлого, ни будущего. Он перешел перекресток. На улице — никаких раззяв-пешеходов, ничего привлекающего внимание. Магазин пуст.

Все прошло отлично. Никаких затруднений. Деньги уже были в кармане, и Алим шел к выходу, когда в магазин вошел брат.

Этого человека Алим знал не один год. Что понадобилось ублюдку в этой части города? Никто из Бойле-Хайтс не должен находиться здесь — за Уоттсом! А, дерьмо... Брат узнал его. Может, по походке, может, еще как-нибудь, но узнал.

На то чтобы все осознать и взвесить, ушла одна секунда. Алим развернулся, прицелился и выстрелил. Второй выстрел — для верности. Глаза старика, владельца магазина, расширились от ужаса, и Алим выстрелил еще три раза подряд. Одним ограблением больше, одним меньше — это ничего не меняет, но, когда происходит убийство, лягаши начинают копать изо всех сил. Лучше не оставлять свидетелей. Но на этот раз вышло скверно.

Быстрыми шагами он вышел наружу, но не к украденной автомашине, стоящей на той стороне улицы. Торопливо прошел полквартала, свернул в переулок,

прошел его и оказался на параллельной улице. Руки у него тряслись — отзвук единственной в своем роде, сохранившейся с древнейших времен дрожи. Человек стал человеком, когда начал использовать дубину. А огнестрельное оружие есть та же дубина, только усовершенствованная. Примерься, сожми кулак, и, если враг достаточно близко, — ударь! Ударь или выстрели. Так, чтобы враг лег трупом. Сила! Власть! Хотя Алим знал и таких, кого скрутило бы от подобной мудрости.

Брат Алима (сын его матери, а не просто брат по крови) ждал его в машине. Чистой машине, ничем не запятнанной в глазах закона. Поехали на нужной скорости, достаточно быстро, чтобы не привлекать внимания, и достаточно медленно, чтобы не влететь в аварию.

— Пришлось убрать двоих, — сказал Алим.

Гарольд вздрогнул, но голос его звучал ровно:

— Плохо. Кто они были?

— Никто. Так, мелочь.

7

Разместились в Зеленом зале. Двое прислужников и на удивление миленькая распорядительница наполняли стаканы, как только они пустели. Именно поэтому Тим Хамнер выпил больше, чем обычно. Кстати, подумал он, я богаче Арнольда. Во всех смыслах богаче. Арнольд — писатель, книги которого расходятся мгновенно, и Арнольд никогда не беседовал на темы, не имеющие отношения к его книгам. Когда Тим сказал ему, что Хамнер—Браун уже видна невооруженным глазом, Арнольд не понял, о чем идет речь. Когда Тим объяснил ему, Арнольд возжелал встретиться с Брауном.

Один из прислужников подал знак, и Тим встал на расползающихся ногах. Похоже, недавно лестница была не такая крутая. Но он все-таки добрался. Как раз вовремя, чтобы услышать окончание профессионально гладкого монолога Джонни и звуки аплодисментов слушателей.

Джонни был в отличной форме, сейчас он обменивался шутками с остальными гостями. Тим вспомнил, что Шарпс из ИРД выступал с лекцией, посвященной кометам (сам видел по телевизору). И что Джонни, похоже, обладает немалыми познаниями в области астрономии. Выделялась еще одна гостья: величественная престарелая дама. Ее огромная грудь была усыпана драгоценностями. Двадцать лет назад она обогатила английский язык новым выражением. Дама все время прерывала остальных, отпуская шуточки. И шутки ее были до невозможности плоскими: дама была совершенно пьяна. Тим вспомнил, что зовут ее Мэри Джейн и что никто больше не упоминает ее сценический псевдоним. Учитывая ее возраст и вес, это было бы попросту неприлично.

Тима пронизал мгновенный ужас — ужас, знакомый каждому, кому приходилось выступать перед аудиторией. А потом Джонни обернулся к нему и спросил:

— Как вам удалось открыть комету? Жаль, что этого не сделал я, — произнес он с очень серьезным видом.

— Вам бы не хватило на это времени, — сказал Тим. — Для этого нужны годы, иногда десятилетия, и нет никакой гарантии, что удастся сделать открытие. Приобретаешь телескоп и начинаешь наблюдать с его помощью небо, запоминаешь расположение звезд и прочих небесных тел... а затем проводишь в наблюдениях каждую ночь и ничего нового не видишь, а зад у тебя обморожен. В горной обсерватории холодно.

Мэри Джейн что-то сказала. Джонни насторожился, но постарался не показать этого. Звукооператор (на голове — наушники телефонов) махнул ему рукой.

— Вам нравится быть владельцем кометы? — спро-

сил Джонни.

— Половины кометы, — автоматически сказал Тим, — нравится.

— Ему недолго оставаться ее владельцем, — сказал доктор Шарпс.

— А? Как это? — повысил голос Тим.

— Владеть ею будут русские, — сказал Шарпс. — Они посылают «Союз», чтобы провести наблюдения за кометой с близкого расстояния. Когда они это сделают, комета будет принадлежать им.

Это было ужасно.

— Но разве мы ничего не можем сделать? — спросил Тим.

— Конечно, можем. Мы можем запустить «Аполлон» или какой-либо более современный корабль. Мы можем загрузить этот корабль оборудованием, которое пока что ржавеет без пользы. Мы даже уже провели подготовительные работы. Но деньги кончились.

— Но что вы предприняли, — спросил Джонни, — если бы у вас были деньги?

— Мы могли бы провести наблюдение прохождения Земли через хвост. Позор, что американцы больше не интересуются вопросами технологии. Самое большее, что нас заботит — сколько проработает без ремонта электронож из набора инструментов для вырезания. Вы когда-либо задумывались, в какой степени мы зависим от вещей, в которых никто из нас не разбирается? — Шарпс драматическим жестом обвел рукой всю студию телевидения.

Джонни начал было что-то говорить: о домохозяйке, для которой работа с домашним компьютером превратилась в хобби, но раздумал. Люди, приглашенные на студию, слушали. Царила не нарушаемая никем тишина, — с давних времен Джонни научился расценивать такую тишину как знак уважительного внимания. Люди хотели слушать Шарпса. Может быть, сегодня у телевизионщиков будет удача, будет снят один из тех фильмов, которые показывают снова и снова, приуро-

чивая к воскресеньям и разным датам...

— Я не говорю, например, о телевидении, — сказал Шарпс. — Вот стол. Верх у него пластмассовый. Что такое пластмасса? Кто-нибудь из вас знает, как ее делают? Или как делают карандаши? Еще меньше, намного меньше, мы знаем о производстве пенициллина. Вся наша жизнь зависит от этих и многих других вещей. И никто из нас не знает, как их делают. Или знают очень мало. В том числе и я.

— Я никогда не понимала, как застегиваются застежки бюстгальтера, — сказал Мэри Джейн.

Джонни подпрыгнул. Постарался вернуть общее внимание к Шарпсу.

— Но скажите мне, Чарли, что полезного может дать изучение этой кометы? Как это изменит нашу жизнь?

Шарпс пожал плечами:

— Может, и никак. Вы спрашиваете, что полезного может дать новое исследование. Все, что я могу ответить: такие исследования всегда оправдывают себя, хотя, может быть, и не тем путем, как предполагалось заранее. Кто предполагал, что программа космических исследований приведет к созданию — ни много, ни мало! — новой медицинской технологии? Но именно так и случилось. Спасена жизнь тысячам людей, потому что была изобретена новая аппаратура. Специально для астронавтов. Джонни, вы когда-нибудь слышали о Римском клубе?

Джонни что-то слышал, но остальные нуждались в пояснении.

— Это люди, которые, в частности, проиграли на компьютере следующую ситуацию: как долго мы сможем двигаться по пути прогресса при выявленном уровне природных ресурсов? И даже если принять во внимание, что прирост населения равен нулю...

— Они утверждают, что мы приближаемся к концу, — перебил Шарпс. — И что это глупо. Мы идем к концу только потому, что нам не позволяют по-настоя-

щему использовать технологию. Они утверждают, что запасы металлов истощаются. Между тем в одном маленьком астероиде содержится больше металла, чем было добыто во всем мире за последние пять лет! Кстати: насчитываются сотни тысяч астероидов! Все, что нам нужно сделать, это добраться до них.

— А мы можем это сделать?

— Еще бы! Мы способны на это даже с имеющейся уже технологией. Джонни, о космосе можно сказать так: вот вкусный суп, а мы даже не знаем, в какой кастрюле этот суп варится.

Публика, собравшаяся на студии телевидения, зааплодировала. Зааплодировала без всякой команды на то помощников режиссера.

Джонни одобрительно улыбнулся Шарпсу и быстро прикинул, как будет дальше развиваться программа. Но в это время раздался громкий звуковой сигнал: пора показывать фильм-рекламу, восхваляющий «Мыло Кальва».

После показа рекламы программа продолжалась. Когда Шарпс продолжил свое выступление, речь его стала еще более динамичной. Он размахивал тонкими, костлявыми руками, — руки крутились, словно крылья ветряной мельницы. И о том, какое громадное количество энергии изливается на нас с Солнца каждый день. И о том, какими виделись солнечные вспышки команде «Скайлэба».

— Джонни, самая маленькая вспышка обладала достаточной энергией, чтобы уничтожить вся нашу цивилизацию! Да так, что эта цивилизация не могла бы после этого возродиться на протяжении сотен лет! А идиоты еще что-то толкуют насчет рока!

Тим Хамнер оказался в стороне, Джонни нужно было вовлечь его в разговор. Хамнер сидел, кивал: очевидно, ему доставляла удовольствие речь Шарпса. Джонни осторожно навел ученого снова на разговор о комете, затем углядел возможность:

— Чарли, вы сказали, что русские намерены прове-

сти наблюдение кометы Хамнера—Брауна с близкого расстояния. Что значит «с близкого расстояния»?

— С весьма близкого. Земля определенно пройдет сквозь хвост кометы. Я уже объяснял, почему сейчас невозможно сказать, как близко от нас окажется ее голова... но она будет очень близко. Если повезет, она окажется не дальше Луны.

— Я бы не сказала, что это «повезет», — вставила Мэри Джейн.

— Тим, это ваша комета, — сказал Джонни. — Может ли Молот-Браун действительно столкнуться с нами?*

— Она называется Хамнер—Браун, — поправил Тим.

— О, — Джонни рассмеялся. — Как я сказал? Молот? Ну, если она ударит в нас, то и будет молот. Не так ли?

— Вам виднее, — сказал Чарли Шарпс.

— Но если столкновение произойдет, то что тогда будет? — спросил Джонни.

— Что ж, найдено достаточно следов, оставленных метеоритами, — сказал Тим. — Метеоритный кратер в Аризоне достигает почти мили в диаметре. Водоворот в Южной Африке так велик, что увидеть его можно только с самолета.

— И это еще маленькие кратеры, — добавил Шарпс. Взоры всех присутствующих обратились к нему. Шарпс ухмыльнулся. — Вы никогда не обращали внимания на то, что Гудзонов залив имеет округлую форму? И Японское море тоже.

— Это следы столкновения с метеоритами? — спросил Джонни. И сам ужаснулся своей догадке.

— Многие ученые полагают, что да. И еще, когда-то поверхность Луны была расколота вследствие столкновения с каким-то большим небесным телом... Четверть поверхности Луны покрыта так называемым оке-

* Хамнер — фамилия. Хаммер (англ.) — молот.

аном, который представляет собой лавовое море. Лава выделилась из раскола, появившегося вследствие столкновения с большим астероидом.

— Разумеется, мы не знаем, к чему может привести столкновение с кометой Хамнера — Брауна, — сказал Тим.

— Может быть, когда-то мы это выясним, — заявила Мэри Джейн. — И лучше до того, как с чем-нибудь столкнемся. Как, например, с этой кометой.

— А вот это лишь вопрос времени, — сказал Шарпс. — Дайте достаточно продолжительный период, и вероятность столкновения с кометой превратится в достоверность. Но не думаю, что именно Хамнер — Браун должна вызывать у нас беспокойство.

* * *

Генри Армитаж был телевизионным проповедником. Прежде он выступал по радио, но потом один из слушателей, обращенных им в истинную веру, завещал ему десять миллионов долларов. Теперь Армитаж владел собственным журналом. Кроме того, он был владельцем телевизионных программ, показывавшихся в доброй сотне городов, и редакции. Редакция размещалась в тщательно спланированном комплексе зданий, построенных в Пасадене. Комплекс также принадлежал Армитажу.

Если вернуться к проповеднической деятельности, то Генри Армитаж много писал для своего журнала. Помимо этого, он постоянно принимал участие в работе редакции. И ему казалось, что в сутках слишком мало часов. Он специализировался на трудностях, переживаемых этим миром. Он знал, что они означают — они предвещали наступление веселых времен.

«И ученики спросили Учителя: «Скажи нам, когда

все это исполнится? И что будет предвещать пришествие твое и наступление конца света?»

«И Иисус ответил и сказал им: «Будьте осторожны и постарайтесь, чтобы никто не смог обмануть вас. Ибо многие будут приходить во имя мое и будут говорить: «Я — Христос», и многие будут обмануты ими».

Генри как-то видел полицейское извещение (Инье-Кантри, штат Калифорния). Заголовок гласил: «Чарльз Мэнсон, называющий себя также Иисусом Христом, Богом».

«И вы услышите разговоры о войне и услышите грохот войны. И пусть это не пугает вас, ибо все это преходяще и не означает еще конца света. Но народ поднимется против народа, и царство против царства, и в разных местах земли будет голод, и будут болезни, и будут землетрясения».

Евангелие от Матфея было излюбленным евангелием Генри. И это было самое любимое его произведение во всей Библии. Разве не наступили времена, предсказанные Христом? Знаки их наступления видны по всему миру.

Он сидит за столом. Дорогостоящий стол. Телевизора не видно: его скрывает панель, отодвигающаяся, если нажать кнопку. Долгий путь отделяет Генри от маленькой, в одну комнату, церкви в городе Идаго — там он начинал. В тридцатых годах. Церковь была сооружена из дерева и всегда чисто вымыта. А теперь... Показная роскошь иногда вызывала беспокойство Генри. Но богатые жертвователи настаивали на роскоши. Их не интересовало, что Генри и его жена предпочли бы более простую обстановку.

Генри писал передовицу, но вдохновения он не чувствовал. Давая себе урок смирения, он включил телевизор. Показывали какое-то интервью. Урок заключается в том, чтобы, видя пустоту и легкомыслие тех, кто кривляется сейчас на экране, не начать ненавидеть их. А это тяжело. Очень тяжело.

Что-то привлекло его внимание. Камера показыва-

ла высокого тощего мужчину в спортивной, в «елочку», куртке — мужчина размахивал руками. Генри понравилась его техника выступления: из него получился бы хороший проповедник. Нужно сконцентрироваться на самом себе (человек в куртке так и делал), и тогда сказанное дойдет до слушателей.

Мужчина говорил о комете. Комета. Знак, подаваемый небесами? Генри знал, что такое кометы. Но то, что они принадлежат к миру естественного, еще не означает, что их появление не предвещает чуда. Генри приходилось видеть многих людей, исцеленных молитвами, а доктора после того, как все свершилось, попытались, так сказать, объяснить сверхъестественное.

Комета. Комета, которая пройдет очень близко от Земли. Может быть, это и есть последний, окончательный знак? Он подвинул к себе желтый разлинованный лист и начал писать — печатными буквами, крупно и неряшливо. Писал, попеременно хватая любой из дюжины карандашей, лежавших перед ним. Он уже исписал три листа, когда наконец понял, каким должен быть заголовок, и тогда вернулся к первой странице.

Через две недели его журнал будут читать в полумиллионе домов, разбросанных по всему свету. А поперек обложки журнала огненно-красными огромными буквами будет выведен заголовок статьи:

МОЛОТ БОЖИЙ

И для телевизионной программы этот текст тоже будет очень хорош. Генри писал неистово, чувствуя почти то же самое, что он ощущал сорок лет назад, когда впервые начал по-настоящему понимать Матфея, главу 24. Когда понес свое знание в мир, не желающий ни о чем заботиться мир.

Молот Божий призван покарать этот своенравный, катящийся к упадку мир. Генри писал — безостановочно, яростно.

8

Макси с Тимом Хамнером подъехало к ИРД одновременно с вездеходом Гарви. Гарви выругался, глядя, как Тим дал водителю двадцатку и взмахом руки отослал его прочь. Но когда увидел, что Тим направился к нему, тут же заулыбался самым умильным образом.

Вид у Хамнера был глуповато-покорный.

— Понимаете, Гарви, я обещал, что не буду вмешиваться... и не вмешивался. Но на том интервью я встретился с Шарпсом.

— Да, я видел, — сказал Гарви. — Шарпс был великолепен.

— Конечно, он был великолепен, — подтвердил Тим. — И мне захотелось снова встретиться с ним. Я позвонил в ИРД, и мне сказали, что вы подъедете сюда, чтобы взять интервью. Гарви, давайте пойдем вместе.

Гарви охватил гнев, но к заказчику следует относиться уважительно.

— Конечно.

Чарлин, сопровождающая, уже ждала Гарви, и не выразила никаких чувств, обнаружив в составе команды телевизионщиков неприглашенного Тима Хамнера. Кабинет Шарпса выглядел так же, как раньше. На столе громоздились книги. Вместо перфокарт IBM была расстелена большая диаграмма. Состав исполнителей изменился, подумал Гарви, но пьеса идет та же самая.

— Вона как, — Шарпс задрал бровь, увидев входящего Хамнера. — Чтобы все держать под контролем, заказчик решил сопровождать вас? Гарви, надеюсь, вы не отнимете у меня много времени? Мне скоро нужно будет отправиться по лабораториям.

Гарви расставил свою команду. Чарли уселся за стол. Марк сновал туда-сюда, работая со светоэкспонометром. Оказалось, что он весьма хорошо исполняет свою работу, и продержался он на ней дольше, чем ожидал

Гарви. Если он еще на ней продержится, значит, Гарви ошибался в Марке.

— Нас интересует космический корабль, — сказал Гарви. — Будет ли он действительно запущен?

Шарпс широко улыбнулся:

— Похоже, дела обстоят хорошо. Благодаря сенатору Артуру Джеллисону. Помните наш разговор на эту тему?

— Помню.

— Да, он — молодец. Я был бы рад, если б вы создали ему хорошую рекламу.

Гарви кивнул. Подал знак своей команде.

— Давайте начнем.

— Начали, — сказал Мануэль. Чарли встал за камерой. Марк с рамкой в руках выступил вперед:

— Интервью с Шарпсом, проба первая!

Клак!

— Доктор Шарпс, — сказал Гарви, — некоторые критикуют предложение послать «Аполлон» для изучения кометы. Утверждают, что это будет слишком опасно.

Шарпс замахал рукой отрицательно.

— Опасно? Все, что придется делать, уже делалось в предшествующих полетах. У нас есть зарекомендовавший себя стартовый двигатель и надежная капсула. У нас не столько месяцев на подготовку, как хотелось бы НАСА, но — поспрошайте-ка людей, которым придется лететь к комете. Спросите астронавтов: считают ли они, что полет окажется слишком опасным?

— Надо ли так понимать, что состав экипажа уже определен?

— Нет... но у нас сорок добровольцев! — Шарпс послал улыбку прямо в камеру.

Гарви продолжал задавать вопросы. Поговорили о приборах, которыми будет оснащен «Аполлон». Многие из этих приборов были созданы сотрудниками ИРД и Калифорнийского технологического института.

— Студенты и инженеры работали сверхурочно,

причем без платы, — сказал Шарпс. — Работали, просто чтобы помочь нам.

— Бесплатно работали? — переспросил Гарви.

— Бесплатно. Они выполняли ту работу, которую должны были делать для нас согласно контрактам, но, кроме того, решили, что для исследования кометы можно поработать и сверхурочно. Сверхурочно и бесплатно.

Такое вызовет у зрителей интерес, подумал Гарви. И сделал отметку в памяти: надо будет проинтервьюировать кого-нибудь из инженеров. Может быть, разыщется и дворник, согласившийся сверхурочно поработать для кометы.

— Похоже, что вам не удастся разместить в ракете достаточное количество оборудования, — сказал Гарви.

— Что же, действительно не удастся, — согласился Шарпс. — Нам не удастся впихнуть в нее все, что хотелось. Но что значит «достаточное количество»? Мы сможем разместить в ней столько аппаратуры, чтобы узнать много.

— Хорошо. Доктор Шарпс, насколько я понимаю, вы уточнили орбиту, по которой движется Хамнер—Браун. И получили новые фотографии этой кометы.

— Фотографии сделаны Хэйльской обсерваторией. Мы рассчитали орбиту. Мы можем с уверенностью сказать, что Хамнер—Браун — большая комета. У нее самое большое ядро, когда-либо зарегистрированное для комет, находящихся на таком расстоянии от Солнца. Это означает, что в снежном коме остались большие вкрапления льда. Эта комета окажется очень близко от нас. Сперва она пройдет на средней дистанции, и мы сможем увидеть ее великолепный хвост. Затем она очутится внутри орбиты Венеры, и большая часть ее испарится. Хвост ее еще будет виден какое-то время. Хотел бы пояснить: будет виден невооруженным глазом. После этого она окажется слишком близко к Солнцу, и с Земли ее не будет видно, но, разумеется, команда «Аполл-

лона», вышедшего в космос, сможет провести полезные наблюдения. Мы же не увидим комету снова вплоть до того момента, когда она на обратном пути пройдет совсем рядом с Землей. Хвост ее раскинется на все небо. Готов биться об заклад, что он будет виден даже в дневное время.

Марк Ческу присвистнул. Мануэль не прореагировал, и Гарви понял, что свист не попал в запись. А вообще у Гарви было ощущение, что это он сам свистнул.

Дверь кабинета открылась. Вошел невысокий, полноватый, незапоминающейся внешности человек. Лет ему было около тридцати. У него была аккуратно подстриженная черная борода, а на носу — очки с толстыми стеклами. На нем была пендлетоновская зеленая шерстяная рубаха, оба кармана которой ощетинились ручками и карандашами всевозможных цветов и оттенков. К поясу был прицеплен карманный компьютер.

— Ох... извините, я не думал, что у вас гости, — извиняющимся голосом сказал он и попятился.

— Нет, нет. Останьтесь и послушайте, о чем здесь идет речь, — сказал Шарпс. — Позвольте мне представить вам доктора Дана Форрестера. То, чем он занимается, называется программированием. Его ученая степень звучит следующим образом: доктор философских наук, отрасль — астрономия. Но мы обычно именуем его нашим гением и ангелом-хранителем.

— Так одет, и, изволите ли видеть, гений, — за спиной Гарви пробормотал Марк.

Гарви кивнул. У него мелькнула та же самая мысль.

— Работа Дана в значительной мере способствовала уточнению орбиты Хамнера—Брауна. Сейчас он работает над поисками оптимального соотношения для «Аполлона»... имеется в виду соотношение между максимально возможным количеством потребляемых запасов...

— Потребляемых запасов? — спросил Гарви.

— Это пища, вода, воздух. И запасы эти тоже обла-

дают массой. Полезный груз корабля не может иметь бесконечную массу. Поэтому нам приходится жертвовать одним ради другого. Взять меньше потребляемых запасов, чтобы вывести в космос больше аппаратуры. Но от количества потребляемых запасов зависит время, которое «Аполлон» сможет провести в космосе. Таким образом, сейчас Дан работает над следующей проблемой: что лучше — стартовать раньше, смирившись с тем, что на борту будет меньше научной аппаратуры, то есть продлить срок пребывания в космосе, но получить меньше информации, или...

— Не информации, — извиняющимся тоном сказал Форрестер. — Извините за то, что вмешиваюсь.

— Нет, поясните нам, что вы имеете в виду, — попросил Гарви.

— Мы стараемся максимизировать информацию, — сказал Форрестер. — Таким образом, проблема состоит в следующем: как будет получено больше информации — больше данных за более короткий период или меньше данных за более долгий период?

— Аґа. — Гарви кивнул. — Так что вы выяснили насчет Хамнера — Брауна? Чему будет равняться самое короткое расстояние, отделяющее комету от Земли?

— Нулю, — без малейшего признака улыбки сказал Форрестер.

— Э-э... вы имеете в виду, что она свалится прямо нам на голову?

— Сомневаюсь в этом, — теперь Форрестер улыбнулся. — Ноль в пределах достоверности предсказания. Что означает ошибку измерения в добрых полмиллиона миль.

Гарви почувствовал облегчение. То же ощутили, как он заметил, все находящиеся в кабинете, включая Чарлин. Предыдущая фраза Форрестера была воспринята вполне всерьез. Гарви повернулся к Шарпсу:

— Скажите, что случится, если комета столкнется с Землей? Предположим, что нам не повезет.

— Вы имеете в виду ее голову? Или ядро? Потому

что похоже, что мы действительно можем пройти сквозь ее внешний слой. Который никак не плотнее обычного газа.

— Нет, я имею в виду голову. Что произойдет в этом случае? Конец света?

— О, нет. Ничего подобного. Вероятно, это будет означать конец цивилизации.

На мгновение в кабинете воцарилась жуткая тишина. Нет, не на мгновение — она длилась.

— Но, — наконец сказал Гарви, и в голосе его звучало удивление, — доктор Шарпс, вы сказали мне, что комета — и даже ее голова — представляет собой нечто вроде кома снежной пены с вкраплениями каменных образований. Да и эта пена, этот снег — всего лишь замерзшие газы. В таком случае комета не кажется мне опасной. — И подумал: на самом деле я задал этот вопрос, чтобы ответ был записан на ленту.

— Несколько голов, — сказал Дан Форрестер. — Похоже, что должно быть именно так. Думаю, что комета уже начала распадаться. И если этот процесс начался, он будет продолжаться и дальше. Вероятно. Скорее всего.

— Так тогда опасность тем более уменьшается, — сказал Гарви.

Шарпс не слушал его. Он поднял глаза к потолку.

— Уже распадается?

Улыбка Форрестера стала шире.

— Весьма вероятно.

Затем он снова обратил внимание на Гарви.

— Вы спрашиваете, опасно ли столкновение, — сказал он. — Давайте рассмотрим этот вопрос. Итак, имеется несколько тел, состоящих в основном из одних и тех же веществ, которые, вскипая, образуют внешнюю оболочку и хвост, то есть из мелкой пыли, из образовавших подобие пены замерзших газов (пустоты образовались там, где прежде были по-настоящему летучие или непостоянные химические соединения, от которых уже и следа не осталось). Может быть, имеются там и

сравнительно небольшие каменные вкрапления. Ага!..

Рэнделл недоумевающе взглянул на Форрестера.

Форрестер ангельски улыбнулся:

— Вот, вероятно, почему комета уже сейчас так ярко светится. Некоторые из составляющих ее газов вступили в химическое взаимодействие. Подумайте, какое зрелище нам предстоит, когда эти газы по-настоящему вскипят при прохождении кометы вблизи Солнца! Еще бы!

Шарпс, которого осенила та же мысль, прикрыл глаза.

— Доктор Шарпс... — сказал быстро Гарви.

— О... Да, конечно, что произойдет, если столкновение состоится? Столкновение, которого на самом деле не будет... Что ж, если ядро большое и движется оно с большой скоростью, — это опасно. При столкновении выделится громадное количество энергии.

— Опасно из-за каменных включений? — спросил Гарви. Камни — это было доступно его пониманию. — Они большие, эти каменные включения?

— Не очень, — сказал Форрестер. — Но это лишь теория...

— Вот именно, — Шарпс снова осознал, что на него смотрит камера. — И вот почему нам необходимо послать исследовательский корабль. Мы не знаем. Но полагаю, что каменные вкрапления невелики — размером от бейсбольного мяча до маленького холма.

Гарви почувствовал облегчение. Не может быть, чтобы это оказалось опасным. Маленький холм?

— Но разумеется, это не имеет значения, — сказал Шарпс. — Камни вкраплены в замерзшие газы и водяной лед. То есть удар будет нанесен, как если бы с Землей столкнулось несколько твердых небесных тел, а не скопление небольших обломков.

Гарви помолчал, обдумывая услышанное. Будущий фильм придется тщательно редактировать.

— Мне, тем не менее, не кажется, что это опасно. Даже железно-никелевые метеориты обычно сгорают

задолго до того, как успевают достигнуть земной поверхности. Это факт: за всю историю человечества документально зафиксирован всего лишь один случай, когда падение метеорита принесло кому-либо вред.

— Конечно. Вы имеете в виду ту женщину из Алабамы, — сказал Форрестер. — Благодаря этому случаю ее фотография была опубликована в «Лайфе». На фотографии был отчетливо виден синяк — самый большой синяк, какой я когда-либо видел. Кажется, все это вылилось в судебный процесс? Хозяйка квартиры, где жила эта женщина, утверждала, что метеорит принадлежит ей — поскольку свой путь он закончил в подвале принадлежащего ей дома.

— Послушайте, — сказал Гарви. — Хамнер—Браун влетит в атмосферу с большей скоростью, чем обычный метеорит, и состоит она из льда. Значит, и сгореть она должна быстрее, не так ли?

Оба ученых одновременно отрицательно замотали головами: одна голова с тонким лицом, украшенная похожими на глаза насекомого очками, вторая голова — снизу густая растрепанная борода, а сверху очки в массивной оправе. А от противоположной стены точно так же головой замотал Марк.

— Метеориты сгорают быстрее, — сказал Шарпс. — Когда падающее тело достигает определенного размера, уже не имеет значения, обладает Земля атмосферой или нет.

— Для нас — имеет значение, — похоронным голосом добавил Форрестер.

Шарпс осекся на секунду, потом рассмеялся. Очень вежливо рассмеялся. Гарви подумал, что этот смех звучит искусственно. Шарпс постарался рассмеяться так, чтобы не обидеть Форрестера.

— Вот что нам нужно: хорошая аналогия. Гм... — Лоб Шарпса пошел морщинами.

— Ванильное мороженое с фруктами, — сказал Форрестер.

— А?

В бороде Форрестера прорезалась широкая улыбка.

— Кубическая миля мороженого с фруктами. Обладающая притом кометной скоростью.

Глаза Шарпса вспыхнули:

— Отлично! Итак, предположим, что Земля столкнется с порцией ванильного мороженого с фруктами. Объем мороженого — одна кубическая миля.

Господи Боже, они свихнулись, подумал Гарви. Оба ученых кинулись, обгоняя друг друга, к доске. Шарпс начал рисовать:

— О'кей. Ванильное мороженое с фруктами. Давайте рассмотрим: в середине замороженный ванильный крем, поверх которого кладется слой мороженого...

За его спиной раздался какой-то придушенный звук. Шарпс этот звук проигнорировал. Во время всего интервью Тим Хамнер не вымолвил ни слова. А теперь он корчился, пытаясь сдержаться и не разразиться хохотом. Он закатил глаза, задыхаясь, осилил себя, придав лицу серьезное выражение:

— Я не могу с этим согласиться... — И закричал — крик его напоминал рев осла: — Моя комета! Кубическая миля... ванильного... моро... женого!..

— Имеющего слой воздушного крема в качестве оболочки, — усилил его смятение Форрестер. — Этот слой крема испарится, когда Молот обогнет Солнце.

— Она называется Хамнер—Браун, — поправил Тим, страдальчески вытягивая лицо. — Это Хамнер—Браун.

— Нет, дитя мое, это кубическая миля ванильного мороженого с фруктами. И находящийся под внешней оболочкой слой мороженого по-прежнему находится в замороженном состоянии, — сказал Шарпс.

— Но вы забыли... — начал Гарви.

— На один полюс этой порции мороженого мы положим вишенку и примем, что в перигелии этот полюс окажется в тени. — Шарпс нарисовал вишенку. Рису-

нок демонстрировал, что, когда комета обогнет Солнце, вишенка, расположенная по оси сфероида, окажется в противоположной от него стороне. — Не надо, чтобы эта ягодка была подпалена Солнцем. И давайте сверху посыплем толчеными орехами. Это будут каменные вкрапления... Вишня у нас, предположим, диаметром в двести футов...

— Она доставлена самолетом канадских военно-воздушных сил, — сказал Марк.

— Стэн Фреберг! Верно! — Форрестер расхохотался. — Тсс... Бух! Посмотрим, как эта сцена будет выглядеть на экранах телевизоров!

— Значит, так. Комета огибает Солнце, таща за собой светящийся хвост пены (этот слой мороженого оказался недоброкачественным и испарился). Затем она летит к Земле, намереваясь вцепиться нам в глотку... Дан, какова плотность ванильного мороженого?

Форрестер пожал плечами:

— Она непостоянна. Ну, скажем, две трети.

— Ладно. Ноль, запятая, шесть, шесть и так далее... — Шарпс выхватил из стола карманный калькулятор и принялся неистово нажимать кнопки. — Ох, и нравятся мне эти штуки. С использованием плавающей запятой. Никогда заранее не угадаешь, где эта запятая окажется.

— Итак, предположим, кубическая миля. Пять тысяч двести восемьдесят футов, чтобы перевести в дюймы, умножим на двенадцать и, переводя в сантиметры, умножим на два, запятая, пятьдесят четыре, получается куб... Таким образом имеем два, запятая, семьсот семьдесят шесть, умноженное на десять в пятнадцатой степени кубических сантиметров ванильного мороженого. Чтобы его съесть, понадобится немало времени. Далее — плотность... И — извольте — примерно два умножить на десять в пятнадцатой степени граммов. Два миллиарда тонн. Теперь — если учесть поверхностный слой крема... — Шарпс перестал жать на кнопки.

Доволен, как нажравшийся обжора, подумал Гарви. Весьма многоречивый обжора, в распоряжении которого имеется последней модели карманное чудо счетной техники.

— Как вы полагаете, чему равна плотность крема? — спросил Шарпс.

— Предположим, ноль, запятая, девять, — сказал Форрестер.

— Вам никогда не приходилось готовить крем? — спросила Чарлин. — В воде он тонет. Попробуйте для пробы опустить его в чашку с холодной водой. Готовя крем, моя мать всегда так делала.

— Тогда, предположим, один, запятая, два, — сказал Форрестер.

— Еще миллиард с половиной тонн на крем, — сказал Шарпс.

За его спиной Хамнер издал еще более странный звук, чем раньше.

— Полагаю, что каменные включения мы можем не принимать во внимание, — сказал Шарпс. — Теперь вы понимаете почему?

— Господи Боже, да, — ответил Гарви. Глянул на работающую камеру. — Э... Да, доктор Шарпс, конечно, нет никакого смысла принимать во внимание каменные включения.

— Надеюсь, вы не собираетесь показывать все это на экране? — негодующе заорал Тим Хамнер.

— Вы запрещаете? — спросил Гарви.

— Нет... нет... — Хамнер скорчился в припадке смеха.

— Далее. Скорость у кометы, как и полагается, кометная. Огромная скорость. Глянем теперь, какова параболическая скорость Земли, Дан?

— Двадцать девять и семь десятых километра в секунду. Умноженное на корень квадратный из двух.

— Сорок два километра в секунду, — сообщил Шарпс. — И нужно еще учесть орбитальную скорость Земли. Все зависит от геометрии столкновения. Если

мы, например, возьмем скорость в пятьдесят километров в секунду, это будет достаточно близко к истине?

— Вполне, — сказал Форрестер. — У метеоритов скорость от двадцати до, пожалуй, семидесяти. Вполне.

— Ладно. Принимаем пятьдесят. Квадрат, да пополам... Переводим массу в граммы... Получается где-то около два умножить на десять в двадцать восьмой степени эргов. Вот что такое наше ванильное мороженое. Далее, имеем право принять, что большая часть поверхностного слоя крема вскипела и испарилась, но, понимаете ли, Гарви, на таких скоростях действие атмосферы продлится не слишком долго. При лобовом столкновении оно продлится ровно две секунды! Во всяком случае, какая бы часть массы ни испарилась, выделится достаточно много энергии, чтобы тепловой баланс Земли изменился. Взрыв будет внушительный. Предположим, что Земле будет передано двадцать процентов энергии поверхностного слоя крема, и тогда, — нажато еще несколько кнопок, и Шарпс драматически возвысил голос, — общий результат таков: два, запятая, семь, умноженное на десять в двадцать восьмой степени эргов. О'кей, вот что такое ваше столкновение.

— Мне это говорит не слишком много, — сказал Гарви. — Но похоже, что это большое число...

— Единица в сопровождении двадцати восьми нулей, — пробормотал Марк.

— Шестьсот сорок тысяч мегатонн, примерно так, — сказал мягко Дан Форрестер. — Да, это большое число.

— Господи Боже, планета будет выжжена, — сказал Марк.

— Не совсем. — Из болтающегося на поясе футляра Форрестер вытащил калькулятор. — Взрыв будет примерно равен извержению — одновременному — трех тысяч Кракатау. Или — если насчет Феры не ошибаются, одновременному извержению ста Фер.

— Фера? — спросил Гарви.

— Вулкан в Средиземноморье, — подсказал Марк. — Бронзовый век. Отсюда и берет начало легенда об Атлантиде.

— Ваш приятель прав, — сказал Шарпс. — Хотя я не уверен насчет оценки количества выделившейся энергии. Рассмотрим проблему под иным углом зрения. Человечество — все человечество — за год использует примерно десять в двадцать девятой степени эргов. Сюда входит все: электрическая энергия, уголь, ядерная энергия, кухонные плиты, автомобили... дальше перечисляйте сами. Итак, наше мороженое несет в себе запас энергии, равный приблизительно тридцати процентам ежегодного мирового энергетического бюджета.

— Хм. Тогда не так уж плохо, — сказал Гарви.

— Не так уж плохо. Не так уж плохо по сравнению с чем? Запас годовой энергии, выделившейся в течение одной минуты, — сказал Шарпс. — Вероятно, комета влетит в воды Мирового океана. Если она ударит в землю, в твердь, в месте столкновения все будет уничтожено, но большая часть выделившейся энергии тут же отразится в космическое пространство. Но если комета ударит в океан, вода испарится. Погодите-ка, эрги перевести в калории... Черт возьми! Мой калькулятор для такой операции не приспособлен.

— Сейчас переведу, — сказал Форрестер. — В случае столкновения испарится примерно шестьдесят миллионов кубических километров воды. Или — если вам это больше по нраву — пятьдесят миллиардов кубических футов. Вполне достаточно, чтобы все США оказались под слоем воды. Под слоем в двести двенадцать футов.

— Прекрасно, — сказал Шарпс. — Итак, в атмосферу вылетают шестьдесят миллионов кубических километров воды. И после этого, Гарви, выливаются обратно в виде дождя. Значительная часть этого дождя прольется над полярными областями. А поскольку вода замерзает, то это будет уже не дождь, а снег. Быстрое

формирование ледников... которые движутся к экваториальным областям... да. Гарви, историки полагают, что вследствие извержения Феры изменился земной климат. Мы точно знаем, что извержение Тамбоуры — примерно той же силы, каким было извержение Кракатау, — привело к тому, что историки предыдущего столетия называли «годом без лета». Голод. Наше ванильное мороженое приведет, вероятно, к наступлению нового ледникового периода. Облака. Облака отражают свет. Меньше солнечного тепла достигнет земной поверхности. Снег также отражает свет. Еще меньше солнечного тепла. Становится все холоднее. Выпадает все больше снега. Ледники ползут к экватору, не успевая растаять. Положительная обратная связь. Дела, похоже, оборачиваются чертовски серьезно.

— Но что служит причиной прекращения ледниковых периодов? — спросил Гарви.

Форрестер и Шарпс одновременно пожали плечами.

— Итак, — сказал Хамнер, — моя комета окажется причиной наступления ледникового периода? — Лицо у него было вытянувшееся, мрачное. Так выглядело бы лицо его бабушки, если бы она узнала, что ее похороны обошлись в 60 000 долларов.

— Нет, — сказал Форрестер. — Мы говорим лишь о ванильном мороженом. Гм... Молот больше.

— Хамнер — Браун. Насколько больше?

Форрестер неуверенно развел руками:

— Раз в десять?

— М-да, — сказал Гарви. Он отчетливо видел: через поля, через леса ледники ползут к югу, растительность убита снегом. Вниз, по Северной Америке — в Калифорнию, по Европе — к Альпам и Пиренеям. За зимой следует зима. Становится все холоднее, гораздо холоднее, чем было в «великие морозы» 76—77-го годов. И — черт возьми! — никто даже не упомянул хотя бы, что произойдет с приливами и отливами. Это будут не просто волны...

— Но комета не может иметь такую же плотность, как кубическая миля м-м-м...

Тут с ним это и произошло. Гарви откинулся — упал — на спинку своего кресла и утробно загоготал. Он просто не мог выговорить ни слова.

* * *

Позднее он сделал для себя — только для себя — еще одну запись. Сделал в том жалком подобии кабинета, который предоставила ему студия: муляжи книг на полках, потертый ковер на полу. Здесь он мог говорить свободно.

— Просим за это прощения (Эти слова надо будет вставить сразу после того, как зрители увидят, что Гарви потерял контроль над ситуацией. А во время интервью с Шарпсом он терял этот контроль несколько раз.). Особо нужно отметить следующие пункты. Первое: вероятность того, что твердая составляющая Хамнера—Брауна столкнется с Землей, ничтожно мизерная. На таком расстоянии сам дьявол не смог бы попасть в такую маленькую мишень, как наша планета. Второе: если столкновение состоится, эффект, вероятно, будет такой, как если бы с Землей столкнулось несколько больших и массивных тел. Некоторые из этих тел упадут в океан. Другие ударят в землю, где разрушения окажутся локальными. Все же если Хамнер—Браун столкнется с нашей планетой, это будет как если бы дьявол ударил по ней чудовищно громадным молотом.

9

Леонилла Малик подписала рецепт и отдала его больному. Этот — последний за сегодняшнее утро, и когда пациент вышел из кабинета, Леонилла выдвинула ящик стола и достала бутылку «Гранд Маринер». Наполнила маленький, изящной формы стаканчик. Дорогостоящий ликер достался ей в подарок от одного из ее товарищей-космонавтов. Когда пьешь этот напиток, тобой овладевает восхитительное ощущение декаданса. Еще этот приятель подарил ей шелковые чулки и комбинацию из Парижа.

А я никогда не бывала за границей, подумала она. Она посмаковала языком сладкую жидкость. Какие бы усилия я ни прикладывала, за рубеж меня никогда не выпустят.

Хотелось бы ей понять, какое теперь у нее социальное положение. Ее отец был врачом и имел очень хорошую репутацию среди кремлевской элиты. А затем настало время «заговора врачей», безумная вера сталинистов в то, что врачи пытались отравить Первого революционера нашего времени. Народного героя. Учителя и вдохновенного Вождя мирового пролетариата, товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. Отец Леониллы и еще сорок врачей сгинули в подвалах Лубянки. В наследство от отца ей остался номер «Правды» за 1950 год. В нем было старательно подчеркнуто каждое упоминание имени Сталина. Лишь на первой странице его имя называлось девяносто один раз, десять раз его именовали Великим вождем и шесть раз Великим Сталиным.

Его следовало бы отравить, этого выродка, подумала Леонилла. Мысль эта вызвала неприятное чувство: она противоречила имеющей давнюю историю традиции. В советских медицинских учебных заведениях клятва Гиппократа не изучалась, но Леонилла прочла ее.

Будущее Леониллы, как дочери врага народа, не казалось особенно лучезарным. Но времена изменились, и врач Малик был реабилитирован. В числе прочего — во искупление сделанного — Леониллу избавили от должности секретарши в захолустном украинском городке и послали учиться в университет. Любовная связь с полковником из военно-воздушных сил привела к тому, что Леониллу научили водить самолет. А затем, как ни странно, она была зачислена в отряд космонавтов, хотя ее положение там по сию пору оставалось весьма неопределенным. Полковник стал генералом, и хотя уже давным-давно был женат, продолжал помогать ей.

Ей так и не удалось побывать в космосе. Ее тренировали для этого, но в полет так ни разу и не назначили. Вместо этого; она занималась лечением летчиков и их семей. И продолжала тренировки и надеялась на счастливый случай.

В дверь тихо постучали. Сержант Бреслов, паренек не более девятнадцати лет от роду. Бреслов очень гордился тем, что он сержант Красной Армии. Только, разумеется, армия больше не называлась Красной. Она перестала ею быть с тех пор, как Сталин настоял на ее переименовании — во время войны, которую он нарек Великой Отечественной. Бреслов предпочел бы название «Красная Армия». Он часто говорил о том, как хотел бы принести свободу всему миру — на острие своего штыка.

— Товарищ капитан, для вас получено сообщение. Вам приказано лететь на Байконур. — Он нахмурился, уставясь на бутылку, которую Леонилла забыла убрать.

— Значит, пора за работу, — сказала Леонилла. — Это настоящий праздник. Составите мне компанию? — и налила стакан для Бреслова.

Он выпил налитое — стоя и с выражением неослабной бдительности. Это была единственная для него возможность выказывать офицерам неодобрение, ког-

да видел, что они пьют до обеда. Разумеется, до обеда пили многие, что служило Бреслову добавочным доказательством, что дела пошли хуже с тех пор, как Красная Армия перестала быть Красной. О том, какой была Красная Армия, ему много (и хвастливо) рассказывал отец.

* * *

Через три часа она уже летела по направлению к космопорту. Ей все еще едва верилось: недвусмысленный срочный приказ, согласно которому она сейчас летит на тренировочном реактивном самолете. Ее вещи будут высланы позднее. Что там случилось такое важное? Она выбросила вопрос из головы и отдалась радости полета. Одна, в чистом небе, никто не заглядывает тебе через плечо, никакой другой пилот не перехватывает управление — восторг. *Лишь одно на всем* белом свете может быть лучше.

Может ли случиться, что ее вызывают именно из-за этого? Она не слышала, что готовится какая-то новая экспедиция в космос. Но все может быть. Мне уже не раз везло. Почему бы не повезти и на этот раз? Она представила, что находится в кабине настоящего «Союза», ждет, когда взревут стартовые двигатели — взревут и вынесут корабль в пустоту космического пространства. И от этой мысли Леонилла выдала такую серию фигур высшего пилотажа, что если б кто из начальства увидел, ей бы немедленно приказали идти на посадку.

* * *

Внезапный порыв ветра, пронесшийся через долину Сан-Иоаквин, слегка качнул трейлер, отчего Барри Прайс тут же проснулся. Он тихо лежал, слушая успокаивающее рычание бульдозеров: бригады продолжа-

ли работу, возводя ядерный комплекс. За окном вспыхнул свет. Прайс осторожно привстал, стараясь не разбудить Долорес, но она заворочалась и открыла глаза.

— Сколько времени? — сонно спросила она. — О Господи, ложись спать. — Она потянулась к нему. Простыня соскользнула, открыв ее загорелые груди.

Он уклонился, затем зажал обе ее руки своей рукой и нагнулся, чтобы поцеловать ее.

— Женщина, ты ненасытна.

— У меня нет никаких оснований жаловаться. Ты действительно встаешь?

— Да, мне нужно заняться работой, а позже мы ожидаем визитеров, и я обязан прочесть доклад Мак-Клива, поданный еще позавчера. Мне передали его еще прошлой ночью.

Долорес, пересиливая себя, улыбнулась:

— Само собой, мы с тобой легли вместе, только чтобы чуть поразвлечься. Ты наверняка не ляжешь спать снова?

— Нет. — Он отошел к раковине, открыл кран и подождал, пока не пошла горячая вода.

— Ты встаешь быстрее, чем любой мужчина, с которым я когда-либо имела дело, — сказала Долорес. — А я ни свет ни заря вставать не намерена. — Она натянула подушку на голову, но тело ее под простынями чуть заметно двигалось, чтобы показать Барри, что она не спит.

Можно бы еще, подумал Барри. Ио-хо! Но тогда зачем я надеваю штаны?

Одевшись, он решил, что лучше считать, что Долорес спит, — и быстренько выскочил из трейлера. Снаружи его встретил свет утреннего солнца. Он потянулся, глубоко вдыхая воздух. Его трейлер стоял на краю походного лагеря — в этом лагере жило большинство тех, кто возводил Сан-Иоаквинский ядерный комплекс. Долорес нашла ночлег далеко отсюда, но в последние дни ночевала именно здесь. Барри шел к стройке и улыбался, но потом вспомнил о Долорес, и улыбка его

увяла.

Она восхитительна. И то, чем они так активно занимались эти дни в свободное от работы время, никак не отражалось на их служебных отношениях. Она была, в сущности, не столько секретаршей, сколько помощником по административной части, и Барри чертовски хорошо знал, что без нее с работой ему не справиться. Она была по крайней мере столь же необходима, как и руководитель работ (то есть он сам). И, подумав об этом, Барри Прайс ужаснулся. Его томило предчувствие, что на него предъявят права. Предъявят права на его время, станут требовать, чтобы он уделял больше внимания... и со стороны Долорес это будет не так уж неразумно. В общем, случится все то, что сделало его жизнь с Грейс невыносимой. Барри не мог поверить, что Долорес удовольствуется ролью просто... кого? И он не мог найти ответа. Любовница — это будет неправильно. Он не помогает ей. В голову пришла странная мысль: Долорес не из тех, кто позволяет мужчине (любому мужчине) вторгаться в ее жизнь. Не из тех, кто позволяет мужчине одержать над собой верх. Это для нее мужчина — любовник, подумал он. И такая расстановка сил ее вполне удовлетворяет. Даже более чем удовлетворяет.

Возле палатки, где жил руководитель конструкторского бюро, стояла большая посудина, полная кофе. Барри остановился, налил себе чашку. У конструкторов всегда превосходный кофе. Чашку Барри отнес в свой кабинет, вытащил докладную Мак-Клива.

Минутой позже он взвыл от ярости.

Когда явилась Долорес (примерно в восемь тридцать), он все еще не успокоился. Она вошла (в руке — чашка кофе) и увидела, что он расхаживает по кабинету взад-вперед.

— Что случилось? — спросила она.

И вот это мне нравится в ней, подумал Барри. Она отметает все личное, когда находится на работе.

— Вот, — он потряс докладом. — Ты знаешь, чего

желают эти идиоты?

— Конечно, нет.

— Они хотят, чтобы комплекс был упрятан под землю! Вокруг всего комплекса должна быть сооружена насыпь в пятьдесят футов!

— Можно ли считать, что этим будет увеличена безопасность? — спросила Долорес.

— Нет! Это будет лишь... косметика. Вот и все! Даже не косметика... на черта она?! Сан-Иоаквин великолепен. Этот комплекс прекрасен. Можно гордиться им и не упрятывая под кучей грязи.

Долорес поставила чашку на стол и неуверенно улыбнулась.

— Ты выполнишь это требование?

— Надеюсь, что нет. Но Мак-Клив утверждает, что членам комиссии эта идея понравилась. Так же, как и мэру. Вероятно, мне придется это сделать, и — будь оно проклято! — мы тогда выбиваемся к черту из графика! Придется отзывать людей, занятых рытьем котлована под номер четыре, и...

— Кстати, дамы из учительско-родительской ассоциации будут здесь минут через пятнадцать.

— Господи Боже!.. Спасибо, что напомнила. Надо как-то попытаться успокоиться.

— Да, тебе лучше заняться этим. Ты сейчас рычишь, как медведь. Постарайся быть милым, эти дамы на нашей стороне.

— Рад, что хоть кто-то на нашей стороне. — Барри отошел к письменному столу. Взял с него чашку кофе — и увидел, какую груду работы ему еще остается сделать сегодня. И понадеялся, что дамы задержатся у него ненадолго. Может быть, появится возможность переговорить с мэром, и, может быть, мэр окажется достаточно чувствителен к доводам разума, и тогда можно будет снова заняться работой...

* * *

Работа на строительной площадке кипела. На посторонний взгляд, беспорядочно, в различных направлениях двигались бульдозеры, подъемники, бетоновозы. Рабочие перетаскивали оборудование для формовки бетона. Барри Прайс вел гостей сквозь этот водоворот — и почти не видел его.

Гостьи видели рекламные ролики, и поэтому благоразумно надели — все как одна — брюки и обувь на низком каблуке. Когда Долорес раздала им каски, они восприняли это спокойно. И вопросов не задавали.

Барри подвел их к третьей очереди. Сейчас она представляла собой лабиринт стальных балок и фанерных листов, возведение купола было еще далеко не завершено. Здесь — подходящее место, чтобы продемонстрировать гостям особенности системы безопасности. Барри надеялся, что они умеют слушать. Долорес говорила, что во время общения с ней гостьи вели себя вполне благоразумно, и это вселяло надежду, но прошлый опыт заставлял Барри держаться настороженно. Вот и более спокойный участок, где рабочих в данную минуту нет. Но все равно шумно: рядом рычат бульдозеры, невдалеке плотники устанавливают свои конструкции, вовсю идет сварка труб...

— Я знаю, что мы отнимаем у вас время, — сказала миссис Гундерсон. — Но нам это кажется важным. Многие родители задают вопросы, относящиеся к вашему центру, школа расположена лишь в нескольких милях отсюда...

Барри улыбнулся — улыбка выражала согласие. Этим он постарался показать, что все правильно. И что он знает, что данный визит к нему — это очень важно. Но мыслями своими он был далеко. Он продолжал обмозговывать докладную Мак-Клива.

— Как много тут народа... Все эти люди действительно работают на вас?— спросила другая дама.

— Они — служащие корпорации «Бечтел», — сказал Барри. — Строительство ведется «Бечтелом». Управление по делам водоснабжения и энергии не могло бы содержать так много людей на своей постоянной оплате.

Миссис Гундерсон не заинтересовали детали административной структуры. Она напоминала Барри о себе: ей хочется получить — и быстро — доскональную информацию. Миссис Гундерсон — полная, хорошо одетая женщина. Ее муж — владелец большой фермы, расположенной где-то неподалеку.

— Вы собирались показать нам, как обеспечивается безопасность, — заявила она.

— Хорошо. — Барри показал на возводящийся купол. — Во-первых: само это сооружение, в котором и будет все размещаться. Несколько футов бетона. Если что-нибудь там внутри и случится, то внутри и останется. Но вот что я хотел бы вам показать. — Он ткнул пальцем в сторону трубы, выходящей из-под недостроенного купола. — Это наша главная линия охлаждения. Нержавеющая сталь. Два фута в диаметре. Толщина стенки равна одному дюйму. Вон лежит отрезанный кусок трубы, и я готов спорить, что вы не сможете поднять его.

Миссис Гундерсон приняла вызов. Она ухватилась за край четырехфутового обрезка, но не смогла сдвинуть его с места.

— Теперь предположим, что хладагент не поступает, где-то полностью вытек, что совершенно исключено, — сказал Барри. — Понятия не имею, как это может случиться, но предположим, что такое произошло. Внутри этого сооружения как раз сейчас рабочие устанавливают баки — эти емкости предназначены для хранения холодильного агента. На случай возникновения аварийной ситуации. И это большие баки. Если давление воды в главной линии охлаждения понизится, вода из баков под высоким давлением пойдет прямо в сердцевину реактора.

Он провел их под купол, стараясь ознакомить буквально со всем. Показал им насосы, предназначенные для заполнения полостей реактора водой. Показал бак на тридцать тысяч галлонов, в котором будет храниться запас воды для турбин.

— Все это предназначено для обеспечения охлаждения в случае возникновения критического положения, — пояснил Барри.

— А какова производительность? — спросила миссис Гундерсон.

— Сто галлонов в минуту. Примерно как у шести садовых шлангов, вместе взятых.

— Мне не кажется, что это слишком много. И это все, что может оказаться необходимым?

— У нас есть все, что может оказаться необходимым. Поверьте мне, миссис Гундерсон, мы обеспечиваем безопасность ваших детей более, чем это смог бы сделать еще кто-либо. Мы готовы во всеоружии встретить любые так называемые несчастные случаи — даже те, которые никогда не могут произойти. У нас есть специальные люди, работа которых заключается в придумывании несчастных случаев. Они изобретают всякие глупости, которые — мы в этом уверены — просто не могут случиться. Это делается, чтобы мы были готовы ко всему — даже к невероятному.

Он провел посетительниц через все здание, понимая, что громадность окружающего произведет на них впечатление. Как и на него самого. Ему нравится — он любит! — этот силовой комплекс. Большую часть своей жизни он провел, готовя себя к этой работе.

Наконец гостьи увидели все, и Барри повел их обратно. Там, в центре приема посетителей, ими займутся люди из отдела общественной информации и рекламы. Надеюсь, я все сделал правильно, подумал он. Они могут здорово помочь нам, если захотят. Но могут также и здорово навредить...

— Меня очень интересует еще одно, — сказала миссис Гундерсон. — Диверсия. Я понимаю, вы сделали

все, что могли, чтобы предотвратить несчастные случаи, но предположим, что кто-то специально попытается... взорвать все это. В конце концов, вы не можете держать здесь очень большую охрану, а сумасшедших в нашем мире хватает.

— Да. Что ж, мы предусмотрели способы, какими могла бы быть произведена диверсия, — Барри ухмыльнулся. — Извините меня, но рассказывать об этом я не буду.

Гостьи неуверенно заулыбались ему в ответ. Наконец миссис Гундерсон сказала:

— Значит, вы уверены, что никакая банда не сможет нанести ущерб вашему центру?

Барри покачал головой:

— Нет, сударыня. Мы уверены, что любая диверсия против нас не сможет причинить ущерб нам, что бы ни предпринималось. Но полностью обезопасить сам центр невозможно. Взгляните на турбины. Они делают три тысячи шестьсот оборотов в минуту. Лопасти вращаются так быстро, что если в паровую линию попадет всего лишь несколько капель воды, турбины будут повреждены. Аппаратный зал уязвим для любого идиота с динамитом. Нет, мы не сможем остановить диверсантов, пожелавших причинить вред комплексу, но точно так же никто не может предотвратить поджог баков на энергоцентрах, работающих на нефтяном топливе. Однако в наших силах проследить, чтобы никто за стенами нашего комплекса не потерпел никакого ущерба.

— А те, кто будет работать здесь?

Барри пожал плечами:

— Знаете, никому не кажется странным, что работа полицейских и пожарных окутана ореолом романтики. Но о тех, кто работает на силовых комплексах, известно гораздо меньше. Люди иначе расценивали бы их труд, если бы увидели, как наши парни, стоя по пояс в нефти, перекрывают клапан. Или если бы увидели монтера на вершине энергоопоры — в окружении электрических разрядов... Мы должны делать свою работу,

миссис Гундерсон. И мы ее делаем — если нам не мешают ее делать.

* * *

Веет теплый ветер, небо ясное. Это — Хаустон, пригород Эль-Лаго. Период дождей закончился, и с сотню семейств загорало сейчас на задних дворах своих домов. В местных лавках запас пива почти полностью распродан.

Замотанный, голодный и счастливый (еще бы, все выходные ему предстоит провести дома!) Рик Деланти вытащил бифштексы из гриля и рассовал их по булочкам. Сад его дома заполнен теплом, дымом и шумом — там разместилась дюжина друзей Рика вместе со своими женами. Слышно, как вопят дети, затевающие какую-то новую игру. Родители слышат эти вопли и гордятся, подумал Рик, даже если гордиться в общем-то нечем. А сами дети на родителей не очень-то обращают внимание.

— ...никаких новых мыслей, — это голос его жены. — научные фантасты писали о космических колониях еще десятки лет назад.

Жена Рика высокого роста, кожа у нее очень черная. Ее волосы заплетены в крохотные косички — эта прическа называется «завитая кукурузная булочка». Деланти мог вспомнить времена, когда она, наоборот, распрямляла свои волосы.

— Кстати, об этом писал и Хайнлайн, — сказала Глория Деланти. И, ожидая одобрения, взглянула на Рика. Но он был слишком занят грилем, а в памяти почему-то всплыл образ его жены, когда оба они еще жили в Чикаго и были студентами.

— Новое есть, — вошедший был членом весьма избранной и ограниченной группы. Эван едва не побы-

вал на поверхности Луны. Он был тем, кому выпало счастье быть в кабине «Аполлона». — О'Нейл разработал экономический аспект строительства гигантских космических колоний. Он доказал, что можно не только писать рассказы на эту тему, но и реально заняться делом — то есть реально строить.

— Мне это нравится, — заявила Глория. — Совместный, семейный, так сказать, проект астронавтов. Каким образом можно подписать контракт?

— Вы уже это сделали, — сказала Джейн Ритчи. — Когда выходили замуж за летчика-испытателя.

— О, разве мы женаты? — удивилась Глория. — Недоумеваю. Эван, как вам удается добиться того, чтобы эти люди, стоит им прийти в тренировочный центр, четко и без промедления выполняли свои обязанности?

Из-за дома вышел Джон Бейкер.

— Эй, Рики! Я уже думал, что заблудился. С улицы кажется, что здесь все повымерло.

Раздался хор приветствий. Голоса мужчин, не видевших полковника Джона Бейкера с тех пор, как он перебрался в Вашингтон, звучали неподдельно сердечно. А в приветствиях женщин особой теплоты не чувствовалось. Ничего другого Бейкер и не мог ожидать: он развелся. Такое случалось со многими астронавтами, и именно поэтому он вернулся обратно в Хаустон (его возвращение озадачило многих).

Бейкер приветствовал всех взмахом руки, затем засопел, принюхиваясь:

— А мне дадут одну из вот этих штук?

— Ваш приказ будет исполнен, сэр, если только вы его не отмените...

— Почему у тебя никогда не бывает жареных цыплят?

— Боюсь поддаться стереотипу. Дело в том, что я...

— Чернокожий, — участливо подсказал Джонни Бейкер.

— А? — Рик испуганно уставился на свои руки. — Нет, это просто жир от бифштексов. Измазался.

— Так кто все-таки выбран для полета к комете? — требовательно спросил Эван. — Большого полета?

— Будь я проклят, если знаю, — ответил Бейкер. — В Вашингтоне все молчат.

— Черт возьми, намерены послать меня, — сказал Рик Деланти, — у меня эти сведения из надежного источника.

По спине Бейкера пробежал холодок. Банка пива осталась полуоткрытой. Трое мужчин, находившихся поблизости, оборвали разговор, их жены затаили дыхание.

— Я, когда был в Тексаркане, сходил к гадалке, и она...

— Господи! Быстро давай мне ее имя и адрес! — сказал Джонни. Остальные несколько принужденно заулыбались и вновь занялись разговором. — Ну и навел ты на нас страху, — шепнул Джонни и рассмеялся.

— Ага, — улыбаясь, сказал Рик, переворачивая бифштексы длинной вилкой. — Почему нас не могут проинформировать пораньше? Нас насчитывается всего около дюжины, мы готовимся неделя за неделей, и нам — ни слова. А ведь это будет последний полет — пока не закончат возиться с «Шаттлом». Я нахожусь в списке уже шесть лет и ни разу не был назначен в полет. Сомневаюсь, стоит ли игра свеч.

Он положил вилку.

— Не только сомневаюсь, но и помню судьбу Дика Слейтона.

Бейкер кивнул. Дик Слейтон входил в первоначально отобранную семерку астронавтов — и он ждал назначения в полет вплоть до совместной экспедиции «Союз» — «Аполлон». Тринадцать лет ждал назначения. Как астронавт, он был не хуже других, но лучшее применение ему находили на земле. Тренировки за тренировками, и снова наверху решают: незаменим на на-

земной работе.

— Удивляюсь, как только он это выдержал, — сказал Джонни Бейкер.

— Я тоже, — кивнул Рик. — Но я — единственный в мире астронавт с черной кожей. Продолжаю надеяться, что это мой козырь.

К грилю подошла Глория:

— Эй, Джонни! О чем это вы вдвоем беседуете?

— Как о чем? — от охладителя пива крикнула Джейн. — О чем всегда говорят астронавты, когда намечается космический полет.

— Может быть, там выжидают нужного момента, — сказал Джонни Бейкер. — Расовые беспорядки. И когда настанет время, в космос запустят чернокожего астронавта.

— Не смешно, — сказала Глория.

— Но это предположение ничем не хуже других, — сказал ей Рик. — Я знаю, как проходит отбор в НАСА. Но если Джонни прав, я должен был получить назначение во все полеты — без исключения. Во всяком случае, что ты привез нам из этой забавной пятиугольной лачуги?

— Приказ. Снова приступить к тренировкам. Я тоже кандидат в экспедицию к Молоту.

— Гм, — Рик потыкал вилкой кусок мяса: почти готов. — Это меняет дело. Очередь из двоих. Ты должен оказаться первым.

Бейкер пожал плечами.

— Не знаю, как пойдут дела на этот раз. Так и не смог понять, как это меня назначили на «Скайлэб»...

— Ты должен подойти, — сказал Рик. — Опыт ремонтных работ в космическом пространстве. А корабль приводят в порядок быстро, на все отборочные испытания времени нет. Вывод ясен.

Глория кивнула. Кивнули и другие, кто прислушивался к их разговору. Затем окружающие вернулись к своим беседам. Джонни Бейкер пил пиво, на душе у него сделалось легче. Если вывод ясен для тех, кто

здесь присутствует, он, вероятно, не менее ясен и членам Астронавтического комитета Хаустона.

— Кое-какие известия из Вашингтона я все же привез. Сведения неофициальные, но вполне надежные. Русские посылают в полет женщину.

Странным образом распространяется тишина — по расширяющейся окружности.

— Леонилла Малик. Доктор медицинских наук. Так что мы доктора наук в космос посылать не будем. — Джонни Бейкер возвысил голос, чтобы слышали все. — Это точно: русские посылают именно ее, и нам не успеть за их «Союзом». Источник моих сведений конфиденциальный, но он чертовски надежен.

— Может быть, — сказал Дрю Веллен, и сейчас говорил лишь он один, — может быть, русские считают, что они должны что-то всем доказать.

— Может быть, наши тоже так считают, — сказал кто-то.

Рик почувствовал, как в крови его вспыхнул жаркий огонь. Никто ничего ему не обещал, но он уже — знал.

— Почему вы все так вдруг уставились на меня? — спросил он.

— У тебя горят бифштексы, — сказал Джонни.

Рик опустил взгляд, посмотрел на испускающее дым мясо.

— Гори, дорогуша. Гори, — сказал он.

* * *

В три часа ночи Лоретта Рэнделл услышала доносившийся из кухни странный шум.

Посреди кухонного пола была расстелена вчерашняя газета. Посреди газеты была поставлена жаровня — самая большая, та, прямоугольная. Жаровня была

наполнена мукой. На газете и на полу тоже была мука — просыпанная. Гарви бросил что-то в жаровню. Лицо у него было усталое и опечаленное.

— Господи Боже, Гарви! Что ты делаешь?

— Привет. Служанка придет завтра, не так ли?

— Да, разумеется, завтра пятница, но что она подумает?

— Доктор Шарпс сказал, что все кратеры имеют круглую форму, — Гарви поднял руку над жаровней, в пальцах — орех. Пальцы разжались, и орех упал. Мука взметнулась клубом. — Какова бы ни были скорость, или масса, или угол падения метеора, все равно кратер будет круглым. Наверное, он прав.

Вся поверхность муки была усеяна горошинами и мелкими камушками. Пресс-папье оставило кратер размером с обеденную тарелку — сейчас почти полностью размытый следами более мелких кратеров. Гарви оглянулся и, нагнувшись, подобрал бутылочную пробку. Кинул — под острым углом — ее в муку. Кратер получился круглый.

Лорретта вздохнула, осознавая, что ее муж сошел с ума.

— Но, Гарви, зачем ты занялся этим? Ты знаешь, который час?

— Но если он прав, значит... — Гарви посмотрел на глобус, принесенный им с работы. На глобусе были обведены жирно заколдованные круги: Японское море. Бенгальский залив. Дугообразная цепочка островов, ограничивающих Индийский океан. Двойной круг, где образовался Мексиканский залив. Если хоть один из этих кругов — след столкновения с астероидами, значит, было так: океаны вскипели, все живое было полностью выжжено. Сколько раз зарождалась жизнь на Земле, и была стерта с ее лица, и зарождалась снова?

Если он кратко объяснит все это Лоретте, она до самого утра будет трястись от ужаса.

— Не обращай внимания, — сказал Гарви. — Это для фильма.

— Ложись спать. Утром, до того, как придет Мария, мы все здесь уберем.

— Нет, ничего не трогай. И не позволяй Марии ничего здесь трогать. Мне нужно будет это сфотографировать... под различными углами...

И он, как в тумане, потянулся к ней. Тесно прижавшись друг к другу, Гарви и Лоретта пошли к кровати.

10

Когда Гарви вышел из здания телекомпании, рядом с вездеходом он увидел Тима Хамнера. Гарви нахмурился.

— Привет, Тим. Что вы здесь делаете?

— Если б я вошел в здание, это был бы визит заказчика — важное дело, правильно? Мне не нужны важные дела, мне нужна ваша благосклонность.

— Благосклонность?

— Купите мне выпить, и я вам все расскажу.

Гарви мазнул взглядом по дорогостоящим костюму и галстуку Тима. Не совсем подходящее одеяние для того, кто хочет остаться незамеченным. В таком костюме ездить на дерби. Служитель парковочной стоянки узнал Тима Хамнера. Знаком он был и хозяйке кафе — она немедленно провела их внутрь.

— О'кей, так о чем вы хотели со мной поговорить? — спросил Гарви, когда они заняли место за столиком.

— Мне бы хотелось, чтобы вы, как и я, не имели никакого дела с ИРД, — сказал Хамнер. — Похоже, я перестаю быть владельцем моей кометы. Я ничего не могу поделать со специалистами, и то же самое происходит с телефильмами. А ведь это ваши фильмы... — Тим замолчал, мелкими глотками потягивая из стакана. Он никогда не выпрашивал у людей сочувствия — особенно у людей, на него работающих. — Гарви, я

хотел бы принять участие еще в одном интервью. Бесплатно, разумеется.

А, дерьмо. Что произойдет, если я скажу ему, что это невозможно? Консультировался он со своими юридическими советниками? Я полностью уверен, что сейчас не время с ним ссориться.

— Знаете, сейчас для нас это представляет меньший интерес, чем раньше. Сейчас мы интервьюируем людей с улицы.

— Разве они все — не тупицы?

— Некоторые — да. Но иногда натыкаешься на жемчужное зерно. А это всегда нравится телезрителям.

(И кроме того, я сам знаю, как мне делать мою работу, черт побери!)

— Для чего вам это? Хоть какую-нибудь пользу вы от этого получаете?

Гарви пожал плечами:

— Мне бы не хотелось прерывать работу над этим фильмом... но не это главное. Я хочу выяснить, как относятся люди к возникшей проблеме. Мне хочется обнаружить неожиданное. Мне мало того, что уже сделано. Я хочу идти дальше. И...

— Продолжайте. — В кафе царил полумрак. Тим сузил глаза, заметив, какое странное выражение приобрело лицо Рэнделла.

— Ну... люди с улицы выражают странное желание, которое я не в силах понять. Они хотят, чтобы Джонни назначили в экспедицию к Молоту и...

— Черт подери!

— Вероятно, они захотят этого еще сильнее, если выяснится, что Земле предстоит столкновение с гигантской порцией мороженого. Им важно одно: пошлите Джонни! Тим, это почти то же самое, как если бы люди в большинстве желали конца света...

— Но ведь это ужасно.

— Может быть. Однако с этим приходится примириться.

Ужасно для тебя, подумал Гарви. Но не так ужасно

для мужчины с улицы, вынужденного ходить на работу, которую он ненавидит. Или для женщины, которой приходится спать с распустившим слюни боссом — чтобы тот не выгнал ее с работы...

— Видите ли, заказчик — вы, и я не могу помешать вам. Но я настаиваю, чтобы соблюдались определенные правила. Если хотите — мы начинаем съемки рано утром...

— Хочу. — Тим допил свой стакан. — Мне это будет полезно. А вы, говорят, вы способны извлечь пользу даже из виселицы, на которой вас повесят, — если провисите достаточно долго.

* * *

Вездеход был доверху набит людьми и оборудованием. Камеры, ленты, портативный письменный столик — если понадобится что-то писать. Марк Ческу с трудом нашел место, где можно сесть. Трое уместились на заднем сиденье, Хамнер устроился на переднем. Марку вспомнились проводившиеся в пустыне мотогонки: машины забиты мотоциклами и всяким механическим оборудованием. Гонщиков же впихивали как попало — будто о них вспомнили в самый последний момент. Ожидая, пока подойдут остальные телевизионщики, Марк включил радио.

Чей-то голос — внушающий доверие, убедительный. Чувствовалось, что говорит профессиональный оратор.

— И Евангелие сие будет проповедоваться во всем мире, дабы засвидетельствовали его все народы. А затем настанет конец света. Поэтому, когда увидите вы, что воцарилась предсказанная пророком Даниилом мерзость запустения, встаньте в месте святом. И пусть те, которые в Иудее, спасаются в горах. — Голос изменил тональность, теперь выступающий не цитировал, а про-

поведовал: — Народ мой, разве ты не видишь, что сейчас творится в церквах? Разве это не та предсказанная мерзость? «Прочитавший сие пусть поймет сие». Молот приближается! Он приближается, чтобы уничтожить злых и безнравственных.

Ибо настанет великое бедствие, какого не было от сотворения мира и до наших дней, какого никогда не было. И когда минуют те краткие дни, не останется нигде никакой плоти живой.

— Звучит внушительно, — сказал чей-то голос за спиной Марка. И Чарли Баскомб залез в вездеход.

— Вам проповедовал Евангелие преподобный Генри Армитаж, — сказал радиодиктор. — Исполняя заповедь, радиостанция «Голос Бога» вещает на весь мир на всех языках. Ваши пожертвования способствуют работе нашей радиостанции.

— В эти дни наверняка слушают эту станцию многие, — сказал Марк. — И должно быть, сейчас деньги к нему текут со всех сторон.

Машина въехала в Бурбанк и остановилась возле студии «Братья Уорнер». Приятная улица: много магазинов, и вообще тут все есть — от кабинок для просмотра короткометражек до изысканных ресторанов. Вдоль широкого бульвара текла людская река. Старлетки и киношники шли вперемешку с серьезного вида деятелями из страховых компаний. От автобусных и трамвайных остановок растекалась по улицам толпа женщин (эти — домохозяйки, средний класс). Следом брел знаменитый артист телевидения, из тех, кто живет по берегам озера Толука.

Пока его команда устанавливала камеры и звукоаппаратуру, Гарви вместе с Тимом Хамнером направился в ресторан — пить кофе. Следом за ними — когда все было готово — пошел Марк. Приблизившись к столику, где сидели Гарви и Тим, он услышал, что говорит Гарви, а говорил он так тихо, что Марк едва мог разобрать.

— ...и вся задача состоит в том, чтобы узнать, что

думают люди. Свои собственные мысли я постараюсь скрыть: вопросы будут задаваться нейтральные и нейтральным голосом. Ваши мысли вам тоже придется скрыть — молчанием. Ясно?

— Абсолютно ясно, — растягивая слова, ответил Тим. — Взгляд у него был острый. — Что я должен буду делать?

— Вы можете быть полезным. Вы можете помочь Марку в проведении опроса. А можете устраниться.

— У меня есть хорошая пишущая машинка, — сказал Хамнер. — Я мог бы...

— Мы не вправе использовать ничего, что у вас есть, — сказал Рэнделл. — Вы не член профсоюза. — Подняв взгляд, он увидел Марка. Марк кивнул ему, и Гарви покинул ресторан. Марк вышел вместе с Хамнером.

— Он поручил мне то, что обычно, — сказал Марк. — Это, если честно говорить, убивает меня.

— Я вам верю. И думаю, если б я помешал чем-либо интервьюированию, он бы тут же уволил меня. А ехать на такси отсюда дорого.

— Знаете, — хмыкнул Марк, — а мне когда-то казалось, что вы — заказчик.

— Ага. Этот ваш Гарви Рэнделл — крепкий орешек. Вы давно занимаетесь этим делом?

Марк покачал головой.

— Это у меня временное, просто хочу чуть поработать для Гарви. Может, когда-нибудь я сделаю это своим постоянным занятием, но вы сами знаете, что такое телевизионный бизнес. Такая работа подрежет крылышки моей свободе.

Над Бурбанком висел смог.

— Вижу, сегодня в горах правит бал Гертц, — сказал Хамнер.

Марк уставился на него в удивлении:

— Это как?

Хамнер показал на север, туда, где горизонт долины Сан-Фернандо тонул в коричневой дымке:

— Иногда отсюда видны горы. У меня там, в горах, обсерватория. Но, видимо, ущелье Гертца сегодня гонит туман обратно.

Они подошли к вездеходу. Камеры были уже установлены, готовые показать хоть крупный план, хоть широкую панораму — по выбору. Гарви начал работу: остановил мускулистого мужчину в каске и рабочих ботинках. Мужчина явно выделялся на фоне толпы торговцев и бизнесменов.

— Рич Коллантц. Занят на стройке, вот там — «Авери Билдинг».

Голос и манера поведения Гарви Рэнделла — такие, чтобы человек разговорился. Если понадобится, то, как он задает вопросы, будет заснято повторно.

— Вы слышали что-нибудь о комете Хамнера — Брауна?

Коллантц рассмеялся:

— У меня не так много свободного времени, как вы, наверное, думаете, чтобы размышлять о кометах.

Гарви улыбнулся.

— Но я смотрел «Ежевечернее обозрение». Там сказали, что она может столкнуться с Землей.

— И что вы по этому поводу думаете?

— Гав... дерьмо. — Коллантц перевел взгляд на камеру. — Некоторые умники всегда что-то предсказывают. Озон исчезнет, мы все погибнем. А вспомните шестьдесят восьмой, когда все предсказатели и гадалки утверждали, что Калифорния соскользнет в океан, и психи бежали спасаться в горы.

— Да, но астрономы говорят, что, если голова кометы столкнется с Землей, это послужит причиной наступления...

— Ледникового периода, — прервал Коллантц. — Я это знаю. Прочел об этом в журнале «Астрономия». — Он усмехнулся и поскреб затылок под желтой металлической каской. — Это уже на самом деле будет что-то. Подумайте сами, какое тогда разовьется строительство. А всем этим, которые благополучные, пона-

добится уже не счет в банке, а мех полярных медведей. Кто-то ведь должен будет отстреливать этих медведей для них. Может, и я смогу заполучить эту работенку, — улыбка Коллантца стала шире. — Да, это могло бы быть славно. Я бы с радостью попробовал, как это — стать великим охотником.

Гарви покопал еще чуть глубже. Хотя не похоже, чтобы это интервью пригодилось для фильма. Но оно и не являлось самоцелью. Гарви был рыболовом, а камера — приманкой. Телекомпания не одобряла подобных методов изучения общественного мнения. Слишком дорого, слишком ненадежно и слишком в лоб — таково было мнение боссов компании. Информацию, отражающую общественное мнение, можно получить от подготовленных специалистов в этой области — тех, которые сами хотят поработать на *НБС*.

Еще несколько вопросов, касающихся *науки и технологии*. Коллантц явно наслаждался, позируя перед камерой. Слышал ли он, что планируется запуск «Аполлона» к комете? Что он об этом думает?

— Это мне нравится. Хорошее будет зрелище. Покажут по телевизору много интересного, а стоить мне это будет меньше, чем билет в «Розовую чашу», — это я вам гарантирую. Кстати, надеюсь, что в полет назначат Джонни Бейкера.

— Вы знакомы с полковником Бейкером?

— Нет. Но хотел бы с ним познакомиться. Мне было бы приятно *встретиться с ним. Я видел фотографии*, где он ремонтировал «Скайлэб». Это была славная работа. А когда он вернулся на Землю, то наверняка задал жару этим ублюдкам из НАСА. Так ведь? Эге, мне пора двигать. Пора приступать к работе.

Коллантц помахал рукой на прощание и отбыл. За ним в погоню — в ладони анкета — кинулся Марк.

* * *

— Сэр, вы можете уделить нам немного времени?

Это был юноша — шел, понуря голову, погруженный в какие-то мысли. Внешность у него была неплохая, но лицо какое-то одеревеневшее. Он испуганно вздрогнул, когда Рэнделл прервал течение его мыслей.

— Что?

— Мы опрашиваем людей, что они думают о комете Хамнера— Брауна. Могу я узнать, как вас зовут?

— Фред Лаурен.

— Что вы думаете насчет кометы?

— Ничего. — И Лаурен довольно неохотно добавил: — Я смотрел вашу передачу. — На его скулах заиграли желваки. Такое Гарви было знакомо. Некоторые люди всю свою жизнь постоянно злятся. И мышцы, с помощью которых челюсти сжимаются, а зубы скрежещут, у этих людей хорошо развиты.

Гарви стало любопытно, не наткнулся ли он на субъекта, страдающего выпадением памяти? Все же...

— Вы слышали, что существует вероятность того, что голова кометы столкнется с Землей?

— Столкнется с Землей? — Лицо у парня сделалось ошеломленным. Внезапно он повернулся и широкими шагами быстро пошел прочь — гораздо быстрее, чем шел раньше.

— Что случилось? — спросил Тим Хамнер.

— Не знаю, — сказал Гарви. Парень шел кого-то прикончить? Постоянно возникают все новые вспышки безумия. И убийства не прекращаются. Больниц не хватает. Был ли Лаурен одним из этих сумасшедших, или парень просто поругался со своим боссом? И никогда мы этого не узнаем. И если вас заедает любопытство, тем хуже для вас.

* * *

Фред не смотрел ту, предыдущую передачу Рэнделла. Он смотрел на Коллин, которая смотрела передачу о комете... Но кое-что из того, что он тогда услышал, начало всплывать в его памяти. Пути Земли и кометы могут пересечься. И если столкновение произойдет, цивилизация погибнет. Сгорит.

Конец света. Я умру. Мы все умрем. Фред выкинул из головы намерение вернуться на работу. Дальше по улице — журнальный киоск. Фред торопливо зашагал туда.

* * *

Были и еще интервью. Домохозяйки, которые и не слышали о комете. Старлетка, узнавшая Тима Хамнера (видела его в «Ежевечернем обозрении») и пожелавшая, чтобы засняли, как она целует его. Домохозяйки, осведомленные о комете не меньше самого Гарви Рэнделла. Бойскаут, у которого на куртке был почетный значок за отличные познания в астрономии.

Примечательного для Гарви оказалось мало. Ответы были в общем одинаковыми. И это не было странным: Бурбанк был городом развитой космической индустрии, и жители его весьма одобряли предстоящий запуск «Аполлона». Однако такое почти полное единодушие — даже для этого города — было необычным. Как заподозрил Гарви, просто людям хотелось, чтобы был совершен новый полет космического корабля с экипажем на борту. И еще им хотелось снова увидеть своих героев. Астронавтов. А комета — хороший предлог. Бормотали, правда, что полет обойдется в копеечку, но большинство, подобно Ричу Коллантцу, считало, что обычные их развлечения (менее интересные,

чем экспедиция в космос) в конечном счете обходятся им дороже.

Телевизионщики уже собирались закругляться, когда Гарви выловил в толпе замечательно красивую девушку. Он подумал при этом: энная толика красоты еще никому не вредила. Вид у девушки был озабоченный, она почти бежала. Лицо — отсутствующее и вместе с тем выражает немедленную готовность к действию. Чувствовалось, что вся она поглощена мыслями о каких-то важных делах. Улыбнулась девушка как-то внезапно и очень мило.

— Я не очень часто смотрю телевизор, — сказала она. — И боюсь, что я никогда не слышала о вашей комете. У меня сейчас на работе такое творится...

— Это, видимо, будет очень большая комета, — сказал Гарви. — Этим летом вы увидите ее на небе. Кроме того, для ее изучения будет послана в космос специальная экспедиция. Одобряете ли вы этот намечаемый полет?

Девушка не торопилась с ответом. Потом спросила:

— Много ли нового мы узнаем, исследовав эту комету? — Гарви кивнул, и тогда она сказала: — В таком случае, я — за полет. Если только он не будет стоить слишком дорого. И если правительство сможет полностью оплатить его — что представляется сомнительным.

Гарви сказал что-то насчет того, что исследование кометы каждому обойдется дешевле, чем билет на футбольный матч.

— Разумеется. Но у правительства нет денег. И ни одну из своих программ оно отменить не может. Так что придется выпустить больше денег. Дефицит возрастет. Инфляция усилится. Но, разумеется, инфляция усилится в любом случае, так что за свои деньги мы можем позволить себе и исследование комет.

Гарви выразил голосом нечто вроде одобрения. Девушка вдруг сделалась очень серьезной. Улыбка ее исчезла, взгляд сделался задумчивым, а потом рассер-

женным.

— Во всяком случае, какая разница, что именно я думаю? Никто в правительстве моего мнения не услышит. И никого оно не заботит. Конечно, я надеюсь, что запуск «Аполлона» состоится. По крайней мере, хоть что-то произойдет. Это будет не просто перекладывание бумаг из ящика в ящик.

Затем она улыбнулась снова, и на лице ее заиграл солнечный свет.

— Сама не понимаю, зачем я заговорила о трудностях, испытываемых политиками. Мне пора идти. — И ушла своей торопливой походкой — раньше, чем Гарви успел узнать ее имя.

А вот еще — старомодно одетый чернокожий мужчина. Не скрывая, терпеливо ждет своей очереди предстать перед камерой. «Мусульманин?» — подумал Гарви. Именно так одеваются мусульмане. Но оказалось, что негр — из числа сотрудников мэра и что он хочет объявить всем и каждому, что мэр проявляет заботу и что если избиратели одобрят новую программу мэра «Борьба со смогом», то жители долины Сан-Фернандо смогут увидеть звезды.

* * *

— Можете уделить мне еще пару секунд? И улыбнитесь еще раз, пожалуйста, вашей милой улыбкой, — сказал Тим Хамнер. — А вот Хамнер — Браун. Что это такое? — Затем Тим обхамил кого-то, кто влез с предположением, что эта комета разнесет вдребезги Кальвер-Сити.

Девушка рассмеялась:

— Ладно, я заполню вашу анкету.

— Прекрасно. Имя?

— Эйлин Сюзан Ханкок.

Хамнер тщательно записал услышанное.

— Адрес? Номер телефона?

Девушка нахмурилась. Взглянула на вездеход и съемочную аппаратуру. Перевела взгляд на дорогостоящий костюм Хамнера (такие надевают только на праздник) и его великолепные часы «Пульсар».

— Я не понимаю...

— Мы должны знать людей, которых снимаем. Знать еще до того, как они встанут перед камерой, — сказал Тим. — Вдруг взорвут. Я не то имел в виду. Я — на самом деле — не профессионал-телевизионщик. Это я просто решил поработать с ними. Бесплатно. А еще я заказчик. И тот самый человек, который обнаружил комету.

Эйлин изобразила на лице изумление (поддельное, конечно):

— Как... вот это помесь! — А затем они оба рассмеялись. — Как вам удалось достичь всего этого?

— Тут важен правильный выбор бабушки. От которой потом можно унаследовать кучу денег и компанию, которая называется «Мыльная компания Кальва». Далее следует потратить часть этих денег на обсерваторию. Обнаружить комету. Потом: принадлежащая тебе компания берет на себя роль заказчика документального фильма о комете, которой я так хвастаюсь. Таким образом, как видите, все обстоит превосходно.

— После того как вы объяснили, все, разумеется, оказалось совсем несложным.

— Послушайте, если вы не хотите назвать мне ваш адрес...

— О, я назову его вам.

Эйлин жила в горной части Западного Лос-Анджелеса. Помимо адреса, она продиктовала Тиму номер своего телефона. На прощание энергично потрясла его руку и сказала:

— Мне надо бежать, но я действительно рада познакомиться с вами. Из-за вас этот день будет у меня

хороший. — И она ушла, оставив Хамнера одного, — на лице его цвела ошеломленная и радостная улыбка.

* * *

— Страшный суд, — сказал мужчина. — Армагеддон. — Голос у него был сильный, убедительный. Борода — очень большая, абсолютно черная борода, с двумя чисто-белого цвета пучками у подбородка. И мягкие добрые глаза. — Пророки всех народов предсказывали, что этот день наступит. День Страшного суда. Еще в древности предсказывали битву огня и льда. Молот есть лед, и принесет он огонь.

— И что же вы советуете? — спросил Гарви Рэнделл.

Мужчина заколебался. Возможно, он опасался, что Рэнделл подшучивает над ним.

— Присоединитесь к церкви. Присоединитесь к любой церкви, в которую вы можете уверовать. «В доме отца моего много покоев». Истинная вера неуничтожима.

— А что вы будете делать, если Хамнер — Браун случайно промажет?

— Этого не случится.

Гарви отправил его к Марку с его анкетами и дал Чарли знак собираться. Неплохой получился день. Хотя бы несколько минут этого дня не прошли даром: Гарви кое-что узнал о настроениях телезрителей.

Появился Марк с анкетой в руке.

— Все прошло хорошо, проблем нет. Надеюсь, вы заметили, что я держал рот на замке.

— Держали. Все прошло очень мило.

Вернулся Хамнер. Улыбка во весь рот, в чем-то ему крупно повезло. Он погрузил свою записывающую аппаратуру в кузов, потом залез сам.

— Я ничего не напутал?

— Страшный суд на подходе. Земля погибнет — в огне и льде. Это сообщил мне человек, у которого была прекраснейшая борода, какую я когда-либо видел. Где вы, черт побери, были?

— Заполнял анкету, — сказал Тим.

И почти всю дорогу назад он глупо улыбался.

* * *

От здания НБС Тим Хамнер направился в Буллокс. Что он будет делать, он знал заранее. Оттуда в цветочный магазин, а потом в аптеку. В аптеке он купил снотворное. В ближайшие часы эти таблетки ему понадобятся.

Не раздеваясь, он плюхнулся на кровать. Он спал крепким сном, когда примерно в половине седьмого зазвонил телефон. Тим вскочил и зашарил в поисках трубки.

— Алло.

— Алло. Я хотела бы поговорить с мистером Хамнером.

— Это я. Эйлин? Извините, я спал. Я собирался позвонить вам.

— Что ж, я вас опередила. Тим, вы действительно знаете, как возбудить у женщины интерес. Цветы великолепные, но ваза... Я хотела сказать, что мы ведь только что познакомились!

Тим рассмеялся.

— Я понимаю это так, что вам нравится стюбеновский хрусталь. У меня неплохая коллекция этого хрусталя.

— Вот как?

— Мне нравятся вазы в виде зверей. — Тим принял сидячую позу. — У меня уже есть... погодите-ка, голу-

бого кита, единорога и жирафа я получил в наследство от бабушки, эти вещицы выполнены в старом стиле. И Лягушачьего принца тоже. Вы видели когда-нибудь Лягушачьего принца?

— Я видела фотографии его высочества. Послушайте, Тим, разрешите пригласить вас на обед. Есть один необычный ресторан под названием «Дар Магриба».

Мужчины обычно делали паузу, когда Эйлин приглашала их пообедать вместе. Паузу Тима едва можно было заметить.

— Мистер Хампер с благодарностью принимает ваше приглашение. «Дар Магриба» необычен? Прекрасно. Вы там уже бывали?

— Да, очень хорошее место.

— И вы придете не опаздывая? Не заставите меня грызть ногти?

Эйлин рассмеялась.

— Проверим, насколько *вы терпеливы.*

— Э-ха-ха. Почему *бы вам не прийти сперва ко мне* — на коктейль? *Я представлю вас его высочеству и* остальному хрустальному зверью тоже. — И Тим объяснил Эйлин, как добраться до его дома.

* * *

Фред Лаурен вернулся домой, притащив с собой кучу журналов. Положив их рядом, он сел в кресло (пружины сиденья совсем ослабели) и начал чтение с «Национальных исследований».

Статья подтвердила его худшие опасения. Комета наверняка столкнется с Землей, и никто не знает, в какое точно место планеты она ударит. Но столкновение произойдет летом: и поэтому (рисунок показывал это совершенно ясно) удар будет нанесен в Северном полушарии. Никто не знает, насколько массивной ока-

жется голова кометы, но «Исследования» утверждают, что столкновение может означать конец света.

И к тому же попутно Фред слушал по радио выступление проповедника — этого дурака, речи которого транслируют сейчас все станции. Приближается конец света. Челюсти Фреда сжались, он поднял с пола выпуск «Астрономии». Согласно «Астрономии», вероятность того, что какая-либо часть головы кометы столкнется с Землей, равна одной стотысячной, но Фред на эти подсчеты не обратил внимания. Его отвлекли рисунки — очень красочные рисунки: астероид, разбуженный ракетными двигателями космического корабля, извергает из себя расплавленную магму; «среднего» размера астероид, помещенный — для сравнения — над Лос-Анджелесом; голова кометы, врезающаяся в океан, — и морское дно обнажилось.

Стало слишком темно для чтения, но Фреду и в голову не пришло зажечь свет. Немногие люди смогли бесповоротно поверить, что их ждет близкая смерть, но Фред теперь верил. Он сидел в темноте, и вдруг ему подумалось, что Коллин, должно быть, уже вернулась домой, и тогда он пошел к телескопу.

Девушки он не увидел, но в ее окнах горел свет. Глаза Фреда внезапно вспыхнули. И вспыхнула оштукатуренная стена, посреди которой — окно. Она горела ослепительным огнем, который медленно угас, уступив место иному огню. Горели отдернутые занавески, простыни, подушка, стол и скатерть на столе. Все пылало. Окна разбиты вдребезги, и осколки горели. Открылась дверь ванной комнаты.

На ходу надевая халат (он не надевался), вышла девушка. Голая. Фреду показалось, что она вся светится. Она показалась ему святой. На нее нельзя было смотреть — настолько непереносимой была ее красота. Прошла вечность, прежде чем она запахнула халат... и пока длилась эта вечность, Фред увидел ее, окутанную пламенем Молота. Пламенем, которое породило падение Молота. Коллин горела, словно звезда, веки сомк-

путы — тщетно! — это не поможет, лицо иссечено осколками стекла, халат обуглился, длинные светлые волосы дымятся, темнеют... горят... Она умерла, а он так и не успел с ней встретиться... Фред резко отвернулся от телескопа.

Мы и не можем встретиться, сказал ему внутренний голос. Голос разума. Я ведь все понимаю. Я не имею права снова попасть в тюрьму.

Тюрьма? И это когда приближается комета и приближается конец света? На судебное разбирательство уйдет немало времени, Фред никогда не попадет в тюрьму. Он успеет умереть раньше.

Фред Лаурен улыбнулся. Улыбнулся странной улыбкой. Мышцы на скулах его перекатились плотными желваками. Он успеет умереть раньше!

11

Заметно прихрамывающий молодой мужчина шел по коридору. Войдя в кабинет, он едва не споткнулся о толстый ковер, но Карри, секретарь, ведающий приемом посетителей сенатора Джеллисона, успела подхватить его под руку. Мужчина сердито отстранился.

— Мистер Коллин Саундерс, — объявила Карри.

— Чем я могу быть вам полезен? — спросил сенатор Джеллисон.

— Мне нужна новая нога.

Джеллисон попытался не выказывать удивления, но безуспешно. «А я еще полагал, что понимаю их», — подумал он.

— Садитесь, пожалуйста. — И Джеллисон глянул на часы. — Уже седьмой час...

— Я понимаю, что занимаю ваше бесценное время, — голос Саундерса оказался какой-то воющий.

— Пожалуйста, забудьте о времени, — сказал Артур Джеллисон. — Просто, поскольку уже седьмой час,

мы имеем право немножко выпить. Не откажетесь?

— Ну... спасибо, да, сэр.

— Прекрасно. — Джеллисон встал из-за стола (стол деревянный, в витиеватом стиле), подошел к старинного вида бару, вделанному в стену. Само здание было не старым, но меблировано оно было так, будто здесь жил еще Даниель Уэбстер (тот самый, который заслужил себе репутацию человека, не ждущего, когда наступит седьмой час). Сенатор Джеллисон открыл бар. В баре обнаружилось огромное количество бутылок со спиртным. Почти на всех бутылках была одна и та же наклейка.

— «Оулд Федкал»? — спросил посетитель.

— Еще бы... Пусть этикетки вас не обманывают. Вон в той черной бутылке «Джек Дэниельс». Все остальное — тоже лишь высшие сорта. Зачем платить по настоящей цене, когда я могу получать то же самое гораздо дешевле? Из домашних запасов. Что предпочитаете?

— Шотландское.

— Пожалуйста. А я приверженец «Бурбона».

Джеллисон наполнил два стакана.

— А теперь расскажите мне о вашем деле.

— Все дело в комитете по делам ветеранов, — начал рассказывать Саундерс. Это будет его четвертая искусственная нога. Первая, выданная комитетом по делам ветеранов, была великолепна, но ее украли. А три следующие никуда не годились, они причиняли боль, а теперь вот комитет по делам ветеранов вообще ничего не намерен делать.

— Выглядит так, что вам никак не разрешить эту проблему, — мягко сказал Джеллисон.

— Я пытался повидаться с достопочтенным Джимом Брейденом, — в голосе парня вновь послышалась горечь. — Но не смог даже записаться на прием.

— М-да, — сказал Джеллисон. — С вашего разрешения — одну секунду. — Вынул из ящика стола маленькую записную книжку. «Пусть это задаст жару

этому сукиному сыну, — записал он. — Партии не нужны подобные фокусы. И ведь это повторяется не в первый раз». Затем он положил перед собой блокнот.

— Будет лучше всего, если вы перечислите мне имена врачей, с которыми вы имели дело, — сказал он.

— Вы действительно хотите мне помочь?

— Я разберусь с вашей проблемой. — Джеллисон записал все в подробностях. — Где вы были ранены?

— Под Кхе Сапхом.

— Медали? Как вам известно, это иногда помогает.

— Серебряная звезда.

— И «Пурпурное сердце»*, разумеется, — сказал Джеллисон — Не хотите ли еще выпить?

Посетитель улыбнулся и покачал головой. Повел взглядом вокруг, осматривая кабинет. Стены украшены фотографиями: сенатор Джеллисон в бомбардировщике — склонился над приборами; дети Джеллисона, сотрудники Джеллисона, друзья Джеллисона.

— Не буду больше отнимать у вас время. Вам, должно быть, некогда. — Посетитель осторожно встал.

Джеллисон проводил парня к выходу. Потом дверь снова открылась — это была Карри.

— Это был последний, — сказала она.

— Прекрасно. Я еще некоторое время здесь побуду. Сообщите это Альвину и можете идти домой... О, еще одно. Попытайтесь сперва соединить меня с доктором Шарпсом из ИРД, ладно? И позвоните Маурин — скажите ей, что я сегодня немного задержусь.

— Хорошо. — Карри улыбнулась про себя, глядя, как сенатор возвращается в глубь кабинета. Еще до того, как она успеет уйти (окончательно уйти) он ухитрится сделать еще девять дел — из тех, что оставляют на последнюю минуту. И что касается этого — она уже подготовила все, что надо. Карри заглянула в комнаты, где размещались сотрудники сенатора. Все уже ушли

*Дается за ранение.

— за исключением Эла Харди. Он всегда уходит позже всех: ждет на всякий случай.

— Сенатор хочет вас видеть, — сказала Карри.

— Что произошло? — Эл вошел в кабинет сенатора. Джеллисон, развалясь, сидел в своем роскошном кресле. Куртка и узкий, похожий на полоску галстук брошены поперек стола. Рубашка наполовину расстегнута. Рядом с бутылкой стоял большой стакан, наполненный «Бурбоном».

— Слушаю вас, сенатор, — сказал Эл.

— У меня к вам пара дел. — Джеллисон передал Элу свои записи. — Разберитесь вот с этим. Если все это правда, мне бы хотелось, я хочу, чтобы виновные оказались на костре... огонь разведите средней величины. Пусть на деньги, которые вычтут из их чертова жалованья, будет куплена нога, которая окажется парню впору. Нельзя обманывать кавалера Серебряной звезды, и медицинское обслуживание должно быть проведено должным образом.

— Хорошо, сэр.

— Далее. Загляните-ка в район Брейдена. Мне представляется, что для партии было бы лучше, если бы там сидел другой парень. Какое-нибудь яркое юное дарование. Я имею в виду — какой-либо член городского совета, который...

— Вен Тисон, — осторожно подсказал Эл.

— Ну вот, мы уже знаем его имя. Тисон. Как вы думаете, он может взять верх над Брейденом?

— Может. Если вы ему поможете.

— Загляните туда. Подозреваю, что мистер Брейден так дьявольски занят, борясь за сохранение мира, что у него нет времени на общение с избирателями, — сказал без улыбки сенатор Джеллисон.

Эл кивнул. Брейден, подумал он, уже труп. Когда у босса бывает такое настроение...

Зажужжал интерком.

— Доктор Шарпс, — сказала Карри.

— Хорошо. Не уходите, Эл. Я хочу, чтобы вы все

слышали.

— Я у телефона, сенатор, — сказал доктор Шарпс.

— Как идет подготовка к запуску? — спросил Джеллисон.

— Все прекрасно. Но было бы еще лучше, если б каждая важная шишка из Вашингтона не отрывала меня от дела телефонными звонками, чтобы узнать, как идет подготовка к запуску.

— Черт побери, Чарли, у меня начинает отрастать на вас длинноющий зуб. Уж если кто-нибудь должен быть в курсе дела, то это я.

— Вы правы. Извините, — сказал Шарпс. — Дела — на самом деле — идут лучше, чем мы ожидали. Во многом тут помогли нам русские. Они поставили больший, чем раньше, стартовый двигатель, и они берут много припасов, которыми — частично — они поделятся с нашей командой. Благодаря им мы сможем взять больше научного оборудования. Таким образом — в виде исключения — наблюдается разделение труда. И это имеет смысл.

— Хорошо. Вы даже не подозреваете, какие мне пришлось пустить в ход связи, чтобы вы могли осуществить этот запуск. А теперь объясните мне снова, какую пользу принесет все это.

— Сенатор, польза от этого — вся, какую мы можем извлечь... вернее, принести, делая то, что мы делаем. Это не приведет к открытию способов излечения рака, но мы — наверняка! — многое узнаем о планетах, астероидах и кометах. Кроме того, этот парень с телевидения, Гарви Рэнделл, хочет сделать документальный фильм с вашим участием. Похоже, ему кажется, что телекомпания должна воздать вам должное за то участие, которое вы приняли в подготовке этого запуска.

Джеллисон быстро глянул на Эла Харди. Харди улыбнулся и энергично закивал, сказав:

— Наша популярность среди лос-анджелесцев возрастет.

— Передайте ему, что мне эта идея нравится, — сказал Джеллисон. — Я в его распоряжении, когда ему будет угодно. Пусть он свяжется с моим помощником — Элом Харди. Передадите?

— Хорошо. Это все, Арт? — спросил Шарпс.

— Не-ет, — Джеллисон допил свой стакан виски. — Чарли, тут у нас есть люди, считающие, что комета столкнется с нашей планетой. Эти люди — не психи. Это вполне здравомыслящие люди. У некоторых из них ученых степеней не меньше, чем у вас.

— Я знаком с большинством из этих людей, — признался Шарпс.

— Итак?

— Ну что я вам могу сказать, Арт? — Шарпс помолчал мгновение. — Наиболее точно высчитанная нами орбита показывает, что комета столкнется с нами лоб в лоб.

— Господи, — вздохнул сенатор Джеллисон.

— Но эта предполагаемая нами орбита обладает ошибкой в несколько тысяч миль. А расхождение хотя бы в тысячу миль есть расхождение. На таком расстоянии комета до нас не дотянется.

— Но столкновение все же возможно?

— Ну... это не для общего сведения, Арт.

— Даже если б вы попросили, чтобы я довел это до общего сведения...

— Ну и прекрасно. Да. Столкновение возможно. Но все шансы против этого.

— Какие именно шансы?

— Вероятность столкновения: единица против нескольких тысяч.

— Насколько мне помнится, вы говорили о соотношении: единица против миллиарда...

— Вероятность увеличилась, — сказал Шарпс.

— Настолько увеличилась, что нам следует что-нибудь предпринять?

— А что вы можете сделать? Я уже беседовал с президентом, — сказал Шарпс.

— Я тоже.

— И он не желает никакой паники. Я с ним согласен. Вероятность того, что вообще что-либо случится, все еще одна тысячная, — настаивал на своем Шарпс. — Зато существует полная уверенность, что, если мы начнем какие-то приготовления, многие и многие люди — очень многие! — погибнут. Мы уже сталкивались с эпидемиями повального сумасшествия. Плюс — патологические насильники. Психи, объединяющиеся в банды. Люди, увидевшие в конце света прекрасный случай для того, чтобы...

— Давайте, рассказывайте дальше, — сухо сказал Джеллисон. — Говорю вам, я тоже виделся с президентом. Он разделяет ваше мнение. А может, вы разделяете его мнение. Чарли, я не говорю о том, что нужно оповестить широкую общественность, я говорю о себе самом. Если столкновение произойдет, в какое место комета ударит?

Снова молчание.

— Вы исследуете эту возможность, — стоял на своем Джеллисон. — Не так ли? А если не вы, то тот сумасшедший гений, которого вы держите возле себя... как его... а, Форрестер. Я прав?

— Да, — с явной неохотой сознался Шарпс. — Молот распадается. Если произойдет столкновение, то сперва произойдет целая серия ударов. А потом ударит основная часть головы... И не беспокойтесь насчет каких-то приготовлений. Никакие приготовления не помогут.

— Ого!

— Да, — сказал Шарпс, — дела обстоят плохо.

— Но если в Землю ударит лишь часть кометы...

— Удар придется в Атлантический океан, это наверняка, — сказал Шарпс.

— Что означает, что Вашингтон... — Джеллисон не совладал с собой, голос его сорвался.

— Вашингтон окажется под водой. Все восточное побережье — до самых гор — будет покрыто водой, —

сказал Шарпс. Цунами. Но вероятность столкновения очень мала, Арт. Очень мала. Давайте лучше верить, что все ограничится впечатляющим световым представлением — ничего больше не будет.

— Конечно, конечно, О'кей, Чарли. Не буду больше мешать вам заниматься работой. Кстати, где вы собираетесь быть в тот день?

— В ИРД.

— На какой высоте над уровнем моря расположен институт?

— Что-нибудь около тысячи футов, сенатор. На высоте примерно тысячи футов. До свидания.

Связь оборвалась раньше, чем Джеллисон успел положить трубку. Какое-то мгновение он и Харди неотрывно смотрели на умолкший аппарат.

— Эл, мне кажется, что хорошо бы нам отправиться на мое ранчо, — наконец сказал Джеллисон. — Там — подходящее место, чтобы ждать приближения кометы.

— Да, сэр...

— Но мы должны быть осторожны. Никакой паники. Если дела пойдут серьезно, вся страна будет охвачена пламенем. Полагаю, что на этой неделе Конгресс под благовидным предлогом подыщет для себя подходящее убежище. Мы не должны делать ничего подобного, но я хочу, чтобы члены моей семьи тоже отправились на ранчо. Я позабочусь о Маурин. Вы проследите, чтобы на ранчо поехали Джек и Шарлотта.

Эл Харди содрогнулся. Сенатора Джеллисона не волновала судьба его зятя. Как не волновала и судьба самого Эла. Неприятное предстоит дело: убедить Джека Турнера отправиться вместе с женой и детьми на калифорнийское ранчо Джеллисона.

— Понадобится — тащите на веревке, — распорядился Джеллисон. — Вы, разумеется, поедете с нами. Нам понадобится различное... снаряжение. Снаряжение на случай конца света. Пара вездеходов с обеими ведущими осями...

— «Лендроверы», — предложил Эл.

— Нет, черт побери, не «лендроверы», — сказал Джеллисон. Налил себе в стакан пальца на три. — Нужны американские вездеходы, будь оно все проклято! Скорее всего, столкновения не произойдет. Не произойдет, нет. И когда эта комета пройдет мимо, конечно же, черт возьми, мы не должны оказаться владельцами автомобилей, произведенных за рубежом. Джипы, пожалуй, или что-либо производства «Дженерал моторс»...

— Я займусь этим, — сказал Эл.

— И прочее снаряжение. Палатки и так далее — что там нужно для устройства лагеря. Батареи. Лезвия для бритья. Карманные компьютеры. Винтовки. Спальные мешки. Купите все, что нужно, а если не...

— Это обойдется в немалую сумму, сенатор.

— Ну и что из этого? Я еще не разорился. Закупайте все оптом, но держите наши планы в секрете. Если кто-то начнет задавать вопросы, отвечайте... что мы собираемся в путешествие... в Африку. Хотим устроить там пикник. И вообще — должен же быть какой-то национальный исследовательский проект для Африки...

— Конечно, сэр...

— Прекрасно. Вот и все, на тот случай, если кто-нибудь начнет задавать вопросы. В наши планы можете посвятить Расмуссена. И больше из моих сотрудников — никого. У вас есть девушка, которую вы хотели бы взять с собой?

Он действительно ничего не знает, подумал Эл. Он действительно ничего не знает о том, что я люблю Маурин.

— Нет, сэр.

— О'кей. Так что я поручаю это дело вам. Вы сами понимаете, что все это чертовски нелепо, и когда комета разминется с Землей, мы будем чувствовать себя в чрезвычайно дурацком положении.

— Конечно, сэр. Надеюсь, что так и будет, но Шарпс назвал комету Молотом!

* * *

— Это совершенно неопасно. В 1932 году астероид Аполлон прошел на расстоянии два миллиона миль — это очень близко, по космическим масштабам. Нет никакой опасности. В 1936 году Адонис прошел на расстоянии миллион миль. И что из этого? Помните панику 1968 года? Люди, особенно жители Калифорнии, искали спасения в горах. А потом все и думать об этом забыли — за исключением тех, кто разорился, покупая спасательное снаряжение, которое так и не понадобилось.

Комета Хамнера-Брауна предоставляет нам великолепную возможность узнать много нового о внеземных телах, ибо она пройдет в сравнительной (я подчеркиваю — в сравнительной) близости от нашей планеты. И это все, что можно сказать о комете Хамнера Брауна.

— Благодарю вас, доктор Трис. Вы прослушали выступление доктора Генри Триса из Топографо-геологического управления Соединенных Штатов. А теперь продолжаем нашу обычную программу.

* * *

Дорога шла к северу — сквозь апельсиновые и миндальные рощи, по восточному краю долины Сан-Иоаквин. Иногда дорога взбиралась на невысокие холмы, иногда проходила меж ними. И если посмотреть налево, то была видна бескрайняя равнина, усеянная фермерскими домишками, покрытая полями, пересеченная

знаками. Равнина простиралась до самого горизонта. Единственные высокие здания в поле зрения — недостроенный комплекс ядерного центра «Сан-Иоаквин».

От Портервилля Гарви Рэнделл свернул направо и — мимо холмов — погнал к востоку. Дорога круто вильнула, и на мгновение Гарви увидел все великолепие простирающейся на восток Хай Сьерры и вдали — горные вершины, еще покрытые снегом. Наконец Гарви свернул к обочине и подъехал к воротам без надписи. Через эти ворота только что проехал автомобиль с эмблемой почтового ведомства США, и водитель вылез, чтобы закрыть их. Волосы у парня были длинные и еще — элегантная борода.

— Заблудились? — спросил он.

— Зря вы так думаете. Это ферма сенатора Джеллисона? — в свою очередь спросил Гарви.

Почтальон пожал плечами:

— Утверждают, что так. Я никогда не видел его. Вы закроете ворота?

— Конечно.

— Я провожу вас.

Почтальон забрался обратно в свой автомобиль. Гарви проехал в ворота. Вылез, закрыл их. И затем поехал вслед за почтовой машиной. Покрытая пылью дорога взбиралась на вершину холма. Показался белостенный дом. Дорога раздвоилась, правое ответвление вело вниз — к хозяйственным строениям и цепочке связанных между собой маленьких озер. Над озерами возвышались гранитные утесы. По берегам — рощи апельсиновых деревьев и пастбища. Пастбища были усеяны обломками утесов — выветрившимися глыбами, каждая больше, чем обычный в Калифорнии пригородный домик.

Из дома вышла дородная женщина. Приветствуя, махнула рукой почтальону.

— Горячий кофе, Гарри!

— Спасибо. Поздравляю вас с Днем почтового хлама.

— О, снова? Так быстро? Прекрасно, куда нести этот хлам, вы знаете. — Женщина подошла к вездеходу. — Чем я могу быть вам полезной?

— Мне нужно увидеться с сенатором Джеллисоном. Я Гарви Рэнделл, из НБС.

Миссис Кокс кивнула.

— Вас ждут в «большом доме». — Она указала вниз, туда, где вилось левое ответвление дороги. — Машину оставите там — и ничего не бойтесь.

— Что такое День хлама? — спросил Гарви.

На лице миссис Кокс появилось странное выражение. Потом оно сделалось равнодушным.

— Так, чепуха, — сказала она. И ушла на веранду. Почтальон еще раньше скрылся в доме.

Гарви пожал плечами и тронул вездеход с места. Дорогу ограждал с обеих сторон забор из колючей проволоки. Апельсиновые рощи — справа, пастбища — слева. Гарви проехал поворот и увидел дом. Дом был большой, с каменными стенами и покрытой шифером крышей. Обширное, массивное здание казалось не слишком подходящим для этой сельской местности. По бокам дома высились утесы. Сквозь каньон открывался вид на Хай Сьерру — на мили и мили.

Машину Гарви оставил у черного входа. Когда он шел вокруг дома, направляясь к огромной передней веранде, дверь на кухню отворилась.

— Эй! — крикнула Маурин Джеллисон. — Поберегите ваши ноги и входите здесь.

— Хорошо. Спасибо.

Маурин была по-прежнему премиленькая — такой она и запомнилась Гарви. На ней были рыжевато-коричневые брюки (пошив так себе) и высокие сапоги — не из тех, что для настоящего путешествия, а так, для прогулок. «Обувка на вафельной подошве», — так бы охарактеризовал эти сапоги Марк Ческу. Рыжие волосы Маурин выглядели так, будто она только что их расчесала. Они спадали ей на плечи волнами и на концах слегка завивались. В них играло солнце.

— Хорошо ли доехали? — спросила она.

— Да, вполне...

— Мне очень нравится дорога, ведущая сюда от Лос-Анджелеса, — сказала Маурин. — Полагаю, вы сейчас не откажетесь немного выпить. Что предпочитаете?

— Шотландское. Спасибо.

— Не за что. — Она провела его через прихожую в по-современному обставленную кухню. Шкафчик на кухне был полон выпивки. Маурин достала бутылку «Оулд Федкал», затем принесла лед. — Когда сюда приезжаешь, тут всегда слишком холодно, — сказала она. — Тут рабочая ферма, и у Коксов нет времени слишком часто приходить и наводить здесь порядок. Пожалуй, будет лучше, если мы пройдем в комнату.

Она вела его, показывая дорогу, — через холл в комнату, расположенную в передней части дома. Перед комнатой была выстроена обширная веранда. В таком помещении приятно жить, решил Гарви. Стены были обшиты деревом светлых тонов и украшены резьбой. Это чтобы соблюсти стиль ранчо — и, пожалуй, не слишком подходяще для такого громоздкого дома, как этот. Еще по стенам были развешены во множестве фотографии собак и лошадей. А также почетные ленты и медали — в основном за лошадей, но некоторые и за крупный рогатый скот.

— А где все остальные? — спросил Гарви.

— Сейчас я здесь в гордом одиночестве, — ответила Маурин.

Гарви отбросил появившуюся было мысль в подсознание и принудил себя рассмеяться.

— Сенатор охотится за голосами, — продолжала Маурин. — Но сегодня вечером его застопорили из Вашингтона. Так что утром он будет здесь. Папа сказал, чтобы я вам здесь все показала. Хотите еще порцию?

— Нет, спасибо. Одной вполне достаточно. — Гарви поставил стакан на стол — и поднял снова, когда

понял, что стол-то — украшенный тончайшей полировкой туалетный столик. Гарви ладонью стер оставшийся на полировке влажный круг.

— Хорошо, что моя команда не прибыла сюда вместе со мной. Им сейчас нужно доделать кое-какую работу. Я надеялся завтра утром встретиться с сенатором Джеллисоном. Утром прибудет машина с аппаратурой, но вдруг сенатор в это время окажется занят? У меня репутация хорошего телевизионщика. Мои ребята будут здесь уже утром, и я думал, что использую вечер для того, чтобы встретиться с сенатором. Я хотел выяснить, о чем бы он желал поговорить, встав перед камерой...

Что-то я слишком разболтался, подумал Гарви. Что-то я отупел. Опьянел.

— Подготовились путешествовать? — спросила Маурин, взглянув на рабочие брюки и туристские ботинки Гарви. — Знаете, не переодевайтесь. Коль скоро вы готовы для путешествия, я покажу вам лучшие виды во всей долине.

— Договорились. Давайте пойдем.

Они вышли через кухню. Пересекли апельсиновую рощу. Слева бормотала речка.

— В ней хорошо купаться, — сказала Маурин. — Если мы вернемся не поздно, можно будет окунуться.

Они пролезли сквозь ограду. Маурин раздвинула колючую проволоку и легко проскользнула на ту сторону. Потом обернулась, наблюдая за действиями Гарви. И улыбнулась, увидев, что он лезет точно в том же месте, очевидно всецело полагаясь на ее опыт.

По эту сторону ограды земля густо заросла кустарником и сорняками. Было ясно, что здесь никогда не пахали и скот не пасли. Путь шел круто вверх. Повсюду виднелись узкие тропы, оставленные, очевидно, кроликами либо козами. Для человека эти тропинки явно не годились. Маурин и Гарви поднялись на несколько сотен футов и оказались у подножия огромного гранитного утеса. Стены утеса отвесно поднимались

на высоту по крайней мере двухсот футов.

— Мы обогнем его слева, — сказала Маурин. — Но учтите: дорога здесь более трудная.

Еще бы не более трудная, подумают Гарви. Похоже, мне ее не осилить. Но будь я проклят, если окажется, что я слабее вашингтонской потаскушки. Она считает, что я опытный путешественник.

Ему уже давно не приходилось пускаться в пешие походы вместе с девушкой — с тех пор, как Магги Томпкинс подорвалась на минном поле во Вьетнаме. Магги была неутомимым репортером и вечно была занята поиском новостей. Ей было неинтересно посиживать в баре «Каравелла», получая известия из третьих или четвертых рук. Вместе с ней Гарви побывал на фронте. А однажды они пересекли линию фронта и оказались в тылу конгов. И выбирались оттуда... Если бы Магги не погибла... Гарви отогнал эту мысль. Все это произошло давно. *Давно.*

Они карабкались по расщелине.

— Вы часто бываете здесь? — *стараясь, чтобы голос его не дрожал,* спросил Гарви.

— Была здесь только один раз, — ответила Маурин. — Папа сказал, что в одиночку сюда ходить нельзя.

Наконец они забрались наверх. Но это — увидел Гарви — еще не была самая верхняя точка. Маурин и он стояли на краю гребня, простиравшегося далее на юг и глубоко вдававшегося в Хай Сьерру.

Грудь утеса пересекала узкая тропа. Маурин и Гарви шли вдоль тропы, пока не достигли вершины. Отсюда было видно ранчо.

— Вы были правы, — сказал Гарви. — Вид отсюда действительно великолепный. — Он стоял на глыбе высотой с многоэтажный дом, чувствуя, как его лицо обвевает легкий ветерок, дующий через долину. Повсюду, куда достигал его взор, виднелись громадные белые утесы. Должно быть, через эти места в давние времена проходил ледник, он и усеял всю окрестную местность этими глыбами.

Внизу лежала ферма сенатора. Маленькая долина — отсюда видно — была создана рекой, текущей в нескольких милях к западу. А за рекой — множество холмов, усеянных огромными, величиной с одноэтажный дом, белыми глыбами. Вдали за холмами (и намного ниже уровня, на котором располагалась ферма) широко простиралась долина Сан-Иоаквин. Отсюда она казалась окутанной туманом, но Гарви почудилось, что он различает смутные очертания Темблор Рэйндж — это уже западная оконечность лежащей посреди Калифорнии долины.

— Серебряная долина, — сказала Маурин. — Вся она принадлежит нам, а за ней — ранчо Джорджа Кристофера. Когда-то я чуть не вышла за него замуж... — она оборвала фразу и рассмеялась.

«Почему меня охватила ревность?» — Гарви и сам не понимал этого.

— Ну и что же здесь странного? — спросил он.

— Когда он предложил мне руку и сердце, нам было по четырнадцать лет, — объяснила Маурин. — Это было почти шестнадцать лет назад. Как раз тогда папу избрали в Сенат, и мы собирались переехать в Вашингтон. Джордж и я изобретали различные варианты, как бы мне не ехать туда, а остаться здесь.

— Но вы не остались.

— Нет. Иногда я жалею, что не сделала этого, — вздохнула Маурин. — Особенно когда я оказываюсь здесь, — и она махнула рукой в сторону долины.

Гарви обернулся. Холмы, множество холмов и гор, вздымающихся все выше и выше и сливающихся вдали со Сьерра-Невады. Громадные горы выглядели так, будто их никогда не касалась нога человека. Гарви знал, что это не так. Если на тропе Джона Мура ты увидишь человека, наклонившегося, чтобы завязать шнурки своих ботинок, то скорее всего это турист, облазивший все эти горы.

Громадную скалу, на которой стояли Маурин и Гарви, с краю пересекала расщелина. Она была шириной

не более чем ярд, но так глубока, что Гарви не мог разглядеть ее дна. Вершина скалы круто скашивалась к расщелине, так что у Гарви не возникло даже мысли приблизиться к этой пропасти.

Маурин прогулочным шагом подошла к расщелине и, не раздумывая, перешагнула через нее. Она стояла на узкой, не более двух футов шириной, полоске камня. И впереди нее была трехсотфутовая пропасть, а за спиной — неизведанная глубина расщелины.

Вид у Маурин был радостный. Она обернулась и увидела жалкую фигуру Гарви Рэнделла. Он застыл, пытаясь шагнуть вперед и не в силах этого сделать. Во взгляде Маурин мелькнуло изумление, тут же сменившееся пониманием. Она шагнула обратно через расщелину.

— Извините. Вы боитесь высоты?

— Немного, — признался Гарви.

— А я никогда не испытывала этой боязни... О чем вы сейчас думаете?

— Как мне выбраться отсюда, если что-нибудь случится. Если бы я смог заставить себя перебраться через эту расщелину хоть ползком...

— Я осуждаю свое поведение, — сказала Маурин. — Я нехорошо поступила. Но как бы там ни было, давайте я покажу вам наше ранчо. Отсюда вы можете увидеть его почти полностью.

* * *

Позднее Гарви не мог вспомнить, о чем они беседовали. Так, болтовня по пустякам, но время пролетело быстро, и все было на славу. Более приятной беседы и не упомнишь.

— Пора возвращаться домой, — наконец сказала Маурин.

— Пора. Может быть, тут есть дорога легче, чем та, по которой мы взбирались сюда?

— Не знаю. Но можем поискать. — И она направилась налево, огибая утес.

Маурин и Гарви продирались сквозь кустарник, шли вдоль узких козьих троп. Повсюду виднелись кучи козьего и овечьего помета. И оленьего тоже, решил Гарви, хотя точно он знать не мог. Почва была слишком твердой, и следов не оставалось.

— Похоже, что до нас здесь человек никогда не появлялся, — сказал Гарви. Но сказал он это слишком тихо, и Маурин не расслышала. Они шли по дну узкого оврага. Даже не оврага — расселины в крутом склоне холма. Ранчо было не видно.

Позади раздался какой-то звук. Гарви испуганно обернулся. По склону спускалась лошадь.

Не просто лошадь. На ней сидела всадница — маленькая белокурая девочка, ребенок не старше двенадцати лет. Она ехала без седла и казалась частью огромной лошади, они — девочка и лошадь — сливались, будто это был вышедший из сказочного мира кентавр.

— Привет, — крикнула девочка.

— Привет, — сказал Маурин. — Гарви, это Алис Кокс. Коксы управляют нашим ранчо. Алис, что ты здесь делаешь?

— Смотрю, как вы идете. — Голос у девочки был высокий, тонкий, но богатый интонациями, не визгливый.

Маурин догнала Гарви и подмигнула. Он кивнул, предоставляя ей действовать по ее усмотрению.

— А мы думали, что мы здесь бесстрашные первооткрыватели, — сказала Маурин.

«Да уж. Я и сам доставил себя сюда с трудом, не говоря о том, чтобы тащить эту чертовски большую лошадь», — подумал Гарви. Он посмотрел вперед. Склон очень крут, и совершенно невозможно, чтобы лошадь могла спуститься здесь. Он обернулся, намереваясь высказать эту мысль.

Алис уже слезла наземь и преспокойно вела лошадь вниз. Копыта соскальзывали, царапая землю, и Алис показывала лошади, куда ей следует сделать очередной шаг. Похоже, что между девочкой и лошадью царило полное взаимопонимание.

— Скоро приедет сенатор? — спросила Алис.

— Скоро. Завтра утром, — ответила Маурин.

— Мне бы очень хотелось поговорить с ним, — заявила Алис. — Все дети нашей школы хотят повидаться с ним. Его часто показывают по телевизору.

— Гарви... то есть мистер Рэнделл — автор телепрограмм, — сказала Маурин.

Алис с уважением уставилась на Гарви. Помолчав мгновение, она сказала:

— Вам нравится «Звездный путь»?

— Да, но я делаю совсем другие программы. — Гарви, упираясь каблуками, скользнул с крутизны. А ведь лошадь так, наверное, не сумела бы?

— Это моя любимая передача, — сказала Алис. — Но, Томми. Иди, все хорошо, иди сюда... Я написала сценарий для телевидения. О летающей тарелке и как мы от нее спасаемся и прячемся в пещере. У меня получилось очень хорошо.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Гарви, бросив взгляд на Маурин. И увидел, что она опять улыбается. — Не сомневаюсь, что нет ничего, что она не могла бы сделать. — Эти слова Гарви сказал уже шепотом. Маурин кивнула. Они шли по высохшему руслу ручья. Потом русло исчезло, затерявшись в зарослях чаппареля. Далеко внизу снова была видна ферма. Склон был очень крут, так что если упадешь, то сразу покатишься вниз. Катиться будешь долго, а когда остановишься, выяснится, что у тебе что-либо сломано. Гарви оглянулся и какое-то мгновение разглядывал Алис, а затем — не без страха — встал рядом с девочкой и ее лошадью. Все его мысли сконцентрировались на предстоящем спуске.

— Ты часто бываешь здесь одна? — спросила Маурин.

рин.

— Еще бы, — сказала Алис.

— И никого не боишься? — спросил Гарви.

— О, я хорошо знаю эти места, — поведала Алис. — Пару раз я заблудилась, но Томми знает дорогу домой.

— Очень хорошая лошадка, — сказала Маурин.

— Конечно. Он мой.

Гарви глянул и убедился. Жеребец, а вовсе не кобыла. Он подождал, пока Маурин догонит его. Мужская гордость заставляла его идти впереди всех, хотя было ясно, что лучше бы пропустить вперед Алис.

— Должно быть, хорошо жить в таком месте, где единственная причина для беспокойства — это возможность заблудиться... да и на этот случай есть знающая дорогу домой лошадь, — сказал он Маурин. — Она даже не поняла, что я хотел сказать. На прошлой неделе на Голливудских холмах, не далее чем в полумиле от моего дома, была изнасилована девочка примерно ее возраста. Одиннадцатилетняя девочка.

— В прошлом году была изнасилована одна из папиных секретарш. Прямо в Капитолии, — сказала Маурин. — Наша цивилизация восхитительна, не правда ли?

— Хотелось бы мне, чтобы мой сын жил здесь, — вздохнул Гарви. — Но чем тогда стал бы заниматься я? Сельским хозяйством? — и он рассмеялся про себя. Затем путь сделался слишком крут, и стало не до разговоров.

Внизу крутого склона холма пролегала покрытая грязью дорога. До фермы было еще далеко, но теперь идти стало легче. Каким-то образом Алис вновь оказалась на лошади. Гарви все время не отрывал от нее взгляда, но, когда она ухитрилась это сделать, он не заметил. Только что девочка стояла рядом с конем, и ее голова была ниже его спины, а в следующее мгновение Алис уже сидела верхом. Девочка вскрикнула, и конь поскакал галопом. Впечатление, что Алис и ее

конь составляют единое целое, усилилось еще больше: движения девочки полностью соответствовали ритму движений коня. И когда Алис умчалась вскачь, ее длинные белокурые волосы стелились по ветру.

— Когда подрастет, она сделается настоящей красавицей, — сказал Гарви. — Может быть, в здешнем воздухе что-то есть? Вся эта долина пропитана каким-то волшебством.

— Иногда я чувствую то же самое, — призналась Маурин.

Солнце уже садилось, когда они добрались до фермы. Вот он, каменный дом.

— Чуть поздновато, но не хотите ли искупаться? — спросила Маурин.

— Конечно. Почему бы и нет. Но мне не во что переодеться.

— Что-нибудь подыщется. — Маурин ушла в дом и вскоре вернулась, неся плавки. — Переодеться можете там. — И она указала на ванную.

Гарви надел плавки. Когда он вышел из ванной, Маурин уже тоже была готова. Ее закрытый купальный костюм был ослепительно белого цвета. Через руку у нее был перекинут халат. Маурин подмигнула Гарви и кинулась бегом, предоставив ему следовать сзади. Тропинка шла вдоль гранатовой рощи — все вниз и вниз и привела их наконец к песчаному пляжу на берегу тихо бормочущей речки. Маурин улыбнулась Гарви и с разбегу влетела в воду. Гарви — следом.

— Боже мой! — мгновением позже возопил он. — Да ведь это не вода, а лед!

Маурин плеснула водой ему на грудь и в лицо.

— Вперед, это не страшно!

Гарви неуверенно побрел вглубь. Дальше от берега поток бежал быстрее, дно — каменистое. Гарви с трудом сохранял равновесие, но брел вслед за Маурин — вверх по течению, туда, где вода мчалась узкой струей между двумя камнями. Поток делался все быстрее, давил, норовя свалить с ног Гарви и Маурин. Глубина

— по грудь.

— Холодная какая, — сказал он. — А вот ты будто не чувствуешь.

Наконец они добрались до заводи. И увидели маленькую форель, стрелой пронесшуюся у самой поверхности. Гарви огляделся, надеясь увидеть более крупную рыбину, но большие экземпляры прятались от нескромных взглядов. Речка выглядела так, будто специально была создана для форели: глубокие заводи, перемежающиеся с маленькими бурными водопадами. Берега густо заросли деревьями. Лишь в двух местах деревья были вырублены, очевидно, это сделал кто-то, ловивший рыбу спиннингом, — чтобы ничто не помешало его забросам.

— Кажется, я начинаю синеть, — наконец крикнула Маурин. — Вы накупались?

— Сказать по правде, я посинел уже десять минут назад.

Они взобрались на громадный белый валун, почти полностью скрытый потоком. Заходящее солнце овеяло теплом озябшее тело Гарви. Вершина валуна ещё хранила накопленный днем солнечный жар.

— Вот об этом я и мечтал, — заявил Гарви.

Лежащая на животе Маурин оперлась на локти, повернулась, чтобы увидеть его.

— О чем именно? О ледяной воде, о высоте, которой вы боитесь, или о том, чтобы натрудить ноги?

— Обо всем сразу... Хм, сегодня я никого не проинтервьюировал, а об этом я тоже мечтал. Я рад, что не смог побеседовать сегодня с вашим отцом. Завтра... черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

* * *

Она снова переоделась в свои рыжевато-коричневые брюки. Когда Гарви вошел, он увидел, что она опять достала бутылку.

— Останетесь поужинать? — спросила Маурин.

— Да... Конечно. Но может быть, лучше, если я вас приглашу поужинать со мной где-нибудь в другом месте?

Маурин улыбнулась:

— Вы не искушены в ночной — бардачной — жизни Спрингфилда и Портервилля. Останемся-ка лучше здесь. Я люблю готовить. Если хотите, можете помочь мне прибраться.

— Хорошо...

— А готовить мне много не придется, — сказала Маурин и достала бифштексы из холодильника. — Быстрозамороженная еда и микроволновая духовка. Современная цивилизация обслуживает и гурманов.

— В этой духовке больше всяких хитрых приборов, чем, например, в «Аполлоне».

— Неправда. Я побывала в «Аполлоне». Эге, да ведь вы тоже, не так ли?

— Это была модель, а не настоящий «Аполлон», — сказал Гарви. — Господи, как бы мне хотелось оказаться на их месте. Провести из космоса исследование кометы. И никакой атмосферы, мешающей наблюдению.

Маурин не ответила. Рэнделл мелкими глотками потягивал виски. Есть ему хотелось страшно. Он обследовал холодильник и нашел замороженные китайские овощи — неплохая приправа к мясу.

Пообедав, Маурин и Гарви пили на веранде кофе. Сидели в широких креслах с широкими плоскими подлокотниками, на которые удобно ставить чашки. Стало прохладно, Маурин и Гарви надели куртки. Они беседовали — тихо, неторопливо. Об астронавтах, знакомых Маурин. О математиках из Левис Карроль. О вашингтонских политиках. Внезапно Маурин встала, ушла в глубь дома и погасила свет. Вернулась, находя дорогу ощупью.

Было непроглядно темно.

— Зачем вы выключили свет? — спросил Гарви.

— Вы поймете это через несколько минут, — ответил бесплотный голос. Гарви услышал, как Маурин снова села в кресло.

Ночь была безлунной, в небе — лишь свет звезд. Но постепенно Гарви понял, что имела в виду Маурин. Когда над горами взошли Плеяды, он не узнал их. Созвездие сияло ослепительно ярко. Пылал Млечный Путь, и в то же время Гарви не мог разглядеть кофейную чашку в собственной руке!

— Есть люди... горожане... которые никогда не видели подобного, — сказала Маурин.

— Вы правы. Спасибо.

Она рассмеялась:

— Может быть, все это скоро скроется за облаками. Мое могущество небезгранично.

— Если б нам удалось... — Нет, я не прав, подумал Гарви. — Если бы мы могли, — вот какая мелькнула у меня мысль, — могли показать им все это, им — всем, кто голосует. Но картину звездного неба можно увидеть когда угодно — остановись у любого газетного киоска. Ну, увидишь ярко раскрашенные созвездия и черные дыры и множественные системы, — и что из этого? Нужно, чтобы люди оказались здесь, их нужно приводить сюда, по дюжине за один раз, и показывать им это. Показывать. Лишь тогда они смогут понять. Смотреть на небо надо здесь, никак иначе. Отсюда можно дотянуться до звезд.

Дотянулась Маурин. Дотянулась и взяла его за руку (Она видела в темноте гораздо лучше его.). Гарви даже чуть испугался.

— Забудьте о работе, — сказала она. — Иначе окажется, что главную поддержку НАСА начнут оказывать фермеры.

— Но если человек никогда не видел ничего подобного... понимаете — никогда... А вы, вероятно, правы. — Он четко сознавал, что они по-прежнему держатся за руки. Но на этом надо остановиться, дальше нельзя. Вот безвредная тема: — А как вы относитесь к галакти-

ческим империям?

— Не знаю. Расскажите мне о галактических империях.

Гарви пришлось придвинуться ближе, чтобы она могла проследить направление, в котором указывала его рука. Там, где сгущался, где ярче всего сиял Млечный Путь, пролегала ось галактики.

— Вон там и происходит главное. Там, где расположена древняя империя. Звезды там находятся на небольшом расстоянии друг от друга. Там — Трантор и миры Хаба. Хотя рискованное это дело, гадать, что там. Можно ведь предположить, что звездное ядро уже полностью взорвалось. Просто волна радиации еще не докатилась до нас.

— А можно предположить, что Земля окажется под влиянием внеземной цивилизации?

— Конечно. Но чаще считают, что все кончится атомной войной.

— О... может быть, мне не следует спрашивать, но откуда вы все это знаете?

— Я прочел массу научной фантастики. Перестал я ее глотать без разбору только лет в двадцать — не хватало времени. Понимаете, империи со столицей на Земле обязательно распадаются, уменьшаются... но даже маленький осколок такой империи состоит из ста миллиардов солнц. А владения громадных империй — меньше всего лишь одного рукава галактики... — Он запнулся. Небо сияло ослепительно ярко! Гарви чуть не наяву видел военный корабль Мула, выплывший из созвездия Стрельца. — Маурин, мне кажется, что все это правда!

Она рассмеялась. Теперь он видел ее лицо — бледное, еле различимое.

Он пересел на широкий подлокотник и поцеловал ее. Маурин подвинулась, и он сел рядом с ней. Кресло — хотя и впритирку — вместило их обоих.

И не было безвредной темы для разговора.

Мысли его разбегались. А потом всплыла одна

мысль, мешающая: завтра, черт побери! Я снова сделался Гарви Рэнделлом.

В доме было абсолютно темно. Маурин, держа Гарви за руку, вела его в спальню. Вела на ощупь и по памяти. Они раздели друг друга. Их одежды упали на пол... а может, вообще вылетели за пределы нашей Вселенной. Кожа Маурин была теплой, почти горячей. На мгновение Гарви захотелось увидеть ее лицо, но только лишь на мгновение.

* * *

Когда он проснулся, в спальне царил серый рассвет. Спина его замерзла. Они лежали, тесно обнявшись, на двуспальной кровати. Маурин спала спокойно, глубоким сном, слабо улыбалась.

Он продрог. Маурин, наверное, тоже. Нужно ли будить ее? Голова работала плохо, но Гарви нашел лучший выход. Осторожно разжал объятия, Маурин не проснулась. Он подошел ко второй кровати, содрал с нее покрывала и, вернувшись обратно, укутал Маурин. Затем, — отчетливо понимая, что сейчас залезет к ней под покрывала, — неподвижно застыл. Простоял так почти минуту.

Но она не его жена.

— Черт побери, — тихо сказал Гарви.

Стараясь не взять чужого, он сгреб в охапку свою одежду. Вышел в другую комнату. Его почему-то трясло. Первая дверь, которую он открыл, оказалась входом в еще одну спальню. Он кинул одежду на кресло и повалился в кровать.

* * *

Она еще не погибла, но изменилась. Комета сияла, агонизируя. Вещество вытекало из ран на ее теле и разливалось на миллионы миль в окружности. Образовывались новые химические соединения, и отраженный солнечный свет гнал их обратно к комете. Вероятно, на ледяной поверхности других комет таких соединений не было — или были лишь немногие молекулы.

Ослепительный свет Солнца укрывал комету от телескопов Земли. И точную ее орбиту все не могли вычислить.

Сверкал отражающий солнечный свет хвост кометы, но все ярче светилась ее голова. Некоторые химические соединения, будучи даже хорошо перемешанными, не вступают в реакцию при температурах, близких к абсолютному нулю. Но стоит их подогреть, и реакция идет бурно, с кипением. Ядро кометы бурлило, менялось.

Каждый день голова ее уменьшалась. Из покрывающей поверхность перемешанной со льдом пыли выделялся, вскипая, аммиак. Водород давным-давно улетучился. Масса кометы делалась меньше, а плотность увеличивалась.

Скоро от кометы ничего не останется, кроме каменной пыли, намертво сцементированной водяным льдом. И голова ее превратится в каменный монолит величиной с гору.

С каждым часом все больше разогревались газовые включения, и газ пробивал дорогу наружу. И разрывал голову кометы. Огромные каменные глыбы, кувыркаясь, медленно отделялись друг от друга.

Орбита кометы Хамнера-Брауна постепенно менялась.

12

Гигантский, состоящий из отдельных секций тотемный столб, а на самой вершине его — крохотная кабина. Рик Деланти лежал на спине, и улыбка то вспыхивала, то гасла на его лице. Но тренированный, тщательно отработанный его голос не выдавал улыбки — и намека не было. Голос Рика звучал точь-в-точь как голос Джонни. А сам Джонни Бейкер слегка хмурился с видом человека, занятого требующей внимания работой.

— Внутренние силовые линии включены.

— Внутренние силовые линии проверены. Все в порядке.

— Осталось пятнадцать минут, затем отсчет.

Когда бы Джонни ни глянул на Рика, тот все улыбался. Переставал и тут же начинал улыбаться снова. А затем уголки губ Джонни тоже дрогнули в улыбке. Но до этого Джонни был серьезен. Он мог себе это позволить. Он был даже высокомерным. Осталось пятнадцать минут, и пока что все механизмы работают безупречно. Между прочим, одно перечисление неисправностей, из-за которых отменили бы запуск «Аполлона», заняло бы у человека всю его жизнь. Одно только перечисление — всю жизнь без остатка!

Деланти продолжал улыбаться. Его выбрали! Все тренажи позади, и работа на имитаторах, и отлет во Флориду. Еще два дня назад он делал бочки и петли над Флоридой и Багамами, пикировал и входил в иммельманы. Этот последний, за два дня перед запуском, свободный полет — традиция. Слишком укоренившаяся традиция, чтобы ею можно было пренебречь. Полет должен снять напряжение с астронавтов, которым предстоит запуск в космос. Это напряжение полет перекладывает на плечи наземной команды, которая сходит с ума, гадая, не подведет ли тренировочный самолет,

и это после того, как все так тщательно спланировано...

— Осталась одна минута, затем отсчет.

Последние, суматошные, скомканные часы — и наконец Рик облачен в неуклюжий раздутый скафандр. Хоскинс подводит его к подъемнику и провожает вплоть до кабины «Аполлона». Потом Рик лег на спину, и колени ее оказались выше головы. Он лежал и ждал, что какой-то механизм сейчас откажет. Но сигнала об аварии все не поступало, похоже, что запуск все же произойдет, это все правда, на самом деле...

— Пять. Четыре. Три. Два. Один. Зажигание. Движение началось.

Поехали!

— Старт осуществлен...

«Сатурн» поднимался, объятый громом и пламенем. Сто тысяч, а может быть больше, официально приглашенных гостей. Репортеры, писатели-фантасты, у кого-то выклянчившие пропуска представителей прессы, обслуга космодрома, весьма важные лица, друзья астронавтов...

— Он уже в воздухе, — сказала Маурин Джеллисон.

Ее отец глянул на нее с изумлением:

— О космических ракетах обычно говорят «она».

— Да, я хотела сказать именно это, — ответила Маурин. «Почему я думаю, что больше никогда не увижу его?»

Сзади забормотал вице-президент. Бормотал про себя, но достаточно громко, можно было расслышать «Лети, лети, птица...» — вот что шептал он. Потом, когда уже всем стало ясно, что ракета оторвалась от земли, он поднял взгляд, понял, что его слышно, и пожал плечами.

— Лети, беби! — вдруг закричал он.

Его крик как бы пробудил зрителей. Все словно осознали, как велика мощь ревущего «Сатурна». Как много труда и знания вложено в ракету-носитель. Для

более старших зрителей она была чем-то невозможным — будто ожило то, о чем они когда-то в детстве прочли в книжке. Для более молодых в корабле не было ничего странного, и они не могли понять, почему старики так взволновались. Все закономерно и неизбежно. Космические корабли — это реальность, и, естественно, они должны летать.

Находившиеся внутри «Аполлона» астронавты улыбались. Улыбка их — словно изогнулся в улыбке рот трупа. Возросшая в несколько раз сила тяжести вдавила лицевые мышцы в глубь щек. Наконец первая ступень отделилась и пошла вниз. А потом то же самое произошло со второй ступенью. И третья ступень дала последнее ускорение... и Рик Деланти, по-прежнему улыбаясь, взмыл в воздух.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Вы выглядите неплохо, — сказал голос из репродуктора.

— Вас понял, Хаустон, — Деланти обернулся к Бейкеру. — Приказывайте, генерал.

Бейкер застенчиво ухмыльнулся. Его буквально перед самым запуском повысили в звании. Это было сделано для того, чтобы он имел такой же чин, как и советский космонавт.

— Есть одно условие, — сказал президент, вручая Бейкеру его новые знаки отличия.

— Какое, сэр? — спросил Бейкер.

— Вы не должны дразнить своего русского напарника — я имею в виду его имя. Не поддавайтесь искушению.

— Хорошо, мистер президент.

Но похоже, это будет трудно... «Петр Яков» на русском не имеет двойного значения. Но товарищ генерал Яков очень хорошо владеет английским. В этом Бейкер смог убедиться во время их первой встречи в Хаустоне. Наземная встреча с женщиной-космонавтом также намечена... но лишь в России. Как было официально объявлено, она не смогла приехать в Соединенные Штаты из-за большой занятости.

— А теперь нам нужно найти этот чертов мусорный бак, подполковник Деланти, — сказал Бейкер. — Он ведь большой, правда?

— Вам виднее. — Деланти глянул в иллюминатор, глаза расширились от изумления. Все это он уже неоднократно видел на имитаторе. Во время обучения показывали соответствующие кинофильмы, а бывалые астронавты беспрерывно рассказывали о космосе. Чтобы воссоздать условия невесомости, Рика, одетого в скафандр, погружали в воду. Но все это было не по-настоящему. А сейчас — по-настоящему.

Космос был абсолютно черен, и — хотя лежащую внизу Землю ярко освещало Солнце — ярко сияли звезды. Виден был Атлантический океан и острова, и приближающееся на глазах побережье Африки. Зрелище было точь-в-точь как на школьной карте. По карте были разбросаны комочки ваты — облака. Далее к северу видны были Испания и Средиземное море, а еще дальше пустыню Египта пересекал извилистый темно-зеленый разрез — Нил.

А затем корабль вошел в тень, и внизу засветились огни сказочных городов Индии.

Они уже были над окутанной ночью Суматрой, когда Деланти щелкнул пальцем по экрану радара.

— Вот он, — сказал Рик, — «Молотлэб».

— Верно, — согласился Бейкер. Глянул на прибор Допплера: корабль медленно плыл по направлению к капсуле. Корабль нагнал ее над Тихим океаном — как и предсказал компьютер Хаустона. Потом пришлось ждать. Наконец Бейкер сказал: — Тесновато здесь. Так что начнем отлавливать наш дом. — Он щелкнул тумблером передатчика: — «Самородок», говорит «Аполлон», «Молот-лэб» в визуальной близости, начинаем конечный маневр сближения.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Что, как вы сказали, находится в визуальной близости?

— «Молот-лэб», — сказал Бейкер. Он оглянулся на Деланти и ухмыльнулся. Официально космическая

лаборатория называлась «Скайлэб»-2. Но кто когда называл ее этим именем?

Корабль и капсула лаборатории быстро сближались. Впрочем, по масштабам астронавтов, можно сказать, что и медленно: собственная скорость корабля составляла 25000 футов в секунду. Деланти управлял «Аполлоном». Реактивные двигатели осторожно подводили корабль к цели. К стальному цилиндру, похожему на гигантский мусорный бак, сорока футов в длину и десяти в диаметре. По бокам — иллюминаторы, один воздушный шлюз и на каждом конце по соединительному люку.

— Эта космическая лаборатория — не подарок, — пробормотал Бейкер. — Кувыркается. Думаю, одна ротация занимает четыре минуты восемь секунд.

Первое, что нужно, чтобы состыковаться с «Молотлэбом», — корабль должен прийти в то же вращение, что и капсула. Позиционные реактивные двигатели начали извергать точно отмеренные порции пламени. Еще ближе к цели... выждать свой шанс... так, чтобы удлиненный соединительный выступ «Аполлона» мог войти в соединительное отверстие, зияющее на оконечности «Молотлэба». И корабль снова окутала тьма. Рик был изумлен: как много времени занял полет к цели, отстоящей на расстоянии менее мили. Разумеется, за те же самые пятьдесят минут корабль также пролетел 14000 миль...

Когда опять стало светло, Рик был в полной готовности. Приблизился к капсуле... еще приблизился... он выругался, чуть подвинул корабль к лаборатории и почувствовал, что «Аполлон» и «Молотлэб» легонько соприкоснулись. И приборы показали: контакт в самом центре, и Рик еще дал вперед, жестче...

— Сломали девственность! — закричал он.

— Хаустон, говорит «Аполлон». Мы состыковались. Повторяю, мы состыковались, — сказал Бейкер.

— Уже знаем, — сухо сказало радио. — Полковник Деланти забыл отключить свой микрофон.

— Гм, — пробормотал Рик.

— «Аполлон», говорит Хаустон. Ваши напарники приближаются к вам. «Союз» вас уже видит. Повторяю, «Союз» вступил с вами в визуальный контакт.

— Хаустон, вас понял. — Бейкер обернулся к Рику: — Теперь стабилизируй эту недевственницу, а я тем временем по-дружески побеседую с нашим азиатским братцем... и сестрицей. «Союз», «Союз», вызывает «Аполлон». Конец.

— «Аполлон», говорит «Союз», — отозвался мужской голос. С грамматической точки зрения, английский Якова был безупречен, да и акцента почти не чувствовалось. Якова учили говорить по-английски не англичане, а американцы. — Следуем точно за вами. Вопрос: вы уже закончили состыковочный маневр? Конец.

— Мы состыковались с «Молотлэбом». Можете смело приближаться. *Конец.*

— *«Аполлон», говорит «Союз». Вопрос: под «Молотлэбом» вы имеете в виду* «Скайлэб»-2? Конец.

— Подтверждаю, — сказал Бейкер.

Деланти понимал, что он потратил слишком много горючего. Даже самый большой придира этого бы не заметил. Маневр, безусловно, укладывался в допуски программы, составленной Хаустоном. Но Рик Деланти был бережлив.

Наконец стабилизация была достигнута. Нос «Аполлона» был прочно погружен в соединительный люк «мусорного бака», то есть «Молотлэба». Соединенные воедино, корабль и лаборатория заняли, не шатаясь и не кувыркаясь, устойчивое положение в пространстве. За секунду «Аполлон» пролетал 25000 футов. Иначе говоря, каждые девяносто минут Бейкер и Деланти должны были совершать один оборот вокруг Земли.

— Готово, — сказал Рик. — Теперь понаблюдаем за их попыткой.

— Согласен, — сказал Бейкер и включил телесистему. В механизм состыковки была вмонтирована теле-

камера, соединенная кабелем с экраном. Видно было отлично: к «Молотлэбу» приближался массивный «Союз». Он был ближе, чем ожидали Бейкер и Деланти. «Союз» рос, разворачиваясь носом по центру. Он слегка раскачивался, словно демонстрируя свое массивное тело. И он был значительно больше «Аполлона». Составляя свои космические программы, Советы всегда учитывали, что у них есть мощные военные реактивные двигатели. И с успехом их использовали. А НАСА предпочитала проектировать и строить свои двигатели самостоятельно — независимо от военных.

— Надеюсь, эта громадина не забыла, что люди любят обедать, — сказал Деланти. — В противном случае здесь будет голодно.

— Угу, — Бейкер продолжал наблюдение.

«Молотлэб» не мог выполнить свою задачу без «Союза». «Союз» должен был доставить большую часть пищевых припасов. «Молотлэб» был набит инструментами, приборами и кинооборудованием. Но воды и пищи в нем было запасено лишь на несколько дней. Для того чтобы ждать приближения кометы Хамнера-Брауна, «Молотлэбу» была необходима помощь «Союза».

— Может быть, голодно будет в любом случае, — сказал Джонни Бейкер. Он мрачно следил, как на экране маневрирует советский корабль.

Наблюдать ему было больно.

«Союз» дергался, словно захваченный приливом подыхающий кит. Он резко разворачивался носом к телекамере и так же резко отводил его в сторону. Попытался сунуться сбоку, остановился... почти остановился. Попытался еще раз — и отошел назад.

— И это их лучший пилот, — пробормотал Бейкер.

— Я сам тоже выглядел не слишком хорошо...

— Дерьмо коровье. Твоя цель кувыркалась. А сейчас мы устойчивы, как автомобиль. — Бейкер понаблюдал еще несколько секунд, потом покачал головой: — Разумеется, это не их вина. Дело в системах контроля. У нас на борту есть компьютеры. У них — нет. Но

ведь позор какой...

Будто вырезанное из красного дерева лицо Рика Деланти сморщилось.

— Джонни, я не уверен, что у меня получилось бы намного лучше.

То, что они видели, вызывало ощущение муки. Руки их зудели — вмешаться. Такие чувства иногда испытывает едущий сзади водитель.

— Он-то пообедал, — сказал Бейкер. — Когда он, наконец, собирается сдаться?

Корабли вошли в полосу тьмы. Связь с «Союзом» была ограниченной: допускались лишь официальные переговоры. Когда корабли вновь вышли на свет, советский корабль попытался приблизиться снова.

— Похоже, что здесь будет голодно, — сказал Деланти.

— Заткнись.

— Слушаюсь, сэр.

— Оттрахать бы тебя как следует.

— Пока я в скафандре, это невозможно.

Они продолжали наблюдать. Наконец последовало сообщение Якова:

— Мы истратили необходимое для стыковки горючее. Прошу привести в действие план Б.

— «Союз», вас понял, приготовьтесь к выполнению плана Б, — с нескрываемым облегчением сказал Бейкер и подмигнул Деланти: — А теперь покажи коммунистам, на что способен настоящий американец.

Официально план Б рассматривался как мера на крайний случай, но все американцы, планировавшие полет, втихомолку утверждали, что без него не обойтись. И в Соединенных Штатах готовились к его выполнению так, будто план Б является неотъемлемой стадией предстоящего полета. По ту сторону Атлантики надеялись, что без него удастся обойтись, — но и там о нем ни в коем случае не забывали. Замысел плана Б был прост: «Союз» останавливается, а «Аполлон» — «Молотлэб» — как это ни нелепо — идет на

сближение с ним.

Космический корабль и соединенный с ним огромный, неуклюжий, массивный «бак» сдвинулись с места. Пилотировал Деланти. Выглядело все это так, будто авианосец пытался подвернуть под снижающийся самолет. Но в распоряжении Рика была лучшая в мире компьютерная система — лучшая в мире для выполнения данной задачи, мудрая, заботливо обученная мастерами высшего класса, имеющими тысячи часов летного времени. В распоряжении Рика были приборы, разработанные во многих и многих институтах и лабораториях. В таких институтах и лабораториях, где создание точнейших приборов — привычное дело.

— Хаустон! Хаустон, приступаем к выполнению плана Б, — доложил Бейкер.

И вот сейчас весь мир — весь мир! — не сводит с меня глаз, подумал Деланти. Смотрит и слушает. И если я промахнусь... Мысль эта была невыносимой.

— Расслабься, — сказал Бейкер.

Он не предложил сделать это сам, подумал Деланти. Хорошо. Начали. Делать все, будто это имитатор.

Все правильно. Сразу прямо вперед, теперь все проверить, и еще крошечный импульс, чтобы реактивные двигатели ввели оба корабля в соприкосновение. Опять — всем телом почувствовал контакт, и одновременно на приборной доске вспыхнула зеленая лампочка.

— Сделано, — сказал Рик.

— «Союз», мы присоединились, готовьте соединительный буфер, — сообщил Бейкер.

— «Аполлон», подтверждаю стыковку. К встрече готовы.

— Сказал невылупившийся цыпленок. А яйцо-то протухло, — прокомментировал Бейкер.

* * *

Плавая внутри «мусорного бака» (он же — «консервная банка»), они церемонно обменивались рукопожатиями — поочередно, по кругу. Историческое событие, как объявляли теле- и радиокомментаторы там, внизу. Но Бейкер не смог придумать никаких фраз, достойных войти в историю.

Предстояло сделать слишком многое. Экспедиция — не рассчитанное на внешний эффект рукопожатие в космосе, как было в предыдущем полете «Союз» — «Аполлон». Сейчас предстоит работа, намечено многое, и расписание жесткое. Все выполнить — даже если повезет — они скорее всего не смогут.

И еще... Бейкер неожиданно для себя рассмеялся. Можно и посмеяться — если не понадобится слишком долго объяснять причину смеха. А рассмеялся он потому, что вдруг понял, *как хорошо они все смотрятся.*

На нас лежит *благословение Божие, подобных нам* нет. Леонилла Александровна Малик загадочно — и как-то зловеще — прекрасна. Она была высокомерна и самоуверенна — она могла бы играть царицу! Но гладкая, сильная мускулатура скорее подходила исполнительнице роли примы-балерины. Восхитительно красивая и хладнокровная женщина.

Разбивательница сердец, подумал Джонни Бейкер. Но — так, чтобы не заметил посторонний взгляд — в чем-то глубоко ранимая. Словно Мойра Ширер в «Красных сапожках». Хотел бы я знать, со всеми ли она ведет себя так холодно-вежливо, как с генералом Яковым.

Генерал Петр Иванович Яков, народный герой. «Герой какого именно класса?» — подумал Бейкер. Совершеннейшая кандидатура для рекламного плаката — записывайтесь, мол, добровольцем. Красивый, с хорошо развитой мускулатурой, с холодными глазами. Он немножко походил на самого Джонни Бейкера, и это

было не более удивительно, чем то, что Рик Деланти несколько похож на Мухаммеда Али.

Мы, четверо, неплохие образчики человеческой породы, мы в полном расцвете сил и здоровья... и чертовски фотогеничны. Жаль, что здесь нет этого парня из НБС, Рэнделла, он бы сделал групповой снимок. Но он его, возможно, еще сделает.

Они плавали, располагаясь под самыми невозможными углами по отношению друг к другу. Тела их двигались под действием случайных потоков воздуха. Они беспричинно улыбались. Даже Бейкера и Якова, испытавших все это прежде, охватило радостное возбуждение. А Рик и Леонилла вообще оказались на седьмом небе. Они старались подплыть поближе к иллюминаторам, чтобы увидеть Землю и звезды.

— Вы доставили нам обед? — наконец спросил Деланти.

Леонилла улыбнулась. Холодно улыбнулась.

— Разумеется. Надеюсь, он вам понравится. Но мне не хотелось бы испортить сюрприз, подготовленный товарищем Яковым.

— Сперва нужно подыскать место, где мы сможем его съесть, — оглядывая загроможденную капсулу, сказал Бейкер.

От приборов было не повернуться. Электронное оборудование было привинчено к переборкам. Приборы были закутаны в пласты губчатой пластмассы и закреплены желтыми нейлоновыми лентами. Они походили на бесформенные комья. Пластиковые коробки, штативы, кассеты с пленкой, микроскопы, разобранный на части телескоп, инструментальные сумки, паяльники... И еще висели многочисленные диаграммы, на которых показывалось, где что размещено. Бейкера и Деланти тренировали до тех пор, пока они не научились находить буквально любой предмет в полной темноте. Но тем не менее — кабина загромождена, и порядок здесь навести невозможно.

— Мы можем поесть в «Союзе», — предложила

Леонилла. — Здесь так тесно... — И она беспомощно обвела вокруг рукой.

— Это не то, чего мы ожидали, — сказал Яков. — Я переговорил с Байконуром, сейчас мы должны на несколько часов вернуться на свой корабль, надо развернуть солнечные крылья. Но я предлагаю сперва поесть.

— Чего именно вы не ожидали? — спросил Деланти.

— Этого, — Яков показал выразительно.

Джон Бейкер рассмеялся:

— У нас не было времени все по-настоящему распланировать. Просто погрузили что надо на корабль грудой... Будь у нас время, все, что вы здесь видите, было бы иное — специально спроектированное для изучения кометы. И имело бы вдвое меньше веса...

— И стоило бы в девять раз дороже, — добавил Деланти.

— И тогда мы бы оказались *вам не нужны*, — сказала Леонилла Малик.

Яков холодно посмотрел на нее. Начал было что-то говорить, но передумал: Леонилла сказала правду, и все знали, что это — правда.

— Господи, тогда бы все было разложено по полочкам, — заявил Деланти. — Давайте приступим к еде.

— И вам ничего не помешает есть? — спросила Леонилла. — На вас не действует состояние свободного падения?

— На него? На Старое Железное Ухо? — Джон Бейкер рассмеялся. — Черт возьми, да он преспокойно обедал, сидя внутри раскрученного тренажера. Что касается меня, то на мою персону свободное падение несколько действует. Но, поскольку это не первый мой полет, я знаю, что это скоро прекратится.

— Мы можем поесть. Сейчас мы войдем в полосу тьмы, а солнечные крылья лучше разворачивать на свету, — сказал Яков. — Я тоже предлагаю перейти в «Союз», там больше места. И у нас есть для вас сюрп-

риз. Икра. Вообще ее полагается есть из тарелки, но, несомненно, мы сможем ее съесть и выдавливая из тюбика.

— Икра? — переспросил Бейкер.

— Это самая лучшая на свете еда, — сказала Леонилла. — Скоро будет прорыт новый канал, и уровень воды в Каспийском море и Волге повысится. Условия жизни для наших осетров улучшатся. Надеюсь, вы любите икру?

— Еще бы, — подтвердил Бейкер.

— Так давайте съедим ее, — и Яков впереди всех направился к «Союзу».

И никто не заметил, как приотстал Рик Деланти, будто ему вдруг расхотелось обедать.

* * *

Деланти и Бейкер были снаружи. Тонкие тросы соединяли их с «Молотлэбом». Вокруг — пустота космического пространства, ослепительный свет Солнца, а в тени — тьма, будто тьма глубочайшей из пещер.

Крылья «Скайлэба» были покрыты солнечными элементами. Предполагалось, что крылья развернутся автоматически, но они не развернулись.

Конструкция «Молотлэба» предусматривала различные способы управления. Крылья были плотно прижаты к его корпусу, но проектировщики предусмотрели, чтобы их можно было развернуть и просто руками. Этим и занимались Бейкер и Деланти.

Без энергии, вырабатываемой солнечными элементами, не обойтись. Без этой энергии лаборатория работать не сможет.

Более того, даже не удастся охладить капсулу до такой степени, чтобы в ней можно было жить. Космос не холоден. Он вообще не обладает определенной тем-

пературой: нет воздуха, поэтому о температуре не может быть и речи. Тела, попавшие в полосу солнечного света, накапливают тепло, и это тепло нужно каким-то образом выбрасывать наружу. Много тепла (даже больше, чем его создает солнечное излучение) исходит от человеческого тела: человек живет отнюдь не в условиях полной изоляции от окружающей среды, неважно, находится ли он в скафандре или в космической капсуле. На каждый кубический дюйм своего тела человек генерирует больше тепла, чем генерирует Солнце на каждый кубический дюйм своей поверхности. Разумеется, этих кубических дюймов у Солнца гораздо больше...

Так что без солнечных элементов не обойтись, и потому нужно поработать. Бейкер и Деланти могли перемещать тела, обладающие большой массой: в космосе тела не имеют веса. Но масса остается той же самой, и сила трения действует по-прежнему. Скафандры мешали, сопротивляясь каждому движению, но постепенно тело двигалось. Им удалось ничего не сломать, ничего не помять. Система была спроектирована как можно проще — и так, чтобы умный человек, оказавшийся в космосе, мог с ней управиться.

— Все, — сказал Джонни Бейкер. — И у нас есть еще несколько минут, прежде чем кончится кислород. Рик, потратим чуть времени на то, чтобы полюбоваться видом.

— Хорошо, — выдохнул в микрофон Рик.

Бейкеру не понравилось, что он услышал: Деланти дышал слишком тяжело и слишком прерывисто. Но он ничего не сказал.

— Я думал, что последний сектор нам так и не удастся развернуть, — отдуваясь, сказал Деланти.

— Ничего, развернули. А если б не развернули, пришлось бы заняться его починкой, — ответил Бейкер. — Проклятые выродки с их безупречными черными ящиками... Ладно, на этот раз меня снабдили инструментами для работы. Нет ничего, что нельзя было

бы сделать, если есть нужные инструменты.

— Конечно, плевое было дело. Сейчас-то что...

— Верно. Причин для беспокойства теперь нет... Если не считать международной напряженности, возможного нападения кубинских налетчиков и того, что как раз нам навстречу несется огромное скопление перемешанного с грязью льда со скоростью пятьдесят миль в секунду.

— Это все утешает... Уфф! Эй, Джонни, я вижу Южную Африку. Только... никто отсюда не сможет определить, где там границы. Никаких границ между странами. Джонни, я сейчас сделаю крупное философское открытие.

— Ты отсюда не видишь и линий широты и долготы, но это не значит, что они не имеют никакого значения.

— Гм.

— Знаешь, по этому поводу может подняться большой шум. Если мы будем настаивать на том, что из космоса международные границы не видны, соображаешь, что может случиться?

Рик рассмеялся:

— Да. Все начнут окрашивать свои границы светящейся оранжевой краской. В милю шириной. А потом все эти детки с высшим образованием поднимут визг, что это представляет опасность для окружающей среды...

— И обвинят тебя в том, что именно с тебя все и началось. Нам пора возвращаться на корабль.

13

Горе тебе, народ мой! Ибо разве не видишь ты, как по всей земле распространилась мерзость запустения? Разве не видишь ты, как погрязли в грехе города

твои, разве не чувствуешь, какой смрад окружает тебя?

Услышь же слова пророка Мелахии:

«И вот, смотри, наступит день кометы, день пламени. И все надменные — это истина — и все, кто поступает греховно, будут искоренены полностью. И повелел Бог Воинств, что в день кометы в пламени погибнут они, и не останется от них ни корня, ни ветви.

Но для тех, кто страшится имени моего, народится Сын справедливости, несущий на крыльях своих спасение».

Народ мой, близится удар Молота Божьего, который покарает надменных и греховных. Но смиренные будут возвеличены. Покайтесь, пока есть еще время. Ибо никто не спасется от всемогущего Молота, в сиянии которого уже сейчас меркнут звезды. Покайтесь, пока не поздно. Пока еще есть время.

— Благодарю вас, преподобный Армитаж. Вы прослушали проповедь преподобного Армитажа «близится Час».

* * *

Марк Ческу подогрел саке в химической колбе. Горлышко колбы он заткнул стеклянной пробкой. Потом часть водки он разлил по крошечным чашкам, долил еще саке в колбу и снова опустил ее в кипящую на плите воду.

— У меня на письменном столе стояли два цветочных горшка, — сказал он. — В одном росла марихуана, на этом горшке была надпись «каннабис сатива». В другом — «аралия элегантиссима». Если вы не знаете, что это такое, то это — нечто очень похожее на марихуану, — Марк передал одну чашку Джоанне, другую — Лилит. — Однажды меня навестил босс вместе с важными шишками из главной конторы. Они тогда

ничего не сказали, но на следующий день сказал босс. «Уберите это», — вот что сказал он, — Марк передал третью чашку Фрэнку Стонеру, четвертую чашку поставил на ручку своего кресла. — «Что убрать?» — спрашиваю я. А он говорит: «Знаете, я не совсем такой уж невежественный. Я знаю, что это такое». Король Миллер закатила истерику. Она позвала еще ребят, и мы заставили его повторить все это. Все знают, «что это такое».

Фрэнк Стонер с удобством развалился в своем кресле. Одной рукой он обнимал Джоанну Макферсон, другой обвивал талию Лилит Хатавей. Лилит была неплохого роста — пять футов девять дюймов. А узкие плечи Джоанны оказались как раз на той высоте, чтобы удобно лечь под толстую руку Фрэнка.

— И когда это было?

— Пару лет назад. А двумя месяцами позже меня уволили.

Фрэнк оскалил в ухмылке зубы:

— Из-за такой мелочи?

— А? Нет, к марихуане это не имело никакого отношения. Просто им пришлось уволить некоторое количество работников. А потом... А больше всего я проработал с Гарвом Рэнделлом. — Марк подался вперед, глаза его сверкнули. — Ох, и весело было — отлавливать «человека с улицы»! Нам попался полковник, который боялся открыть рот — вдруг чего-нибудь не то ляпнет! Был еще парень, борец-профессионал, так тот не мог дождаться падения Молота. Вот, мол, когда настанет время для настоящего мужчины, способного править миром, — и Марк улыбнулся Лилит. Лилит была светлая блондинка со смазливым, похожим на кошачью мордочку лицом. Она была дура дурой. Марк познакомился с нею в баре, где она танцевала. Бар назывался «Взаимообмен», и девушки танцевали там с обнаженной грудью.

Фрэнк Стонер выпил как раз столько, чтобы стараться быть вежливым. Но Марк ни на что не обращал

внимания. Он осушил свою чашку одним глотком (саке нужно пить быстро, в противном случае оно остынет) и заявил:

— В тот вечер мы даже проинтервьюировали мотоциклистов. Они называли себя «Безбожные гонщики». Впрочем, не думаю, чтобы они всерьез воспринимали это название.

Джоанна рассмеялась:

— Конец света. Никаких машин, дороги пустые. Никакой суеты. Твои приятели-мотоциклисты наверняка считают, что города от этого только выиграют.

— Может, ты и права, но ничего подобного они вслух не сказали.

— Пожалуй, это верная мысль, — сказал Фрэнк Стонер. Фрэнк познакомился с Марком во время гонок — по дорогам с гаревым покрытием, через всю страну, победителю — *денежный приз. — На мотоцикле* проедешь туда, куда *автомобиль пройти не может.* Мотоциклу нужно меньше бензина. И еще: мы держимся друг за друга, мы не затеваем между собой драк. Если, скажем, где-нибудь припрятать некоторое количество бензина... Ага! А каковы шансы?

Марк махнул рукой, едва не разбив свою чашку:

— Практически нулевые. Если только не верить тому, что печатают в газетах астрологи. Хотя Шарпс утверждает, что мы, может быть, пройдем через хвост этой кометы. Но, парень, это вовсе не означает столкновение!

— Шарпс — это один из астрономов, которых они интервьюировали, — объяснила Джоанна. И встала, чтобы вновь наполнить чашки.

— Да, и он был поумнее всех прочих. Сами увидите это по телевизору. Эй, вы разве не знаете, что в этом месяце вам на головы свалится мороженое? Во вторник? — Марк сделал полную драматизма паузу (во время которой Джоанна начала хихикать). Затем Марк Ческу продолжил повествование.

* * *

Часом позже подошло время Лилит идти на работу. Саке почти не осталось. Марку было хорошо. Он беседовал с Фрэнком, а легкая, как перышко, Джоанна сидела у него на коленях.

Марк жил с Джоанной уже почти два года. Иногда ему приходило в голову, что это странно, что он, похоже, становится убежденным сторонником моногамии. Конечно, вследствие этого его образ жизни изменился... но Марку такое изменение, как ни странно, нравилось. Само собой, он уже и думать не смел переспать еще с кем-нибудь — зато теперь и драться приходилось поменьше. И он по-прежнему имел право встречаться с интересными для него людьми. Изредка ему становилось страшно: когда-нибудь это все кончится...

— Тебе нужно чертовски много времени, чтобы опять войти в форму, — сказал Фрэнк.

— А? — Марк попытался вспомнить, о чем они беседовали. А, да, о круговой гонке, в которой они сражались друг с другом. С той поры прошел не один год. А теперь Марк может лишь смотреть, как мчат мотоциклы по трекам с гаревым покрытием, он — зритель. Мускулатура у него еще сохранилась, но он уже отрастил «пивной живот» — словно не живот, а большая мягкая подушка. Он поглядел вниз, на эту «подушку», и сказал: — Да... это я забеременел от Джоанны.

— Откровенно сказано, — отметила Джоанна. — Ты меняешься к худшему.

— Я становлюсь слишком старым, чтобы попусту тратить время. Надо мне подписать постоянный контракт с Рэнделлом. — Марк поднял Джоанну и поставил ее на ноги (да, мускулатура еще сохранилась). Вышел на кухню, чтобы взять оставшееся саке. И оттуда крикнул: — Что будем делать, если Молот все же

ударит?

— Главное — не оставаться здесь, — ответил Стонер. И через несколько секунд добавил: — Вообще надо держаться подальше от побережья. Скорее всего комета влетит в океан. Дай мне пива.

— Ага.

— У тебя вроде есть карта, на которой обозначены геологические разломы Калифорнии?

Марк был полностью уверен, что такая карта у него есть. Принялся искать ее.

— Хорошо бы иметь мотоцикл, вроде того, что был у меня в Мексике, — сказал Фрэнк. — Большую четырехтактную «хонду». И достать запасные части к ней — не такая уж проблема. — Фрэнк замолчал, мысленно исследуя открывающиеся возможности. Он, Джоанна и Марк — они знакомы друг с другом уже довольно давно. Им не нужно говорить, только чтобы заполнить паузу. Хотя с Марком в этом отношении теперь становится чуточку сложнее. — Теперь подумайте: наступит время беспорядков и грабежей. Страшные ливни, цунами, землетрясения... все общественные службы будут уничтожены — включая полицию. Пожалуй, где-нибудь за городом я припрячу некоторое количество бензина и запасные части к мотоциклу — там, где никто не сможет найти и украсть их.

— Оружие?

— Я припас кое-что на память о Вьетнаме. Незарегистрированное.

— Я тоже. — Марк бросил поиски карты. — Понадобится насос для перекачки бензина. Скоро на улицах можно будет без труда найти брошенные машины...

— Я о таком насосе уже позаботился.

— Ага. А предположим, голова кометы не столкнется с Землей?

Фрэнк помедлил с ответом.

— Даже если ничего не случится, — вмешалась Джоанна, — комета обеспечит нам великолепное зре-

лище. Будем любоваться целый вечер. И Лилит пригласим.

Фрэнк Стонер поразмышлял на несколько секунд дольше, чем это принято. Он нелегко раздавал обещания. Комета из области предположений переходила в сферу реальности. Марк хороший парень — в соревнованиях, в драке, но он не всегда выполняет свои обещания, он имеет привычку бросать начатое, и потом еще это новоприобретение — пивной живот. По мнению Фрэнка, такой живот служит показателем расхлябанности. Но все же...

— Ладно, О'кей. Но вечер наблюдений устроим не здесь. Скажем, так: возьмем спальные мешки и за ночь перед встречей Земли с Молотом отправимся к Мулхолланду.

Марк приподнял, как в тосте, чашку с саке.

— Отлично. Цунами должно быть уж совершенно рассучьим, чтобы вода достигла такой высоты. А если понадобится, оттуда легко выйти к дороге. — Марку было бы как-то неуютно, если б он, не приводя своих доводов, покорно соглашался с предложениями Фрэнка.

Мысли Фрэнка были заняты Джоанной. Вряд ли Марк сумеет защитить ее. А Джоанна, учитывая ее самоуверенность и знание кунг-фу, — вероятно, она считает, что сумеет, если что, постоять за себя — и тоже вряд ли.

* * *

Эйлин понадобилось почти полминуты, чтобы осознать, что на краю ее письменного стола, изучающе рассматривая ее, сидит мистер Корриган. Прямая как стрела, Эйлин сидела за столом, пальцы ее безжизненно лежали на клавиатуре. Казалось, она внимательно изу-

чает голую стену перед собой... И вдруг обнаружила на переднем плане Корригана.

— Слушаю, — сказала она.

— Привет. Это я, — сказал Корриган. — Что вы на этот счет скажете?

— Не знаю, босс.

— Примерно месяц назад я готов был поклясться, что вы влюблены. Когда вы приходили на работу, взгляд у вас был отсутствующий, иногда вы выглядели смертельно усталой и все время беспричинно улыбались. Но я считал, что ваше увлечение должно в конце концов пойти на убыль, — и я был не прав.

— Да, это любовь, — ответила Эйлин и улыбнулась. — Его зовут Тим Хамнер. Он ужасно богат — до неприличия. Он хочет, чтобы я вышла за него замуж, он мне это сказал прошлой ночью.

— Гм, — неодобрительно сказал Корриган. — Основная проблема, естественно, следующая: не слишком ли пострадает дело в случае вашего увольнения?

— Это было первое, о чем я подумала, — задумчиво поглядев на Корригана, ответила Эйлин — и он так и не смог понять, что этот взгляд означает.

— Профессиональный риск, — живо отметил Корриган. — Вы этого человека любите?

— О... да... Очень люблю. Но... Я уже приняла решение — и оно мне не нравится.

И Эйлин с такой свирепостью набросилась на пишущую машинку, что Корриган счел за благо вернуться к своему письменному столу.

* * *

Она звонила трижды, прежде чем застала его дома. И сразу сказала:

— Тим? Извини, но ответ отрицательный.

Долгая пауза, а потом:

— Хорошо. Но ты мне можешь объяснить, почему?

— Попытаюсь. Дело в том... что это будет выглядеть глупо.

— Я этого не нахожу.

— Как раз перед тем, как мы познакомились, я стала помощником генерального управляющего корригановской компании сантехнического оборудования.

— Ты мне это говорила. Послушай, если ты боишься потерять свою независимость, я осыплю твою склоненную голову ну, скажем, ста тысячью долларов, и ты останешься полностью ни от кого не зависимой.

— Не знаю, как это сказать, но... дело не в этом. Дело во мне. Мне придется менять слишком многое. Я сама добилась всего, и я горжусь этим. И не хочу отказываться от достигнутого.

— Ты хочешь продолжать работу? — Тиму трудно было выдавить из себя хоть слово. Придется признать, что его идея оказалась глупой. Но... — О'кей.

Эйлин представила себе картинку: каждое утро ее в компанию Корригана доставляет служебный лимузин. С шофером. И рассмеялась: в конце концов, все и так валится к черту.

* * *

Коллин читала книгу в бумажной обложке. В волосах — бигуди. Она включила стереосистему, и по временам, в такт музыке, ее пальцы барабанили по стоящему у ее мягкого кресла столу.

Фред тоскливо пытался догадаться, какую музыку она слушает. Что она читает, он знал. Заглавия он прочесть не мог, но на обложке была изображена женщина в длинном, ниспадающем до земли одеянии, а за ее спиной замок (одно окно замка светилось). Готические романы все одинаковы — что внутри, что снаружи.

Бигуди не вызывали у Фреда возражений: Коллин в них выглядела еще привлекательнее.

Предвкушение с привкусом радости: скоро они встре-

тятся. Скоро.

Иногда чувство вины делалось непереносимым. И тогда сумасшедшее желание охватывало Фреда Лаурена: уничтожить телескоп и покончить с собой. Покончить со всем раньше, чем он успеет причинить вред Коллин. Но эта мысль и действительно — сумасшествие. В любом случае через месяц с небольшим он, Фред, будет мертв. И то же самое произойдет с Коллин. Как бы худо он с ней ни поступил, все равно это окажется преходяще. И сделано это будет потому, что он ее любит.

Потому что любит. Фред тосковал по этой рассматриваемой им в телескоп девушке. Он подкручивал маленькие колесики, делая изображение отчетливее, резче. И пальцы его дрожали. Сейчас еще слишком рано. Слишком рано.

14

Сержант Мэйсон Джефферсон Лаутон был военнослужащим стратегического авиационного командования и гордился этим. Он гордился безупречно отглаженной формой, голубым, повязанным на шее галстуком и белыми перчатками. Он гордился висящим у бедра 38-калиберным.

Омаха. Жаркий день клонится к вечеру. Мэйсон снова глянул на наручные часы, и как раз в этот миг на посадочную дорожку приземлился КС-135. Самолет вырулил к разгрузочной площадке, где его и ждал Мэйсон. Первым показался полковник, постоянно дежурящий по авиабазе, Мэйсон узнал его. Внешность следующего полностью соответствовала фотографии, заранее переданной сержанту службой безопасности. Прилетевшие направились к джипу.

— Ваши удостоверения? — спросил Мэйсон.

Полковник молча предъявил пропуск. Сенатор

Джеллисон нахмурился.

— Я прилетел на самолете генерала, и меня сопровождает полковник с вашей базы...

— Да, сэр, — сказал Мэйсон. — Но вы обязаны предъявить удостоверение.

Джеллисона все это позабавило, он кивнул. Вытащил из внутреннего кармана кожаную книжечку — и ухмыльнулся, увидев, что сержант принял позу еще большей бдительности. В удостоверении было сказано, что Джеллисон является офицером запаса военно-воздушных сил, и не просто офицером, а генерал-лейтенантом. Мое звание, подумал Джеллисон, потрясет этого сосунка.

Никаких признаков потрясения Мэйсон не выказал. Он просто терпеливо подождал, пока еще один подошедший офицер, принеся чемодан Джеллисона, погрузил его в джип. Джип покатил по взлетно-посадочной полосе, обогнув специально оборудованный самолет системы «Зеркало». На базе имелось три таких самолета, и один из них — поочередно — все время находился в воздухе. В самолете системы «Зеркало» размещались дежурный генерал командования стратегической авиации и его штаб.

В конце второй мировой войны штаб стратегического авиационного командования был перемещен в центр Соединенных Штатов, в Омаху. Сам штаб командования размещался под землей — четырехэтажный бункер, армированный бетоном и сталью. Предполагалось, что «Нора» способна выдержать что угодно — но строили бункер еще до эпохи межконтинентальных баллистических ракет и водородных бомб. Теперь для подобных заблуждений не осталось места. Если разразится Большая война, от «Норы» ничего не останется. Но и в этом случае стратегическое авиационное командование не утратит контроля над подчиненными ему силами: сбить «Зеркало» невозможно. Никому, за исключением управляющих им пилотов, неизвестно местонахождение дежурного самолета системы «Зеркало».

Мейсон проводил сенатора к большому кирпичному зданию и далее, вверх по лестнице — до самого кабинета генерала Бамбриджа. Кабинет имел старомодный вид. В основном — деревянная мебель, обитая кожей. Старинным был и огромный письменный стол. Вдоль стен шли полки, на которых были выставлены модели военно-воздушных сил США: истребители времен второй мировой войны, большущий Б-36 — неправдоподобного вида пропеллеры и гондолы реактивных двигателей, Б-52, различного вида ракеты. Не считая телефонов, эти модели были единственными предметами в кабинете, несущими на себе черты современности.

Телефонов на письменном столе было три: черный, красный и золотистого цвета. На столике рядом с письменным столом стоял переносной ящик для красного и золотистого телефонов: эти телефоны всюду сопровождали генерала Бамбриджа, куда бы он ни направился, где бы ни находился. В машине, дома, в спальне, в уборной. Всегда — со времени его назначения командующим стратегической авиацией. Максимум четыре звонка золотистого телефона, и генерал снимет трубку: он никогда не отходил на большее расстояние от этого телефона. Золотистый телефон соединял его с президентом.

Провод красного телефона шел вниз, соединяя Бамбриджа с подземным помещением стратегического авиационного командования. С помощью этого телефона могла быть приведена в действие огневая мощь, равной которой не обладала ни одна армия за всю историю человечества.

Генерал Томас Бамбридж жестом пригласил сенатора Джеллисона сесть и присоединиться к беседе группы офицеров, стоявших возле окна. Окно было огромное, выходило оно на взлетно-посадочную полосу. Бамбридж никогда не начинал разговора, пока что-нибудь — по его мнению, в этом нуждающееся, — не было приведено в должный порядок. Особенно это прояв-

лось, когда он сидел за своим письменным столом. Рассказывали, что однажды некий «приводимый в порядок» майор, простояв пять минут перед столом Бамбриджа, упал в обморок.

— Какого черта вас принесло сюда? — спросил Бамбридж. — Что произошло, чего мы не смогли бы обсудить по телефону?

— Насколько защищены ваши телефоны от прослушивания? — в свою очередь спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

— Настолько, насколько это в наших силах.

— Возможно, с вашими телефонами все в порядке, — сказал Джеллисон. — У вас есть люди, которые могут их проверить. Я полностью уверен, что мои телефоны не защищены. Должен вам сказать, что официально я прилетел обсудить с вами некоторые статьи военного бюджета: мол, кое-чего я не понимаю и мне нужны разъяснения.

— Понятно. Пить будете?

— Виски, если оно у вас есть.

— Конечно, есть. — Из шкафчика, стоящего за письменным столом, Бамбридж достал бутылку и стаканы. — Сигару? Прошу, она наверняка вам понравится.

— Гавана? — спросил Джеллисон.

Бамбридж пожал плечами:

— Ребята покупают их в Канаде. Никогда не курите американские сигары. Возможно, кубинцы и ублюдки, но делать сигары они умеют. — Он поставил бутылку и стаканы на кофейный столик, налил. — О'кей, так о чем вы хотели поговорить?

— О Молоте, — сказал Артур Джеллисон.

Лицо генерала Бамбриджа побледнело.

— А именно?

— Эта комета пройдет очень близко от Земли.

Бамбридж кивнул:

— Как вы знаете, у нас есть очень неплохие математики. И компьютеры тоже.

— И что вы намерены предпринять?

— Ничего. Согласно приказу президента. — Генерал указал на золотистый телефон. — Ничего не случится, и мы не должны вызывать тревогу у русских. — Бамбридж сморщился. — Нельзя вызывать тревогу у этих ублюдков. Они убивают наших друзей в Африке, но мы не имеем права выводить их из душевного равновесия, поскольку это может нарушить нашу дружбу.

— Нелегко жить в этом мире, — сказал Джелллисон.

— Да, нелегко. Так чего вы хотите?

— Том, комета пройдет близко. По-настоящему близко. Мне кажется, президент не понимает, что это значит.

Бамбридж вынул сигару изо рта и обследовал ее изжеванный кончик.

— Президент не слишком интересуется нами, — сказал он. — И это хорошо, поскольку таким образом он предоставляет стратегическому авиационному командованию значительную свободу действий. Но, хорошо это или плохо, он — президент, и в силу этого является моим Верховным главнокомандующим. У меня препотешные представления, такие, например: я обязан повиноваться приказам.

— А ваша клятва Конституции? — спросил Джеллисон. — Или вы не выпускник Уэст-Пойнта?* Дом, честь, страна. К вопросу о приказах.

— Итак?

— Том, эта комета пройдет по-настоящему близко. По-настоящему близко. Мне сказали, что против нее окажутся бессильными все ваши радары раннего предупреждения...

— Мне это тоже говорили, — сказал Бамбридж. — Арт, мне не хочется быть наглецом, но зачем вы берете на себя роль яйца, поучающего курицу? — Он отошел к письменному столу и вернулся с переплетенным в

* Высшее военное училище США.

красную кожу докладом. — Мы обнаружим, что на нас напали, — а на самом деле никакого нападения не было. И видимо, провороним настоящее нападение... если оно состоится. Естественно, в тот самый день, когда русские решат, что могут выиграть у нас вчистую, они нанесут удар. Но разведка военно-воздушных сил заверила меня, что сейчас у них дела обстоят точно таким же образом. — Генерал перелистнул страницы доклада — веером, понизил голос: — Разумеется, если мы не можем засечь их нападение, они не смогут засечь наше...

— Что вы порете!..

— Ну, меня нельзя отдать под военный суд только за то, что я размышляю вслух.

— Том, это серьезно. Не думаю, чтобы русские начали что-нибудь... если только Молот не пройдет совсем близко. Однако...

Бамбридж склонил голову набок:

— Иисусе! Мои люди не утверждают, что Молот столкнется *с* нами!

— Я тоже этого не утверждаю, — сказал Джеллисон. — Однако вероятность столкновения сейчас — одна к скольким-то сотым. Сперва было: один шанс против нескольких миллиардов. Потом: один против нескольких тысяч. Сейчас: только сотые доли. Эта тенденция несколько пугает.

— Все так. Так что вы предлагаете мне предпринять? Президент приказал мне не поднимать тревогу...

— Он не мог дать вам такой приказ. Согласно уставу вы имеете право принимать любые меры, необходимые для защиты находящихся в вашем подчинении сил. Вплоть до открытия огня.

— Господи, — Бамбридж выглянул в окно. Очередной КС-235 системы «Зеркало» готовился к взлету. Значит, самолет, сейчас находящийся в воздухе, сдав дежурство, скоро пойдет на посадку. Все в порядке. — Вы требуете, чтобы я нарушил прямой приказ президента. ..

— Говорю вам: если вы это сделаете, у вас появятся друзья в Конгрессе. Самое худшее, что с вами может случиться, — это вас выгонят со службы. Всего лишь. — Джеллисон говорил очень тихо и очень настойчиво. — Том, вы думаете, мне нравится все это? Сомнительно, что эта проклятая комета столкнется с Землей, но если это произойдет, а мы окажемся не готовы... Бог знает, что тогда случится.

— Да, конечно. — Бамбридж постарался представить, как будут развиваться события. Падение астероида придется на какой-то отдаленный район Советского Союза — разве в этом случае русские не решат, что имеет место подлое нападение со стороны Соединенных Штатов? Но почему — отдаленный район? А если столкновение придется на Москву?! — Но если мы объявим боевую тревогу, русские разузнают об этом и решат, что наши действия вызваны иными причинами, а причин этих предостаточно...

— Естественно. Ну, а если мы не объявим тревогу и они поймут, что им представился исключительно счастливый случай? Том, если Молот ударит, возможно, Вашингтон будет уничтожен. Вашингтон, Нью-Йорк, фактически все восточное побережье...

— Дерьмово. А для полноты картины — война, — сказал Бамбридж. — Если Молот действительно ударит, мир и без Большой войны перевернется вверх тормашками. Но если удар, минуя их, придется только на нас, им захочется довершить начатое. Я бы так и поступил, будь на их месте.

— Но вы не...

— Да не из этого кабинета, — пояснил Бамбридж. Не отсюда, даже если б я получил приказ — который, слава Богу, я никогда не получу. — Генерал перевел взгляд на стену, где были выставлены модели ракет. — Скажу, что бы я сделал, если бы вдруг случилось, что все дежурные посты заняты людьми, которым я доверяю. Отправил бы весь начальствующий состав на гауптвахту и сам принял дежурство на «Зеркале». Но

как мне объяснить подчиненным, что пуск ракет нужно произвести из-за какого-то метеора?

— Думаю, вы найдете объяснение, — сказал Джеллисон.

* * *

Снаружи — тьма и сияние. А в капсуле «Аполлона» Рик Деланти не в силах встать с койки. Глаза его плотно закрыты, он неподвижно лежит, кулаки стиснуты.

— Прекрасно, черт побери. Я заболел, как только мы вышли в космос. Не сообщай Хаустону. Они ничего не смогут сделать.

— Ты, проклятый дурак, ты же умрешь с голоду, — сказал Бейкер. — Черт, здесь же нет ничего позорного. Каждый может заболеть космической болезнью.

— Но не на целую же неделю.

— Тебе все известно не хуже, чем мне. Мак-Аллиард проболел весь полет. Не в такой тяжелой форме, как ты, — но его лечили. Я сообщу доктору Малик.

— Нет!

— Да. На проявления мужества и гордости у нас нет времени.

— Дело не в этом, ты сам все понимаешь, — сказал Деланти пронзительным голосом. — Она сообщит о моей болезни. И тогда...

— И ничего, — сказал Бейкер. — Никто не станет срывать полет только потому, что у тебя непорядок с желудком.

— Ты уверен в этом?

— Угу. Они не могут признать, что полет окончился неудачей... пока я не потребую, чтобы они это признали. А я этого не потребую. Пока что...

— Пока все более или менее в порядке, — сказал

Деланти. — Вот ведь в чем дело. Господи Боже, Джонни, если экспедиция из-за меня окажется сорванной... черт возьми, жаль, что они не выбрали кого-нибудь вместо меня. Тогда все это не было бы так важно. Но я — я обязан продержаться...

— Почему?

— Потому что я...

— Человек, у которого кожа не белого цвета?

— Черного цвета. И об этом забывать нельзя. — Рик попытался улыбнуться. — Ладно, зови госпожу докторшу. Пусть как-нибудь лечит. Может, вылечит, покормив меня грудью?

— Тебе будет лучше, если ты будешь лежать с закрытыми глазами.

— Что я и делаю, и это самое большее, что я могу сделать, — в голосе Деланти звучала горечь. — Я, Старое Железное Ухо — и подхватил космическую болезнь. Бред какой-то. — Он осознал, что Бейкера рядом уже нет, и лихорадочно начал застегивать ширинку.

Официально это одеяние называлось «повседневной служебной формой». Кто-нибудь мог сказать: «Это — теплое белье». Или: «Это — белье-комбинезон». Во всяком случае, это — одежда астронавтов. Очень хорошая с практической точки зрения одежда; но Рик Деланти не мог скрыть, как он нервничает: не часто он представал перед женщинами в нижнем белье. Тем более если это — белые женщины.

— Парень, друзья-приятели, проживающие в глубинке Техаса, сошли бы от этого с ума, — пробормотал он.

— Почему вы не сообщили раньше? — женщина сказала это отчетливо, с профессиональной интонацией, и от этого голоса из головы Рика Деланти выдуло остатки мыслей — если они там еще оставались. Войдя в кабину, Малик первым делом отсоединила трубку комбинезона Рика и сунула освободившийся конец в отверстие переносной термостанции. Второй конец труб-

ки уходил внутрь «белья» Рика Деланти и далее, в глубь его тела. Любого астронавта пугает, если врач подобрался к его заднепроходному отверстию: измерение температуры не сулит ничего хорошего.

— Вы хоть что-нибудь едите? — спросила Леонилла. Посмотрела показания термометра, записала.

— Во мне ничто не задерживается.

— Ваш организм обезвожен. Так что сперва мы попытаемся справиться с обезвоживанием. Разжуйте эту таблетку. Нет, не глотайте ее. Разжуйте.

Рик разжевал:

— Иисусе Христе, что это? Ничего более тошнотворного я...

— Глотайте, пожалуйста. Через две минуты попытаемся принять питье. Питательный раствор. Вам нужны вода и питание. Часто ли случалось, что вы не сообщали о своем заболевании?

— Нет. Мне казалось, что я смогу справиться с болезнью самостоятельно.

— В каждом космическом полете космической болезнью заболевает примерно одна треть из состава экипажа. Различие лишь в том — слабая это окажется форма болезни или сильная. Вероятность того, что заболеет кто-нибудь из участников этого полета, была очень высока. Теперь выпейте это. Медленными глотками.

Рик выпил. Питье было густое, на вкус отдавало апельсинами.

— Неплохо.

— Основные компоненты его американского производства, — сказала Леонилла. — Я добавила фруктовый сахар и витамины. Как вы теперь себя чувствуете? Нет, на меня смотреть не надо. Надо, чтобы то, что вы сейчас выпили, было усвоено вашим организмом. Закройте глаза.

— Теперь мне чуть лучше.

— Хорошо.

— Но на черта мне лежать с закрытыми глазами?!

Я должен...

— Вы должны восполнить нехватку воды в своем организме. Вы должны выжить, чтобы полет не был сорван, — сказала Леонилла.

Деланти почувствовал, как что-то холодное коснулось его предплечья.

— Что это?

— Инъекция снотворного. Вы будете спать несколько часов. Пока вы спите, я сделаю вам внутривенное. Потом, когда вы проснетесь, попробуем использовать еще кое-какие лекарства. Спокойной ночи.

Леонилла вернулась в главный отсек. Теперь в середине отсека было свободно: оборудование было перемещено туда, где ему и следовало находиться. Масса загромождающей пространство, идущей на упаковку губчатой пластмассы была выброшена в космос.

— Итак? — требовательно спросил Джон Бейкер. Петр Яков — по-русски — повторил этот же вопрос.

— Плохо, — сказала Леонилла. — Полагаю, что в течение последних двадцати четырех часов его организм был вообще не в состоянии усваивать воду. Двадцати четырех — по меньшей мере. Возможно, дольше. Температура — тридцать восемь и восемь. Организм очень обезвожен.

— Что будем делать? — спросил Бейкер.

— Думаю, что лекарство, которое я дала, поможет ему удерживать в организме воду. Сейчас он выпил почти литр — и без всяких затруднений. *Почему он не сообщил о том, что заболел, раньше?*

— Черт возьми, он первый чернокожий, оказавшийся в космосе. И не хочет оказаться последним, — объяснил Бейкер.

— Он полагает, что только для него путь не был усыпан розами? — спросила Леонилла. — Он первый негр в космосе, но физиологические различия, обусловленные принадлежностью к разным расам, невелики по сравнению с различиями, вызванными половой принадлежностью. Я — вторая женщина, оказавшаяся

в космосе, а первая забо...

— Пора вести наблюдения, — перебил Петр Яков. — Леонилла, вы поможете мне. Если только вам не нужно заняться вашим больным.

* * *

Оборудование было размещено на нужных местах, но все равно свободного места в «Молотлэбе» оставалось очень мало. Все же были найдены способы хоть как-то уединяться: Деланти оставался в «Аполлоне», Леонилла Малик уходила в «Союз». Бейкер и Яков посменно вели наблюдения и спали в «Молотлэбе» — когда им вообще удавалось поспать. Три члена экипажа выполняли работу за четверых, и на сон много времени не оставалось.

А комета Хамнера-Брауна все приближалась. Она приближалась хвостом вперед, мчалась прямо на «Молотлэб», и разреженный газ, извергаемый кометой, уже окутал и Землю, и Луну, и космическую лабораторию. Участники полета часами вели визуальные наблюдения и ежедневно выходили в открытый космос, чтобы взять пробы — пробы пустоты. В сосуды запечатывался вакуум космического пространства. Потом эти сосуды будут отправлены на Землю, где чуткие приборы смогут обнаружить молекулы вещества, составляющего хвост кометы, — пусть даже этих молекул окажется очень немного.

Сперва наблюдать было, в общем, не за чем. Было ясно видно лишь, что в одну сторону от кометы отходит хвост, покрывающий пространство в сотни миллионов миль. Но потом, когда комета подошла ближе, куда ни посмотришь — всюду хвост.

Если не проводились наблюдения за кометой, то велись наблюдения за Солнцем. Нужно было провести

еще множество экспериментов — в области кристаллографии, тонкопленочной электроники и так далее. Свободного времени не оставалось. Сутки пролетали быстро. Члены экспедиции не часто могли оставаться наедине с собой, хотя изредка это удавалось. Согласно проекту личных, так сказать, удобств в кабине лаборатории не было — лишь в кораблях. Для Бейкера и Деланти все обстояло достаточно просто: на орган мочеиспускания одевалась идущая к специальному резервуару трубка.

Потом содержимое резервуара выливалось.

Бейкер как раз облегчался по указанной схеме, когда почувствовал на себе взгляд Деланти.

— Предполагалось, что ты спишь. А не наблюдаешь за тем, как я писаю.

— Меня не это интересует. Джонни... как это ухитряется делать Леонилла? Я имею в виду — здесь, в космосе.

— М-да. Я как-то еще не выяснил. Не знаю. Спрошу-ка у нее, а?

— Конечно, спроси. Мне-то это было бы не по силам.

— Мне — тоже. — Джонни открыл клапан. Урина реактивной струей вылетела из «Аполлона» в космическое пространство. Мгновенно замерзшие капли образовали облако, окутавшее корабль. Облако походило на какое-то новое созвездие, оно медленно рассеивалось. — Почему, черт возьми, ты снова пристаешь ко мне с этой проблемой?

— Хочу понять, только ли я в этом полете испытываю затруднения.

— Как ты себя чувствуешь?

— Неплохо.

* * *

Двумя днями позже, когда Деланти уже чувствовал себя намного лучше, Бейкер все еще не знал ответа.

Он вернулся на корабль, взяв очередную пробу космической пустоты. С ним был только Яков, и Бейкер сказал:

— Невыносимо.

— Прошу прощения? — спросил русский.

— Мне не дает покоя одна вещь. Леонилла, как и мы все, находится в состоянии свободного падения. Как же ей удается мочиться?

— Это вас волнует?

— Еще бы. Это даже не любопытство от безделья. Одна из причин, по которым мы не посылаем женщин в космос, заключается в том, что проектировщики не могут разрешить эту проблему — учитывая требования санитарии и так далее. Кое-кто предлагал использовать катетер, но ведь это вредно. — Яков промолчал. — Так как она это делает? — требовательно вопросил Джонни.

— Это государственная тайна. Прошу извинить меня, — сказал Петр. Может быть, он шутит? Не похоже. — Пора проводить очередную серию наблюдений Солнца. Если вас не затруднит, помогите мне в работе с телескопом.

— Разумеется.

Я спрошу у Леониллы, подумал Джонни. Спрошу в любом случае до того, как мы пойдем на посадку. Он искоса глянул на русского. Может быть, Яков и сам не знает ответа.

* * *

— Как дела? — спросил Бейкер.

— Прекрасно, — сказал Деланти. — Хаустон все знает?

— Не от меня, — сказал Бейкер. — Может быть, им сообщили из Байконура. Не думаю, что у Якова много секретов от своих. Но вот с какой стати они сообщили Хаустону?

— Не нравится мне эта их откровенность, — сказал Рик.

— Еще бы понравилась... Ну и что из этого? Ты доказал, что, несмотря ни на что, ты необходим. Вот ты здесь, и нам удалось развернуть крылья. Господи, парень, если ты смог, будучи больным, справиться с такой работой, тебя следует называть Железным. Завтра приступишь к работе.

— Хорошо. Тебе удалось найти ответ на эту беспокоящую тебя и меня проблему?

Бейкер пожал плечами:

— Нет. Я спросил Петра, а он мне ответил: «Государственная тайна». Государственная тайна, мать его!

— Ну, может быть, нам удастся выяснить. У нас вполне достаточно кинокамер, чтобы...

— Конечно. В донесении это будет выглядеть великолепно. Два офицера военно-воздушных сил США тайно проникают с кинокамерами в женскую уборную. Ну, мне пора вести наблюдения. Пойду разбужу товарища генерала. До встречи.

Джонни Бейкер выплыл из кабины «Аполлона» в «Молотлэб». В лаборатории было очень тихо. Леонилла спала в «Союзе». Деланти, пристегнувшись ремнем к койке, оставался в «Аполлоне». Яков, верно, дремал, отдыхая перед вахтой.

Бейкер подплыл к койке русского. В паутине нейлоновых тросов, посреди путаницы телескопов, киносъемочных камер, растущих кристаллов, детекторов рентгеновских лучей и так далее плавал Яков. Он улыбался, улыбка его была обращена переборке. Джонни подплыл ближе — и улыбка увяла.

Будто он занимался чем-то недозволенным, подумал Джонни Бейкер. И попался на этом.

Государственная тайна, мать его так...

15

Секретарша была новая. Поэтому она не пустила Гарви на третий этаж здания городского совета Лос-Анджелеса, туда, где апартаменты начальства. Гарви не возражал. Другие тоже ждут, а что команда его в ближайшие несколько минут не появится — это уж точно. Гарви пришел слишком рано.

Гарви сел и занялся своей любимой игрой: принялся разглядывать окружающих. С большинством из них все было ясно. Торговцы, политиканы — все собрались здесь, чтобы повидаться с одним из заместителей мэра или кем-либо из его высокопоставленных помощников. Одна девушка отличалась от прочих. Ей было что-нибудь лет двадцать, и Гарви не мог бы сказать, больше двадцати или меньше. На ней были джинсы и цветастая блузка — не слишком дорогие, не слишком дешевые. Она, не скрываясь, рассматривала Гарви и не смутилась, не потупила глаз, когда он остановил на ней взгляд. Гарви пожал плечами и, перейдя через все помещение, сел рядом с ней.

— Что такого интересного нашли вы во мне? — спросил он.

— Я вас узнала. Вы работаете на телевидении, делаете документальные фильмы. Сейчас я припомню, как вас зовут.

— Прекрасно, — сказал Гарви.

Она отвела взгляд в сторону. Потом снова взглянула на него. Чуть улыбнулась.

— Ладно. Так как вас зовут?

— Сперва назовите свое имя.

— Мэйб Бишоп, — выговор у нее был явно местный.

Гарви порылся в памяти.

— Ага. Народное лобби.

— Верно, — выражение ее лица не изменилось, что

было странно. Средний человек, человек из толпы, должен быть польщен, если окажется, что известный на всю страну документалист запомнил его имя. Гарви еще продолжал удивляться, когда она сказала:

— Вы еще не представились мне.

— Гарви Рэнделл.

— Теперь моя очередь сказать «ага». Вы делаете фильмы о кометах.

— Правильно. Как они вам нравятся?

— Они ужасны. Представляют собой опасность. Глупы.

— Вы говорите без обиняков. Разрешите узнать, почему у вас сложилось такое мнение? — спросил Гарви.

— Пожалуйста. Вы отнимаете у пятидесяти миллионов полоумных последние остатки разума...

— Я не...

— Они будут перепуганы до смерти, а бояться следует не этой проклятой кометы! Кометы! Знамения небес! Предвестники бедствий! Средневековая чушь — и это в то время, когда именно здесь, на Земле, существует достаточно причин для тревоги. — Она говорила в полный голос, с горечью.

— А чего же надо бояться? — с суфлерской интонацией спросил Гарви. На самом деле ему вовсе не нужен был ее ответ, и, задавая вопрос, он мысленно уже обругал сам себя. Сработала действующая автоматически репортерская привычка. И беда в том, что он заранее наверняка знал, что она ответит.

Она и ответила:

— Пугает следующее: космические корабли, эти консервные банки, разрушительно действующие на атмосферу, уничтожающие озон, что ведет к развитию раковых заболеваний. Новый ядерно-силовой центр в долине Сан-Иоаквин, из-за него возникнет радиоактивная пустыня — вокруг будет радиоактивная пустыня на ближайшие полмиллиона лет! Огромные «кадиллаки» и «линкольны» сжигают миллионы и миллионы

тонн бензина. Вот что требует внимания, вот с чем необходимо что-то делать, вот чего следует бояться. А вместо этого люди зарываются в подземные убежища — они боятся кометы!

— Вы во многом правы, — сказал Рэнделл. — Но даже если я, скажем, и не думал обо всем этом, тем не менее...

— Ах, вы не думали? А кто будет думать? — резко спросила она. В голосе ее звучали ненависть и готовность продолжать атаку.

Я, я, подумал Гарви. Иногда ему хотелось взять свою репортерскую объективность, присущую асу от телевидения, и, скатав поплотнее, засунуть куда подальше — так, чтобы и не достать обратно.

— Вот что я скажу вам, — заявил Гарви. — Люди — и не дураки — сжигают бензин (а машины у них действительно большие и комфортабельные) потому, что пока еще не хватает электрической энергии, необходимой для автомашин, работающих не на бензине, а на электричестве. Но люди не могут получить достаточно электроэнергии, потому что уже в зубах навязла чушь о том, что старые источники энергии лучше, но старые источники энергии истощаются, а проклятое дурачье мешает постройке ядерных центров, с помощью которых нам удастся выбиться из тупика. — Гарви встал. — И если я еще когда-либо услышу слова «консервные банки» или «озон», я разыщу вас, где бы вы ни спрятались, и просто-таки уничтожу вас.

— Что?!

Гарви, не отвечая, вернулся к секретарше.

— Пожалуйста, сообщите Джонни Киму, что Гарви Рэнделл уже здесь, — сказал он, и голос его звучал повелительно. Секретарша с тревогой глянула на него и потянулась к интеркому.

За спиной Гарви что-то несвязно шипела Мэйб Бишоп — шипение это доставляло Гарви большое удовольствие. Он подошел к двери, ведущей в начальственные апартаменты. Ждал. Через секунду раздался гудок.

— Входите, мистер Рэнделл, — сказала секретарша. — Извините, что я заставила вас ждать...

— Все нормально, — пробормотал Гарви.

За дверью был длинный зал, по обе стороны его кабинеты. Из одного вышел восточного облика человек неопределенного возраста — что-нибудь между тридцатью и сорока.

— Привет, Гарв. Долго ли эта дура заставила вас ждать?

— Недолго. Как поживаете, Джонни?

— Хорошо. Мэр на совещании — затянулось. Обсуждают проблемы развития города. Не возражаете, если подождете немного?

— Не возражаю... но скоро явится моя команда.

— Знаю, они скоро приедут, — сказал Джон Ким. Он был пресссекретарем Бентли Аллена, кроме того, составителем его речей, а нередко и политическим советником. Гарви знал, что при желании Ким мог бы перебраться в Сакраменто или Вашингтон. Вероятно, если он останется с Бентли Алленом, то все равно окажется в одной из этих столиц.

— Я распорядился, чтобы, когда они появятся, их сразу же пропустили. И проводили к служебному эскалатору.

— Спасибо, — сказал Гарви. — Они это оценят.

— Ха. Совещание заканчивается. Пока ваши люди не прибыли, пойдемте, переговорите с шефом, — и Ким повел Гарви в глубь зала.

Два кабинета. Один большой, уставленный дорогой мебелью и застеленный толстыми коврами. Со стен свисали знамена, повсюду — памятные подарки, почетные значки, какие-то грамоты в рамках. Позади этого богато украшенного официального кабинета располагался второй, гораздо меньшего размера. Но письменный стол в этом маленьком кабинете был даже больше. На столе высокими кучами громоздились бумаги, доклады, книги, памятные и докладные записки, перфокарты IBM (компания «Интернэшнл бизнес машин»).

На обложке некоторых докладных записок были вытиснены большие красные звезды. На нескольких — по две красные звезды, а на одной — три. Когда вошли Ким и Гарви Рэнделл, мэр как раз принялся за работу над этой запиской.

Мэр читал эту докладную записку, а Гарви думал. Он думал о том, что смотрится мэр хорошо. Второй чернокожий мэр Лос-Анджелеса. Он из породы выигрывающих. Высокий, сильный, и одет, как одеваются богатые юристы, он и был юристом до того, как занялся политикой. Заметно было, что он человек смешанной крови, и еще было заметно, что он человек воспитанный, — заметно, потому что он не скрывал этого. Бентли Аллен никогда не разговаривал свысока. Он вполне мог бы обойтись без политической деятельности: фактически, политика, видимо, означала для него отпуск. Отдых от преподавательской работы в одном богатом частном университете.

— Документальный фильм, мистер Рэнделл? — спросил Бентли Аллен. Поставил свои инициалы на докладной записке и положил ее в ящик для исходящих.

— Нет, сэр, — ответил Джонни Ким. — На этот раз ежевечерние новости.

— Так чем я сегодня могу быть для вас полезным? — спросил мэр.

— Да, сейчас мы не будем снимать документальный фильм, — сказал Гарви Рэнделл. — Но интервью с вами будут транслировать все телесети. Как готовится руководство нашего города ко дню, когда Хамнер-Браун не столкнется с Землей?

— Все телесети? — спросил Джонни Ким.

— Да.

— Не было ли оказано здесь небольшое давление? — спросил Ким. — Скажем, из не совсем белого дома, расположенного на Пенсильвания-авеню?

— Возможно, — сознался Гарви.

— Наш главный начальник хочет, чтобы ему по-

дыграли в лад, – сказал мэр. — В день, когда произойдет встреча с порцией мороженого, будьте спокойны и сохраняйте хладнокровие.

— А произойдет это во вторник на следующей неделе, — автоматически отозвался Гарви. — Да, сэр...

— А что, если я начну паниковать? — спросил сэр Аллен. Глаза его блестели: он развлекался. — Или заявлю: «Братья, вот ваш шанс! Уничтожайте белых! Хватайте, что можете, наступает и на вашей улице праздник!» А?

— Ах, черт возьми! -- сказал Гарви. — Я считал, что каждому лестно, если его покажут в передаче, которая будет транслироваться на всю страну.

— А у вас самого никогда не бывало подобных побуждений? — спросил Бентли Аллен. — Видите ли, иногда возникают непреодолимые желания, которые, если поддаться им, могут в корне изменить всю вашу жизнь. Например, желание облить мартини платье жены декана. Могу добавить, однажды я так и сделал. Уверяю вас, что сделал я это нечаянно, по чистой случайности, но сами видите, что в результате мне пришлось сменить работу.

Гарви поднял встревоженный взгляд, и мэр Аллен широко ухмыльнулся.

— Не беспокойтесь, мистер Рэнделл. Моя теперешняя работа мне нравится. Как и понравилась бы работа в каком-нибудь более солидном учреждении — из тех, что расположены далеко к востоку... — последние слова он произнес врастяжку. Не являлось тайной, что Бентли Аллен был бы не прочь стать первым чернокожим президентом Америки. Некоторые серьезные политики полагали, что лет через десять, десять с небольшим, так и будет.

— Я буду паинькой, — сказал мэр Аллен. — Я скажу народу, что, как мы ожидаем, в этот день все служащие будут на своих рабочих местах. Что я и сам буду на своем рабочем месте... ну, на самом деле я буду здесь, но я скажу, что буду там, — ткнув пальцем

в сторону большого кабинета, добавил он. — Я надеюсь, что все мои сотрудники высокого ранга тоже будут паиньками. Правда, я, видимо, умолчу, что у меня есть цветной телевизор, который я и буду смотреть. Потому что — да провались я на этом месте, если собираюсь пропустить подобное зрелище.

— Работа будет идти как обычно, и время на цветовые зрелища тратиться не будет, — сказал Гарви.

Мэр кивнул.

— Разумеется. — Лицо его сделалось серьезным. — Между нами говоря, я несколько встревожен. Слишком много людей собирается покинуть город. Вам известно, что почти все трейлеры — из тех, что сдаются напрокат, — уже разобраны? В течение недели. Более того, мы получили массу заявлений об отпуске от служащих полиции и пожарной охраны. Разумеется, эти прошения остались без удовлетворения. На день падения порции мороженого все отпуска отменяются.

— Боитесь, что начнутся грабежи? — спросил Гарви.

— Если и боюсь, то не настолько, чтобы объявить об этом во всеуслышание. Но вам могу сказать: да, — ответил мэр Аллен. — Все дома, оставленные без присмотра своими хозяевами, подвергаются опасности ограбления. Но с этой проблемой мы управимся... Если ваши люди уже прибыли, давайте начнем. Через полчаса у меня совещание с начальником Управления гражданской гвардии.

Они встали и вышли в большой кабинет.

* * *

Машин на Биверли-Глен было не очень много. Даже совсем мало, если учесть, что сейчас вечер. Гарви ехал и широко улыбался.

Да уж, сюжет у меня, думал он. Даже если я ничего больше и не раскопаю, сюжет у меня есть. Оказывается, многие миллионы людей не просто считают, что мир идет к гибели, нет, они надеются на это. Такой вывод следует из их высказываний. Им ненавистно то, чем им приходится заниматься, они тоскуют по «простой» жизни. Разумеется, сейчас людям не очень хотелось бы стать фермерами и жить в деревнях, но если так придется жить всем...

Все это было бессмысленно, но людские желания часто оказываются бессмысленными — что ни в малой степени не беспокоило Гарви Рэнделла.

А в дополнение — еще один великолепный сюжет. Назавтра после того, как мир не погиб. Гарви подумал, что это хорошее название для книги. Разумеется, тут же объявится с тысячу писателей, которые устроят кучу-малу, стараясь пробить свои произведения в печать. Хлынут книги с названиями «Страх», «День, когда не погиб мир» (придуманное им, Гарви, название лучше), «Гора, ты не раздавишь меня?» А тем временем некоторые радиостанции все двадцать четыре часа в сутки транслируют религиозные песни церквей, чье учение основано на пророчестве бедствий, и проповедники, предвещающие конец света, делают свой бизнес по всей стране.

Еще существуют «Дети кометы», возникшая в Южной Калифорнии религиозная секта, члены которой, одевши белые рясы, молятся комете, упрашивая ее убраться подальше. Пара данных на публику представлений принесла секте известность: в одном случае застопорили уличное движение, в другом — вышли на поле во время транслировавшегося по телевидению бейсбольного матча (матч пришлось прервать). Добрая половина лидеров секты была арестована, потом их выпустили под залог. Но судья распорядился, чтобы вплоть до следующей среды, если подобные фокусы повторятся, больше под залог никого не освобождали...

Черт, я бы мог написать книгу, подумал Гарви. Мне следовало бы написать книгу. Мне никогда прежде этого не хотелось, но ведь я в достаточной степени владею грамотой, и я провел настоящее научное исследование. «Назавтра после того, как мир не погиб». Нет, это плохо, слишком длинно. Мою книгу я мог бы назвать «Страх Молота». Разумеется, моей книге будет обеспечена хорошая реклама, когда комета разминется с Землей, все небо будет в этой рекламе...

Я мог бы даже сделать на этом деньги. Много денег. Достаточно денег, чтобы тут же расплатиться по закладным и заплатить за обучение в Гарвардской школе для мальчиков, и еще можно было бы...

«Страх Молота». Неплохое название.

Остается лишь одна проблема. Все это может случиться на самом деле. Люди на самом деле испуганы. Очень похоже на страх перед войной.

Подтверждения этому видны были всюду. Кофе, чай, мука, сахар, все основные продукты питания были почти полностью раскуплены. Консервы вообще исчезли. Магазины одежды вывесили объявления, что плащи, дождевики и так далее распроданы. (И это в Южной-то Калифорнии, где дожди начнутся лишь в ноябре!) Точно так же уже ни в одном магазине нельзя найти одежды или обуви для турпоходов. А вот обычные костюмы, белые рубашки и галстуки никто не покупает.

Еще люди раскупали оружие. Ни в Биверли-Хиллз, ни в долине Сан-фернандо уже нельзя было достать огнестрельного оружия. Точно так же, как и боеприпасов.

В туристических магазинах было распродано все: походные ботинки, съестные припасы, рыболовные принадлежности. (Крючки — полностью, искусственная наживка еще оставалась. Да и то лишь дорогая американская; дешевой, индийского производства, уже не было.) Не было ни палаток, ни спальных мешков. Даже спасательные жилеты и те исчезли! Когда сие дошло до Гарви, он невесело ухмыльнулся. Ему никог-

да не доводилось видеть цунами, зато случалось читать о них. После извержения Кракатау гигантская волна выбросила голландскую канонерскую лодку на многие мили в глубь материка. И корабль оказался на суше — на высоте в двести футов.

В течение последних нескольких недель получила распространение новая форма продажи товаров по почте: рассылка «пакетов выживания». Сейчас, когда до дня падения Молота осталось совсем немного, заказы на «пакеты выживания» перестали приниматься. И поступать заказчикам, разумеется, тоже. А может быть (просто предположим), их, эти заказы, и не намерены отправлять покупателям? Ну-ка, разберемся. «Пакеты выживания» продаются четырьмя компаниями. Заплатив от пятидесяти до шестнадцати тысяч долларов, заказчик может получить «пакеты» различного достоинства: от обычного запаса пищевых продуктов до целого набора спасательного оборудования. Пища — такая, что может долго храниться, не портясь, и обеспечивающая более или менее сбалансированную диету. (Какая там религиозная секта требует от своих последователей, чтобы у них всегда был годовой запас продовольствия? Эта секта возникла в шестидесятых годах. Гарви сделал в памяти очередную зарубку. Надо будет провести интервью с членами секты — после того как минует день падения Молота.)

В дешевые «пакеты» входили только пищевые припасы. А далее — по нарастающей, вплоть до шестнадцатитысячных «пакетов», куда входят вездеход, различная одежда (даже теплое белье), мачете, спальный мешок, газовая плита с баллонами, надувная лодка, — в этот «пакет» входит почти все. Входит даже членство в «Клубе выживания»: покупателю, если он сможет своим ходом добраться туда, гарантируется место где-то в скалах. «Пакеты», продаваемые различными компаниями, несколько отличались друг от друга, но ни одна из этих четырех компаний не включила в свой «пакет» огнестрельное оружие. (Поблагодарим за это

Ли Харви Освальда. Почтовые заказы на огнестрельное оружие запрещены. И спасет ли этот запрет какое-то количество людей или, наоборот, погубит, зависит от того, столкнется ли Молот с Землей или нет.)

Все четыре компании продавали снаряжение, одинаковое в том отношении, что оно способно помочь выжить человеку, где бы он ни оказался — в горах, на побережье, на равнине. Гарви усмехнулся. «Кавеат емптор». Все это на самом деле лишь дорогостоящий хлам. Господи, какие же люди все-таки дураки...

Машин, действительно, сегодня на улицах очень мало, и Гарви ехал быстро. Он уже добрался до Мулхолланда. Внизу расстилалась долина Сан-Фернандо. Дул сильный ветер, и смога не было.

Долина тянулась на мили и мили. Ряд за рядом стояли пригородные дома, принадлежащие к богатым районам. Сравнительно новые, покрытые штукатуркой дома, и дома старые, деревянные. И пышные, в стиле «Монтре», дома — последние остатки того времени, когда вся долина была покрыта сплошными рощами апельсиновых деревьев. И возле каждого такого дома — бассейн. Четко очерченные границы долины были перерезаны автострадами. Автомобилей мало.

Уже четвертый день подряд из долины уходило больше автомашин, чем приходило. Легковушки, грузовики, взятые напрокат трейлеры, нагруженные так, чтобы хватило до конца жизни, — все эти машины двигались в одном направлении: от океана к высящимся вдали горам. Через перевалы к Сан-Иоаквину. По всему Лос-Анджелесу магазины прекращали торговлю — может быть, на неделю, может быть, на месяц, может быть, навсегда. А в тех, что продолжали торговать, дела шли более чем неважно: служащие без объяснения причин не выходили на работу. Страх Молота.

Уличное движение по Бенедикт-каньону почти полностью прекратилось. Гарви кудахтающе хихикнул. Те, кто едет — возвращаются с работы домой, но и в их сердцах поселился страх Молота. Страх Молота зас-

тавляет искать прибежища в горах, небывалый страх заполнил всю страну. Министерство финансов встревожено: побиты все рекорды покупок потребительских товаров в кредит. Спасательное снаряжение покупается, а расчет производится с помощью кредитных карточек. Занятость растет, экономика на подъеме, инфляция растет — и все из-за кометы.

Похоже, сюжет получается тот еще.

Хороший сюжет — если только эта чертова штука действительно не столкнется с Землей. И только сейчас до Гарви дошло: если Молот ударит, этот сюжет и гроша не будет стоить. Потому что не будет уже телепрограмм. Не будет телевидения. Ничего не будет.

Гарви покачал головой. Глянул на сверток, лежащий рядом, на пассажирском сиденье, и улыбка его увяла. Этот сверток — знак его компромисса со страхом Молота: там лежал спортивный пистолет двадцать второго калибра. *Пистолет с резной деревянной рукояткой*, удобно ложащейся в ладонь, с захватом для запястья, чтобы пистолет при стрельбе оставался устойчивым. Стреляет этот пистолет исключительно точно. Но никто не сможет, увидев эту штуку, догадаться и завопить: «Смотрите, старина Гарв тоже подцепил страх Молота!»

Но может быть, мне не следует так остро переживать все это, подумал Гарви. И мысленно начал инвентаризацию.

У него есть дробовик. Туристское снаряжение тоже есть — но лишь для самого Гарви. Нелепо даже подумать, что Лоретта способна нести рюкзак. Однажды Гарви взял ее с собой в пеший поход — и этого хватило раз и навсегда. Сохранились ли еще туристские ботинки, которые она тогда надевала? Вероятно, нет. Лоретта не мыслит своего существования на расстоянии более пяти миль от ближайшего косметического кабинета.

А ведь я люблю ее, твердо сказал он себе. Когда мне угодно, я могу разыгрывать из себя сурового бродя-

гу, но я достаточно вежлив, чтобы возвращаться обратно. И тут же непроизвольно вспомнил о Маурин Джеллисон, как она стояла там, наверху скалы, у расщелины, и ее длинные рыжие волосы летели по ветру. Гарви безжалостно запихнул воспоминание обратно в глубины памяти, где и оставил.

«Так что я могу сделать? — подумал Гарви. — Хоть в какой-то мере я подготовлен? Запасы продовольствия?.. Ладно, тут я могу пойти на компромисс. Консервы. Во всяком случае, этим я защищаю себя от инфляции. Если что, консервы помогут нам выжить... а когда эта треклятая комета пройдет мимо, мы сможем их съесть. Вода в бутылках... нет. Воды не нужно: есть ручей, и на них двоих хватит. На этой неделе я буду продолжать свои изыскания; возможно, мне дадут прибавку к зарплате».

Он выехал на ведущую к его дому дорогу и резко затормозил. Там стоял легковой автомобиль и около него Лоретта, заносящая в дом пакеты и свертки. Гарви вылез и начал автоматически помогать Лоретте. До него не сразу дошло, что то, что он носит — пакет за пакетом, — это замороженные продукты.

— Что это? — спросил он.

Слегка запыхавшаяся Лоретта положила очередной сверток на кухонный стол.

— Не сердись, Гарв. Я не смогла больше этого вынести. Все говорят... ну, говорят, что комета столкнется с Землей. Вот я и купила продуктов — просто на всякий случай.

— Замороженные продукты.

— Да. Консервов уже, считай, не было. Надеюсь, мы сможем запихать все это в холодильник, — она с сомнением обозрела кучу пакетов. — Не знаю. То, что было в холодильнике раньше, нам придется съесть. За пару дней.

О-ха-ха! Замороженные продукты. Господи Боже. Она считает, что в случае столкновения с Молотом с электролиниями ничего не случится? Но, разумеется,

именно так она и считает. Гарви промолчал. Лоретта самостоятельно пришла к тому же выводу, что и он, но, купив не консервы, а замороженные продукты, вероятно, потратила меньше денег. Если Молот не ударит в Землю, значит, она сэкономила. А Молот не ударит. Но если он все-таки ударит... ладно, тогда деньги вообще потеряют цену.

— Ты правильно сделала, — сказал Гарви и поцеловал Лоретту. И пошел за оставшимися пакетами.

— Эй, Гарви!

— Привет, Горди, — отозвался Гарви и подошел к забору. Горди Ванс держал в руке бутылку пива.

— Это для вас, — сказал он. — Я видел, как вы подъехали.

— Спасибо. Хотите о чем-нибудь побеседовать со мной? — в глубине души Гарви надеялся, что именно этого Горди и хочется. В течение нескольких последних недель Ванс был не похож на самого себя. Что-то здорово его тревожило. Гарви ощущал это, хотя и не знал, что конкретно встревожило Горди. И не показывал соседу, что он чувствует его тревогу.

— Где вы собираетесь провести следующий вторник? — спросил Горди.

Гарви пожал плечами:

— Наверное, где-нибудь в Лос-Анджелесе. Мы сейчас готовим передачу, которая будет транслироваться на всю страну.

— Значит, работа, — сказал Горди. — А вы не хотите попутешествовать? Сейчас в горах *хорошо. Я*-то на следующей неделе работать не собираюсь.

— Господи Боже, — сказал Гарви, — но я не...

— А почему нет? Вы действительно хотите застрять здесь, когда наступит конец света?

— Это не будет концом света, — машинально сказал Гарви. Заметил, как блеснули глаза Ванса. — А вот если Молот не ударит и я не засниму всего этого, вот тогда-то и будет конец. Мне. И этого нельзя допустить, Горди. Господи, как бы мне хотелось быть по-

дальше отсюда, но — нет.

— Понимаю, — сказал Ванс. — Тогда одолжите мне вашего сына.

— Что?

— В том, что я предлагаю, есть смысл, а? — сказал Ванс. — Предположим, что эта штука нас все-таки стукнет. Если в это время Энди окажется вместе со мной в горах, шансов спастись у него будет гораздо больше. Ну, а если не стукнет... что ж, ну зачем ему пропускать хороший турпоход? Чтобы, ничего не делая, болтаться здесь, в смоге Лос-Анджелеса? Итак?

— Да, в вашем предложении есть немалый смысл, — сказал Гарви. — Но... Куда вы намереваетесь отправиться? Я имею в виду вот что: если что-нибудь случится, где мне искать вас и Энди?

Лицо Ванса стало очень серьезным:

— Вы достаточно хорошо понимаете, чему равны ваши шансы спастись, если комета ударит, а вы в это время будете в Лос-Анджелесе...

— Да. Шансов ни малейших, — сказал Гарви.

— ...а кроме того, я собираюсь отправиться как раз туда, куда вам давно хотелось пойти в турпоход. Мы выйдем из Осин и направимся к старому доброму Серебряному Ранцу. Там горы достаточно низкие, чтобы можно было спуститься, если начнется непогода, и достаточно высокие, чтобы мы чувствовали себя в безопасности... что бы ни произошло. Ведь все может случиться, а?

— Конечно. Вы беседовали с Энди на эту тему?

— Да. Он сказал, что, если вы согласитесь, ему хотелось бы пойти с нами.

— А кто еще идет с вами?

— Только я и еще семь мальчиков, — сказал Горди. — Мария не сможет: должна продолжать свою благотворительную деятельность.

В одном лишь Гарви завидовал Горди Вансу: Мария Ванс любила ходить в турпоходы. Но с другой стороны, в городе, а не на природе, с ней было не так

уж легко.

— Следовательно, по скаутским правилам, мы девочек с собой взять не можем, — продолжал говорить Горди. — А еще кто бы мог и хотел пойти с нами... скажу честно, они просто не годятся для этого предприятия. Черт возьми, Гарви, вы хорошо знаете район, куда мы хотим направиться. Мы бы там прекрасно устроились.

Гарви кивнул. Поход по тем местам не представляет опасности. Хороший район.

— Вы правы, — сказал он. Отпил еще пива. — У вас все в порядке, Горди? — вдруг спросил он.

Выражение лица Ванса, хоть он пытался это скрыть, чуть изменилось.

— Конечно. Почему это со мной что-то должно быть не в порядке?

— В последнее время вы не очень хорошо выглядели.

— Работа, — объяснил Ванс. — В последнее время было слишком много работы. Этот поход приведет все в норму.

— Хорошо, — сказал Гарви.

* * *

Душ — это здорово. Горячая вода лилась, стекая по шее, а он думал: «Слишком поздно». Благоразумный и хладнокровный человек держался бы до конца, зная, что вероятность все еще — одна сотая, может быть, одна тысячная. Зная, что вероятность слишком мала, паникер уже закупил припасы и снаряжение и удрал в горы. А есть и такие — благоразумные и предусмотрительные, вроде Горди Ванса. Люди, уже за месяцы до дня мороженого запланировавшие свой турпоход. Эти люди теперь имеют право утверждать, что не намерены из-за кометы портить себе отпуск, — и тем не менее ко дню мороженого они окажутся именно

в горах.

Но были и есть колеблющиеся. Должно быть, их десятки миллионов, и Гарв Рэнделл — один из них. Взгляните-ка теперь на него: он слишком поздно осознал, что ему страшно, и ничего-то он не делает — просто ждет. Через пять дней ядро Хамнера-Брауна минует Землю и полетит дальше — в непостижимую для человека область ледяного космоса, за пределы Солнечной системы, туда, где уже нет планет...

Или не минует.

— Должно же быть что-то, — сквозь шум душа сказал самому себе Гарви, — что-то, что я смог бы сделать. Ну, а если... что тогда? Если этот проклятый ком перемешанного с грязью снега положит конец нашей блестящей цивилизации и хваленой промышленности... о'кей, тогда вернемся к самому началу. Ешь, спи, сражайся, пей, убегай. Необязательно именно в названном порядке. Правильно?

Правильно.

* * *

В пятницу Гарви Рэнделл устроил себе выходной. Позвонил, что заболел, и, к его величайшей радости, трубку снял Марк Ческу.

Марк был явно недостаточно вежлив, чтобы удержаться от вопросов:

— Страх Молота, Гарв?

— Нельзя ли полегче на поворотах?

— О'кей. У меня тут появились некоторые планы. Встречусь с парой друзей, и мы отправимся в одно прекрасное место, где безопасно. Давайте забудем то, что я сказал вам. Мне не хочется быть где-то здесь, когда настанет день порции мороженого... того самого, которое свалится на нас во вторник на следующей не-

деле. Хотите, мы потом завалимся к вам... смотря как сложатся дела?

Ответа Марк не дождался, ибо Гарви Рэнделл повесил трубку.

Рэнделл отправился в торговый центр. Отобрал придирчиво, что ему надо, купил — и расплачивался только с помощью кредитных карточек или чеков.

В супермаркете им было куплено шесть огромных кусков мяса общим весом двадцать восемь фунтов. Заодно он скупил чуть не половину имевшихся в продаже витаминов, пищевых приправ и соды для выпечки хлеба.

В продовольственном магазине (двумя домами дальше) он купил еще витамины и склянки с приправами. И купил изрядное количество соли и перца. И три мельницы для перемолки перца.

В магазине, расположенном в следующем доме, он купил неплохой набор ножей для нарезания мяса. Уже год, как ему хотелось купить новые кухонные ножи. Еще он купил точильный камень и ручное точило для ножей.

Здесь же продавались инструментальные наборы. Гарви уже не первый год хотел купить такой набор и решил, что сейчас для этого как раз подходящее время. А поскольку он уже все равно оказался в магазине скобяных и металлических изделий, Гарви еще набрал для себя всякой мелочи. В том числе пластмассовые запчасти для водопровода и простенькое приспособление для нарезки резьбы в железных трубах. Если... что-либо случится, все это может оказаться полезным. А если ничего не случится, эти вещи все равно могут пригодиться, их хорошо иметь дома, под рукой. Жаль, что в магазине не было походных плит для приготовления пищи, но продавец хорошо знал Гарви, и благодаря его любезности Гарви смог приобрести четыре ручных электрических фонаря с ручной динамкой и два колемановских фонаря (как раз только что поступили в продажу) , а к ним — четыре галлона колема-

новского горючего. Под конец продавец понимающе взглянул на Гарви, Гарви понял, что означает этот взгляд.

В винном магазине Гарви потратил сто девяносто три доллара: покупал все, что попадалось ему на глаза. Галлонами набирал водку, бурбон и шотландское виски. И «Гранд Маринер», и «Драмбуйе», и прочие редкостные и дорогостоящие напитки. Загрузил всем этим багажник и снова вернулся в магазин, чтобы купить еще «Перриер уотер». Расплатился он с помощью кредитной карточки — и снова поймал на себе понимающий взгляд продавца.

— Я готов к приему этой чертовой гостьи, — сказал Гарви Киплингу. Пес замотал хвостом по сиденью. Ему нравилось всюду сопровождать Гарви, но происходило это не так часто, как ему бы хотелось. Пес смотрел, как его хозяин ходит от одного магазина к другому. В аптеку, чтобы купить там снотворные таблетки, и еще витаминов, и йод, и мазь от ожогов, последнюю оставшуюся в продаже коробку с бинтами. И снова в продуктовый магазин, чтобы купить запас еды для собаки. И снова в аптеку — за мылом, шампунем, зубной пастой, новыми зубными щетками, кремом для кожи, примочками, лосьоном для загара...

— Где же нам следует остановиться? — спросил Гарви. Пес лизнул его в лицо. — Нужно же где-нибудь остановиться. Господи Боже, никогда я прежде не размышлял, какие благодеяния несет нам наша цивилизация, но, оказывается, есть множество вещей, без которых я просто не мыслю своего существования.

* * *

Гарви отвез покупки домой. Потом снова спустился с холма, чтобы забрать вездеход у механика, обычно обслуживающего эту машину. Не будь Гарви очень ста-

рым и высоко ценимым клиентом, никогда бы ему не добиться, чтобы его машину отрегулировали, сменили смазку, полностью подготовили ее к работе. Уже неделю гараж не принимал новые заказы на работу. Дюжины машин стояли в гараже и ждали, когда за них, наконец, примутся, и у каждой работа была неотложная, спешная.

Но как бы то ни было, Гарви получил свой вездеход и заполнил оба бака горючим. Кроме того, он полностью заполнил запасные канистры, но для этого ему пришлось объехать три бензоколонки. В Лос-Анджелесе, пусть и неофициально, было введено рационирование бензина.

После ленча для Гарви настала пора той же работы. Двадцать восемь фунтов мяса нужно было разрезать на тонкие ломтики. Именно тонкие! Новые ножи были хороши, но, когда настало время обеда, работа еще не была закончена, а руки Гарви уже свела судорога.

— На следующие три дня духовка — моя, — объявил Гарви.

— Комета столкнется с нами, — твердо сказала Лоретта. — Я это знаю.

— Нет. Шансы на столкновение — один против сотен, тысяч.

— А тогда зачем это? — спросила Лоретта, попав в самую точку. — Моя кухня просто завалена разрезанным на кусочки сырым мясом. Завалена.

— Просто на всякий случай, — сказал Гарви. — Про запас. А если нам оно не понадобится, его сможет взять в поход Энди. — И снова занялся своей работой.

Индейский способ приготовления вяленого мяса — не из самых легких и лучших. Индейцы вялили мясо над слабым огнем либо, если летом, на солнце и не особо заботились о качестве получившегося продукта. Гораздо лучше использовать современную кухонную плиту, доведя температуру в духовке до 100—120 градусов. Мясо, нарезанное тонкими полосками, надо оставить в духовке на двадцать четыре часа. Отнюдь не

имеется в виду, что таким образом мясо окажется готовым к употреблению, нет, имеется в виду, что оно будет как следует высушено. Хорошее вяленое мясо должно быть абсолютно обезвоженным и твердым, как кость. Если заострить кончик ломтя такого мяса, то им можно убить человека. А хранить его можно практически вечно.

Только вяленым мясом долго питаться невозможно. Если сдобрить эту диету витаминами, то на нем можно протянуть гораздо дольше. Но все равно — безрадостно, скучно. Итак? Но если Молот ударит, умирать главным образом будут отнюдь не от скуки...

Что касается углеводов, то у Гарви есть овсяная крупа. Похоже, больше никто в Биверли-Хиллз об углеводах не вспомнил. А крупа есть еще в нескольких магазинах. Кроме того, Гарви обнаружил, что у него есть мешок кукурузной муки. Жаль, нет пшеничной или ржаной муки...

Жир, срезанный с мяса, Гарви вбил в пеммикан. Добавил туда чуть сахара (сахара в доме много), соли, перца. Для вкуса подмешал уоркерстерширского соуса. Итак, можно считать, что частично мясо уже приготовлено. Добавил туда еще жира, вытопленного из помещенного в духовку мяса. Частью жира обмазал копченую грудинку. Жир, покрывающий грудинку, защищает ее от воздуха. Грудинка теперь может долго храниться, не протухая.

С едой — достаточно, решил Гарви. На очереди вода. Он вышел к плавательному бассейну. Прошлой ночью Гарви поставил его на осушку. Сейчас бассейн был почти сух, и Гарви начал заполнять его снова. Хлор на этот раз в воду он добавлять не стал. Когда бассейн заполнился, Гарви накрыл его крышкой, чтобы предохранить от попадания листьев и грязи.

Воды для питья тут хватит надолго, подумал он. Кроме того, есть емкости водоподогревателя. Кроме того... он порылся в гараже и нашел несколько старых пластмассовых бутылок. В нескольких бутылках рань-

ше хранилась хлорная известь, и они еще сохраняли запах. Отлично. Не промывая, Гарви заполнил их водой. Остальные бутылки он тщательно вымыл. Теперь, если даже в бассейне не останется воды, какой-то запас ее есть.

Ешь, пей. Что там дальше? Спи. Ну, с этим затруднений не будет. Гарви Рэнделл никогда ничего не выбрасывал, и, помимо обычного туристского спального мешка, у него были: армейский, спальный мешок облегченного типа для полярных условий, спальный мешок с подкладкой и старый спальный мешок Энди. Имелся даже спальный мешок, который он купил для того единственного раза, когда Лоретта попыталась принять участие в турпоходе. Гарви собрал все мешки, вытащил их наружу и развесил на бельевой веревке. Солнечное тепло и свет. Простейший и наиболее эффективный из известных человеку способов использования солнечной энергии. Вывешенная на открытый воздух одежда сохнет лучше, чем в электрических или газовых сушилках. Разумеется, лишь немногие из «защитников окружающей среды» сушат свою одежду или белье именно таким образом: они слишком заняты, прыгая вокруг этой самой среды. А ведь я пристрастен. Почему?

Потому что я заразился страхом Молота, и моя жена это знает. Лоретта думает, что я схожу с ума. Я пугаю ее. Она решила, что я твердо уверовал, что столкновение неизбежно.

И чем дальше продвигалась подготовка Гарви к удару Молота, тем этот удар становился для него реальнее. Я уже пугаю сам себя, подумал он. Надо не забыть об этом, когда я буду писать свою книгу. «Страх Молота»...

— Эй, цыпленок...

— Что, милый?

— Не гляди на меня так встревоженно. Я провожу исследование.

— Какое исследование? — и Лоретта принесла ему

пива.

— Я изучаю проблему «страх Молота». Собираюсь написать на эту тему книгу — после того как комета пройдет мимо. Так что все это — работа. Возможно даже, у меня получится бестселлер.

— Вот как. Замечательно, если у тебя появится книга. Люди относятся к авторам книг уважительно.

Верно, подумал Гарви, этого уважения они заслуживают — иногда. О'кей. Теперь проблемы «есть», «спать» и «пить» разрешены. Остались «сражаться» и «убегать».

Сражаться. С этим хуже. В глубине души Гарви не доверял огнестрельному оружию. Значит, либо дробовик, либо спортивный пистолет. Никакое огнестрельное оружие не внушает Гарви Рэнделлу почтительного доверия. И неважно, насколько это оружие может оказаться полезным для других. Как и неважно, насколько искусным может оказаться он сам, Гарви, во владении этим оружием. А вообще во время войны Гарви Рэнделл был не солдатом, а военным корреспондентом.

Но есть такое оружие: подкуп. Я могу без затруднений закупить достаточное количество спиртных напитков и пряностей. Буду держаться именно этой политики: то, что для нас сейчас обыденно и привычно, через несколько лет станет предметом роскоши, напитки и пряности сделаются буквально бесценными. В течение столетий по всей Европе цена черного перца оставалась примерно на одном и том же уровне. Перец продавался за золото по весу — унция за унцию. А ведь никому не пришла в голову мысль обеспечить себя запасами перца.

Гарви почувствовал гордость, он гордился своей идеей.

Итак. Остается «убегать». Вездеход приведен в наилучшее состояние, какое только возможно. Какого только я смог добиться. Если что, наверх можно будет погрузить мотоциклы. И впереди еще есть воскресенье,

чтобы сделать то, о чем я раньше не догадался.

Гарви вернулся в дом. Он был выжат досуха, вымотался, но чувствовал удовлетворение. Он еще не полностью подготовился, но по крайней мере имеет право считать, что определенная подготовка уже произведена. И подготовился он много лучше подавляющего большинства остальных. Лоретта еще не легла спать — ждала. Встречая его, она вышла из своей комнаты. Она не стала его ни о чем спрашивать. Она просто гладила его, понимая, что большая близость сейчас излишня. И Гарви, убаюканный ее ласками, уснул.

Проваливаясь в сон, он думал о том, как сильно любит ее.

16

Внизу, на Земле, царила ночь. Но на борту время измерялось по часам, а не по смене света и тьмы. Через каждые девяносто минут «Молотлэб» выходил из полосы дня в полосу ночи или наоборот.

С краю планеты виднелась Европа, сплошь испещренная огнями городов. Черная поверхность Атлантического океана занимала половину неба, скрывая за собой ядро и оболочку кометы Хамнера-Брауна. А если посмотреть в противоположном направлении, были видны звезды, сверкающие сквозь тонкую дымку. Из-за планеты со всех сторон — куда ни посмотришь — был виден хвост кометы. Хвост обтекал черную Землю — светящиеся голубые, оранжевые и зеленые струи, льющиеся вверх, к наивысшей точке усеянного звездами темного купола неба. Вдали и сбоку, в переплетении неровно колышущихся волн, плыл полумесяц — словно бриллиант в обрамлении снопов ракетного пламени. Любоваться этим зрелищем можно было бы бесконечно.

Работу пришлось прервать: настало время обеда. Все внимание Рика Деланти было поглощено развертывающимся за окном ослепительным зрелищем, но он ел много. Все участники полета (как и полагается) потеряли свой вес, но все же Рик, как никто иной, за время своей вынужденной голодовки потерял девять фунтов, и сейчас он старался наверстать упущенное. (Это было бы великим достижением — изобрести прибор, измеряющий потерю веса человека, находящегося в состоянии невесомости.)

— Раз у человека есть здоровье, — сказал Рик, — у него есть абсолютно все. Ох и здорово, когда тебя не рвет.

Он уловил, какой удивленный взгляд бросили на него советские космонавты: им никогда не приходилось видеть американских телевизионных рекламных фильмов. А Бейкер проигнорировал Рика.

Где-то в дальнем конце мира — огненный взрыв: взошло Солнце. Рик на несколько мгновений закрыл глаза, а когда открыл их, увидел протянувшуюся к кораблю голубовато-белую радугу. Вчерашний ураган еще бушевал над Индийским океаном — распялился, словно морское чудовище, как их изображали на старинных картах. Тифон... по имени Хильда. Вдали слева виднелся Эверест, виден был горный массив Гималаев.

— Вот это зрелище, мне никогда бы не надоело любоваться им.

— Да, — Леонилла тоже подошла к иллюминатору, встала рядом с Риком. — Отсюда все кажется таким маленьким, хрупким. Будто я могу высунуться и... провести пальцем, а на планете останется полоса шириной в сотни километров. Полоса, где все уничтожено. Неприятное ощущение.

— Не забудьте этого ощущения. Земля, действительно, маленькая и хрупкая, — сказал Джонни Бейкер.

— Вас тревожит комета? — Было трудно понять

выражение, появившееся на лице Леониллы. Русское лицо, как и русский язык — не то же самое, что лица и язык американцев.

— Да забудьте вы о комете. Как вы знаете, мы уязвимы, очень уязвимы, нам угрожают гораздо большие опасности, — сказал Джонни. — Вспыхнувшая поблизости новая звезда может полностью стерилизовать Землю, уцелеют разве что бактерии. Или, скажем, может взорваться Солнце. Или может вдруг остыть. Или вся наша галактика может превратиться в галактику Сейферта, и все живое будет уничтожено. Убито.

Леонилла рассмеялась:

— Ну, об этом можно не беспокоиться еще тридцать три тысячи лет. Как вам известно, есть такое понятие, как скорость света.

Джонни пожал плечами:

— Хорошо, взрыв произошел тридцать две тысячи девятьсот лет назад. Или: мы и сами можем уничтожить все живое. Химическое загрязнение убьет океан, а тепловое загрязнение...

— Подожди, — сказал Рик. — Тепловое загрязнение, возможно, всего лишь уберегает нас от оледенения. Некоторые полагают, что очередной ледниковый период начался уже несколько столетий назад. Но имеющиеся запасы угля и нефти истощаются.

— Черта с два! Ты меня не переспоришь.

— Атомная война. Столкновение с гигантским метеоритом. Сверхзвуковые самолеты, уничтожающие защитный слой озона, — сказал Петр Яков. — Зачем только мы это делаем?

— Потому что там, внизу, мы не чувствуем себя в безопасности, — сказал Бейкер.

— Земля большая и не настолько уязвима, как кажется, — сказала Леонилла. — Но присущая человеку изобретательность... вот это меня иногда пугает.

— Существует только один выход, — сказал Бейкер. Сказал это очень серьезно. — Нужно выйти за установленные границы. Колонизовать планеты. Не

только ближайшие планеты, но и планеты в других звездных системах. Надо построить огромные космические корабли. Разложить наши яйца во множество корзин. Но это менее вероятно, чем то, что раньше произойдет какая-нибудь проклятая, идиотская случайность... что какой-нибудь фанатик... что произойдет что-то, что уничтожит нас. Полностью. Уничтожит всю человеческую расу. И этим «чем-то» мы начинаем потихонечку восхищаться!..

— Чем же тут восхищаться? — сказал Яков. — Мне кажется, что вы и я во многом стоим на различных точках зрения. Но если вы выдвинете свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов, моя поддержка вам обеспечена. Я произнесу множество речей, восхваляя вас... но вот голосовать мне не позволят.

— А жаль, — сказал Джонни Бейкер, и на мгновение ему вспомнилась судьба Джона Гленна, который занялся политической деятельностью и добился своего. — Пора снова заняться нашей каторжной работой. Кто сегодня выходит брать пробы?

* * *

До встречи с ядром Хамнера-Брауна осталось тридцать часов. В телескоп ядро казалось скоплением мелких крупинок, между крупинками — большие пространства пустоты. Ученые из ИРД не переставали восторгаться, но Бейкеру и остальным космонавтам все это уже осточертело. Поскольку все вокруг затопило вещество хвоста, допплерово смещение для твердых тел становилось определить все труднее. Подгоняемые давлением солнечного света, газ и пылевые частицы мчались

прочь от ядра. Мчались с чудовищными скоростями. Комета приближалась к Земле со скоростью около пятидесяти миль в секунду. Обнаружить ее боковое смещение было еще труднее, чем поступательное.

— По-прежнему идет прямо на нас, — сообщил Бейкер.

— Наверняка есть какое-то смещение в сторону, — сказал микрофон голосом Дана Форрестера.

— Конечно, но определить его мы не можем, — сказал Рик Деланти. — Послушайте, док, мы делаем все, что в наших силах. И результаты передаем вам... должен же быть какой-то полезный выход.

Форрестер тут же принялся извиняться:

— Извините, я знаю, что вы делаете все, что в ваших силах. Просто очень трудно определить проекционную кривую, не имея достаточно точных данных.

А затем пришлось потратить пять минут, гладя Форрестера по шерстке и уверяя, что никто на него не сердится.

— Бывают минуты, когда я чувствую, что эти гении доведут меня до сумасшедшего дома, — сказал Джонни Бейкер.

— Простейший способ утихомирить их — это дать им то, что они требуют, — сказал Деланти. — Никто не слышал, чтобы он выражал недовольство результатами моих наблюдений.

— Знаешь, куда тебе следует их запихать? — спросил Бейкер.

Деланти перевел на него свой взгляд.

— Куда? — И поплыл к Бейкеру. — Вот что, я их представлю в цифровой форме и отпечатаю. А ты дай себе труд просто прочесть их.

Когда утренние наблюдения были закончены и появилась короткая возможность передохнуть, Петр Яков покашлял с извиняющейся интонацией.

— У меня есть вопрос, — сказал он. — Мне его давно уже хотелось задать. Пожалуйста, не поймите меня неправильно.

Джонни сообразил, что Петр не торопился задать свой вопрос до тех пор, пока Леонилла не уйдет в «Союз» и не прикроет плотно за собой крышку люка.

— Конечно. Смелее.

Петр переводил взгляд с одного американца на другого и обратно.

— В наших газетах утверждается, что в Америке черные служат белым, что белые командуют черными. Но мне кажется, что вы сработались друг с другом очень неплохо. В общем, прямо говоря, вы считаете себя равными?

Рик фыркнул:

— Нет, черт побери. У него более высокий чин.

— Но в остальных отношениях? — настаивал Петр.

Лицо Рика казалось вполне серьезным, но только не для американца.

— Генерал Бейкер, могу я быть вам ровней?

— А? Ну конечно, Рик, конечно, ты можешь быть мне ровней. Почему ты не желаешь говорить прямо?

— Ну, это такой деликатный предмет...

Выражение лица Петра Якова изменилось. Но прежде, чем он успел взорваться, Джонни спросил:

— Вы действительно хотите, чтобы я вам всерьез объяснил, как у нас обстоят дела с межрасовыми отношениями?

— Если это вас не затруднит.

— Как Леонилла ухитряется мочиться в состоянии невесомости?

— Гм... Я помогаю.

— Помогаете в чем? — Извиваясь всем телом, Леонилла лезла обратно через люк.

— У нас тут маленькая дискуссия, — сказал Джонни. — Не включающая обсуждение государственных секретов.

Леонилла щелкнула запором и испытующе посмотрела на троих мужчин. Джон Бейкер стучал по клавишам карманного компьютера с ручным программированием. Петр Яков широко улыбался, наблюдая за его

действиями с нескрываемым восхищением... но все трое улыбались широкой, раздражающей постороннего улыбкой — улыбкой «а я что-то знаю».

— Вас снабдили хорошей техникой, — сказал русский космонавт. — Поэтому здесь, в космосе, мы кое в чем отстаем от вас. У Деланти было, похоже, что-то не в порядке с дыханием.

— О, этот карманный компьютер не принадлежит НАСА, — быстро сказал Бейкер. — Он мой.

— Вот как? И дорого он стоит?

— Пару сотен долларов, — сказал Бейкер. — Гм, в рублях это получается много, а вот если подсчитать, сколько человеку нужно работать, чтобы купить его, выходит поменьше. Пожалуй, недельный заработок среднего служащего. Для того, кому действительно нужен такой компьютер, это недорого.

— Если б у меня были деньги, сколько бы мне пришлось ждать, чтобы купить его? — спросила Леонилла.

— Примерно пять минут, — сказал Бейкер. — В магазине там, внизу, на Земле. Если вы совершаете покупку, находясь здесь, это займет несколько больше.

Леонилла рассмеялась:

— Я имела в виду — внизу... Их можно... вот такие... просто купить в магазине?

— Если у вас есть деньги. Или вы пользуетесь кредитом. Впрочем, кредит может быть и не совсем надежным, — объяснил Бейкер. — Ну так что? Вам нужен такой компьютер? Черт возьми, мы изыщем возможность, чтобы он у вас был. Вам тоже нужен, Петр?

— Это действительно возможно?

— Конечно. Это нетрудно, — сказал Бейкер. — Я свяжусь с человеком из отдела по связям с общественностью из «Приборов Техаса». Вам будет вручена пара таких компьютеров. Для «Приборов Техаса» это послужит хорошей рекламой. После этого торговля у них пойдет лучше. Но может, вам бы больше хотелось иметь

компьютеры «Хьюлет-Паккард»? У них несколько иная система обозначений, но зато они более скоростные...

— Вот что меня смущает, — сказал Петр, — две различные компании, производящие равно великолепную технику. Соперничающие между собой компании. По-моему, это расточительство.

— Может быть, и расточительство, — сказал Рик Деланти. — Но зато я могу пойти в любой магазин электронного оборудования и свободно купить компьютер, который мне нравится.

— Никакой политики, — предупредил Джонни Бейкер.

— Здесь нет никакой политики.

Воцарилась неловкая тишина. Петр Яков подплыл к камере, снимающей в ультрафиолетовом свете, ласково погладил ее.

— Какая точная. Какая сложная, и все на электронике. С вашей американской техникой действительно приятно работать. — Он обвел рукой «Молотлэб», заполненный контейнерами с растущими кристаллами, съемочными камерами, радарами и записывающими приборами. — Просто удивляет, как много нового мы узнали за время этого недолгого совместного полета. Узнали благодаря вашему великолепному оборудованию. Так много узнали, как, я думаю, не удалось ни одному из предыдущих «Союзов».

— Много? — Голос Леониллы Малик звучал саркастически. — Много. И даже больше, чем вы имели в виду. — Голос ее был пронизан такой горечью, что все трое мужчин застыли в изумлении. — Наши космонавты совершают полет ради полета. Они летят в качестве пассажиров, просто чтобы доказать, что мы способны посылать людей в космос и что некоторые из них могут даже вернуться на Землю живыми. Все, что мы дали для этого полета, — это лишь пища, вода и кислород для экипажа... и добавили еще один корабль к вашим двум.

— Он необходим был для этой экспедиции, ваш

корабль, — сказал Рик Деланти. — У вас тоже очень хороший корабль.

— Да, но этим и ограничивается наш вклад в экспедицию. А поскольку мы развиваем программу космических исследований...

Яков прервал ее, быстро сказав что-то по-русски. Он говорил слишком быстро, чтобы Джонни и Рик могли разобрать сказанное, но общий смысл был очевиден.

Леонилла ответила одним словом — коротким, резким, и затем продолжала:

— Марксизм в качестве своей основы берет объективную реальность, не так ли? Мы развиваем свою программу космических исследований. Сергей Королев был одним из величайших гениев за всю историю человечества! Он мог превратить нашу программу исследований космоса в могущественнейшее средство познания мира, но этим психам из Кремля хотелось эффектного! Хрущев приказал начать представление — ему хотелось посрамить американцев. И вместо того чтобы продвигаться вперед, развивать свои возможности, мы начали демонстрировать миру цирковые трюки! Мы первыми вывели одновременно трех человек на орбиту... но для этого из корабля пришлось выкинуть все научно-исследовательское оборудование! И лишь после того, как оно было выкинуто, в корабль удалось впихнуть третьего члена экипажа. Человека очень маленького роста... И все это ради одного полета на орбите! Цирковое представление! Мы могли бы первыми совершить высадку на Луну, но пока что мы все еще лишь готовимся к такому полету!

— Товарищ Малик!

Леонилла пожала плечами.

— Вы услышали что-нибудь новое? Нет. Полагаю, что нет. Мы продолжали давать эффектные представления, пользовались каждым удобным случаем, лишь бы о нас кричали газеты — и вот сегодня лучший пилот Советского Союза не может состыковать свой ко-

рабль с другим кораблем! А вот вы... вы предлагаете, чтобы нам дали, чтобы нас, так сказать, наградили игрушками, которые не могут создать лучшие инженеры Советского Союза... и которые они даже не могут купить для себя!

— Эй, это не означает, что вы в чем-то хуже нас, — вмешался Джонни Бейкер.

Яков что-то коротко сказал по-русски и отвернулся, всем своим видом выказывая крайнее неудовольствие. Рик Деланти сочувственно покачал головой. Что это вдруг на Леониллу нашло?

Все вели себя очень тихо и были друг с другом подчеркнуто вежливы, пока Леонилла не вернулась обратно в «Союз». Бейкер и Деланти обменялись взглядами. Слов им не потребовалось. Джонни Бейкер отплыл в угол, где какой-то работой занимался Яков.

— Нам нужно поговорить напрямую, — сказал Джонни.

— Слушаю.

— Вы не собираетесь создавать для нее трудности, а? Я имею в виду, вряд ли нужно докладывать обо всем, что происходит здесь.

— Конечно, не нужно, — согласился Яков. Пожал плечами. — Мы все здесь мужчины. И знаем, что через каждые двадцать восемь дней женщины начинают вести себя очень нелогично. Это знает любой женатый мужчина.

— Да, должно быть, этим все и объясняется, — сказал Джонни Бейкер и снова обменялся взглядом с Деланти.

— А кроме того, ее воспитало государство, — сказал Яков. — Ее отец и мать умерли, когда она была еще маленькой. Поэтому неудивительно, конечно, что ей бы хотелось, чтобы наша страна добилась больших успехов, чем те, которые достигнуты в настоящее время.

— Разумеется.

Разумеется, подумал Рик Деланти. Дерьмо коро-

вье. Если она тяжело переносит свое женское недомогание, то почему она не сообщила это руководителям полета, чтобы русские послали в космос кого-нибудь другого или другую? Почему она этого не сделала? Я бы доложил своему руководству о том, что подвержен космической болезни, если б знал об этом заранее. Наверняка я бы так и сделал...

В чем бы ни состояли затруднения Леониллы, будет разумно в следующие несколько дней относиться к ней особенно бережно. Дьявольщина, а комета Хамнера-Брауна уже так близко!

* * *

Барри Прайс положил телефонную трубку. Глаза его были восторженные. Вошла Долорес, неся кофе.

— Знаешь, что произойдет в следующий вторник? — радостно крикнул Барри.

— Земля столкнется с кометой.

— Что? Нет, нет, я серьезно. Мы введем в действие следующую очередь. Решение последнего судебного разбирательства признано необоснованным. Ядерный центр «Сан-Иоаквин» будет запущен на полную мощность.

Ему казалось, что Долорес должна обрадоваться, но она вовсе не обрадовалась.

— Наверное, будет торжественная церемония ввода в действие? — спросила она.

— Нет, все будет обставлено без шума... А почему ты об этом спрашиваешь?

— Потому что во вторник меня здесь не будет. Если только у тебя не возникнет крайняя необходимость в моем присутствии.

Барри нахмурился:

— Ты всегда мне крайне необходима...

— Пора бы уже привыкнуть, — сказала Долорес. Похлопала себя по животу. Живот еще не сделался

выпуклым, но Барри был в курсе. — Во всяком случае, мне надо быть в Лос-Анджелесе, хочу показаться доктору Стоуну. И еще я хотела задержаться там, чтобы повидаться с матерью. Я думаю вернуться сюда ночью во вторник.

— Хорошо. Милая...

— Да?

— Ты ведь сохранишь ребенка, правда?

— Да. Я хочу его сохранить.

— Тогда выходи за меня замуж.

— Нет, спасибо. Мы оба уже испробовали, что такое семейная жизнь, и нам не понравилось.

— Но испробовали не друг с другом, — сказал он. Он хотел, чтобы голос его звучал настойчиво, но в нем прозвучало облегчение. Но все же... — А каково будет ребенку? Ребенку, не имеющему отца?

Долорес рассмеялась:

— Он появится не в результате партеногенеза. И я почти уверена, что отец у него есть. И даже догадываюсь, кто этот отец.

— О, черт возьми, ты прекрасно понимаешь, что я имел в виду.

— Конечно, понимаю, — она поставила чашку с кофе на письменный стол и перелистнула перекидной календарь Барри. — Тебе предстоит завтрак с заместителем губернатора. Не забудь.

— А-а, тот самый, слабоумный. Если что-нибудь и могло выволочь меня из этого эйфорического состояния, то это то, о чем ты напомнила. Но я буду паинькой. Ты и поверить не сможешь, каким я буду паинькой.

— Хорошо. — Она повернулась, собираясь уйти.

— Эй, — крикнул он, останавливая ее. — Послушай, давай потом все обсудим. Когда ты вернешься из Лос-Анджелеса. Я имею в виду, что этот ребенок и мой тоже...

— Конечно, твой. — И Долорес ушла.

* * *

.– Эй, малый. Молот уничтожит весь этот город. Превратит в пустыню.

– Коровье — мать его так — дерьмо, — сказал Алим Нассор и улыбнулся. — Мы им тут устроим пустыню. — Он уже наслушался разговоров о том, что способна натворить комета. Вокруг проповедников, вещающих со своих кафедр, собирались толпы народа. Проповедники обеспечили себе свой кусок хлеба. Наступает конец света, примиритесь со сладчайшим Иисусом и гоните монету...

Появились новые возможности. Во всяком случае, вот к чему приведет появление кометы: белые удерут из своих домов. Уже удирают. Алим объехал весь Брентвуд и весь Бел-Эйр и везде видел одно и то же: множество домов, возле которых стоят невзятые жильцами бутылки молока, а на крыльце — оставленные почтальонами старые газеты. Алим тогда ехал на стареньком пикапе, на заднем сиденье и в багажном отделении были грудой навалены косилки для стрижки газонов и прочий инструментарий для садовой работы. Кто дважды обратит внимание на чернокожего садовника? Так что когда он останавливался, чтобы забрать газеты и привязанные к бутылкам картонные ярлыки, никто этого не заметил. Теперь Алим располагал адресами, и они обчистят все сверху донизу, и никто не опередит их...

Они проехали через Бел-Эйр и Брентвуд — неуклонно, не сворачивая в сторону. Алим запасся набором различных инструментов для кражи со взломом. Вместе с ним были люди, которые хоть и неохотно повиновались приказам, но свое дело знали хорошо. Молот Божий на протяжении человеческой жизни дважды не

появляется.

В некоторые дома лучше не лезть. Свиньи* настороже. Но есть способы справиться с этой маленькой проблемой. Они, чтобы остановка не вызывала подозрений, даже выкосили несколько ярдов. И сделали хорошее дело, и смогли без помех провести наблюдение за целым кварталом. Они видели, как люди загружают трейлеры своим барахлом и уезжают. Бел-Эйр был уже наполовину покинут. Что ж, оставшееся можно будет без труда слямзить сегодня ночью. А потом... потом, может быть, удастся возобновить политическую деятельность. И многие братья получат свой кусок хлеба, получат не на раз или два — надолго.

Однако... а ведь многие белые уезжают, очень многие. Богатые белесые, то есть люди, понимающие толк в деле. В городском совете атмосфера тоже весьма напряженная. Может быть, столкновение действительно состоится?

Алим быстро просмотрел стопку прихваченных с крыльца одного из домов газет и журналов. Он хорошо умел читать. Пусть не сразу, но он понял, что грозит, а рисунки прояснили все окончательно. На низменностях оставаться нельзя. Будут волны вышиной в тысячу футов! Автор рисунков обладал немалым воображением. Он нарисовал залитое потоком здание городского совета Лос-Анджелеса. Над поверхностью воды поднималась башня. Торчали крыши административного корпуса и здания городского суда. Все находившиеся там свиньи мертвы — иного и быть не может. Но, конечно, Алиму не хотелось быть здесь, когда это случится.

А может, ничего и не произойдет, и белесые спокойно вернутся домой.

— То-то они удивятся, — пробормотал Алим.

— А? Кто?

— Белые. Разве они не удивятся, когда вернутся

---

* Прозвище полицейских.

домой?

— Да уж. Почему ты выбрал именно эти дома? Если бы мы облазили самые богатые дома не только здесь, но и всюду, мы бы...

— Заткнись.

— Ладно.

— Я хочу, чтобы мы не удалялись друг от друга. Если окажется, что какой-нибудь из этих домов битком набит свиньями, мы сможем по рации позвать на помощь.

— О'кей. Ладно.

Молот Божий. Что, если это произойдет на самом деле? Куда тогда удирать? Не на юг, это уж точно. Политиканы могут трепаться о братстве коричневых и черных, но все это чепуха. Чиканос (латиноамериканцы) не любят черных, черные ненавидят чиканос. В иных местах, чтобы вступить в банду, чиканос нужно убить чернокожего. У чиканос нет жалости к черному, и чем дальше на юг, тем все хуже и хуже.

— Сегодня ночью нужно будет взять с собой оружие, — сказал Алим. — Нам нужно будет как следует вооружиться.

Гарольд вздохнул, и автомобиль чуть вильнул в сторону.

— Ты полагаешь, что у нас не все пройдет гладко?

— Я просто хочу быть готовым ко всему, — сказал Алим. А если эта траханная комета... Сегодня ночью и завтра лучше иметь под рукой огнестрельное оружие и хороший запас боеприпасов. Еще нужно взять с собой пищу. Нельзя подводить братьев, так что придется все взять на себя.

По крайней мере, если столкновение состоится, они будут во всеоружии.

* * *

Патрульный полицейский Эрик Ларсен приехал когда-то в Лос-Анджелес из Топеки. Он был языковедом (английский язык), и ему мечталось писать сценарии для кино и телевидения. Но необходимость зарабатывать себе на жизнь вкупе со случайностью привела его на службу в полицию Бурбанка. Он сказал себе, что здесь он накопит ценнейший опыт. Вспомните, чего добился Йозеф Вамбаф, а, как известно, начинал он качестве полицейского! И ведь Эрик мог писать; по крайней мере, его ученая степень свидетельствовала, что он писать мог.

Когда миновали три года, Эрик так и не продал никому ни одного своего сценария. Но теперь он мог бы поведать множество историй о необычных, не подлежащих разглашению случаях. Теперь он намного лучше разбирался как в человеческой психологии, так и в индустрии развлечений. Он здорово повзрослел. Эрик жил с женщиной, уже дважды побывавшей замужем. Он преодолел свое неумение завязывать случайные знакомства с девушками. И в то же время по-прежнему был весьма склонен идеализировать их. Ему было неприятно видеть юных беглянок из дому, пристающих к прохожим. Он знал, что жизнь у этих девушек могла бы сложиться иначе.

Еще Эрик научился видеть мир с точки зрения полицейского: всех людей можно подразделить на три большие группы. Это полиция, подонки и обычные граждане. Но вот презирать этих самых граждан он еще не научился: по его мнению, они — это люди, которых он обязан защищать. Поскольку Эрик не очень продвинулся в своей полицейской карьере, он относился к выполняемой им работе серьезно (хотя жители Бурбанка об этом и не подозревали). Свою заработную плату он получает от граждан. Когда-нибудь он сам станет одним из них.

Он было принялся за изучение юридических наук, но, поскольку все же сохранил присущую литераторам объективность, вскоре вынужден был признать, что в повседневной работе они помогают мало. Были люди, которых после отбытия наказания за совершенное преступление, можно было считать исправившимися. Таких насчитывалось немного. Большинство преступников являлись именно преступниками, и лучшее, что можно было бы с ними сделать, — это отвезти на остров Святого Николая и высадить там на берег. Пусть они, оставшись в одиночестве, истязают друг друга. Трудность состояла в том, что никогда нельзя заранее сказать, кто из преступников окончательно потерян для общества, а кто способен вернуться к нормальной жизни. На эту тему Эрик часто спорил со своими коллегами. Его товарищи по службе прозвали его «Профессором» и подсмеивались над его литературными амбициями. Смеялись над ним и из-за дневника, который вел Эрик. Тем не менее Эрик был в хороших отношениях почти со всеми, и его сержант рекомендовал назначить Эрика расследователем.

Комета привлекла пристальное внимание Эрика, и он прочел о ней все, что только мог достать. Сейчас, когда она заняла собой все небо, она уже вызывала у него чувство восхищения. Завтра она начнет удаляться от Земли. Вместе со своим напарником Эрик ехал по необычно оживленным улицам Бурбанка. Всюду кишели люди, тащили из домов вещи и грузили их в трейлеры. Улицы были запружены.

— Когда же эта штука, наконец, уберется куда подальше, — сказал напарник. Расследователь Гаррис был полицейским от макушки до самых пяток. Ослепительный свет, сияющий в небесах, являлся для него лишь добавочной проблемой. Если это действительно интересно, то Гаррис посмотрит на комету в кино — после того как она уйдет с земного неба. А сейчас комета сидела у него в печенках.

— Автомобиль номер сорок шесть. Координаты:

Аламонт — восемь — девять — семь — шесть. Женщина. Соседка, живущая ниже, сообщила, что слышала крики в квартире, расположенной над ее квартирой. Руководствуйтесь планом три.

— Принято, — сказал в микрофон Эрик. Гаррис уже ввел машину в крутой вираж.

— Это не семейная ссора, — сказал Гаррис. — По всему адресу — квартиры для одиноких. Вероятно, какой-нибудь парень не может добиться взаимности.

Автомобиль резко остановился перед домом, где сдавались внаем квартиры. Дом был большой, разукрашенный, с плавательным бассейном и сауной. По обеим сторонам парадного подъезда росли каучуковые деревья. За стеклянной, ведущей в холл дверью стояла девушка в тонком халатике поверх ночной рубашки из голубого шелка. Вид у девушки был испуганный.

— Это в триста четырнадцатой, — сказала она. — Это ужасно! Она так кричала, звала на помощь!..

Детектив Гаррис остановился, чтобы взглянуть на почтовый ящик квартиры № 314: «Коллин Дарси». Вытаскивая на ходу фонарь, он кинулся вверх по лестнице.

Квартиры третьего этажа, имеющие четыре номера, — вход с внутреннего коридора. Эрик припомнил, как выглядит это здание с другой стороны. Там у каждой квартиры маленькие балкончики, прикрытые занавесками, чтобы не было видно с улицы. Вероятно, на этих балкончиках девушкам хорошо принимать солнечные ванны. Холл был недавно окрашен, и общее впечатление было, что этот дом хорошо приспособлен для юных, не имеющих семьи девушек. Разумеется, лучшие квартиры расположены на другой стороне здания, окна тех квартир выходят на бассейн.

В холле было тихо. Из-за двери квартиры номер 314 не доносилось ни звука.

— Что теперь? — спросил Эрик.

Гаррис пожал плечами, затем сильно постучал в дверь. Ответа не последовало. Гаррис постучал снова.

— Полиция, — сказал он. — Вы здесь, мисс Дарси?

Опять никакого ответа. Девушка, позвонившая в полицию, уже поднималась по лестнице. Подошла, встала за спинами полицейских.

— Вы уверены, что она там? — спросил Эрик.

— Да! Она кричала!

— Где управляющий?

— Его нет. Я звонила ему, но мне никто не ответил.

Эрик и Гаррис обменялись взглядами.

— Она звала на помощь! — негодующе сказала девушка.

— Наверное, здесь нам будет туго, — пробормотал Гаррис. Он встал сбоку двери и жестом дал знак Эрику. Вытащил револьвер.

Отступив назад, Эрик с маху ударил ногой по запертой двери. Раз, еще раз. Дверь распахнулась, и Эрик влетел в квартиру. Движения быстрые, боком вперед, как учили.

Квартира была однокомнатная. На кровати что-то лежало. Позднее Эрик вспоминал, что в то мгновение он так и подумал: «что-то». Оно походило на девушку лет двадцати...

Кровать и пол возле кровати были залиты кровью. В комнате пахло дорогими духами и чем-то сладковато-кислым.

Девушка была голая. Эрик увидел тщательно уложенные на подушке ее длинные светлые волосы, выпачканные кровью. Одна грудь была отрезана, и кровь сочилась из раны. И кто-то кровью нарисовал стрелку, тянувшуюся к темным волосам лобка. Лобок и ноги были сплошь в крови.

У Эрика поплыло в глазах, перехватило дыхание. Он постарался овладеть собой. В комнату шагнул Гаррис.

Гаррис бросил взгляд на кровать и тут же отвел его. Его глаза пристально оглядели комнату и, не найдя никого, обратились к дверям на противоположной

стороне комнаты. Он двинулся туда, и тут же за его спиной открылась другая дверь — дверь туалета. Оттуда выскочил мужчина, он явно хотел прорваться к выходу в коридор. Оказавшись в тылу Джо Гарриса, мужчина кинулся прямо на визжащую девушку. Девушка истошно кричала, зовя полицейских на помощь.

Эрик сделал глубокий вдох, совладал с собой и заступил дорогу мужчине. В руке у мужчины был нож. Измазанный кровью нож. Мужчина занес его, направляя острие на Эрика. Эрик выхватил пистолет и нацелил его в грудь противника. Палец его потянул спусковой крючок.

Мужчина поднял вверх руки. Нож выпал из его ладони. Мужчина упал на колени. Он молчал.

Дуло пистолета Эрика последовало за мужчиной. Лежащий на спусковом крючке палец снова напрягся, потянул. Еще чуть... Нет! я — служащий полиции, а не судья и не присяжный.

Мужчина умоляюще тянул вверх руки — будто молился. Эрик подвинулся ближе и увидел его глаза — в них не было ужаса, не было даже ненависти. На лице убийцы застыло странное выражение: какая-то смесь покорности с удовлетворением. И выражение лица его не изменилось, когда он перевел взгляд за спину Эрика Ларсена на мертвую девушку.

* * *

Потом прибыли сыщики и следователь. Эрику Ларсену и Джо Гаррису было приказано отвезти их пленника в городскую тюрьму Бурбанка.

— Доставьте его туда живым. — Голос был воющий. Он принадлежал адвокату, живущему в этом же доме. Адвокат появился, когда полицейские еще допрашивали задержанного, и тут же закричал, что поли-

ция не имеет права арестовывать этого мужчину. Потом он посоветовал ему не отвечать на вопросы. Мужчина рассмеялся.

Эрик и Гаррис отвели своего пленника к патрульному автомобилю и втолкнули его внутрь. Завтра его переправят в федеральную тюрьму Лос-Анджелеса.

Все это время мужчина упорно молчал. Но в его бумажнике было найдено удостоверение на имя Фреда Лаурена. По радио подтвердили: Фред Лаурен числился в полицейской картотеке. За ним уже насчитывалось три преступления на сексуальной почве, два с применением насилия. После многочисленных экспертиз парня каждый раз освобождали для проведения психиатрического лечения. Когда они приехали, Эрик грубо выволок Лаурена из машины.

— Больно, — сказал Лаурен.

— Больно... Сукин ты сын, — Гаррис пододвинулся к Фреду. Его рука внезапно дернулась, воткнув локоть в солнечное сплетение арестованного. Гаррис нанес второй удар.

— Тебе уже — что бы с тобой ни случилось — ничто не повредит. — Кроме этого, Гаррис не смог сказать ни слова.

— Джо, — Эрик втиснулся между Гаррисом и пленником, — не надо с ним так.

— Я доложу о вас! — завизжал Лаурен. И тут же хихикнул. — Нет. Какой в этом смысл? Нет.

— Сейчас он испуган, — сказал Эрик. — Когда мы его арестовывали, он не боялся. — Эрик видел, что и сейчас пленник уже не испуган: как только Гаррис отошел на шаг, страх исчез, вновь уступив место смирению. Они повели убийцу.

— О'кей, объясни мне, — сказал Эрик. — Думаешь, что судья снова отправит тебя на экспертизу? Что через неделю очутишься на свободе? Будешь снова через неделю бродить по улицам?

Парень хихикнул:

— Через неделю не будет никаких улиц. Вообще

ничего не будет!

— Страх Молота, — пробормотал Эрик. Ему подобные случаи были уже знакомы. Почему бы не совершить преступление, если приближается конец света? Такие истории описывались уже не один раз. Но ничего подобного в Бурбанке еще не случалось.

— Жду не дождусь, когда же эта проклятая комета уберется куда подальше, — сказал Гаррис. Но он ни словом не обмолвился об оставленном на кровати мертвом теле. Нужно либо научиться воспринимать такое спокойно, либо уйти из полиции — можете выбирать, как вам угодно.

— Похоже, нам предстоит нелегкая ночь, — сказал Эрик.

— Ага, и еще утреннее дежурство завтра, — Гаррис глянул на светящееся небо. — Просто дождаться не могу, когда эта штука уберется куда подальше...

* * *

Лагерь разбили у содовых источников. В этом месте хорошо останавливаться на отдых, странно, что здесь никого нет. Горди Ванс ожидал, что встретит у источников еще не меньше дюжины других скаутских групп. А вместо этого сейчас здесь только сам Горди и шесть пришедших с ним скаутов. Страх Молота, подумал Горди. Никто не хочет оказаться сейчас здесь, в отдалении от дорог, от цивилизации.

Мальчишки с облегчением сбросили наземь рюкзаки и помчались к источнику. Здесь было два источника — один с горной водой, холодной и чистой, в другом журчала вода ржавого цвета, отвратительная на вкус (хотя мальчики утверждали, что она им нравится). Природа насытила воду карбонатными соединениями, и ребята любили приготовлять на ее основе разные

напитки. Горди не приставал к ним с напоминаниями, что слишком увлекаться питьем этой воды не стоит. Никто ее слишком много и не пил. Ужин приготовили на походных примусах. Меню, с разрешения Горди, составлял Энди Рэнделл. Именно Энди придется взять на себя руководство группой — и очень скоро...

— Но мой учитель сказал, что такое не исключено. — Это продолжает спор один из самых младших скаутов.

— Чудак, — не согласился Энди Рэнделл. — Мой папа сколько раз бывал в ИРД, и тамошний компьютер каждый раз утверждал, что это невозможно. Кроме того, мистер Хамнер сказал мне...

— Ты с ним знаком? — спросил юный скаут.

— Конечно.

— Так ведь это он открыл Молот. — И все непроизвольно глянули вверх, туда, где в вечернем небе расплывалось громадное светящееся пятно. — А ведь близко, — сказал юный скаут.

* * *

Долгие горные сумерки закончились, и в ночном небе зажглись звезды. Ярко пылал Молот — пока не ушел за горы Сьерры. Горди разогнал мальчиков по спальным мешкам. А хотелось им не спать, а остаться смотреть на небо: там ярко полыхало зарево, сквозь зеленые и красные *изломанные полосы просвечивали* звезды.

Горди залез в свой мешок. Как обычно, он уснул сразу же, приказав себе проснуться через пару часов — чтобы обойти лагерь и убедиться, что с мальчиками все в порядке. Засыпая, он подумал: «Я — совестливый ублюдок». Смешная мысль, но Горди не рассмеялся.

К середине ночи он проснулся — и больше в эту

ночь уснуть ему уже не довелось.

Небо неистовствовало. Будто черную воду пронизали стремительные струи светящегося молока. Звезды мигали, глядя на Землю сквозь хвост кометы. Потом они померкли во вспышках сияния, протянувшегося от горизонта до горизонта. Где-то вдали мелькали еще более яркие вспышки, а через долгое время докатывался разряд грома. Горди в трансе заходил кругами.

Энди Рэнделл не спал. Он не стал опускать клапан, хотя в июне в Сьерре часто идут дожди. Подсунув под голову рюкзак, Энди лежал в незастегнутом мешке, его длинные руки были заложены под затылок.

— Вот это зрелище, — прошептал он.

— Ты прав, — сказал Горди, стараясь, чтобы в его голосе звучало одобрение. Нельзя терять над собой контроль, нельзя, чтобы голос дрогнул. Когда Энди позже будут расспрашивать, он расскажет, что не заметил у Горди Ванса никаких признаков подавленности. — Надо поспать, — сказал Горди. — Завтра переход нам предстоит небольшой, но дорога местами будет нелегкой.

— Я знаю.

— Ладно, — сказал Горди. Поднялся немного вверх по склону — чтобы оказаться в одиночестве — и повалился в пышную траву.

Завтра все это уже будет неважно, подумал он. Больше спать я не буду.

Все разрушил тот утес. Роковое падение... оно оказалось роковым. Как жаль, что тогда его лишь покалечило, а не убило. Дети плакали, пока спасательная команда искала его. Плакали, когда его везли в больницу.

Горди находился на больничной койке, когда банковская ревизия обнаружила недостачу. А он не знал, не останется ли на всю жизнь калекой, — и не мог даже бежать.

А теперь он бежать не станет. У него уже была такая возможность, но это плохо. Еще как плохо. Ну,

куда ему бежать? Денег нет, и ничего хорошего беглецу из Америки, не имеющему денег, не светит. Кроме того, дети должны расти в своей стране. Горди глянул туда, где лежал его сын. Берт лежал, скорчившись, в своем спальном мешке. Ему уже двенадцать лет... Берту будет больно, но другого выхода нет.

Странно вышло с этим утесом. Горди все помнил совершенно точно. Тропа все та же — не такая уж узкая, но край ее осыпался, и если окажешься слишком близко от этого края... Он видел все это еще два года назад, когда шел по этой тропе. Но тогда он думал совсем о другом.

Я не хочу, чтобы Берт знал.

Красная бархатная занавесь раскинулась, колыхаясь, через все небо. Моя последняя ночь сопровождается великолепным зрелищем, подумал Горди. Ему хотелось глядеть на небо, но видел он лишь утес.

Одно мгновение. Одно рассчитанно неосторожное движение, и он окажется на дне пропасти со сломанной шеей. Может, и еще что-нибудь сломает. Тут недалеко есть тропа вниз, по ней идти легко. Легко даже детям. Под командой Энди они смогут благополучно спуститься. Потом Энди Рэнделла допросят, и все будет отлично. Горди тренировал Энди на протяжении двух лет. Не для этого... ну ладно, да, для этого. Тренировал на тот случай, если что-либо произойдет. Если на самом деле произойдет какое-либо несчастье. Странно, как все обернулось.

Над утесами взошел полумесяц. В его свете померкла часть звезд. Жуткий этот свет смешался с разлившимся по небу сиянием. Горди показалось, что он видит, как хвост кометы сотрясается неровными волнами... нет, это лишь, вероятно, игра воображения. Вот астронавты, там, наверху, наверное, видят эти волны. Интересно, какие испытываешь ощущения, оказавшись в космосе? Когда-то Горди летал — недолгое время, пока за неуспеваемость его не выкинули из школы. В этой школе готовили штурманов для военно-воздуш-

ных сил. Горди подумал, что лучше было бы, если б его не отчислили из этой школы, если б он стал летчиком. Но мне пришлось стать банкиром...

Скверно, что я испорчу поход мальчикам. Но выбора нет. Просто нет выбора, и несчастный случай разом решит все проблемы. Страховка — полмиллиона, этого достаточно, чтобы покрыть все банковские недостачи, да и Марии с Бертом останется немало. Предположим, им останется триста тысяч, да если из расчета семь процентов в год... Это не сказочные сокровища, но это, безусловно, много лучше, чем иметь сидящего в тюрьме отца и вообще не иметь денег на жизнь...

Неистово сверкающее небо засветилось еще яростнее. На горизонте появилось яркое пятно. Видимо, это была голова кометы. На нее было трудно смотреть. Светящаяся голова на фоне светящегося хвоста. Холодный свет и зыбкие тени, слабо окрашенные вспышки — их было бы видно даже днем. Затем небо охватил огонь зари. Но свет ее был необычным. Колдовским. Горди поежился.

Он вернулся обратно и залез в свой спальный мешок. Можно чуть вздремнуть. Ненадолго.

Неподалеку стоял примус. Рядом — канистра с горючим и кастрюля с водой. Высунув из мешка одну руку, Горди накачал примус. Его страсть завтракать, лежа в мешке, служила предметом шуток для всех, кому приходилось бывать с ним в походах. Привычных уже шуток. На самом деле есть Горди не хотелось, но было бы опасно ломать сложившееся о нем представление. Он взял кастрюлю с водой, поставил кипятить. Приготовил себе горячий шоколад. Шоколад оказался неожиданно вкусным, и тогда настала очередь овсянки, а затем и большой чашки чая по-шерпски. Чашки крепкого чая с коричневым сахаром и изрядным комком масла...

Один за другим мальчики просыпались. Горди услышал, как Энди Рэнделл говорит Берту:

— Ты намерен проспать все это? Хочешь проспать

всю эту ночь? Такую ночь?

Придется обойтись без лагерного костра. Нет дров. Здесь очень мало деревьев. С каждым годом становится все меньше и меньше мест, где можно разжечь настоящий костер. Очень немногие из детей теперь знают, как приготовить пищу на настоящем огне — на костре. Будет худо, если они вдруг окажутся предоставленными самим себе, без посторонней помощи... но этого никогда не случится. В наши дни, если человек потерялся, он всегда окажется посреди голого пространства пятидесяти футов в диаметре. А оказавшись там, надо только зажечь спичку. Очень скоро появится встревоженный ее светом патруль пожарной охраны — чтобы вручить злоумышленнику повестку в суд... Больше нигде нет густых зарослей, какие были во времена моего детства...

Мне надо немного поспать, подумал Горди. Мои мысли путаются. Хотя это неважно. Осталось недолго. Пожалуй, стоит выпить еще чашку шоколада.

Он поставил кипятиться воду.

— Вставайте! — крикнул он. — Пора собираться. Складывайте мешки и зашнуровывайте ботинки. Через пять минут выходим.

* * *

Ядро кометы было залито светом. Оболочка и хвост, растянувшиеся на громадном пространстве, захватывали в плен свет Солнца и отражали его — частично на Землю, частично в космос, частично на ядро.

Комета таяла. Взрывы, извержения разрывали ее голову на части, на огромные, словно горы, глыбы. Летучие химические соединения, вскипая, тысячами тонн уносились в космическое пространство. Глыбы,

на которые раскалывалась голова, покрывались коркой грязного льда. Но большая часть этого льда была образована не водой: водяной лед уже почти полностью испарился.

Корка замедлила дальнейшее испарение. Прочим кометам удавалось выжить, пройдя помногу раз сквозь гигантский водоворот Солнечной системы. Такие кометы потеряли значительную часть своей массы, перешедшей в хвост. Но большая часть оболочки смерзалась заново, каменные глыбы-горы вновь накрепко соединялись. Кристаллы странных, неизвестных на Земле льдов наслаивались на растущее тело кометы. И опять — тьма и холод, на многие миллионы лет... Так будет и с кометой Хамнера-Брауна, если она вернется в кометное гало.

Но что-то преградило ей путь.

УДАР МОЛОТА

1

Рик Деланти проснулся. Прекрасное утро. Прямоугольный солнечный зайчик полз по его руке. Каждое утро было прекрасным, и наступали они на борту «Молотлэба» через каждые полтора часа, и Рик не уставал радоваться им. Через переходной шлюз он вылез из «Аполлона».

У тех иллюминаторов, что поближе, тесно стояли — не пройдешь — телескопы, съемочные камеры и прочее оборудование. Чтобы выплыть на свободное пространство, надо, придерживаясь за ручные петли, укрепленные на всех подряд выступах, огибать их.

Бейкер и Леонилла Малик вводили данные в бортовой компьютер. Леонилла глянула на Рика и быстро сказала: «Привет, Рик», и тут же вновь занялась работой, не заметив, как он улыбается.

Сейчас — время работы, но Рик Деланти еще не полностью восстановил свою рабочую форму. Ему очень хотелось увидеть комету. Он подыскал себе телескоп, никем не занятый в данную минуту. Оптика телескопа была снабжена противосолнечной защитой, так что Рик мог смотреть на комету, не рискуя ослепнуть.

Это походило на солнечную вспышку — как их показывают в кино, и было что-то от ощущения, как после приема ЛСД, — будто проваливаешься куда-то. Ярко окрашенные струи хвоста лениво колыхались, плыли вдаль — что-то похожее, бывает, видишь во время лунного затмения. При этом зрелище просыпался сидящий в каждом человеке зверь.

— Понял, Хаустон. Постараемся обнаружить любое боковое смещение относительно «Молотлэба». Данные тут же будут переданы вам, — продолжал говорить Бейкер. — Пока наблюдается некоторая активность, хотя она должна была прекратиться, еще когда Молот огибал Солнце. Во время прошлого наблюдения мы обнаружили только один выброс. Небольшой, не то что тот, чудовищный, который мы наблюдали вчера.

— «Молотлэб», похоже, что в данных, характеризующих допплерово смещение, какая-то путаница. ИРД просит, чтобы вы провели наблюдение за самым большим обломком, какой только удастся обнаружить. Сможете?

— Попытаемся, Хаустон.

— Это сделаю я, Джонни, — сказал Рик. Он установил направление телескопа и начал всматриваться во тьму. Подключил электронно-вычислительное устройство. — Леонилла, можете мне помочь? Надо передавать данные в телеметрию...

— Хорошо, — сказала Малик.

— Замер. Замер. Двигаюсь дальше. Замер. Замер...

Бейкер продолжал докладывать:

— Хаустон! Ядро очень большое, оболочка громадная. Я вычислил на компьютере угловой диаметр. Получилось сто сорок тысяч километров. Значит, оболочка величиной с Юпитер. Она поглотит Землю, как комара, — и не заметит.

— Не говорите глупости, — каркнул знакомый голос. — Сила тяжести... и разорванная на куски... — Голос Чарли Шарпса пропал.

— Хаустон, мы не слышим вас, — сказал Бейкер.

— Это не Хаустон, это Шарпс из ИРД, — не отрывая глаз от телескопа, подсказал Рик. — Замер. Замер...

— Он связывается с нами через Хаустон. Проклятье. Вещество кометы устраивает в ионосфере ту еще свистопляску. Пока комета не пройдет мимо, у нас бу-

дут трудности со связью. Лучше будет, если мы станем записывать каждое проведенное нами наблюдение — на случай непрохождения радиоволн.

— Ладно, — согласился Деланти, продолжая смотреть в телескоп. Перед ним на огромном пространстве распростерлось ядро Хамнера — Брауна. Было трудно удержать перекрестие прицела точно в центре выбранного им обломка. Изображение было недостаточно контрастным, чтобы можно было задействовать систему автоматического слежения. Приходилось доверять лишь собственным глазам. Деланти ухмыльнулся. Непредвиденная трудность для человека, вышедшего в космическое пространство.

— Замер. Замер...

Густые россыпи светящейся, лениво перемещающейся пыли. Несколько крупных обломков — словно летящие горы. Множество обломков поменьше. Обломки и россыпи пыли беспорядочно двигались относительно друг друга. Световое давление и непрекратившаяся химическая активность продолжали перемещать их во всевозможных направлениях.

Таков был первичный хаос. У Рика задергались губы: хотелось ввести космоплан в этот хаос, приземлиться на одной из гор и выйти прогуляться. С трудом верилось, что эти горы мчатся со скоростью пятьдесят миль в секунду.

Но пройдут десятилетия, прежде чем НАСА научится строить корабли ручного управления, пригодные для такого маневра. Если только научатся строить их вообще. А когда это произойдет, *Рик Деланти будет уже* старым и дряхлым.

Но сейчас не последний мой полет. Скоро к взлету будет готов «Шаттл», если только чертовы заправилы из Конгресса не пустят деньги на закупку свинины для своих избирательных округов...

Петр Яков работал со спектроскопом. Закончив замеры, он сказал:

— На это утро для нас предусмотрено напряженное

расписание. Насколько я понимаю, зря мы так старательно в этот раз проверяли приборы внешнего наблюдения. Может, рискнем? Осталось два часа.

— Сумасшедший русский. Нет, не стоит погибать раньше времени. Снежный ком на такой скорости, наверное, не пробьет борт «Молотлэба», но уж наверняка проделает в вашем скафандре дыру, в которую влезет кулак. — Бейкер нахмурился, разглядывая выходные данные компьютера. — Рик, здесь у меня результаты последнего наблюдения. Какой объект ты выбрал?

— Большая гора, — сказал Рик. — Почти в самом центре ядра — как раз как нас просили. И что?

— Ничего. — Бейкер выключил микрофон. — Хаустон! Хаустон! Вы получили данные наблюдения?

— ...дошли... результат отрицательный, «Молотлэб», передавайте снова...

— Что за чертовщина у вас творится, Джонни? — спросил Рик.

— Хаустон и ИРД считают, что комета пройдет на расстоянии девять тысяч километров от Земли, — сказал Джонни задумчиво. — У меня получается другое. Я ввел твои данные в бортовой компьютер, и у меня выходит лишь четверть этого расстояния. У них там более мощные вычислительные системы, но зато у нас более точные данные.

— Черт, но две тысячи километров — все равно две тысячи километров, — сказал Деланти. Голос его звучал неуверенно.

— Жаль, что у нас отказала главная антенна регистрации допплеровского эффекта, — сказал Бейкер.

— Я выйду и налажу ее, — предложил Яков.

— Нет, — ответ Бейкера прозвучал резко, по-командирски. — У нас еще нет потерь, так для чего начинать прямо сейчас?

— Может быть, стоит запросить мнение наземного контроля? — спросила Леонилла.

— Право решать предоставлено мне, — отрезал

Джонни Бейкер, — а я сказал: нет.

Петр Яков промолчал. Рик Деланти вспомнил, что у советских космонавтов уже были потери в космосе. Три пилота погибли при возвращении на Землю, поэтому о них знает весь мир. И еще погибло неизвестно сколько — о них знают только по слухам и из рассказов, какие ведутся ночью под водку. Рику подумалось (и не в первый раз), а не слишком ли осторожничает НАСА? Чуть меньше заботы о безопасности космонавтов, и Соединенные Штаты чуть раньше добрались бы до Луны, удалось бы больше исследовать, больше узнать... и, да, плюс один или два некролога. Луна слишком дорого стоит, если измерять в деньгах. Но слишком дешево — если в жизнях. Одобрения это ни у кого не вызвало. А когда «Аполлон-11» добрался до Луны, особого интереса данное событие не вызвало. Все стало слишком привычным.

Может быть, нам все же следовало бы это сделать. Ибо фотография Джонни Бейкера, выползающего на сломанное крыло «Скайлэба», фотография человека с большой буквы, рискнувшего выйти в чужую и враждебную среду, чтобы принять там, вероятно, смерть в одиночестве (и более одинокой смерти не было и быть не может!) — эта фотография придала программе космических исследований почти столь же сильный поступательный импульс, как и великий шаг, свершенный Нейлом Армстронгом.

Зазвучала сирена. Смолкла. Зазвучала снова. На приборной доске предупреждающе вспыхнули красные огни.

Подумать Рик Деланти не успел. *Одним прыжком* оказался у ближайшего окрашенного в красный цвет ящика. Двойники этого имеющего квадратную форму ящика были помещены всюду по «Молотлэбу». Раскрыв ящик, Рик вынул несколько плоских металлических пластинок с присосками на одной стороне, затем вытащил большие по размеру пластины похожего на резину пластыря. И глянул на Бейкера, ожидая приказа.

— Борт не пробит, — сказал Джонни. — Песок. Это было скопление песка. — Он нахмурился, глядя на приборную доску. — Значительная часть солнечных ячеек уничтожена. Петр, закройте колпаками все приборы оптического наблюдения. Побережемся для более близкой дистанции.

— Ладно, — сказал Яков. — Поплыл к приборам.

Деланти стоял наготове, держа противометеоритный пластырь — на всякий случай.

— Все зависит от того, насколько большим окажется ядро, — крикнул с дальнего конца кабины Петр Яков. — Кроме того, нам следует точно оценить степень твердости кометного вещества. Я полагаю что она очень близка к соответствующей твердости земного вещества... значит, для нас... это будет как удар камнем, которому придана высокая скорость. А может, и хуже.

— Н-да. Вот о чем я размышляю, — сказал Джонни Бейкер. — Мы пытались обнаружить боковое смещение. Мы обнаружили его, но достаточно ли оно велико? Может быть, нам стоит прервать полет...

На мгновение стало тихо.

— Не надо. Нет, — сказала Леонилла.

— Поддерживаю: не надо, — добавил Рик. — Ты не хочешь рисковать. Кто еще за твое предложение?

— Только не я, — сказал Яков.

— Единогласно. Но вряд ли это можно назвать свободным и правильным выбором, — сказал Бейкер. — В нашем распоряжении мало энергии. Скоро здесь будет жарко.

— Ты оставался в «Скайлэбе» пока не отремонтировал крылья, — сказал Деланти. — Если ты смог пойти на такое раньше, то сможешь и сейчас. Так же, как и мы все, — мы сможем.

— Ладно, — кивнул Бейкер. — Но держи наготове противометеоритный пластырь.

— Есть, сэр.

Через несколько минут Земля закрыла собой ядро кометы Хамнера—Брауна. Поднималась Луна, опутан-

ная призрачной сетью колеблющихся волн. Леонилла приступила к раздаче завтрака.

* * *

Рассвет застал Гарви Рэнделла сидящим в шезлонге на лужайке. Перед ним стоял столик — для сигарет и кофе. Рядом стоял второй столик, для переносного телевизора. Рассвет смел с неба «зрелище какое-можно-увидеть-лишь-один-раз-в-жизни». Гарви был чуточку подавлен, чуточку пьян. И в таком состоянии и обнаружила его Лоретта двумя часами позднее.

— Я в плохой форме, — поведал ей Гарви. — Не знаю, как я буду работать. Но зрелище того стоило.

— Я за тебя рада. Ты уверен, что сможешь вести машину?

— Разумеется, смогу.

Вечно повторяющийся у них спор.

— Где ты собираешься быть сегодня?

Гарви не обратил внимания на тревогу, звучащую в голосе Лоретты.

— Я потратил чертовски много времени, пытаясь ответить на этот вопрос. Если честно, мне нужно быть во многих местах одновременно. Но черт побери, в ИРД будет дежурная бригада научных телепередач. Так, в Хаустоне тоже будут ребята что надо. Наверное, я начну с городского совета. Бентли Аллен и его люди едва ли слишком заняты городскими делами, коль скоро половина населения города удрала в горы.

— Но ведь тогда ты окажешься в низкой части города.

Теперь он расслышал, как тревожно звучит ее голос.

— Ну и что?

— Но что если произойдет столкновение? Ты бу-

дешь далеко от дома. Как ты сможешь вернуться?

— Лоретта, не будет никакого столкновения. Послушай...

— Ты заполнил плавательный бассейн свежей водой, накрыл его и не разрешил мне вчера купаться! — Она все повышала и повышала голос. — Ты закупил на две сотни долларов сушеного мяса, ты услал нашего мальчика в горы, ты забил весь гараж бутылками с дорогими напитками, а...

— Лоретта...

— А... а мы не сможем выпить все это, и никто не станет есть это мясо, если только не будет умирать с голоду! Значит, ты считаешь, что нам предстоит умирать с голоду! Считаешь?!

— Нет. Милая, многие сотни шансов против одного, что...

— Гарви, пожалуйста. Останься сегодня дома. Я никогда не беспокоилась, что ты все время пропадаешь где-то, что тебя все время нет дома. Я не сетовала, когда ты по собственной воле отправился во Вьетнам вторично. Я не спорила, когда ты уехал в Перу. Я не жаловалась, когда ты остался на Аляске на три лишних недели. Я никогда не заводила разговоров на тему, что надо помочь в воспитании твоего сына... а ему больно, что рядом с ним только я, что Ральф Гаррис постоянно видит своего отца, а он своего отца — нет. Я знаю, что твоя работа значит для тебя больше, чем я, но, Гарви, неужели я для тебя вообще ничего не значу?

— Разумеется, еще как значишь, — Гарви притянул ее к себе, обнял. — Господи, ну почему ты так решила? Работа значит для меня никак не больше, чем ты. Работа означает для меня просто возможность зарабатывать деньги. Но я не могу сказать этого. Понимаешь, не могу сказать, что я в силах обойтись без денег.

— Значит, ты останешься?

— Не могу. На самом деле не могу, Лоретта, у меня должны получиться эти фильмы. По-настоящему по-

лучиться. Может быть, я получу предложение от Эйби-си. Им очень скоро понадобится новый редактор научно-популярных фильмов, а это значит, что я начну зашибать настоящие деньги. Потом, у меня появляется настоящий шанс написать книгу...

— Ты не спал всю ночь, Гарви, ты не в форме, тебе не следует никуда ехать. Я боюсь!

— О-хо-хо! — Гарви прижал ее к себе и крепко поцеловал. Это моя вина, сказал он себе. Как она могла не испугаться, видя мои приготовления? Но я не могу упустить день Молота... — Послушай. В городской совет я пошлю кого-нибудь другого.

— Отлично!

— Но я должен встретиться в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса с Чарли и Мануэлем.

— Но почему ты не можешь остаться здесь?

— Я должен хоть что-то делать, Лоретта. Есть мужская гордость, в конце концов. Как смогу я объяснить людям, что отсиживался дома в подвале, после того как говорил всем и каждому, что нет никакой опасности. Послушай, я проведу несколько интервью. Повстречаюсь с губернатором: он сейчас в городе, в лос-анджелесском «Кантри-клубе», изучает, как обстоят дела с благотворительностью. Я закончу с делами как раз к тому времени, когда комета начнет удаляться. И я буду все время не дальше чем в десяти — пятнадцати минутах езды до дома. Если что-нибудь случится, я мигом окажусь здесь.

— Хорошо. Но ты еще не завтракал. День сегодня будет холодный. Я наполню твой термос. И отнесу в вездеход пива.

Он быстро поел. *Лоретта сидела и неотрывно смотрела* на Гарви. Она не съела ни кусочка. Когда он шутил, она смеялась... И еще она сказала ему, чтобы он был осторожен, когда будет съезжать с холма.

* * *

Связь по-прежнему оставалась плохой. Большинство сообщений приходилось записывать на магнитоленту. Их непосредственные наблюдения приобрели еще большую важность, поскольку приборы оказались, в сущности, бесполезными: слишком много пылевых скоплений. Главный телескоп они всячески берегли: этот телескоп, когда наладится связь, может передавать изображения непосредственно в каналы цветного телевидения. Впрочем, видеоизображения они также записывали на ленту, чтобы позднее попытаться передать их на Землю.

— Мощность солнечного излучения упала приблизительно на двадцать пять процентов, — доложил Рик Деланти.

— Береги батареи, — приказал Бейкер.

— Ладно.

В космическом корабле становилось жарко, но приходилось беречь энергию: для записывающих приборов и прочего.

Леонилла Малик очень быстро тараторила что-то по-русски в микрофон. Яков возился с приемником, пытаясь получить ответ Байконура. У него ничего не выходило. Леонилла продолжала вести запись. Хватаясь за что попало, она перелетала мгновенно с места на место — то выглядывала в иллюминатор, то считывала показания приборов. Рик попытался понять, что она надиктовывает, но в ее речи было слишком много незнакомых слов. У нее приступ поэтического вдохновения, решил Рик. И она его изливает в стихах. А почему нет? Как еще можно описать свои чувства человеку, оказавшемуся внутри кометы?

Сейчас о направлении полета кометы Хамнера—Брауна они знали меньше, чем Хаустон. Согласно последнему принятому сообщению Хаустона, Земля и Молот разойдутся на расстоянии в тысячу километров.

Рик, однако, в правильности этой оценки сомневался. Что, если этот расчет основывается на его визуальных наблюдениях? Если так, то это означает, что часть обломков-гор пройдет на значительном расстоянии от Земли. Но ведь скопление обломков твердой составляющей кометы огромно... Хотя — не настолько же огромно.

— Мы сейчас находимся глубоко внутри оболочки кометы, — сказала Леонилла. — Хотя это и не особенно заметно. Химическая активность давно прекратилась. Но мы видим: тень Земли, она похожа на длинный туннель, проходящий сквозь хвост кометы.

Рик разобрал последнюю фразу Леониллы. Хорошее сравнение, подумал он. Если удастся наладить хоть чуть связь с Землей, я передам им эти слова.

Работа продолжалась. Результаты пока приходилось записывать на магнитоленты. Рик как сумасшедший орудовал ручной кинокамерой, с молниеносной быстротой сменяя линзы и киноленты. Он питал надежду, что с автоматическими *кинокамерами все в порядке, и* занимался съемкой лишь *нескольких определенных* участков кометы. Снимал на *самых различных скоростях*, различными планами — вдруг пригодится.

Корабельные часы неумолимо оттикивали секунды.

Через длинный объектив, приставленный к иллюминатору, вид открывался потрясающий. Рик видел: с полдюжины глыб-гор, множество обломков меньшего размера и мириады крошечных блестящих точек. Окруженные светящейся дымкой, все эти осколки ядра плыли, перемешиваясь. Рик услышал за спиной голос Бейкера:

— Зрелище, будто успел увидеть нацеленный на тебя выстрел картечью.

— Хорошо сказано, — ответил Рик.

— М-да. Надеюсь, что хотя бы не слишком правильно сказано.

— Сигналы с радара больше не поступают, — сказал Петр Яков.

— Ладно. Оставьте его и ведите визуальное наблюдение, — сказал Бейкер. — Хаустон, Хаустон, вы получаете что-нибудь от нас по каналу телевидения?

— ...да, «Молотлэб»... ИРД... Шарпс в восторге, дайте больше... повышенная мощность передачи...

— Я повышу мощность передачи, когда Молот окажется ближе, — сказал Бейкер. Он не знал, слышат ли его на Земле. — Нам приходится беречь батареи. — Он взглянул на часы. Через десять минут твердые составляющие ядра кометы максимально приблизятся к лаборатории. А через двадцать минут, вероятно, они уже начнут удаляться. Ну, через полчаса. Я увеличу мощность передатчика через пять минут. Повторяю: увеличу мощность — до полной — через пять минут.

Звон!

— Что там, мать его так? — крикнул Бейкер.

— Давление не изменилось, — сказал Яков. — Во всех трех кабинах давление прежнее.

— Ну и ладно, — невнятно пробормотал Рик. Космонавты перекрыли воздушный шлюз между «Аполлоном» и «Союзом» — оправданная мера предосторожности. Рик на всякий случай держал наготове противометеоритный пластырь. «Молотлэб» — мишень далеко не такая уж маленькая.

«А вот как инженеры определяют, какого размера должен быть противометеоритный пластырь?» — подумал Рик. Рассчитывают, какой максимальный размер дыры, которую еще имеет смысл заделывать? Ибо дыра, превышающая определенный размер, прикончит экипаж корабля в любом случае? А, дьявол со всем этим! Рик снова занялся фотографированием. Оптика показывала ему: словно галактика, состоящая из пенящегося льда, словно чудовищный, как в замедленной съемке, выстрел, взрыв — приближающийся на глазах, расширяющийся во все стороны. Выстрел был нацелен почти точно в «Молотлэб», он обволакивал лабораторию.

— Господи, Джонни, она приближается...

– Ладно. Петр, готовьтесь пустить в ход главный телескоп. Я сейчас выдам полную мощность. Начнем вести передачу... Хаустон, Хаустон, визуальные наблюдения показывают, что внешний край ядра заденет Землю. Определить размер обломков, которым предстоит столкнуться с Землей, не можем.

— Земля наверняка получит это сообщение, — сказала Леонилла Малик. — Петр, Москва тоже обязана получить эти сведения. — Она говорила настойчиво, в голосе ее звучал страх. — Вы обязаны это сделать.

— Что?— спросил Рик Деланти.

— Комета движется в восточном направлении, — сказала Леонилла. — В наибольшей степени ущерб будет нанесен Соединенным Штатам, но значительная часть обломков движется по направлению к Советскому Союзу. Очень велика вероятность, что вызванные их падением взрывы будут неверно истолкованы. Намеренно неверно истолкованы. Какой-нибудь фанатик...

— Зачем вы это говорите?— резко спросил Яков.

— Вы сами знаете, что все это правда, — закричала Леонилла. — Фанатики! Вроде тех психов, убивших моего отца! А великий Сталин оказался вовсе не бессмертным! Не притворяйтесь, будто верите, что эта порода сумасшедших уже вымерла!

— Чепуха, — фыркнул Яков. Но все же подплыл к передатчику, и Рику Деланти показалось, что голос Якова звучит весьма настойчиво.

2

О народ мой! Услышь слова Матфея! Разве не предвещал он, что Солнце померкнет, и Луна перестанет светить, и звезды упадут с неба? Так разве не настал час сей!

Покайся, народ мой! Покайся и будь настороже,

ибо комета Божья, Молот, опускается на эту грешную Землю. Услышь слова пророка Михай: «И увидь: комета Божия падет на место сие, вылетев из чертогов Его, и будут попраны ею высоты земные. И горы расплавятся под кометы пятой, и долины превратятся в ущелья, и будет Земля перед кометой как воск перед огнем. И Земля затоплена будет водой».

Комета — это его приход! Поскольку Он придет, чтобы судить Землю. Он придет творить справедливый суд над миром и над народами по правде своей!»

— Вы прослушали проповедь преподобного Генри Армитажа в передаче «Близится час». Наша радиостанция, как и все другие радиостанции, транслирующие передачу «Близится час», могут осуществлять свою работу благодаря вашим пожертвованиям. Мы молим Господа благословить всех жертвователей, проявивших щедрость и великодушие.

Но более никаких пожертвований делать не нужно. Час близится. Час почти настал.

* * *

Ясный безоблачный летний день. С моря дует свежий ветер. Лос-Анджелес чист от смога, Лос-Анджелес прекрасен, в Лос-Анджелесе сейчас хорошо.

Слишком уж хорошо, подумал Тим Хамнер.

Перед ним встала — лицом к лицу — ужасающая проблема. Лучше всего ночное небо наблюдать, находясь в горах, и большую часть прошедшей недели Тим провел в своей горной обсерватории. Но лучше всего вид на комету Хамнера—Брауна в ее максимальном приближении к Земле открывается из космоса. Поскольку самолично Тим в космосе оказаться не может, он остановился на следующем, наиболее приемлемом выходе: увидеть все, что только можно, на экране цветно-

го телевизора. Убедить Чарли Шарпса пригласить его Тима, в ИРД было не так уж трудно.

Тим предполагал явиться в институт в половине десятого, но... до самого рассвета он любовался безоблачным небом, пересеченным ярко светящимися бархатными лентами. Потом он вылез из кресла, стараясь не думать о кровати, но ведь от нескольких минут отдыха вреда не будет...

И разумеется, он проспал. В голове гул, глаза слипаются — Тим изо всех сил гнал свой «гранд прикс» по шоссе Вентура к Пасадене. Несмотря на то что выехал он поздно, Тим все же надеялся успеть вовремя. Других машин на шоссе было мало.

— Дурачье, — пробормотал Тим. Страх Молота. Тысячи лос-анджелесцев удрали в горы. Гарви Рэнделл сказал Тиму, что всю неделю движение на дорогах будет невелико — и он был прав. Автомобилей очень мало — ибо, по блестящему выражению Марка Ческу, настал день порции мороженого (которое упадет во вторник на этой неделе).

Автомобиль впереди зажег задний красный фонарь. Вспыхнула целая цепочка красных огней. Движение замедлилось. Тим выругался. Поле зрения заслонял едущий впереди грузовик, так что Тим не мог разглядеть, что там стряслось. Автоматически он вывернул на встречную полосу, проскочив на волосок от зеленого «форда». Сидящая в «форде» приятного вида крохотная старушка яростно обругала Тима, когда он появился прямо перед ее носом.

— Дура, — пробормотал Тим. Что случилось там, впереди? Движение, похоже, застопорилось полностью. Он увидел парковочную стоянку. Большая стоянка. Где она кончалась, не было видно. Может, она тянется вплоть до Голден Стейт, подумал Тим. Черт побери! Он оглянулся через плечо. Патрульных не видно. Плюнув на все, Тим повел машину вперед, мимо остановившихся автомобилей, и наконец выехал на обочину.

Справа теперь оказалось кладбище Лесной Лужай-

ки. Не первоначальное, воспетое в рассказах и песнях, но то его отпочкование, которое расположилось на Голливудских холмах. Машин здесь на улицах много — не проехать. Тим повернул налево, повел машину по шоссе. На лице его застыла мрачная маска, в которой беспокойство смешивалось со злобой. И без того плохо, что день порции мороженого Тим проводит не в своей обсерватории, но чтобы еще и такое! Сейчас Тим находился лишь в деловой части Бурбанка. Между тем комета вот-вот выйдет в точку наибольшего сближения с Землей.

— Не повезло! — взвыл Тим. Он орал, пешеходы оглядывались на него, потом отводили взгляд, но Тима их мнение не волновало. — Не повезло.

* * *

Дул ветер, наэлектризованный предчувствием опасности. Эйлин Ханкок казалось, что чьи-то призрачные пальцы ерошат ей волосы на затылке. Сейчас признаки того, что люди ожидают беды, были более заметны, чем раньше. Машин на улицах было мало, но казалось, что управляют ими совершенно неопытные водители. Они совершали неправильные обгоны, реагировали на изменение обстановки слишком медленно или, наоборот, слишком поспешно. Среди машин было много трейлеров, доверху забитых всяким домашним барахлом. Эйлин это зрелище напомнило войну: беженцы. Но никогда беженцы из стран Азии или Африки не тащили с собой птичьи клетки, матрасы «лучший отдых» и стереоаппаратуру.

На Восточной Вентура один из трейлеров опрокинулся, заблокировав все три линии встречного движения. Части машин (очень немногим) удавалось проскользнуть сбоку, но остальным пришлось остановить-

ся: дорогу перекрыло высыпавшееся из трейлера барахло. Небольшой пикап, столкнувшийся с трейлером, перегородил выезд на боковую улицу.

Благодарение Богу, что я-то еду в Голден Стейт, подумала Эйлин. Она почувствовала приступ мгновенной жалости ко всем тем, кто сегодняшним утром пытался попасть в Пасадену. И она зло выругалась по адресу трейлера и его хозяина. Попутным машинам трейлер мешал тоже, они еле ползли, и, чтобы проехать сто ярдов до ответвления на Бурбанк, пришлось затратить не менее пяти минут. Потом, бешено промчавшись по улицам, Эйлин въехала на парковочную стоянку, на участок, где на табличке была обозначена ее фамилия. (Корриган, обещавший ей персональный участок, сдержал свое слово.) Ее охватило чувство облегчения: всюду, куда ни посмотри, виднелись фигуры полицейских Бурбанка.

Контора Корригана располагалась вблизи супермаркета. Она казалась маленькой, но такой вывод был бы неверным: склады располагались в другом месте, в переулке по ту сторону здания. Приемная была декорирована голубым нейлоном, коричневым деревом и хромом. Хром вечно нужно было полировать. Его вечно и полировали. Эйлин верила, что оптовые покупатели от такого зрелища должны проникнуться убеждением, что они имеют дело с надежным партнером, способным выполнять взятые на себя обязательства. И в то же время обстановка не настолько богата, чтобы у покупателя появилось искушение настаивать на чрезмерном снижении цен. Входная дверь была уже отперта.

— Кто здесь? — крикнула Эйлин.

— Я, — переваливающейся походкой из своего кабинета вышел Корриган. За ним следовал запах кофе. Эйлин давным-давно установила в конторе автоматическую систему «Силекс» с таймером. И последнее, что по вечерам перед уходом с работы делала Эйлин, это устанавливала «Силекс» на определенное время — на начало рабочего дня. Простенький, казалось бы, фо-

кус, но от этого утреннее настроение Корригана волшебным образом улучшалось. Улучшалось — но только не сегодняшним утром.

— Почему опоздали? — грозно спросил он.

— Из-за затора. На Восточной Вентура произошло крушение.

— Гм-м.

— Вы тоже ощутили, что с уличным движением сегодня не все в порядке? — сказала Эйлин.

Корриган нахмурился, затем глуповато заулыбался.

— Да-а. Наверное, так. Я боялся, что вы вообще не явитесь. В конторе никого нет, а на складах — только три человека. Радио утверждает, что в доброй половине предприятий на работу вышла лишь половина служащих.

— Да и те, кто вышел, включая нас, боятся. — Обогнув Корригана, Эйлин прошла в свой кабинет. Стеклянная поверхность ее письменного стола сияла, словно зеркало. Эйлин поставила на стол диктофон, вытащила ключи... но раздумала открывать стол. Вместо этого она вернулась в приемную.

— Сегодня мое рабочее место — здесь.

Корриган пожал плечами. Посмотрел в окно:

— Сегодня все равно никто не придет.

— К десяти должен явиться Сабрини, — сказала Эйлин. — Сорок ванных комнат и кухонь, если мы сможем оформить их декор так, как он хочет, и за ту цену, которую он хочет.

Корриган кивнул. Казалось, он не слышал того, что говорила Эйлин.

— Что это, черт побери? — Корриган ткнул пальцем в окно.

По улице шла цепочка людей, одетых в белые балахоны, поющих гимны. Люди шагали в ногу. Эйлин вгляделась и поняла, почему они так идут: одетые в балахоны были скованы общей цепью. Она пожала плечами. В нескольких кварталах отсюда киностудия Дис-

нея, а еще чуть подальше — НЕС. Кино- и телекомпании часто использовали Бурбанк как место для съемок.

— Вероятно, проводится проба для «Сделаем дело». Репетируют. Групповая съемка.

— Слишком рано, — сказал Корриган.

— Тогда это Дисней. Глупо таким способом зарабатывать себе на жизнь.

— Не видно машин с кинокамерами, — без особого интереса сказал Корриган. Понаблюдал еще несколько секунд. — А что говорит на этот счет ваш богатый приятель? Сегодня, можно сказать, его день.

На мгновение Эйлин почувствовала себя ужасно одинокой.

— Давно с ним не виделась.

И принялась доставать папки с цветными фотографиями. Разложила фотографии так, чтобы каждому стала ясна привлекательность дополнительно устанавливаемого оборудования: именно такая ванная комната снится по ночам вашим клиентам.

* * *

Движение на Аламеде было быстрое. Тим Хамнер попытался припомнить, каков рельеф местности к северу от Пасадены. Как раз впереди высокие холмы. Это холмы Вердуго, которые перерезают долину Сан-Фернандо и у подножия которых расположены города, лежащие за Бурбанком. *Тим знал, что где-то там* проходит новое шоссе, но *понятия не имел, как отыскать* его.

— Будь оно все проклято! — заорал он. Месяцы подготовки, месяцы ожидания своей — именно своей! — кометы, и вот сейчас комета приближается со скоростью пятьдесят миль в секунду, а он еще проезжает где-

то в районе студии Уолта Диснея. Какой-то частью своего разума Тим понимал, что все это просто забавно, но вообще в данной ситуации ему было не до юмора.

По Аламеде и Голден Стейт, подумал Тим. Если там нет заторов, я проеду там, а потом вернусь обратно на Вентура. А если там затор, я просто буду ехать где можно, и плевать мне на штрафы... а что это впереди?

Это не просто обычная пробка на перекрестке, где машины неподвижно застывают перед зелеными огнями светофоров. Нет, здесь нечто большее.

Водители пытались перехитрить друг друга, чтобы выбраться на свободное пространство. Автомобили выезжали на тротуары и ехали по ним. Большинство машин просто стояло, и водители, выйдя из них, шли пешком. Тесная сутолока автомашин и людей. Надо вырулить, пока не поздно, вправо. Тим, не задумываясь, повернул и поехал через автостоянку, надеясь, что вслед за движущимися еще автомобилями он прорвется на следующую улицу.

А вот теперь — все! Оказавшись на стоянке, Тим обнаружил, что выезд с нее полностью перекрыт громадным грузовиком. Тим злобно дал по тормозам и перекинул рычаг на «стоянку». Медленно повернул ключ зажигания. А затем остервенело выругался, используя выражения, которые не употреблял на протяжении многих лет. Выехать обратно было уже невозможно: дорогу преградило множество машин. Вся стоянка была забита.

«Что же мне делать?» — подумал Тим. Вылез из машины, решив пешком идти к Аламеде. Магазины, где продаются телевизоры, мелькнула мысль. А если телевизоры переключены на другую программу, если там нельзя будет увидеть комету, что ж, я просто куплю себе тут же один из них.

Аламеда была забита автомашинами. Машины не двигались, стояли — бампер к бамперу. Где-то впереди кричали; похоже, центр крика приходился как раз на перекресток. Ограбление? Убийство? Тиму не хотелось

быть замешанным во всем этом. Но нет, там кричали не в страхе, кричал в ярости. И кроме того, перекресток так и кишит одетыми в голубую форму полицейскими. Там происходило что-то иное. Кто там — в белых балахонах?

Один из белобалахонщиков как раз шел по направлению к Тиму. Хамнер попытался отойти в сторону, но человек в белом заступил ему дорогу.

Одеждой этот балахон назвать было бы трудно. Вероятно, человек просто завернулся в простыню. Из-под простыни виднелось обыкновеннейшего вида белье. Перед Тимом стоял юнец с пушистой бородой. Юнец улыбался, но улыбался настойчиво.

— Сэр! Молитесь! Молитесь, чтобы спастись от Молота Люцифера! Осталось совсем мало времени!

— Сам знаю, — ответил Тим, пытаясь удрать, но парень пошел рядом.

— Молитесь! На нас пал гнев Божий. Час приближается, он уже настал, но Бог спасет город, если в нем сыщется хотя бы десять праведников. Покайтесь, и вы спасете себя и спасете наш город.

— Сколько вас здесь? — спросил Тим.

— Здесь сто детей, — сказал парень.

— Уже больше, чем десять. А теперь дайте мне пройти.

— Но вы не понимаете. Мы спасем город, мы, дети кометы. Мы месяцами молились. Мы обещали Богу, что раскаются тысячи. — *Карие глаза юнца настойчиво всматривались в лицо Тима. Затем глаза вспыхнули:* парень узнал. — *Так вот вы кто! Вы Тимоти Хамнер!* Я видел вас по телевизору. Молитесь, брат. Слейтесь с нами в молитве, и об этом узнает весь мир!

— Наверняка узнает. Там дальше по дороге — НБС. — Тим нахмурился. За спиной кометного дитяти выросли фигуры двух полицейских. И полицейские отнюдь не улыбались.

— Этот человек пристает к вам, сэр? — спросил тот полицейский, что повыше.

— Да, — сказал Тим.

Полисмен ухмыльнулся.

— Вот как! — и схватил одетого в балахон юнца за руку. — Вы должны соблюдать тишину. Если вы сдаетесь без сопротивления...

— Ох, как знакомо мне все это! — сказало дитя кометы. — Но посмотрите на него! Ведь это тот человек, который изобрел комету!

— Никто не может изобрести комету, идиот, — сказал Тим. — Офицер, вы не знаете, где здесь телевизионный магазин? Я хочу увидеть, как выглядит комета из космического пространства.

— Вот в этом направлении. Вы можете сообщить нам свою фамилию и адрес?

Тим вытащил визитную карточку и сунул ее полицейскому. И заспешил в указанном направлении — к следующему перекрестку.

* * *

Вид из окна открывался великолепный. Эйлин сидела рядом с Джо Корриганом и мелкими глотками потягивала кофе. Было несомненно, что архитекторы не предусмотрели подобных уличных заторов. Эйлин и Корриган подтащили к окну большие, отделанные хромом кресла и стеклянный кофейный столик. И развлекались, наблюдая, как внизу бушует разъяренная толпа.

Тех, кто вызвал этот взрыв ярости, было хорошо видно — как раз по диагонали напротив. Двадцать-тридцать мужчин и женщин, одетых в белые балахоны (и далеко не у всех балахон — обычная простыня), перегородили Аламеду. Скованные воедино цепями, они выстроились от фонарного столба до столба телефонной связи. Одетые в балахоны пели гимны. Сперва

качество пения было довольно сносным, но вскоре полицейские увели седобородого предводителя балахонщиков, и петь стали кто в лес, кто по дрова.

Задержанное этой преградой, улицу запрудило превеликое множество машин. Их набилось — словно сардин в банке. Старенькие продовольственные фургоны — «форды». «Мерседесы» — за рулем шофер, эти машины принадлежат теле- и кинозвездам или руководителям студий. Вездеходы, грузовики, новехонькие, импортированные из Японии машины «шеви» и «плимут дастер»... Автомобили сгрудились, лишившись возможности стронуться с места. Некоторые водители еще пытались вырваться из затора, но большинство уже оставило безнадежные попытки. Цепочка одетых в балахоны молящихся двигалась сквозь плотную сумятицу автомобилей. Они прекратили завязывать беседы с водителями — только молились. Большинство водителей яростно орало на балахонщиков. Некоторые молчали: слушали молитву. А один или два вылезли из своих машин и, встав на колени, тоже начали молиться.

— Хорошее зрелище, а? — сказал Корриган. — Почему они, черт бы их драл, не нашли для себя другого места?

— Это когда НБС совсем рядом? Если комета пройдет мимо, никого не размазав по стенам, они припишут себе заслугу спасения мира. Разве нам из года в год не показывают по телевизору кого-нибудь из этих пустоголовых?

Корриган кивнул:

— Похоже, что сегодняшнее мероприятие у них надолго. Вон и телевизионные камеры появились.

Молящиеся, увидев телевизионщиков, удвоили свои старания. На мгновение прекратили пение и сразу затянули снова: «Приближаюсь к Господу моему». Выговаривать слова им приходилось быстрее, чем положено, а иногда и останавливаться на полуфразе — чтобы уклониться от рук полиции. Одетые в голубую фор-

му полицейские, протискиваясь сквозь сумятицу машин и орущих водителей, устроили настоящую охоту на одетых в белое балахонщиков.

— День, который не забудешь, — сказал Корриган.

— Они полностью перекрыли движение.

— Ага. Несомненно, затор образовался надолго. Очень многие машины уже были покинуты их водителями. Корриган видел все больше людей пешком пробирающихся среди автомобилей. Промеж белого (балахоны) и голубого (униформы) появились новые цвета — спортивные рубашки и серые фланелевые костюмы. Улица заполнилась водителями. Многие дошли до такого состояния, что были готовы на убийство. Многие, заперев свои машины, просто брели прочь в поисках кофейной. Супермаркет поблизости сделал неплохой бизнес на продаже пива. Но и в этом случае тротуары были заполнены людьми. Люди молились.

В контору вошли двое полицейских. Эйлин и Корриган поздоровались с ними. Оба полицейских регулярно дежурили по соседству, и тот, который помоложе, Эрик Ларсен, часто сопровождал Эйлин, когда она ходила пить кофе в местный «Оранжевый Джулиус». Эрик напоминал Эйлин ее младшего брата.

— У вас есть ножовки? — у детектива Гарриса вид был деловой чрезвычайно. — Нам сегодня нелегко приходится. Работы много.

— Наверное, есть, — сказал Корриган. Снял телефонную трубку и нажал кнопку. Подождал. Ответа не было. — Эти чертовы служащие склада все на улице: любуются зрелищем. Ну, я им покажу, — и он пошел к двери.

— А ключей нет? — спросила Эйлин.

— Нет. — Ларсен улыбнулся, глядя на Эйлин. — *Прежде чем явиться сюда, они выбросили ключи.* — Он печально покачал головой. — Если мы вскоре же не уберем отсюда этих сумасшедших, начнется мятеж. Мы не сможем защитить их.

Второй полицейский фыркнул:

— Можете извиниться перед Джо за то, что я отнимаю у него время. Они — глупцы. Иногда мне кажется, что глупцы унаследуют Землю.

— Весьма возможно. — Эрик Ларсен стоял у окна, наблюдал за детьми, лениво насвистывая сквозь зубы: «Вперед, солдаты Христа».

Эйлин хихикнула:

— О чем вы задумались, Эрик?

— А?— Вид у Эрика был глуповатый.

— Профессор размышляет над своим киносценарием, — сказал Гаррис.

Эрик пожал плечами:

— Тогда уж над телесценарием. Представьте: там появляется Джеймс Гарнер. Он разыскивает убийцу. Один из выведенных из себя водителей совершает убийство. Затем он срывает с одного из молящихся простыню и цепь, надевает на себя, и мы уводим его раньше, чем Гарнер успевает обнаружить его...

— Иисусе, — сказал Гаррис.

— Мне кажется, это очень хороший сюжет, — сказала Эйлин. — А кого он убил?

— О, разумеется, вас.

— Ого!

— Прошлой ночью я видел столько убитых красивых девушек, что состарился на двадцать лет, — пробормотал Гаррис. Вид у Эрика мгновенно стал совершенно кроличьим.

Вернулся Джо Корриган, неся восемь пил с длинными ручками. Полисмены поблагодарили его. Гаррис торопливо нацарапал на расписке свое имя и номер удостоверения. Четыре пилы он отдал Эрику Ларсену. И оба поспешили к выходу, чтобы раздать ножовки остальным полицейским. Люди в голубой униформе двинулись вдоль шеренги молящихся, освобождая их от цепей и тут же заковывая снова — в наручники. Полицейские отталкивали детей к обочине. Некоторые балахонщики сопротивлялись, но большая часть без-

вольно подчинялась.

Корриган в недоумении поднял взгляд:

— Что это?..

— А? — Эйлин рассеянно оглядела кабинет.

— Не могу понять. — Корриган нахмурился, пытаясь припомнить, но то, что он только что ощутил, было слишком смутным. Словно на мгновение, открывая солнце, раздвинулись тучи. И тут же сомкнулись снова. Но в небе не было никаких туч. На улице стоял ясный безоблачный летний день.

* * *

Дом был красивый, и расположен он был красиво. Спальни — словно руки, протянувшиеся от туловища огромной, расположенной в центре гостиной. Алиму Нассору всегда хотелось иметь камин. Он представил, как устраивает в этом доме вечеринки, братья и сестры плещутся в плавательном бассейне, гул голосов. Густой запах марихуаны — такой густой, что воображаешь себя на седьмом небе, и много, очень много пиццы... Когда-нибудь у него будет такой дом. А сейчас он этот дом грабит.

Гарольд и Ганнибал заворачивали в простыню столовое серебро. Джей пытался обнаружить сейф — искал по своему, характерному для него методу. Встав в центре комнаты, он медленно осматривал все вокруг. Затем заглядывал за картины, срывал ковры. Переходил в другую комнату, вставал посредине, осматривался, открывал шкафы... и так до тех пор, пока не находил сейф. В данном случае он обнаружил сейф, вмонтированный в бетонную стену за ковром в туалете. Он вытащил из чемоданчика дрель.

— Подключай.

Алим воткнул вилку в розетку. Даже он — он! —

повиновался приказам, когда это необходимо. И распорядился:

— Если мы ничего не найдем и на этот раз, никаких больше сейфов.

Джей кивнул. Они уже вскрыли четыре сейфа в четырех подряд домах и ничего не обнаружили. Похоже, что все в Бел-Эйре поместили свои драгоценности в банк. А может, прихватили их с собой.

Алим вернулся в гостиную. Глянул сквозь газовые занавески. Ясный, безоблачный летний день, очень тихо, никого не видно. Половина местных обитателей удрала в горы, а те, что остались, заняты своими домашними делами (какими бы ни были дела у владельцев домов, подобных этому). И вообще, все, кто остался дома, должно быть, смотрят сейчас телевизоры, чтобы понять, не совершили ли они ошибку. Они — как те, из этого дома, они тоже боятся кометы. А люди, подобные Алиму или матери Алима, которая всю жизнь работала, отскребая чужие полы, его матери, с ее изуродованными коленями... или даже люди, подобные лавочнику, которого он застрелил, этим людям приходится бояться слишком многого, бояться реального, чтобы их тревожили какие-то чертовы всполохи на небе.

Итак: улица пуста. Никаких затруднений, и предыдущие ограбления прошли что надо. Мать их так, эти драгоценности. Уже набрали серебра, картин, телевизоров — от крошечных до громадных, телевизоров было по два, по три, по четыре на каждый дом. За сиденьями автомобиля лежат домашний компьютер, большой телескоп (странная штука, ее нелегко будет сбыть) и с дюжину пишущих машинок. Обычно при ограблениях удавалось добыть и какое-то количество ружей, но на этот раз — нет. Ружья прихватили с собой их бежавшие владельцы.

— Ни хрена себе! Эй, братья...

Алим кинулся на голос. Столкнулся в дверях с Гарольдом — чуть не застряли.

Джей вскрыл сейф и уже вытаскивал оттуда двой-

ные пластиковые пакеты. А в них то, что не сдашь в подвалы ни одного банка. Три пакета славного, милого сердцу снадобья. О, мистер Белый, а ваши соседи знают о том, что вы храните в своем сейфе? Небольшие, но увесистые мешочки: кокаин, темного цвета гашиш. И еще маленькая бутылка с чем-то, что может оказаться гашишевым маслом, но лишь псих, не взглянув на этикетку, испробует из этой бутылки. Джей, Гарольд и Ганнибал захмыкали. Загомонили. Джей кинулся искать бумагу, нашел. Начал сворачивать самокрутку.

— Мать вашу этак! — Алим ударил Джея по рукам. Снадобье высыпалось из выпавшей самокрутки. — С ума сошел? Это когда работа еще не окончена и у нас впереди четыре дома?! Отдай мне это! Отдай все! Вам хочется повеселиться? Отлично, мы прекрасно повеселимся, когда кончим работу и вернемся домой!

Братьям все это не понравилось, но они подчинились — отдали пакеты Алиму, и он рассовал их по карманам своей мешковатой военной куртки. Потом он хлопнул парней пониже спины, и они ушли, таща на себе тяжелые, свернутые из простыней узлы.

Никакого веселья Алим устраивать не собирался. Да и не в этом дело. Но по крайней мере, они сохранят ясные головы до тех пор, пока работа не будет закончена.

Алим забрал еще радиоаппарат и тостер и направился вслед за братьями к выходу. Замигал, оказавшись в свете ясного солнечного дня. Джей на заднем сиденье укрывал брезентом награбленные шмотки. Гарольд заводил двигатель. Все хорошо. Стоя у открытой дверцы машины, Алим оглядел улицу.

И увидел, что высокое дерево, растущее посреди лужайки, отбрасывает две четко очерченные тени.

И вот то дерево, поменьше: тоже две тени. Он глянул себе под ноги и увидел, что и у него две тени. Алим поднял взгляд вверх и увидел его — второе Солнце. Это второе Солнце падало с неба, падало куда-то за горы. Он замигал, он крепко, изо всех сил зажму-

рился. Все застлала ярко-фиолетовая пелена.

Он влез в грузовичок.

— Поехали. — И пока машина разворачивалась, включил рацию: — На связь, Джаки. На связь, Джаки. Джаки, так твою мать, отвечай!

— Кто это? Алим Нассор?

— Да. Ты видел это?

— Что — «это»?

— Комету! Божий Молот! Я видел ее падение! Я видел, как она горела, падая с неба, горела, пока не упала! Джаки, слушай внимательно... внимательно, потому что через минуту рации окажутся бесполезными. Произошло столкновение. Все эти слухи, выходит, правда. Мы влипли.

— Алим, вы, должно быть, обнаружили что-нибудь стоящее. Настоящее снадобье, без подделок? Кокаин, наверное?

— Джаки, это — правда. Это — столкновение, весь мир полетит вверх тормашками. Теперь жди землетрясений и цунами. Вызови всех, кого только можешь, и скажи им, что мы встречаемся у... в общем, дом поблизости от Грейпвайна. Нам следует держаться вместе. Утонуть мы не утонем, мы высоко над уровнем моря, но мы должны быть вместе.

— Алим, ты свихнулся. Мне еще нужно обойти два дома, у нас неплохая добыча, а ты ведешь себя так, будто наступает конец света...

— Вызови кого-нибудь, Джаки! Ведь кто-то, кроме меня, видел ее! Пока еще работают рации, я попробую связаться с остальными. — Алим прервал связь.

Грузовичок ехал по подъездной аллее. Лицо Гарольда было цвета мокрого пепла.

— Я тоже видел ее, — сказал он. — Джордж... Алим, ты считаешь, что тут достаточно высоко, чтобы нас не затопило? Я боюсь утонуть.

— Мы сейчас в самом высоком месте. Чтобы добраться в Грейпвайн, нам придется ехать вниз. Поехали, Гарольд. Нам нужно пересечь низменность до того,

как дожди станут чересчур сильными.

Гарольд резко рванул вдоль улицы. Алим потянулся за рацией. На самом ли деле здесь достаточно высоко, чтобы они не утонули? Хоть кто-нибудь где-нибудь может быть сейчас уверенным, что он не утонет?

3

Вершина горной цепи Санта-Моника — весьма неудобное место, чтобы жить здесь. Торговые центры далеко. Дороги — опасные, кое-где их поверхность лежала чуть ли не в вертикальной плоскости. И тем не менее здесь было много домов. Много, потому что в этих местах селился избыток населения. Избыток, создаваемый городами.

Вид, который открывался с вершины этой ночью, с понедельника на вторник, был совершенно неправдоподобным. Единственным в своем роде. По одну сторону лежал Лос-Анджелес, по другую — долина Сан-Фернандо. Ночью города кажутся коврами, их многоцветное сияние простирается в бесконечность. Шоссе — реки света, протекающие через моря тьмы. Кажется, что весь мир превратился в единый город, и как это здорово!

Все же на гребне оставались еще не занятые никем места. На закате солнца Марк, Фрэнк и Джоанна свернули с шоссе Мулхолланд и двинулись на мотоциклах вверх по склону. Лагерь разбили в окружении скал, так, чтобы их не могли заметить случайные мотобродяги. И от ближайших домов лагерь отделяло приличное расстояние.

Фрэнк Стонер обошел кругом вершину горы, поглядел на склоны — и с той и с другой стороны, кивнул, соглашаясь сам с собой. Не добраться. Слишком опасны покрытые грязью откосы. В общем-то ничуть

не важно, почему никто не построил себе здесь дом, но Фрэнку Стонеру не нравилось, когда на возникший у него вопрос не находилось ответа. Он повернул обратно, туда, где Марк и Джоанна устанавливали походную кухонную плиту.

— Возможно, у нас нервные соседи, — сказал Фрэнк. — Давайте приготовим обед, пока еще светло. После наступления темноты никаких фонарей или огней.

— Я не понимаю... — начал Марк. Но Джоанна нетерпеливо его оборвала.

— Пойми, вблизи этих домов нет ни одного полицейского участка. Люди, переселившиеся сюда, становятся подозрительными. Не нужно, чтобы мы провели ночь перед днем падения порции мороженого у шерифа Малиби. — И отошла, чтобы прочесть инструкцию, как следует приготовить обед из взятых ими с собой обезвоженно-замороженных продуктов. Джоанна не умела хорошо готовить, но, если предоставить это дело Марку, он сготовит обед по своему усмотрению — и, может быть, это окажется очень вкусным, а может быть, и совсем наоборот. *Коли следовать инструкции, наверняка получится нечто съедобное, а Джоанна была голодна.*

Она сравнила взглядом обоих мужчин. Фрэнк Стонер башней возвышался над Марком. Высокий, сильный, физически привлекательный. Это чувство охватывало Джоанну и прежде. Должно быть, он чертовски хорош в постели.

Хотя это чувство охватывало Джоанну и прежде, она никогда не ловила себя на мысли, что может сойтись с другим мужчиной. И она удивилась, что у нее могла возникнуть эта мысль. Она живет с Марком, но кажется, что они живут вместе чуть не шутки ради. Джоанна не знала, любят ли они с Марком друг друга — просто потому, что не знала, что такое любовь. Но в постели им хорошо, и они не часто занимались взаимной трепкой нервов. Так откуда эта внезапная тяга к

Фрэнку Стонеру?

Она вывалила бефстроганов в кастрюлю и, наклонив голову, чтобы другие не могли этого увидеть, улыбнулась. Они захотят узнать, чему она улыбается, а причину ей объяснять было бы неохота. Если б она сама понимала, почему ее потянуло к Фрэнку Стонеру...

Но это внезапное влечение обеспокоило ее. Родители Джоанны принадлежали к верхней прослойке среднего класса, и они дали ей очень хорошее образование. Пользы эта образованность приносила ей немного, но в Джоанне развилась любознательность. Особенно интересовали ее люди, в том числе и собственная персона.

— Здесь просто великолепно, — сказал Марк.

Фрэнк хмыкнул неодобрительно.

— Нет? А почему нет? Где было бы лучше? — спросил Марк. Данное место подобрал он и гордился этим.

— В Можави лучше, — рассеянно сказал Фрэнк. Он разложил свой спальный мешок и сел на него. — Но туда бы пришлось далеко добираться... неизвестно зачем. А все же... плита под нами плохая.

— Плита? — спросила Джоанна.

— Тектоническая плита, — объяснил Марк. — Ты ведь знаешь, что континенты плывут по поверхности расплавленного горного вещества, скрытого в недрах Земли.

Фрэнк с рассеянным видом слушал это объяснение. Нет смысла поправлять Марка. В Можави наверняка было бы лучше. Можави расположен на североамериканской плите. Лос-Анджелес и Байя-Калифорния — на другой. Плиты соединяются вблизи Сан-Андреаса. Если Молот ударит, все наверняка придет в движение. Закачаются обе плиты, но Северная Америка — в меньшей степени.

Однако все это — пустое умствование. Фрэнк связался с ИРД, и там заверили, что вероятность столкновения Молота с Землей чрезвычайно мала. Опасность

невелика: ехать по шоссе и то более опасно. Вся эта затея с вылазкой в горы — просто тренировочный турпоход, но Стонер привык, чтобы все, что он делает, делалось основательно и правильно. Он настоял, чтобы Джоанна поехала в поход на собственном мотоцикле, хотя сама она предпочла бы ехать на заднем сиденье мотоцикла Марка. Взяли три мотоцикла, поскольку одного могли лишиться.

— Это все — тренировка, — сказал Фрэнк. — Но может быть, тренировка не без пользы.

— А?— отозвалась как раз включающая кухонную плиту Джоанна. Плита загудела. День клонился к вечеру.

— Нет ничего глупого в том, чтобы быть готовым к тому, что цивилизация рухнет, — сказал Фрэнк. — В следующий раз это будет не Молот, а что-либо другое. Но что-нибудь будет. В общем, читайте газеты.

Вот оно что, подумала Джоанна. Я почувствовала настрой его мыслей. Вот оно почему... Если действительно цивилизация рухнет, то прямой смысл оказаться с Фрэнком Стонером, а не с Марком Ческу.

Фрэнк убеждал отправиться в Можави. Марк отговорил его от этого. Марк не полностью проникся страхом Молота — и, похоже, это с его стороны глупо.

Поели они в более раннее время, чем обычно. Когда покончили с едой, света оставалось как раз достаточно, чтобы вымыть посуду. Когда почти стемнело, они улеглись в спальные мешки. Лежали и смотрели, как гаснет свет над Тихим океаном. Смотрели до той поры, пока не стало слишком прохладно и не пришлось забраться в мешки с головой. Джоанна взяла с собой персональный спальный мешок и не стала спать вместе с Марком, хотя обычно на лагерных привалах они спали вместе.

Свет дня умирал на западе. Одна за другой появлялись звезды. И сперва были только звезды. А потом в восточной стороне неба вспыхнуло свечение. Ослепительное свечение. Огни разгорались над Лос-Анджеле-

сом, они делались все ярче. И наконец ночь вспыхнула ярче, чем огни Лос-Анджелеса, — небо сверкало, словно вспыхнуло самое ослепительное северное сияние. Зарево делалось все ярче, и уже лишь немногие звезды проглядывали сквозь окутавший Землю хвост кометы.

Они не спали, переговаривались. Вокруг стрекотали сверчки. Днем — хотя Марк и Фрэнк не сговаривались — они выспались. Дневной сон — как признание того, что им уже за тридцать. Фрэнк рассказывал байки о том, каким образом может настать конец света. Марк прерывал его, чтобы высказать собственную точку зрения или что-нибудь добавить. Он пытался угадать, что намерен сказать Фрэнк, и высказать это первым.

Джоанна слушала все это с нарастающим нетерпением. Она лежала молча, размышляла. Марк всегда так. Но никогда прежде это ее не тревожило. Так почему сейчас его поведение — как ножом по горлу? Все то же: О-хо-хо, думала Джоанна, может, это — женский инстинкт? Стремление иметь возле себя более сильного мужчину? Как глупо. Такие мысли противоречат ее образу мышления. Она — Джоанна, полностью раскрепощенная, свободная и самостоятельная, сама определяющая то, как сложится ее жизнь...

Этот конфликт в мыслях натолкнул ее на другую тему. Ей еще нет тридцати, так зачем ей все это, зачем она это делает? Делала и делает? Так дальше продолжаться не может. Подзашибить где-нибудь несколько долларов, когда Марк оказывается без работы, с ревом носиться по всей стране на мотоциклах... Все это весьма забавно, но, черт побери, ей уже пора заняться чем-либо серьезным, иметь за спиной что-то постоянное...

— Спорим, я могу так заслонить плиту, что огня никто не увидит, — сказал Марк. — Джо, хочешь кофе? Джо?

* * *

Совсем рассвело. Фрэнк и Джоанна еще спали. Марк улыбался, словно выиграл в драке. Он наслаждался, наблюдая, как гаснет зарево рассвета. Нечасто случалось в последнее время, чтобы он видел рассвет. А сегодняшний рассвет еще и сиял каким-то колдовским светом. Лучи солнца чуть меркли, приобретали несколько иной оттенок, пройдя сквозь пыль и газы, принесенные к Земле из далей космического пространства.

Марку пришло в голову, что если он позавтракает прямо сейчас, то успеет добраться до ближайшей телефонной будки и застать Гарви Рэнделла дома. Вероятно, Гарви еще будет дома. Рэнделл приглашал Марка во вторник порции мороженого присоединиться к команде телевизионщиков, но Марк не согласился. Он и сейчас не согласен. Марк разжег плиту, поставил на нее кастрюли. Скоро будет готов завтрак. Он поколебался, будить ли ему остальных. Затем залез обратно в спальный мешок.

Его разбудил запах жарящегося бекона.

— Не стал звонить Гарви, а? — сказала Джоанна.

Марк — напоказ — потянулся.

— Я решил, что лучше смотреть новости по телевизору, чем делать их. Знаешь, где сейчас лучшее на свете зрелище? На экране телевизора.

Фрэнк с интересом наблюдал за ним. Потом мотнул головой, показывая, на какую высоту поднялось солнце. А когда Марк ничего не понял, сказал:

— Посмотри на свои часы.

Уже почти десять! Лицо Марка приняло такое выражение, что Джоанна рассмеялась.

— Черт, мы все пропустили, — пожаловался Марк.

— Нет никакого смысла сейчас спешить куда бы то ни было, — заявил Фрэнк. — Но не беспокойся, передача будет повторяться весь день.

— Можно постучать в какой-нибудь из домов, —

предложил Марк. Но Джоанна и Фрэнк высмеяли его, и Марку пришлось признать, что на это и у него самого смелости не хватит. Они быстро поели, а потом Марк откупорил бутылку с вином с холма Стровберри и пустил ее по кругу. На вкус вино было превосходное, оно отдавало фруктами, словно сок, какой пьешь по утрам, но явно было крепче.

— Нам лучше собраться и... — Фрэнк запнулся на полуфразе.

Над океаном вспыхнул яркий свет. Свет — очень далеко и очень высоко, и он очень быстро двигался вниз. Очень яркий свет.

Мужчины молчали. Они просто смотрели. Джоанна в изумлении подняла взгляд, когда Фрэнк замолчал. Она никогда прежде не видела, чтобы Фрэнк чего-либо испугался — чего бы то ни было! И она быстро обернулась, ожидая увидеть Чарльза Мэнсона, несущегося к ним с циркулярной пилой в руках. Потом она посмотрела туда, куда глядели Марк с Фрэнком.

Крошечный, голубовато-белый карлик Солнце стремительно катился вниз. Это было в южной части океана, где-то очень далеко. Солнце-карлик мчалось к плоскому голубому горизонту. Оставляло горящий след. Через секунду Солнце-карлик исчезло, что-то вроде луча прожектора пронзило оставленный им свет. Луч поднимался все выше, рос, он уже был выше безоблачного неба.

И ничего — одно, два, три мгновения.

Где-то за пределами этого мира вспыхнула белая шаровая молния.

— ...Мороженого. Это на самом деле. Это все на самом деле. — Голос Марка был такой, словно он вот-вот расхохочется. — Нам нужно двигаться к...

— Дерьмо коровье! — Фрэнк рявкнул достаточно громко, чтобы внимание Джоанны и Марка переключилось на него. — Никуда мы не двинемся: скоро начнется землетрясение. Ложитесь. Подстелите под себя свои спальные мешки, нет, залезайте в них. Оставай-

тесь на открытом месте. Джоанна, ложись здесь. Я застегну твой мешок. Марк, ты там, подальше.

Потом Фрэнк кинулся к мотоциклам. Первый он осторожно положил набок, следующий откатил в сторону и тоже положил его. Действовал Фрэнк быстро и решительно. Вернулся к третьему мотоциклу и откатил его подальше.

В небе вспыхнули три белые точки. Затем погасли — одна, вторая...

Третья, самая яркая, мчалась вниз, к юго-востоку. Фрэнк глядел на свои часы, отсчитывая тиканье секунд. Джоанна в безопасности. Марк в безопасности. Фрэнк притащил свой спальник и лег рядом с ними. Вытащил темные очки. Надел их. То же сделали и остальные. В объемистом спальном мешке Фрэнк казался очень толстым. Из-за темных очков его лицо сделалось непроницаемым. Он лежал вытянувшись, на спине, подложив под голову мощные руки.

— Отличное зрелище.

— Да уж. Детям кометы оно наверняка бы понравилось, — отозвался Марк. — Хотел бы я знать, где сейчас Гарви? Хорошо, что я не согласился с предложением присоединиться к его команде. Здесь мы, наверное, в безопасности. Если горы не обрушатся.

— Заткнись, — сказала Джоанна. — Заткнись. Заткнись. — Но она сказала это так тихо, что не было слышно. Она шептала, и шепот ее тонул в стремительно надвигающемся грохоте.

А потом вздрогнули горы.

* * *

Коммуникационный центр ИРД был набит битком. Репортеры, имеющие специальные пропуска. Приятели директора. Были даже сотрудники института —

Чарльз Шарпс, Дан Форрестер и прочие.

Экраны телевизоров ярко светились. Изображение было не того качества, как хотелось бы. Ионизированный хвост кометы взбудоражил верхние слои атмосферы, и картинка на экранах размывалась и шла волнистыми линиями. Не имеет значения, подумал Шарпс. На борту «Аполлона» делаются записи, и позднее, получив эти записи, мы все восстановим. Кроме того, идет съемка с помощью телескопа. В следующий час мы узнаем о кометах больше, чем за предыдущие сто тысяч лет.

Эта мысль воодушевляла, и Шарпс проворачивал ее в голове все снова и снова. То же самое относится и к планетам, ко всей Солнечной системе. Прежде, когда люди выходили в космос (или посылали туда беспилотные корабли), они лишь пытались угадать, как устроена Вселенная. Теперь догадки сменятся знанием. И людям последующих поколений уже не сделать столько открытий, потому что люди этих поколений будут постигать устройство Вселенной, не изучая ее, а читая учебники. Они будут все знать с детства. Не то что я — я уже давно взрослый, и до сего дня мы ничего не знали. Господи, в какое великолепное время я живу. Как я счастлив, что живу в это время.

Числовое табло отсчитывало секунды. Стеклянный экран с нанесенной на нем картиной мира показывал местонахождение «Аполлона» в данное время.

«Аполлона» — «Союза», напомнил себе Шарпс и ухмыльнулся: друг без друга они беспомощны. Соперничество между США и Советами кое в чем может и не нести на себе отпечатка вражды. По крайней мере иногда. Если у других не получается, то в сотрудничество вступили военно-воздушные силы.

Жаль, что у нас проблемы со связью. Запасы энергии на борту «Молотлэба» истощаются. Этого мы не предвидели — а должны были бы. Но мы не думали, что комета пройдет так близко. Когда мы планировали работу «Молотлэба», мы не думали, что это будет на-

столько близко.

— Насколько она сейчас близко? — спросил Шарпс.

Форрестер оторвал взгляд от консоли компьютера.

— Трудно сказать. — Пальцы его мелькали по клавишам — словно Повер Биггс, играющий на органе Миланского собора. — Если последние исходные данные верны, то я знаю ответ. Самая точная оценка все еще составляет примерно тысячу километров. Если. Если эти данные были правильными. Но они неверны. И если то число, которое я отбросил, потому что оно не соответствовало остальным, действительно было неправильным. И еще множество «если».

— М-да.

— фотографирование... фильтр номер тридцать один... вручную...

Шарпс и Форрестер с трудом поняли, что это голос Рика Деланти.

— Этого вы добились, — сказал Дан Форрестер.

— Я? Чего я добился?

— Чтобы в этот полет был впервые направлен чернокожий астронавт, — объяснил Форрестер. Но голос его звучал очень отсутствующе: он внимательно изучал цифры на экране компьютера. Потом он что-то сделал, и качество одного из телеизображений заметно улучшилось.

Чарльз Шарпс видел летящее на него облако. Края облака были очерчены неточно, размыты. Но одно было ясно: боковой снос вообще отсутствовал. Часы неумолимо отсчитывали секунды.

— Где же, дьявол его побери, Молот? — внезапно спросил Шарпс.

Форрестер, если он и услышал, не ответил.

— ...прохождение внешнего края ядра. Земля, я повторяю... внешний... невозможно... вероятно, столкнется... — голос пропал.

— «Молотлэб», говорит Хаустон. Мы не получили вашего сообщения. Дайте на передатчик полную мощность и повторите сообщение. Повторяю: мы не полу-

чили вашего сообщения.

Текли секунды. И внезапно изображения на телевизионных экранах дрогнули, сделались ярче, отчетливее. Картинка стала цветной — будто на борту «Аполлона» задействовали главный телескоп и всю имеющуюся энергию отдали передатчику.

— Господи, ядро все приближается. — Джонни Бейкер не говорил — кричал. — Похоже, что оно столкнется с Землей...

Рик Деланти, как учили, удерживал голову кометы в поле зрения главного телескопа. Комета все росла и росла, она уже выглядела как гигантский водоворот. Изображение быстро менялось. Водоворот состоял из тумана, больших обломков, мелких обломков. Каменные глыбы, бьющие реактивной струей потоки газов... Все менялось прямо на глазах. Затем изображение качнулось вниз, и на экранах показалась Земля...

В различных местах на поверхности планеты вспыхнуло пламя. Долгое мгновение, мгновение, которое, казалось, длилось вечно, все экраны показывали одно и то же: Земля, усеянная яркими вспышками, такими яркими, что детали и не различишь и видишь лишь ослепительно пылающие пятна.

Это зрелище навсегда осталось в памяти Чарли Шарпса. Вспышки на поверхности Атлантического океана. Вся Европа — сверху донизу — усеяна вспышками; одна из самых больших вспышек пришлась на Средиземное море. Яркое пламя вспыхнуло посреди Мексиканского залива. Все, что находилось дальше к западу, оставалось вне поля зрения «Аполлона», но пальцы Дана Форрестера продолжали мелькать по клавишам. Все сведения, из любого источника — все шло в компьютер.

Голоса передававших сообщения изменились: люди кричали. По нескольким каналам передача прервалась: все заглушили внезапные электрические разряды. Связь с этими пунктами наблюдения потеряна.

— Над нами шаровая молния! — выкрикнул чей-то

голос.

— Где это? — громко спросил Форрестер. Спросил достаточно громко, чтобы перекрыть заполнивший помещение гул голосов.

— Это корабли сопровождения «Аполлона». Те, что должны были выловить его при посадке в океан, — ответил кто-то. — Мы потеряли связь с ними. Последнее сообщение от них было: «Шаровая молния в юго-восточном направлении». А потом: «Над нами шаровая молния». И больше ничего.

— Благодарю вас, — сказал Форрестер.

— Хаустон! Хаустон, на Мексиканский залив пришелся сильный удар. Столкновение в трехстах милях к юго-востоку от вас. Просим вас выслать вертолет за нашими семьями.

— Господи, как может Бейкер говорить сейчас так хладнокровно? — выкрикнул кто-то.

«Что там за остолоп поднял голос?» — подумал Шарпс. Кто-то из тех, кто никогда не бывал здесь раньше. Кто-то из тех, кто никогда не слышал, как ведут себя астронавты в критической ситуации. Он глянул на Форрестера.

Дан Форрестер *кивнул:*

— Молот падает.

А *затем изображение на всех телеэкранах пропало.* Треск разрядов полностью заглушил голоса наблюдателей.

* * *

Две тысячи миль к северо-востоку от Пасадены. Бетонная нора, уходящая на пятьдесят футов вглубь. Майор Беннет Ростен лениво поглаживал свисающий с его бедра тридцативосьмикалиберный. Затем он сконцентрировался, напрягся, его руки легли на консоль

запуска ракеты «Минитмен». Секунду они безостановочно елозили по консоли, затем коснулись ключа, висевшего на цепочке на шее. Скверно, подумал Ростен. Под влиянием Старика я сделался нервным.

Да, он нервничал — но это имело свое оправдание. Прошлой ночью Ростена вызвали к самому генералу Томасу Бамбриджу. Нечасто главнокомандующий стратегической авиацией беседует с командиром ракетной эскадрильи.

Приказ Бамбриджа был краток: «Завтра в пусковой шахте дежурить будете вы. Хочу, чтоб вы знали, что завтра на «Зеркале» буду я».

— Черт возьми, — сказал Ростен. — Сэр, означает ли это, что начинается... Она?

— Вероятно, нет, — ответил Бамбридж и объяснил ситуацию.

Это не объяснение, подумал Ростен. Он вновь почувствовал себя очень уверенным. Если русские действительно считают, что США слепы и беспомощны...

Он покосился налево. Его напарник, капитан Гарольд Люс, сидел у другой консоли — точно такой же, как консоль Ростена. Пункт управления находился глубоко под землей. Защищенный бетоном и сталью, он был построен так, чтобы выдержать близкий взрыв атомной бомбы. Чтобы запустить своих «птичек», дежурные обязаны действовать согласованно: оба должны повернуть свои ключи и нажать кнопки на своих консолях. Автоматика не позволяла в одиночку осуществить запуск ракеты.

Капитан Люс сидел, расслабившись, у своей консоли. Перед ним лежали книги: заочный курс обучения истории восточного искусства. Коллекционирование ученых степеней было обычным развлечением тех, кто вынужден дежурить в пусковых шахтах. Но как может Люс заниматься этим сегодня, когда, хоть и неофициально, объявлена боевая тревога?

— Эй, Гал... — позвал Ростен.

— Да, начальник.

— Предполагалось, что боевая тревога касается и тебя тоже.

— Я в состоянии боевой готовности. Ничего не случится. Сам увидишь.

— Господи, надеюсь, что не случится. — Ростен подумал об оставшихся в Миссуола своей жене и четырех детях. Раньше они отвергали идею о переезде в Монтану, но теперь она им даже нравится. Громадные просторы, чистое небо, никаких проблем больших городов.

— Хотел бы я, чтобы...

Слова Ростена прервал безликий голос из закрытого проволочной решеткой репродуктора под потолком:

— Внимание, внимание! Объявляется боевая тревога. Это — не учебная тревога. Код: 78-43-76854-87902-1735 Зулус. Боевая тревога. Боевая тревога. Полная готовность к залпу.

Бетонную шахту заполнил вой сирен. Майор Ростен краем сознания отметил: к двери по стальной лестнице скатился сверху сержант — захлопнул ее. Дверь — громадная, как в банковских подвалах, производства «Мослер сейф компани». Сержант запер дверь, отрезав бункер от внешнего мира, набрал новую комбинацию на цифровом диске входа. Теперь никто не сможет войти сюда — разве что взорвав дверь.

Потом (как и требуют приказы) сержант вскинул автомат и встал спиной к двери. Лицо его затвердело, он замер в напряженной позе. Глотал слюну, острый кадык его ходил вверх-вниз — от страха. Ростен набрал, нажимая кнопки, названный код на своей консоли, сорвал печати с книги приказов. Люс сделал в своем отсеке то же самое.

— Подтверждаю, что полученный код — подлинный, — сказал Люс.

— Подлинный. — И Ростен приказал: — Вставляй. Одновременно они сняли ключи и вставили их в обрамленные красной рамкой отверстия на своих приборных досках. Если такой ключ вставить и повернуть

до первого щелчка, его уже не вытащишь. Для этого понадобились бы другие ключи, которых у Люса и Ростена не было. Таковы порядки в стратегической авиации...

— По моему отсчету, — сказал Ростен. — Один, два. — Они повернули свои ключи. Раздались два щелчка. Затем Ростен и Люс принялись ждать — не поворачивая ключей дальше. Пока не поворачивая...

* * *

Самое утро в Калифорнии. И вечер на островах Греции. Двое мужчин долезли до вершины гранитной скалы. Как раз в этот момент солнце полностью скрылось за горизонтом. На востоке показались первые звезды. Далеко внизу крестьяне-греки ехали на перегруженных сверх всякой меры ослах. Пробирались в лабиринте низких каменных стен и виноградников.

В сумерках виднелся город, назывался он Акротира. Дикая мешанина: домишки грязно-белого цвета — такие, возможно, строили десять тысячелетий назад; на вершине холма — венецианская крепость; рядом с древней византийской церковью современной постройки школа. А внизу, под холмом — лагерь Виллиса и Макдональда, именно там они открыли Атлантиду. С вершины скалы лагерь был почти не виден. На западе внезапно погасла звезда — раз — и исчезла. За ней — другая.

— Началось, — сказал Макдональд.

Засопев, Александр опустился на камень. Настроение у него было чуточку скверное. Хотя ему было только двадцать четыре года и он полагал, что находится в хорошей форме, часовой подъем порядком вымотал его. Но Макдональд тащил его все дальше и дальше и даже помогал ему, пока они не долезли до самой вершины.

Макдональд, чьи темно-рыжие волосы здорово поредели, открывая огромную, дочерна загорелую лысину, даже не запыхался. Макдональд был сильным человеком: работа археолога потяжелее работы землекопа.

Оба мужчины сидели по-турецки и глядели на запад, наблюдая падение метеоритов.

Две тысячи восемьсот футов над уровнем моря — самая высокая точка острова, имя которого — Фера. Гранитная глыба, носившая различные названия при различных сменявших друг друга цивилизациях — на протяжении долгого, долгого времени. Нынешнее название — Гора пророка Ильи.

Сумерки сгущались над водами залива — там, внизу. Залив был круглый, его окружали утесы в тысячу футов высотой. Эта кальдера — след вулканического извержения, некогда уничтожившего две трети острова. Уничтожившего Минойскую империю — и породившего легенду об Атлантиде. Теперь в центре залива высился недавно возникший остров — безобразный и голый. Греки называли *этот остров Страной нового огня.* Островитяне знали, что *когда-нибудь Страна нового* огня станет центром нового *извержения. Как когда-то,* много лет назад, центром *такого извержения была Фера.*

На водах залива закачались огненные блики: небо пылало белоголубым пламенем. На западе угасало золотое сияние, но небеса не делались черными, а засветились странным зеленым и оранжевым светом. Свет, колеблясь, тянулся вверх, туда, откуда падали метеоры. Фаэтон снова мчался на колеснице Солнца...

Метеоры падали через каждые несколько секунд. Ледяные осколки врезались в атмосферу и сгорали, окутавшись пламенем. Падали снеговые комья, пылая зеленовато-белым. Земля уже глубоко погрузилась в оболочку кометы Хамнера—Брауна.

— Странное у нас увлечение, — сказал Виллис.

— Наблюдать небеса? Мне всегда нравилось смотреть на небо, — сказал Макдональд. — Вам никогда не приходилось видеть, чтобы я напрочь зарывался в

Нью-Йорке, — так ведь? Мне нравятся места, где мало людей, места, где воздух ясен и чист. Места, где человек в течение десяти тысяч лет наблюдал за звездами... Такие места, где можно обнаружить следы древних цивилизаций. Но я никогда не видел подобного неба.

— Хотел бы я знать, не выглядело ли оно так и тогда... Вы знаете, что я имею в виду.

Макдональд пожал плечами. Уже почти совсем стемнело.

— Платон ни о чем подобном не упоминал. Но в мифах упоминается о каменном боге, рожденном морем и бросившем вызов небу. Может быть, таким образом древним увиделось облако. Или взять некоторые отрывки из Библии. Кое-что можно расценивать как свидетельства очевидцев — только находились они вдали от центра событий. Да, не хотелось бы быть поблизости во время извержения Феры.

Виллис не ответил, он в удивлении смотрел на небо. Через все небо протянулась гигантская полоса зеленоватого света. Полоса расширялась, росла. Видение продолжалось несколько секунд, а потом полоса разом вспыхнула и погасла. Виллис внезапно понял, что он смотрит в восточном направлении. Его губы беззвучно зашевелились. А затем:

— Мак! Обернитесь!

Макдональд обернулся.

Небо сворачивалось в клубок, поднималось вверх, словно занавес. Можно было заглянуть под нижний край этого занавеса. Край был безупречно ровный, прямой — в нескольких градусах над горизонтом. Вверху зеленым и оранжевым светом сияла оболочка кометы. А ниже — тьма, в которой горели звезды.

— Тень Земли, — сказал Макдональд. — Тень, отбрасываемая на оболочку. Хотел бы я, чтобы моя жена дожила до сегодняшнего дня, чтобы увидеть это. Всего лишь один лишний год...

За их спинами взорвалась ярчайшая вспышка. Виллис оглянулся. Вспышка медленно шла вниз — такая

яркая, что на нее невозможно было смотреть, ослепительная — все тонуло в ее пламени... Виллис уставился на нее. Господи, что это такое? Оно опускается... гаснет.

— Надеюсь, вы поберегли свои глаза, — сказал Макдональд.

Виллис ничего не видел — лишь ощущал сильнейшую боль. Он замигал — это не помогало.

— Кажется, я ослеп, — сказал он. Он протянул ладонь, ощупывая камень, он надеялся, что ему станет легче, когда он почувствует руку другого человека.

— Не думаю, чтобы сейчас это имело значение, — негромко сказал Макдональд.

Быстро вспыхнула ярость — и тут же угасла. Виллис понял, что имел в виду его товарищ. Руки Макдональда взяли его за запястья и завели их вокруг камня:

— Держитесь как можно крепче. Я расскажу о том, что видел.

— Ладно.

Макдональд торопливо заговорил:

— Когда свет погас, я открыл глаза. На мгновение мне показалось, что я вижу что-то вроде фиолетового прожектора, его луч был направлен в небо. Затем луч погас. Но шел он из-за горизонта. У нас еще есть некоторое время.

— Не везет этому острову, — сказал Виллис. Он ничего не видел, даже тьмы.

— Вас никогда не удивляло, почему люди упорно строились здесь? Некоторые из домов насчитывают не одну сотню лет. Через каждые несколько столетий — извержение. Но люди постоянно сюда возвращались. А что касается того, что нам следует делать... да, нам... Алекс, я уже вижу цунами. Волна становится выше с каждой секундой. Не знаю, поднимется или нет она на ту высоту, где мы сейчас находимся. Хотя... приготовьтесь сперва выдержать воздушную волну. Соберитесь с силами.

— Сперва будет другая волна: землетрясение. Наверное, сейчас наступает конец Греции.

— Видимо, так. И появится новая легенда об Атлантиде... Если кто-нибудь выживет, чтобы поведать о катастрофе. Занавес по-прежнему поднимается. На западе — потоки света, исходящие от ядра. На востоке — черная тень Земли. Повсюду — метеоры... — Голос Макдональда оборвался.

— Что там?

— Я закрыл глаза. Но в северо-восточной части неба — оно! Ядро... Огромное!

— Грег, кто придумал это имя: «Гора пророка Ильи»? Похоже, он попал в самую точку.

Землетрясение вдоль и поперек разорвало Феру. Вскрыло скрытый морским дном канал, по которому три тысячи пятьсот лет назад вырывалась на поверхность магма. Виллис почувствовал, что камень вырывается из его рук. Фера взорвалась извержением. Страшная волна перегретого пара, выброшенного вместе с лавой, отбросила его в сторону и мгновенно прикончила. Несколькими секундами позже на рваную, пылающую оранжевым сиянием рану в теле гранита накатилась волна цунами.

И никого не осталось в живых, чтобы рассказать о втором извержении Феры.

* * *

—

Мэйбл Хоукер раздала карты и исподтишка улыбнулась. Двадцать очков, ей сегодня везет. А ее партнерам — нет. Все время Би Андерсон повышала ставки, когда самолет приземлится в аэропорту имени Кеннеди, партнеры проиграют Мэйбл с сотню долларов.

Готовясь к посадке в Нью-Йорке, «семьсот сорок

седьмой» плыл высоко над Нью-Джерси, Мэйбл, Чет и Андерсоны, пассажиры первого класса, сидели вокруг стола. Стол находился далеко от иллюминаторов, что творится за бортом, не видно. Мэйбл почувствовала сожаление, что сейчас занята бриджем. Она никогда не видела Нью-Йорк с воздуха. С другой стороны, не хотелось, чтобы Андерсоны знали об этом пробеле в образовании.

За иллюминаторами полыхнуло.

— Твоя очередь торговаться, Мэй, — напомнил Чет. Люди, сидевшие у иллюминаторов, отшатнулись. Салон первого класса загудел, заполнился шумом голосов. Мэйбл услышала в этих голосах страх — в мозгу каждого авиапассажира таится глубоко запрятанный страх.

— Извините, — сказала Мэйбл. — Две бубны.

— Четыре черви, — сказала Би Андерсон, и Мэйбл уступила.

Раздался негромкий звуковой сигнал. Зажглась надпись «Застегните привязные ремни».

— Говорит командир самолета Феррар, — сказал сочащийся дружелюбием голос. — Мы не знаем, что это была за вспышка, но на всякий случай просим вас пристегнуть ремни. Еще одно: какая бы это ни была вспышка, она произошла далеко от нас. — Голос летчика успокаивал, вселял уверенность.

А не заторговалась ли Би? О господи, понимает ли она, что означает объявление «двух бубей»? После такого объявления повышать?..

Раздался странный звук: будто медленно разорвали пополам что-то огромное. «Семьсот сорок седьмой» внезапно взревел, резко ускорил полет.

Мэйбл читала, что опытные путешественники вообще не расстегивают свои привязные ремни, но, не затягивая, оставляют их так, чтобы они свободно провисали. С самого начала Мэйбл распорядилась своим ремнем именно таким образом. А теперь Мэйбл неторопливо расстегнула ремень, положила карты рубашкой

вверх и, нетвердо ступая, удерживая равновесие, направилась к свободным креслам возле иллюминатора.

— Мать, ты куда это? — спросил Чет.

Мэйбл содрогнулась — настолько ненавистным ей было это обращение «мать». «Мать» — это ведь так по-деревенски. Облокотившись на сиденье, она выглянула в иллюминатор.

Громадный нос самолета опущен вниз, он опускается еще ниже. Впечатление такое, будто экипаж самолета пытается справиться с внезапным ветром. И скорость ветра приблизительно равна скорости самого самолета. Крылья потеряли свою подъемную силу. «Семьсот сорок седьмой» падал, словно опавший лист, дергался, кренился из стороны в сторону — словно экипаж старался удержать его в полете.

Мэйбл увидела лежащий впереди по курсу Нью-Йорк. Вон Эмпайр Стэйт Билдинг, вон Статуя Свободы, вон Всемирный торговый центр. Все выглядело именно так, как и представляла заранее Мэйбл, но почему-то под наклоном в сорок пять градусов. Где-то там, внизу, ее дочь, должно быть, уже едет в аэропорт имени Кеннеди — чтобы встретить своих родителей и познакомить их с парнем, за которого она собирается выйти замуж.

С крыльев самолета сорвало заклепки. «Семьсот сорок седьмой» задрожал, завибрировал. Словно испуганные бабочки, слетели со стола карты Мэйбл. Она ощутила, как самолет подбросило вверх. Ударом — вверх, выбивая его из снижения.

Высоко в небе мчались черные тучи. Они походили на громадную завесу. Они мчались быстрее, чем самолет. Мчались и рассыпали вспышки. Повсюду молнии. Гигантская огненная стрела ударила в Статую Свободы и заплясала вокруг ее поднятого вверх факела. А следующая молния ударила в самолет.

* * *

За Океанским бульваром — крутой откос. По дну его, вдоль берега шло шоссе тихоокеанского побережья. А далее — океан. Бородатый человек стоял на берегу и рассматривал горизонт. Глаза его искрились неподдельной радостью.

Лишь секунду-две длилась вспышка, но она была ослепительной. А когда она погасла, на сетчатке глаз бородатого еще горел образ пылающего голубым шара. Красная вспышка... Необычная молния прочертила в небе вертикальную линию... Бородатый обернулся со счастливой улыбкой.

— Молитесь! — крикнул он. — Судный день настал! — Несколько прохожих остановились, уставившись на него. А в основном прохожие не обращали на него внимания, хотя он и производил в высшей степени внушительное впечатление: глаза горят от радости, густая черная борода с двумя снежно-белыми прядями, спускающимися от подбородка. Но один прохожий обернулся и сказал:

— Если вы не отойдете от края, для вас действительно настанет сегодня Судный день. Будет землетрясение.

Бородатый отвернулся от прохожего.

Другой — чернокожий, в дорогом деловом костюме, — попытался более настойчиво воззвать к его разуму:

— Если во время падения кометы вы окажетесь на самом краю, то остаток Судного дня пройдет мимо вас. Не упрямьтесь!

Бородатый кивнул — как бы про себя. Повернулся и направился к тротуару, где толпились люди.

— Спасибо, брат.

Земля содрогнулась и застонала.

Бородатому удалось удержаться на ногах. Он увидел человека в коричневом костюме, стоявшего на ко-

ленях, и тоже опустился на колени. Земля затряслась, часть круто уходящего вниз берега отвалилась. И если бы бородатый не убрался оттуда, оползень унес бы его с собой.

— Ибо Он придет, — закричал бородатый. — Ибо Он придет, чтобы судить Землю...

Бизнесмен подхватил псалом:

— И будет судить справедливо мир и людей по правде своей...

Окружающие присоединились к пению. Обретая подвижность, земля гнулась под ногами, дергалась.

— Восславим отца и...

Внезапный сильный толчок сбил людей наземь. Упавшие поднимались, вновь становились на колени. Тряска вдруг прекратилась, и многие заспешили прочь: найти машину, убраться подальше в глубь страны...

— О Небеса, благословенные Господом, — выкрикивал бородатый. Оставшиеся подхватили. Бородатый знал весь псалом наизусть, а подпевать нетрудно.

Море взбурлило. Стремительные волны покрылись пузырями. И все скрыла слепящая завеса соленого на вкус дождя. Многие из тех, кто окружил бородатого, помчались прочь — в заполненную дождем тьму. Но бородатый продолжал молиться, и люди из дома на противоположной стороне улицы начали молиться вместе с ним.

— О моря и потоки, благословенные Господом! Восхвалите Его и возвеличьте на веки вечные!

Дождь усилился, но как раз перед бородатым и его паствой вследствие странной игры порывов ветра образовался просвет. Можно было видеть весь берег вплоть до опустевшего пляжа. Уровень воды заметно понизился, вода отхлынула, оставив на песке бьющихся под дождем рыб.

— О киты и все, кто плавает в водах, благословенны вы Господом...

Молитва кончилась. Люди стояли на коленях, вокруг — хлещущий дождь и вспышки молний. Бородато-

му показалось, что он видит сквозь дождь, как в дальней дали, за отхлынувшими водами, за горизонтом, океан вздымается чудовищным горбом, отвесной стеной, которая прокатится через весь мир.

— О Господи, спаси нас, ибо наступают воды, которые захлестнут даже душу мою!— закричал бородатый. Прочие не знали этого псалома, но слушали, затаив дыхание. Со стороны океана донесся зловещий гул.

— Я увяз в глубокой трясине, бездонной трясине. Я погружаюсь в глубокие воды, и потоки захлестывают меня.

Нет, подумал бородатый. Оставшаяся часть этого псалома в данном случае не подходит. И начал снова:

— Господь — мой пастырь. У меня не будет недостатка ни в чем.

Стремительно надвигался водяной вал. Люди перестали петь псалом. Одна из женщин поднялась с колен.

— Молитесь, — сказал бородатый.

Грохот, издаваемый океаном, заглушил остальные слова. Завеса дождя окутала людей. Завеса дождя — теплого, скрывшего из вида океан и волну. Она мчалась к берегу — вздымающаяся все выше стена воды. Она была выше самого высокого небоскреба. Всесокрушающая колесница Джаглернаута — вода, вскипающая грязно-белой пеной. Зеленая стена воды. Бородатый увидел что-то крошечное, двигающееся поперек ее склона. А потом стена обрушилась на него и его паству.

* * *

Джил отдыхал, лежа на доске, вниз лицом. В голове медленно тянулись мысли. Вместе с остальными он ждал, когда накатит большая волна. Под животом шур-

шала вода. Горячие лучи солнца припекали спину. Сбоку подпрыгивали на волнах, выстроившись в линию, остальные доски для серфинга.

Дженина поймала его взгляд и улыбнулась ленивой улыбкой. В улыбке — обещание и воспоминание об уже бывшем. Ее мужа нет в городе, и он будет отсутствовать еще три дня. Ответная улыбка Джила не выражала ничего. Он ждал волну. Здесь, у пляжа Санта-Моники, хороших волн не бывает. Но Дженина живет неподалеку, а хорошие волны никуда не денутся: будут и другие дни.

По берегу вразброс стояли дома. Вид у них был нарядный и новый, а вот дома на пляже Малибу выглядят совсем иначе: они всегда кажутся более старыми, чем есть на самом деле. Нет, на этих домах тоже заметны признаки старения. Там, где земля граничит с морем, все разрушается быстро. Джил, как и все остальные, кто покачивается сейчас на волнах (а прекрасное сегодня утро), был молод. Джилу семнадцать лет, он дочерна загорелый. Его длинные волосы выгорели почти добела. Выпуклые мышцы, словно пластины, покрывающие шкуру броненосца. Джилу нравилось, что он выглядит старше, чем на самом деле. Отец выкинул его из дома, но Джилу не приходилось платить ни за жилье, ни за еду. Всегда найдутся женщины старше тебя.

Когда он вспоминал о муже Дженины, то думал о нем с дружелюбием. Происходящее казалось Джилу лишь забавным. Муж Дженины не вызывал у Джила враждебных чувств. Джил не стремился к чему-либо стабильному. И ею вправе был бы завладеть любой парень, которому хотелось постоянно качать из нее деньги...

У Джила скосило глаза: так ярко что-то сверкнуло. «Оно» пылало, Джил зажмурился. Зажмурился рефлекторно. Плюс опыт: достаточно часто колол глаза отраженный волнами свет. Сквозь сомкнутые веки Джил увидел, как угасло пылание, он открыл глаза. Оглядел

море. Идет волна?

Он увидел, как из-за горизонта вздымается огненная туча. Джил смотрел на нее, щурился, он не мог поверить, что это все на самом деле...

— Идет большая волна, — встав на колени, крикнул Джил.

— Где она?— крикнул Кори.

— Скоро ее увидишь, — крикнул Джил. Сомнений у него не возникало. Он развернул доску и сильными гребками погнал ее в море. Он согнулся так, что щека его почти касалась доски. Глубоко загребал своими длинными руками. Он был здорово испуган — но никто никогда не узнает об этом.

— Подожди меня, — крикнула Дженина.

Джил продолжал грести. Остальные поплыли следом, но выдержать такой темп мог лишь сильный. Рядом держался только Кори.

— Я видел огненный шар!— крикнул он, задыхаясь. — Это Молот Люцифера!.. Цунами!..

Джил ничего не ответил. Сказанное Кори пугало, лишало сил. Остальные загомонили. Джил увеличил скорость, оставив их позади. Когда происходит подобное, мужчина должен оставаться один. Он начал постигать, что сейчас может наступить смерть.

Начался дождь. Джил продолжал грести. Оглянулся и увидел, как оседают берег и стоящие на его склоне дома и на этом месте возникает новое протяженное взморье — поблескивает мокрым. Среди холмов над Малибу вспыхивали молнии.

Очертания гор менялись. Аккуратные дома Санта-Моники закувыркались, превратились в груды щебня. Горизонт пошел вверх.

Смерть, неизбежная смерть. Но если смерть неизбежна, то что остается? Соблюдать стиль, только соблюдать стиль. Джил продолжал грести, оседлав уходящую из-под доски волну. Греб, пока волна не укатилась. Отнесло его далеко. Джил развернул доску, стал ждать.

Остальные последовали его примеру, развернулись. Растянулись на залитых дождем волнах на несколько сотен ярдов. Если они что-либо кричали, Джил их не слышал. Сзади накатывался ужасающий грохот. Джил выждал еще мгновение — и начал грести изо всех сил. Он делал глубокие, правильные гребки. Хорошие, как надо, гребки.

Он скользил вниз по склону громадной зеленой волны, волны-стены, вода неуступчиво вздымалась. Джил стоял на четвереньках, кровь прилила к его лицу. Глаза его вылезли из орбит, из носа потекла кровь. Напряжение было чудовищным, непереносимым. Потом сделалось легче. На набранной скорости Джил развернул доску. Балансируя на коленях, скользил наискось вниз по склону почти вертикальной стены...

Он встал. Ему нужно видеть — больше, как можно больше. Если он действительно выдержал, удержался, достиг самого гребня волны, значит, гребень уже прокатился дальше. Значит, он действительно выжил, он справился, смог! Теперь съезжать вниз, и делать это безупречно...

Прочие доски тоже повернули. Джил видел их — они впереди, беспорядочно разбросанные по склону зеленой стены. Кори поворот исполнил неправильно. Он пронесся внизу, мчался с дикой скоростью, смотреть на него было страшно. Их несло к берегу. Их доски были много выше берега. Санаторий, пирс Санта-Моники и выстроенный на нем ресторан, яхты, стоявшие неподалеку на якоре, — все мгновенно скрылось под водой. А потом они увидели — сверху вниз — улицы и едущие по ним автомобили. Джил увидел на миг бородатого мужчину, стоявшего на коленях. А потом вода скрыла и бородатого, и тех, кто окружал его. Внизу волны-стены бился крутящийся хаос. Белая пена, несущиеся вихрем в водоворотах обломки, изуродованные трупы, пушинкой кувыркающиеся автомобили.

Под Джилом уже был Бульвар Санта-Моники. Волна перекатилась через мол. В грохочущей пене внизу

замелькали обломки магазинов, тела продавцов, сломанные деревья, мотоциклы. Волна накатилась на дома — Джил крепился, готовясь к столкновению, пригибался пониже. Доска дергалась под ногами — он едва не потерял ее. Джил увидел, как вода захлестнула Томми Шумахера, Томми исчез, доска его высоко подпрыгнула и беспорядочно закрутилась. Теперь на воде остались лишь две доски.

Пенящийся гребень волны был уже далеко. Далеко и вверху. А крутящийся хаос ее основания оказался слишком близко. Ноги страшно затекли, болели, силы кончались. На поверхности осталась лишь одна доска — много ниже Джила. Кто это? Не имеет значения: того, кто был на доске, накрыл крутящийся хаос, человек исчез. Джил рискнул: быстро оглянулся. Никого. На громадной волне он остался один.

О Господи, если он выживет, какую на этом можно будет построить историю, какой сделать фильм! Фильм посильнее, чем «Бесконечное лето», посильнее, чем «Расширяющийся ад». Фильм о серфинге, и лишь трюковые съемки будут стоить десять миллионов! Если только выдержат ноги! Он уже побил все рекорды, его наверняка уже занесло не меньше, чем на милю в глубь суши, никто никогда не удерживался на волне целую милю! На мили, казалось, возвышался над головой покрытый пеной ревущий гребень. На Джила стремительно мчался тридцатиэтажный «Дом Баррингтона».

* * *

От кометы остались лишь жалкие крохи. Несколько крупных обломков, обломков поменьше, осколки смерзшейся в лед грязи. Гравитационное поле Земли разбросало их по небу. Возможно, эти обломки и вернутся когда-нибудь в кометное гало, но никогда уже

им не суждено воссоединиться заново.

На поверхности Земли один за другим возникали огненные кратеры. Когда обломок ударял в воду, вспышка была столь же яркой, как и при соударении с сушей. Но рана, нанесенная океану, внешне выглядела менее значительной. Вокруг вырастали волны-стены, окаймляя рану, оглаживая, заливая ее.

Один удар пришелся в Тихий океан. Волна вокруг кратера взметнулась на две мили в высоту. Она кипела. Давление расширяющегося перегретого пара оттолкнуло волну.

Раскаленный пар поднялся колонной — прозрачной как стекло. В этой колонне содержались соль выпаренной воды океана, осадок со дна, частицы врезавшегося в океан обломка. Достигнув края атмосферы, колонна начала расплываться, превратилась во все расширяющийся водоворот.

Мегатонны пара остывали. Вокруг частиц стала конденсироваться вода. Они начали выпадать из тучи — мелкие капли перемешанной с грязью воды. Падая, сливались. Они были еще горячими.

Оказавшись в нижних, более сухих слоях атмосферы, они вновь испарялись.

4

Магазин, где продавались телевизоры, был закрыт. И будет закрыт еще в течение часа. Тим Хамнер кинулся на поиски — бар, парикмахерская, что угодно, лишь бы там был расположен телевизор. И ничего не нашел.

Мелькнула было мысль о такси, но это глупо. Такси в Лос-Анджелесе не раскатывают по улицам в поисках клиентов. Они приезжают по телефонному вызову, но ждать, может быть, придется долго. Нет. Ему

не добраться до ИРД, а ядро кометы Хамнера — Брауна, должно быть, как раз сейчас находится на самом близком расстоянии от Земли и вот-вот начнет удаляться! Астронавты ведут наблюдения и посылают записи на Землю, а Тим Хамнер ничего не увидит!

Полиция оттеснила детей, но на состояние затора сие не повлияло. Слишком много брошенных своими водителями машин. «А что теперь? — подумал Тим. — Может быть, мне удастся...»

Словно яркая лампа вспыхнула где-то за спиной: раз — и погасла. Тим замигал. Что это было на самом деле, то, что он видел? Там, в южном направлении, ничего нет. Лишь зеленовато-коричневые холмы Гриффит-парка, и вон двое едут верхом по тропинке.

Тим нахмурился, потом, полный дум, пошел обратно к своей машине. В кабине установлен телефон, и такси — с не меньшим успехом, чем из будки, — можно будет вызвать оттуда.

Двое одетых в белые балахоны детей (один — с красной вышивкой на балахоне, а балахон-то — не просто так, а сшит у портного) шагнули ему навстречу. Тим увернулся. Дети остановили следующего пешехода:

— Молитесь, люди! Даже сейчас, когда настал час, еще не слишком поздно...

Когда Тим наконец добрался до своей машины, гудки и гневные вопли слились уже в яростное крещендо...

Земля вздрогнула. Внезапный резкий толчок, затем второй, более мягкий. Здания закачались. Стекла в домах поблизости треснули. Множественный звук упавшего наземь стекла. Тим услышал это, потому что автомобильные гудки внезапно смолкли. Все будто окаменели на месте. Из супермаркета выскочило несколько человек. Еще несколько остановились в дверях, готовые выскочить при следующем толчке.

Но ничего не произошло. Снова завыли сирены автомобилей. Люди завопили, завизжали. Тим открыл дверь своей машины и потянулся за трубкой радиоте-

лефона...

Земля вздрогнула снова. Снова звуки падающего стекла. Кто-то истошно кричал. И — опять — тишина. Из рощицы, насаженной рядом со «Студией Диснея», вылетела стая ворон. Вороны каркали на стоявших внизу людей, но никто не обращал на них ни малейшего внимания. Медленно тянулись секунды, и снова уже завопили гудки автомашин — и тут Тима с размаху бросило на асфальт.

На этот раз толчки не прекратились. Земля вздрагивала, крутилась, тряслась, и каждый раз, когда Тим пытался встать, его сбивало с ног снова. И казалось, что это никогда не прекратится.

* * *

Кресло лежало, опрокинувшись, погребенное под грудой каталогов. В кресле — Эйлин. Голова ее страшно болела. Юбка задралась до самого пояса.

Эйлин очень медленно и очень осторожно вылезла из кресла. Медленно и осторожно, потому что все вокруг было усеяно осколками стекла. Потом она одернула юбку. Чулки были сплошь в дырах. По левой ляжке тянулся длинный узкий потек крови. Эйлин смотрела на потек, боясь дотронуться. Удостоверившись, что кровь больше не идет, дотронулась.

В приемной царил хаос. Рассыпанные каталоги, сломанный кофейный столик, опрокинувшиеся полки, осколки оконного стекла. Эйлин потрясла головой. Голова кружилась. В ней прыгали всякие идиотские мысли. Почему от одного оконного стекла так много осколков? Потом в голове прояснилось. Эйлин поняла, что тяжеленные полки и стоявшие на них книги, падая, каким-то чудом миновали ее голову. Каждая полка и каждая книга — каким-то чудом. Голова про-

должала кружиться, Эйлин тяжело оперлась о секретарский стол.

Она увидела Джо Корригана.

Громадное сплошное стекло окна упало внутрь помещения. А Корриган сидел возле окна. Все вокруг него было усеяно осколками. Пошатываясь, Эйлин подошла к нему, опустилась на колени. Осколки стекла впились в кожу. Кусок стекла размером с добрый кинжал пропорол щеку и глубоко воткнулся в горло Корригана. Под раной обильно натекла кровь, но кровотечение уже прекратилось. Глаза и рот Корригана были широко открыты.

Эйлин вытащила осколок-кинжал из горла Корригана, приложила ладонь к ране. Почувствовала удивление, что кровь больше не идет. Что надо делать, когда перерезано горло? Там, за стенами дома, полиция, с одним из полицейских Эйлин знакома. Она глубоко втянула в себя воздух, готовясь испустить пронзительный крик. Затем — услышала.

Кричали люди — много людей. Орали, визжали. Страшный, беспорядочный шум доносился с улицы. С криками смешивался грохот — будто обрушивались дома. Орали автомобильные гудки (два, не меньше) — вперемежку и не на одной ноте, а то ослабевая, то усиливаясь, в какой-то машинной агонии. Никто не услышит, как Эйлин взывает о помощи.

Она посмотрела на Корригана. Попробовала обнаружить пульс — пульса не было. Попробовала с другой стороны шеи. Нет пульса. Эйлин выдрала из ковра пучок пушинок, поднесла к ноздрям Корригана. Ни одна пушинка даже не шевельнулась. Но это чушь, подумала она. Человек не может умереть от раны в горле, не может! И все же Корриган был мертв. Сердечный приступ?

Она медленно поднялась. Соленые слезы катились по ее щекам. И на вкус отдавали пылью. Автоматически — перед тем, как выйти из дома, — она причесалась, огладила юбку. Ей захотелось расхохотаться. Она

подавила это желание. Если она начнет, то уже не остановится.

С улицы кричали все сильнее. Страшно кричали — но все равно надо выходить из дома. Там, на улице, — полиция, и один из полицейских — Эрик Ларсен. Вот он. Она хотела крикнуть, позвать его, но тут увидела, что происходит. И застыла — прямо в перекосившейся двери.

* * *

Патрульный Эрик Ларсен родом был из Канзаса. Для него землетрясения были чем-то совершенно незнакомым и до невозможности страшным. Все, что Эрику сейчас хотелось, это побегать по кругу, всплескивая руками и завывая. Но он не мог даже подняться на ноги. Он пытался — и каждый раз его бросало обратно на землю, и наконец он решил, что лучше оставаться в таком положении. Он спрятал лицо в ладони и закрыл глаза. Эрик теперь пытался думать о сценарии для телевидения, который он напишет, когда все это кончится, но мысли разбегались.

Дикий шум. Земля ревела, словно разъяренный бык. Поэтический образ, где я мог его слышать? Но к реву Земли примешивались и другие звуки — грохот сталкивающихся автомобилей и рушащихся зданий, звуки падения бетонных плит. И всюду — людской пронзительный крик: одни кричали в страхе, другие — в ярости, третьи кричали потому, что кричали.

Наконец Земля перестала дергаться. Эрик Ларсен открыл глаза.

Привычный ему мир исчез. Одни дома рухнули, другие покосились, машины — вдребезги, даже сама Улица перекручена, смята. Бывшая парковочная стоянка искорежена: куски асфальта торчали под самыми

невозможными углами. Супермаркет на противоположной стороне улицы рухнул, от стен его остались лишь груды, крыша слетела. Из развалин выползали люди. Эрик все выжидал, пусть поведение местных жителей подскажет ему, как действовать дальше. В Канзасе — торнадо, в Калифорнии — землетрясения. Местные жители должны знать, что надо делать.

Но они не знали. Они застыли, эти немногие, кто остался в городе, они моргали, глядя в ясное безоблачное небо. А некоторые лежали в лужах крови. А третьи кричали и бегали по кругу.

Эрик увидел, где его напарник. Из-под груды чугунных труб и прочего водопроводного оборудования, скатившегося с грузовика, торчали форменные голубые брюки и черные ботинки. Там, где должна была быть голова Гарриса, громоздился ящик с этикеткой «Бесшумный водоспуск». Ящик плотно прилегал к земле. Эрик задрожал и вскочил на ноги. Он не мог подойти ближе к ящику. Просто не мог. Он пошел к супермаркету. Его удивляло, почему еще не примчались кареты «скорой помощи». И он искал взглядом — где же старший по чину служащий полиции, который скажет ему, что надо делать.

Возле многоместного легкового автомобиля стояли трое крепких мужчин в фланелевых рубашках. Они осматривали автомобиль, проверяя, насколько сильно он поврежден. Машина была тяжело нагружена. Задний ее конец был раздавлен обрушившейся верандой, перила которой были украшены металлическими финтифлюшками. Мужчины громко ругались. Один наконец открыл заднюю дверцу, нырнул туда. Вылез, держа в руках несколько *дробовиков*, *раздал их товарищам*.

— Мы не смогли уехать отсюда из-за этих ублюдков, — мужчина говорил очень тихо и как-то странно спокойно. Эрик едва смог расслышать эти слова.

Остальные мужчины кивнули и начали вставлять патроны в зарядники. Они не смотрели на Эрика Лар-

сена. Когда ружья были заряжены, все трое мужчин уперли приклады в плечо и прицелились в группу стоявших неподалеку детей кометы. Одетые в белые балахоны дети закричали, начали рвать свои цепи. Ружья разом выстрелили.

Эрик сунул руку к кобуре, быстро выхватил пистолет. Черт возьми! Он шагнул к мужчинам, ноги его тряслись. Мужчины уже перезаряжали ружья.

— Прекратите, — сказал Эрик.

Мужчины вздрогнули, услышав его голос. Обернулись — и увидели голубую полицейскую униформу. Мужчины нахмурились, глаза их расширились, на лицах появилось выражение неуверенности. Эрик оглянулся. Он уже раньше заметил надпись на бампере автомобиля. Надпись гласила: «Помогайте местной полиции».

Старший из мужчин злобно фыркнул:

— Все кончено. Неужто непонятно, что то, что вы сейчас видите, — это конец цивилизации?

Внезапно Эрик все понял. Не появятся никакие кареты «скорой помощи», не повезут они пострадавших в больницы. Ощутив ужас, Эрик смотрел вдоль Аламеды — в том направлении, где стоит собор Святого Иосифа. И видел: искореженные улицы и разрушенные дома. Больше ничего. Должен ли быть виден отсюда собор Святого Иосифа? Эрик никак не мог вспомнить.

Главный из мужчин орал:

— Эти ублюдки не дали нам уехать в горы! Зачем и кому они вообще нужны? — он бросил взгляд на свой разряженный дробовик. Дробовик с открытым затвором. В одной руке у него был этот дробовик, другой он сжимал два патрона. И эта другая рука неуверенно, как бы случайно, потянулась к зарядному, вкладывая патроны.

— Не знаю, зачем и кому они нужны, — сказал Эрик. — Намереваетесь выстрелить в полицейского? — Перевел взгляд на надпись на бампере. Мужчина

вслед за ним тоже взглянул на надпись, затем отвел глаза. — Итак, будете стрелять? — настаивал Эрик.

— Нет.

— Хорошо. Отдайте мне ваш дробовик.

— Он мне нужен, чтобы...

— Мне он нужен тоже, — прервал Эрик. — Ружья есть у ваших друзей.

— Я арестован?

— Куда бы я отвел вас? Мне нужен ваш дробовик. Это все.

Мужчина кивнул.

— Ладно.

— Патроны тоже, — добавив чуть настойчивости в голосе, сказал Эрик.

— Ладно.

— А теперь уходите отсюда, — сказал Эрик. Он держал в руке дробовик, не заряжая его. Дети, которых не поразили выстрелы, смотрели на Эрика и мужчин в молчаливом ужасе. — И спасибо, — закончил Эрик. Он пошел прочь, нимало не интересуясь, куда направятся мужчины.

На моих глазах сейчас произошло преднамеренное убийство, и я ничего не предпринял, сказал себе Эрик. Он быстро шел, выбираясь из уличной пробки. Казалось, что его разум более никак не связан с телом. Тело само знало, куда ему следует идти.

Небо в юго-западном направлении выглядело для этих мест странно. Плыли тучи, они образовывались и исчезали, будто демонстрировали фильм, заснятый замедленной съемкой. Вот это все знакомо Эрику Ларсену так же, как знакомы дуновения ветра, это он чувствует всеми своими потрохами. Это знакомо любому, кто родом из Топеки. Грядет торнадо. Когда начинаются такие вот дуновения, когда небо выглядит именно таким образом, следует убраться в ближайший подвал. Прихватив с собой радиоприемник и флягу с водой.

До тюрьмы Бурбанка отсюда добрая миля, подумал Эрик. Придирчиво, не торопясь, осмотрел небо. Я

могу это сделать, успею.

Быстрым шагом он пошел к тюрьме. Эрик Ларсен все еще оставался цивилизованным человеком.

* * *

Эйлин в ужасе наблюдала за происходящим. О чем там говорили, она не слышала, но было совершенно ясно, что произошло. Полиция... нет больше никакой полиции.

Двое детей — мертвы. Еще пятеро корчились в агонии, раны их смертельны. Остальные дергались, стараясь освободиться от своих цепей.

Один из детей действовал ножовкой. Та самая ножовка. Всего лишь несколько минут назад Джо Корриган вручил эту ножовку полицейским. Вернее, он передал ее бесконечно давно. То, что видела Эйлин, непостижимо. Люди лежали в лужах крови. Люди выползали из развалин. Один мужчина взобрался на потерпевший катастрофу грузовик. Он сидел на кабине, свесив ноги на ветровое стекло, и большими глотками пил виски прямо из бутылки. Он беспрерывно — снова и снова — поднимал голову, смотрел на небо и смеялся.

Все, кто одет в белые балахоны, — в опасности. Для закованных в цепи детей наступило время кошмара. Сотни доведенных до белого каления водителей, многие тысячи пассажиров, множество людей, спасающихся бегством из города (не то, чтобы они на самом деле ожидали падения Молота, они удирали просто на всякий случай) , — и всем им преградили дорогу дети кометы. Люди на улице в большинстве еще лежали навзничь или брели бесцельно куда-то. Но хватало и других; мужчины и женщины стягивались вокруг одетых в балахоны, скованных цепями детей. И у каждого мужчины, и у каждой женщины было в руках что-либо тяжелое — железные прутья, цепи, рукоятки дом-

кратов, бейсбольные биты.

Эйлин стояла в дверях. Она кинула взгляд назад — на тело Корригана. Две глубокие морщинки прорезались между ее бровей, когда она увидела уходящего прочь патрульного Ларсена. На улицах вспыхнули беспорядки, и единственный оказавшийся здесь полицейский уходит — уходит быстрым шагом, после того как на его глазах было совершено убийство. Полицейский, холодно наблюдающий, как совершается убийство... Мира, который был знаком Эйлин, более не существовало.

Мир. Что случилось, что случится теперь с этим миром? Осторожно ступая по осколкам стекла, Эйлин вернулась в контору. Благодарение Богу, что люди придумали обувь с подошвой, подумала она. Осколки хрустели под ногами. Эйлин шла быстро, не глядела на разбитые вещи, обрушившиеся полки и осевшие стены.

Отрезок трубы, пробившей потолок, почти полностью разбил ее письменный стол. Стеклянная верхняя крышка стола разлетелась вдребезги. Труба была тяжелее, чем все, что когда-либо до сих пор приходилось поднимать Эйлин. Эйлин хрипела, стараясь изо всех сил, и все же сдвинула трубу. Достала из нижнего ящика стола свою сумочку, пробираясь ползком, разыскала среди обломков переносной радиоприемник. Приемник выглядел неповрежденным.

Ничего не слышно — лишь треск разрядов. Эйлин показалось, что сквозь треск все же можно расслышать какие-то слова. Кто-то кричал: «Падение Молота!» и повторял эти слова все снова и снова. Или Эйлин этот крик только казался? Не имеет значения. Все равно в этой фразе не было никакой полезной информации.

Нет, определенная информация все же есть, сам факт падения Молота — уже информация. То, что сейчас происходит, — не бедствие местного значения. Соединения тектонических плит возле Сан-Андреаса более не существует, все пришло в движение. Ладно, но в

Южной Калифорнии есть множество радиостанций, и далеко не все они расположены возле разлома. Хоть одна (а наверное, и больше) должна продолжать свои радиопередачи. Эйлин знала, что никакое землетрясение не может послужить причиной такого множества статических разрядов.

Статические разряды. Атмосферные помехи. Эйлин прошла в задние комнаты конторы. Здесь она обнаружила еще чье-то тело — кого-то из служащих склада. Что это кто-то из складских служащих, было ясно по комбинезону. И незачем видеть лицо погибшего. Как и незачем видеть грудь или то, что находится под грудью... Дверь в переулок заклинило. Эйлин потянула, дверь чуть приоткрылась, и Эйлин потянула снова. Упираясь коленями в стену, она тянула изо всех сил. Изо всех сил. Дверь открылась достаточно, чтобы можно было протиснуться. Эйлин вылезла наружу и посмотрела на небо.

В небе скручивались, вращались черные тучи. Начал лить дождь. Соленый дождь. Вспыхивали молнии.

Переулок был завален щебнем. Ее автомобиль здесь проехать не сможет. Эйлин остановилась и достала из сумочки зеркальце и носовой платок. Стерла с лица грязные полосы, оставленные слезами, и кровь. Не имеет значения, черт подери, как она выглядит, но теперь она почувствовала себя лучше.

Дождь усилился. Тьма и молнии в небе — и соленый дождь. Что это означает? В океан угодил большой обломок кометы? Тим пытался рассказать ей, что может произойти в этом случае, но она не слушала. Все эти предположения были так далеки от реальной жизни. Эйлин думала о Тиме и торопливо пробиралась вдоль переулка. Она двигалась к Аламеде — потому что только там можно будет не пробираться, а идти. И когда Эйлин все же выбралась из переулка на улицу, она не поверила своим глазам. Посреди мятущейся, забывшей о всякой власти толпы она увидела Тима.

* * *

Землетрясение забросило Тима Хамнера под его автомашину. Там он и остался, ожидая нового толчка. Потом он почувствовал запах бензина. Тогда он быстро вылез из-под машины и, не вставая с четвереньек, пополз к перекошенному тротуару.

Он слышал крики, в которых смешивались ужас и предсмертная мука. И еще он слышал треск ломающегося бетона уличных тротуаров, скрежет протыкаемых бетонными обломками металлических кузовов автомобилей, бесконечный звон падающего на землю стекла. Тим все еще не мог поверить, что все это на самом деле. Его трясло.

На разрушенной мостовой, на тротуарах лежали, раскинув руки, люди в белых балахонах, в голубой униформе, в обычной уличной одежде. Одни лежали неподвижно, другие шевелились, двигались. Некоторые люди были несомненно мертвы — тела их неестественно перекручены, раздавлены. Автомобили — одни перевернулись, другие разбились вдребезги при столкновении, третьи раздавлены обрушившимися стенами. Не осталось ни одного неповрежденного здания. Сильный запах бензина бил в ноздри Тима. Он полез было за сигаретами, но быстро отдернул руку. Затем, подумав, переложил зажигалку в задний карман. Если он захочет потом зажечь ее, ему придется вспомнить, поразмыслить. Вот именно — поразмыслить.

Выходящая на восток стена трехэтажного дома обрушилась. Разбитые кирпичи и стекло усыпали всю парковочную стоянку и часть улицы, докатившись почти до места, где только что лежал Тим. Обломок стены с торчащим из него куском оконной рамы пробил крышу машины Хамнера — как раз над сиденьями для пассажиров. Из бака тек бензин, уже натекла целая лужа, и она все расширялась.

Откуда-то донеслись крики. Тим постарался не слы-

шать их. Он не мог ни о чем думать. И действовать он не мог тоже. Из-за угла улицы выхлестнула толпа.

Впереди бежали трое в белых балахонах. Они не кричали: задыхаясь, они пытались сберечь силы. Кричали те, что бежали следом. А эти трое не кричали.

Наконец один из тех, кто в балахонах, закричал. С криком: «Спасите! Ради Бога!» он кинулся к Тиму Хамнеру.

Бандиты продолжали погоню. Взгляды их обратились на Тима Хамнера — все сразу, одновременно, и он подумал: «Сейчас они решат, что я заодно с этими». И сразу же следующая, еще более пугающая мысль: «Меня могут узнать. Узнать как человека, который придумал Молот...»

Времени оставалось слишком мало, чтобы придумать что-либо путное. Тим сунулся в багажник и вытащил оттуда портативный магнитофон. Одетый в балахон юнец мчался прямо к нему. У юнца была жиденькая светлая бородка, продолговатое его лицо было искажено от ужаса. Тим ткнул навстречу ему микрофон и громко сказал:

— На одну минуту, сэр. Как вы...

Юнец, оскорбленный и обманутый в своих надеждах, на бегу стукнул кулаком по микрофону и промчался мимо. Два других беглеца и большая часть банды тоже продолжили свой бег — бежали вдоль улицы. А улица эта кончалась тупиком. Жаль, конечно. Какие-то крепкого сложения типы, проскочив мимо Тима, кинулись к разрушенному дому — искать возможно укрывающихся там балахонщиков. А один остановился, задыхаясь, и уставился на Тима.

Хамнер поднял свой микрофон снова:

— Сэр! Как вы считаете, какова причина всего, что здесь происходит?

— Черт побери, это ясно... Дружище, эти сучьи сыны... Эти дети преградили нам дорогу... когда мы... ехали к Большому Медведю. Они... собирались остановить комету молитвой. Но у них... не получилось...

а они... мы оказались как в ловушке здесь... И мы уже перебили половину этих ублюдков...

Сработало! Почему-то никому даже и в голову не приходит, что можно убить репортера. Может быть, потому, что это тут же станет известно всем, весь мир увидит или услышит, как ты совершаешь убийство. Остальные бандиты остановились, столпились вокруг. Но не похоже, что они просто ждали, когда настанет их очередь убивать Тима Хамнера. Они ждали, когда настанет их очередь дать интервью.

— Откуда вы? — спросил один из них.

— Из «Кей-Н-Би-С», — сказал Тим. Полез по карманам, нащупывая визитную карточку, которую ему дал Гарви Рэнделл. На карточке указано: «репортер». Вот она. Тим быстрым движением вытащил ее, не забыв большим пальцем прикрыть имя и фамилию.

— Есть ли у вас связь с ними? — спросил все тот же человек. — Пусть пришлют сюда...

Тим покачал головой:

— Это записывающее устройство, а не рация. Скоро прибудут остальные из моей команды. Я на это надеюсь. — Он повернулся к первому, у которого он начал «брать интервью», бандиту: — Как вы намереваетесь теперь выбираться отсюда?

— Не знаю. Пешком, наверное. — Похоже, опрашиваемый потерял всякий интерес к убегающим детям.

— Благодарю вас, сэр. Если не возражаете, подпишите, пожалуйста... — Тим вытащил пачку анкет НБС. «Опрашиваемый» отскочил, будто это были не анкеты, а скорпионы. Поразмышлял секунду.

— Оставьте это, дружище. — Он повернулся и пошел прочь. Остальные последовали его примеру. Толпа растаяла, оставив Тима в одиночестве возле останков его автомобиля.

Хамнер сунул визитную карточку в нагрудный карман рубашки — так, чтобы она высовывалась и было видно напечатанное крупными буквами слово «Пресса» (но так, чтобы имя было не видно). Перекинул

ремень магнитофона через плечо. Еще он взял с собой микрофон и всю пачку анкет. Груз получился тяжелый и громоздкий, но — надо. Смеяться Тиму не хотелось.

Аламеда представляла собой царство ужаса. Женщина, одетая в дорогой брючный костюм, подпрыгивала — вверх, вниз! — на неподвижно распростертом теле человека, одетого в белый балахон. Тим отвел взгляд, упер его в землю. Когда он вновь огляделся, вокруг кишели люди. В руках у них — окровавленные железные прутья. Один из них резко повернулся к Тиму, нацелил ему в живот громадный пистолет. Тим сунул ему под нос микрофон:

— Извините, сэр. Каким образом вы оказались вовлечены в эту неприятную ситуацию?

Человек начал рассказывать, что с ним случилось. Он не говорил — кричал.

Кто-то тронул локоть Тима. Тим колебался, не смея отвести взгляд от человека с пистолетом, тот все говорил и говорил... Слезы ярости катились по его щекам, а пистолет все еще был направлен прямо в живот Тима. Он настойчиво заглядывал в глаза Тима. Неизвестно, что он там видел, но пока еще не стрелял...

Кто там, черт бы его побрал?

Этот «кто-то» потянул из руки Тима анкеты.

Эйлин?! Эйлин Ханкок?! Тим, не отводя, держал свой микрофон. Эйлин протиснулась ближе. Тим отдал ей анкеты.

— О'кей, шеф, вот и я, — сказала она. — Но нам трудно будет вернуться обратно...

Тим едва не упал в обморок. Эйлин не собиралась открыть толпе его подлинное лицо, благодарение Господу, у нее хватило ума не делать этого! Благодарение Господу! Тим кивнул, не отводя глаз от «интервьюируемого».

— Рад вас видеть, — сказал он углом рта. Сказал тихо, как будто не хотел мешать интервью. И он по-прежнему не улыбался.

— ...а если я увижу еще кого-либо из этих сучьих

сынов, я убью его тоже!

— Спасибо, сэр, — мрачно сказал Тим. — Не рассчитываю, что вы согласитесь подписать...

— Подписать? Что подписать?

— Анкету.

Пистолет качнулся. Теперь дуло смотрело прямо в лицо Тима.

— Ты, ублюдок!.. — закричал человек.

— Он предпочитает сохранить анонимность, — сказала Эйлин. — Сэр, вам известно, что законы, принятые в Калифорнии, защищают интервьюируемых? Известно?

— Какого...

— Никто не может принудить нас открыть, от кого конкретно мы получаем ту или иную информацию, — объяснила Эйлин. — Вам не следует беспокоиться. Таков закон.

— Ох... — Человек огляделся. Остальные бандиты уже делись куда-то. Полил дождь. Человек глянул на Тима, на Эйлин, на пистолет в своей ладони. Разрыдался. Потом развернулся и пошел прочь. Сделал несколько шагов и побежал...

Где-то закричала женщина — коротко и пронзительно. И повсюду — крики, стоны. И гром. Беспрерывный гром. Очень близкий гром. Все сильнее дул пронизывающе холодный ветер. Возле автомобиля (неповрежденного!) стояли двое мужчин — на плечах телекамеры. Невозможно сказать, сколько времени они уже находились здесь, но они походили на одинокий островок в бушующем море. Они были отдельно от всех. Точно так же, как Тим и Эйлин.

— Бандиты не любят рекламы, — сказал Тим. — Рад тебя видеть. Совсем забыл, что ты работаешь где-то здесь.

— Работала, — поправила Эйлин. Она показала на развалины здания, где помещалась контора Корригана. — Не думаю, что кому-нибудь теперь придет в голову покупать сантехническое оборудование...

— В Бурбанке никто покупать не станет, — сказал Тим. — Рад тебя видеть. На самом деле рад, и ты это знаешь... Знаешь? Что будем делать?

— Тебе виднее.

Невдалеке сверкнула молния. Грохнул гром. Холмы парка Гриффита были сплошь залиты вспышками голубого пламени.

— Надо уходить в горы, — сказал Тим. — И побыстрее.

Во взгляде Эйлин отразилось сомнение. Жестом она напомнила о молниях.

— Молния может ударить в нас, — согласился Тим. — Именно «может». Но больше шансов спастись у нас будет, если мы побыстрее оставим эту долину. Чувствуешь, какой дождь? Может быть, нужно ждать...

— Чего?

— Волну цунами, — сказал Тим.

— Господи. Она действительно может быть? Тогда идем. К горам Вердуго. Мы можем добраться до них пешком. Каким временем мы располагаем?

— Не знаю. Зависит от того, где произошло столкновение. Вернее, видимо, где произошли столкновения. — Тим сам был удивлен, насколько хладнокровно звучит его голос.

Они пустились в путь. На восток по Аламеде. Их дорога лежала туда, где началась уличная пробка, где грудой лежали тела детей кометы. Когда Эйлин и Тим подошли ближе, через перекресток с ревом пронесся автомобиль. Он мчался прямо на заправочную колонку. Свернув, выехал на тротуар. Проскочил, ободрав краску с правого бока, между стеной дома и столбом телефонной связи.

Они увидели другой автомобиль — без людей, не запертый. В замке зажигания торчал ключ. Эйлин показала Тиму на эту машину. Спросила:

— Ты хорошо умеешь водить?

— Более-менее.

— Тогда поведу ее я, — твердо сказала Эйлин. —

Я очень хорошо вожу машину. Чертовски хорошо. — Она влезла на водительское сиденье и повернула ключ зажигания. Это был старенький «крайслер», когда-то он считался роскошным автомобилем. Теперь ковры были изношены, порваны, кресельные чехлы испещрены безобразными пятнами. Когда мотор заурчал безостановочно, Тим подумал, что никогда в жизни ему не приходилось видеть более прекрасной машины.

Эйлин поехала вслед той, предыдущей машины. Колеса наехали на тело в белом балахоне, соскочили с него со стуком. Эйлин даже не замедлила ход. Пространство между стеной и столбом телефонной связи было узким, но она на скорости проскочила это место. Она была очень спокойна, хотя скорость была не менее двадцати миль в час. Когда машина проскакивала это узкое пространство, Тим затаил дыхание.

Впереди улица плавно поворачивала. Обе полосы были запружены машинами — опять пробка. Эйлин выехала на обочину, меняла направление, — ярд влево, ярд вправо, — чтобы избежать столкновения со столбами. Она мчалась по цветочным клумбам, по заботливо взлелеянным лужайкам, и наконец пробка осталась позади.

— Господи Боже, да ведь ты прекрасный водитель, — сказал Тим.

Эйлин не отвела взгляда от дороги. Она была слишком занята: приходилось объезжать всевозможные препятствия. Некоторыми из этих препятствий были люди.

— Будем предупреждать их? — спросила Эйлин.

— Принесет ли это пользу? Но будем, — сказал Тим. Он опустил боковое стекло. Дождь заметно усилился, соль разъедала глаза Тиму. — Уходите в горы! — закричал он. — Будет цунами! Наводнение! Уходите в горы! — кричал он, и лицо его обжигал пронизывающий ветер. Машина проносилась мимо, и люди смотрели вслед Тиму. Некоторые начинали пугливо озираться. А один раз Тим увидел, как какой-то мужчина, внезапно приняв решение, схватил за руку стоявшую ря-

дом женщину и кинулся к своему автомобилю.

Машина завернула за угол, и навстречу Эйлин и Тиму полыхнуло алое пламя. Горел целый квартал, никто не тушил пожар. Дома горели, несмотря на дождь. Ветер взметал в воздух языки пламени.

Потом Эйлин пришлось уменьшить скорость: улица была усыпана грудой щебня, надо было объезжать. Навстречу машине кинулась женщина, в руках у нее было свернутое в узел шерстяное одеяло. Раньше, чем Эйлин успела увеличить скорость, женщина домчалась к машине. И сунула одеяло в окно.

— Его зовут Джон! — закричала она. — Позаботьтесь о нем!

— Но... не хотите же вы...

Тим не успел закончить. Женщина повернула прочь от машины.

— Ему уже больше двух лет, — кричала она. — Джон. Джон Мейсон. Не забудьте его имя!

Эйлин вновь увеличила скорость. Тим развернул узел. Там лежал ребенок. Не шевелился. Тим потрогал — бьется ли сердце, а когда отнял руку, увидел, что она измазана кровью. Кровь была ярко-красная, очень красная кровь. И несмотря на густой соленый запах дождя, ее запах заполнял всю машину.

— Мертв, — сказал Тим.

— Выбрось его, — сказала Эйлин.

— Но...

— Мы же не собираемся съесть его. Не настолько мы голодны.

Эти слова так потрясли Тима, что он высунул ребенка в окно и разжал руки.

— Я... ощущение такое, будто я выкинул сейчас на мостовую всю мою прошлую жизнь, — сказал он.

— Думаешь, мне это все нравится? — резко сказала Эйлин. Тим испуганно посмотрел на нее. По щекам Эйлин струились слезы. — Эта женщина думает, что она спасла свое дитя. Несомненно, она так и думает. Но ничего большего мы для нее сделать не могли.

— Да, — тихо сказал Тим.

— Если... Когда... Когда мы доберемся до гор, когда мы узнаем, что происходит, тогда мы снова сможем рассуждать, как подобает цивилизованным людям. Когда станет ясно, что мы выжили, но не раньше.

— Если нам удастся выжить.

— Мы выживем, — мрачная, сосредоточенная Эйлин вела машину. Дождь усилился настолько, что она не видела дорогу. Включенные «дворники», счищающие с ветрового стекла грязь и соленую воду, не помогали.

Шоссе Голден Стейт было разрушено. И через тоннель проехать невозможно: путь преградили столкнувшиеся автомашины. Несколько легковушек и большая бензоцистерна лежали, опрокинувшись, посреди расширяющегося во все стороны озера огня.

— Господи, — сказал Тим. — Значит... но разве мы не остановимся?

— Чего ради?— Эйлин свернула влево и повела машину параллельно шоссе. — Тот, кто собирается выжить, должен как можно скорее убраться отсюда.

Машина ехала между домами. Дома здесь в большинстве остались неповрежденными. Эйлин и Тим почувствовали облегчение: хотя бы недолго не видеть разрушения, раненых, мертвых. Эйлин разыскала другой тоннель и направила машину к нему.

Дорога была перегорожена шлагбаумом. Но кто-то сломал его. Эйлин направила автомобиль в тоннель. Когда автомобиль выехал из тоннеля, из-за завесы дождя навстречу им вылетела чья-то машина. *Промчалась* мимо, завывая сиреной.

— Кому это понадобилось ехать не из долины, а наоборот, в долину?— Тим был изумлен. — Зачем?

— Из-за жен. Из-за любовниц. Из-за детей, — сказала Эйлин.

Дорога шла вверх. Когда путь преграждали перекореженные, попавшие в аварию автомобили или рухнувшие дома, Эйлин сворачивала влево, неизменно

выдерживая курс на северо-восток. Проехали мимо развалин больницы. В развалинах под дождем ковырялись полицейские в голубой форме и медсестры в промокших до нитки белых халатах. Один из полицейских прекратил работу и посмотрел в сторону машины. Тим высунулся из окна.

— Уходите в горы! Наводнение! — истошно закричал он. — Цунами! Уходите в горы!

Полицейский махнул рукой и вновь принялся копаться в развалинах.

Тим неотрывно смотрел на извилистые пятна, покрывающие ветровое стекло. Ему было скверно. Он мигал: его слепили слезы.

Эйлин глянула искоса на Тима. Оторвав на мгновение руку от рулевого колеса, коснулась его руки.

— Мы ничем не могли им помочь. У них есть автомашины, а народу там много...

— Наверное. — Он и сам не знал, верит ли этому.

Кошмарный путь продолжался. Дорога вела вверх — к горам Вердуго. Автомобиль проезжал мимо покрытых штукатуркой домов — обрушившихся, горящих, оставшихся неповрежденными. Проехали мимо рухнувшего здания школы. Если кто-нибудь попадался навстречу, Тим кричал свое предупреждение. Ему от этого делалось чуть легче. Но машина по-прежнему мчалась не останавливаясь.

Тим глянул на свои часы. Невероятно, но с тех пор, как он увидел ту яркую вспышку, прошло менее сорока минут. И он пробормотал:

— Сорок минут. До начала действий — сорок минут. Отсчет.

* * *

Из центра Мексиканского залива с бешеной скоростью, расширяясь, понеслась круговая волна.

Она мчалась со скоростью 760 миль в час. Когда

волна достигла мелководья у побережья Техаса и Луизианы, нижние ее слои изменили направление и скорость своего бега. Громадные массы воды напирали сзади, волна росла все выше и выше, и — чудовищная стена в полкилометра высотой обрушилась на побережье и затопила его.

Под несущей уничтожение волной исчезли Галвестон и Техас-Сити. Затопляя все, масса воды мчалась на запад — к Хаустону. Она несла с собой обломки зданий. По дуге — от Браунсвилля, штат Техас, до Пасадены, штат Флорида, — волна сметала все. По низменноетям, по руслам рек — вода выискивала всякую дорогу в глубь материка. Она словно стремилась подальше убежать от огненного ада, пылающего на дне Мексиканского залива.

Гигантская волна промчалась вдоль западного побережья Флориды. Затем волна пошла поперек побережья. Она уносила с собой громадное количество песка. Там, где прошла волна, появились глубокие нерукотворные каналы — великое множество каналов, соединивших залив с Атлантическим океаном. В грядущих веках Гольфстрим окажется холоднее и менее мощным, чем раньше.

Непредсказуемо вели себя воды, затопившие Флориду. То отклонившийся в сторону поток вновь сливался с основной массой бешено мчащейся воды, и волна делалась еще выше. То волна шла столь извилистым путем, что часть Окефенокских болот осталась незатронутой наводнением. Гавана и Флоридские рифы исчезли под водой мгновенно. *Майами выпала часовая* отсрочка. Но примчалась волна, выброшенная Атлантическим океаном, она столкнулась с теряющей разбег волной из залива, осилила ее — и обрушилась, уничтожая все, на города восточного побережья Флориды.

Через только что образовавшиеся пересекающие Флориду каналы воды Атлантического океана влились в Мексиканский залив. Чаша залива не могла вместить такую массу воды, и вновь — к северу и на запад,

через уже затопленные земли — устремились гигантские волны. Одна волна покатилась вдоль русла Миссисипи. Когда она миновала Мемфис, высота ее составляла сорок футов над уровнем моря.

* * *

Всю ночь Фред Лаурен провел у окна. Решетка не мешала видеть небо. Фреда сфотографировали, сняли отпечатки пальцев, а потом сунули в одиночную камеру, где и оставили пока что. Днем, к полудню, его переведут в лос-анджелесскую тюрьму.

Фред рассмеялся. К полудню никакой лос-анджелесской тюрьмы уже не будет. Как и не будет самого Лос-Анджелеса. Никогда уже его, Фреда, не смогут оставить наедине с теми, другими мужчинами. Нахлынули тут же воспоминания о тех, других заключенных, но Фред выбросил эти воспоминания из головы. Ему хотелось думать о чем-нибудь хорошем.

Он вспомнил Коллин. Он пришел к ней не просто так — с подарками. Он ведь хотел только поговорить. Коллин испугалась, увидев его, но он оказался в квартире раньше, чем она успела захлопнуть дверь. А принесенные им подарки были очень даже неплохи, так что она разрешила ему постоять у двери — пока она на противоположном конце комнаты рассматривает драгоценности, перчатки и красные туфельки. А потом ей захотелось узнать, откуда он знает ее размеры, и он рассказал.

Он все говорил и говорил, и через какое-то время Коллин настроилась на добрый лад. Она пригласила его присесть. Потом она предложила ему выпить. Они все беседовали и беседовали, и она выпила уже две порции, а потом выпила еще. Ей было приятно, что он так много о ней знает. Разумеется, Фред не рассказал

ей о телескопе, но он рассказал ей, что знает, где она работает, и где она делает покупки. И он говорил ей, как она прекрасна...

Об остальном Фреду вспоминать не хотелось. Не хотелось вспоминать, как она опьянела. И как она сказала, что, хотя они только что познакомились, ей кажется, что она знает его уже давным-давно. И конечно же, он хорошо, на самом деле хорошо знает ее, хотя она об этом не подозревала. А потом она спросила, не хочет ли он остаться.

Шлюха. Как и все они — шлюха. Нет, она на самом деле не такая, она действительно полюбила его, он знал, что она его полюбила, но зачем она рассмеялась, а потом закричала, зачем она сказала ему, чтобы он убирался?..

НЕТ!

Фред каждый раз запрещал себе вспоминать, что произошло дальше. Он поглядел в небо. Там — комета. Хвост кометы, сверкая, раскинулся через все небо. Зрелище очень походило на картинки, которые Фред видел в астрономических журналах. Небо поголубело: начинался рассвет. Но небольшой участок западной части неба продолжал сверкать: комета просматривалась сквозь облака. А внизу по улицам шли люди, — дураки, разве они не знают?

В камеру Фреда принесли завтрак. Тюремщики не пожелали разговаривать с ним. Даже надзиратели и те относятся к нему, как...

Они знают. Знают. Полицейские врачи, конечно, уже осмотрели ее и поняли, что она не... что он не смог, он пытался, но не мог, а она смеялась, и он знал, что нужно сделать, чтобы он смог, но он не хотел этого, а она все смеялась, и тогда он начал кусать ее, кусать до тех пор, пока она не закричала, и он смог — и мог, но только пока она продолжала кричать!

Фред оборвал воспоминания. Он обязан был оборвать их — до того, как вспомнит, как выглядело лежащее на кровати тело. Лягавые заставили Фреда уви-

деть его. Один лягавый вывернул ему руку и ломал пальцы, пока Фред не открыл глаза и не посмотрел, а ему не хотелось этого. Как же они не понимали, что он любил ее, что он не хотел?..

За домами по ту сторону улицы небо вспыхнуло странным сиянием. Вспыхнуло где-то слева, в юго-восточном направлении, далеко. Сияние угасло, прежде чем Фред успел что-либо толком разглядеть. Но Фред улыбнулся. Итак, это случилось. Теперь осталось недолго.

— Эй, Чарли! — воззвал издалека пропитой голос. — Чарли!

— Чего? — отозвался надзиратель.

— Что там творится, мать его так? Кино снимают, что ли?

— Сам не могу понять. Спроси у сексуального маньяка, у него окно выходит на западную сторону.

— Эй, секс-маньяк...

Стены и пол вдруг резко подпрыгнули. Фред оказался в воздухе, он летел... Он выкинул вперед руки, защищая голову от мчащейся навстречу стены. Стена с маху ударила по рукам, Фред взвыл. Левый локоть пронзила страшная боль.

Пол, похоже, сделался устойчивым. Тюрьма была построена надежно, от толчка ничего не разрушилось. Фред пошевелил левой рукой и застонал. Прочие заключенные кричали. Один кричал от боли: должно быть, его сбросило с верхней койки. Не обращая внимания на эти крики, Фред стонал. Глядел в окно и стонал. Ему было очень страшно. Неужели это все? Неужели?!

Обычный день, но... тучи. Господи, как быстро мчатся тучи! Они крутились, словно в водовороте, они образовывались и исчезали, мчались к северо-западу. Более спокойный нижний слой облачности — в нем тучи выглядели более стабильно — начал перемещаться к юго-западу. Все это было не то, чего ожидал Фред. Он ведь ожидал, что все мгновенно будет охвачено

пламенем. Светопреставление должно происходить так, как положено.

Небо потемнело. Оно сплошь было затянуто черными тучами. Тучи бешено крутились, перемещались, освещались беспрерывными вспышками молний. Вой ветра и раскаты грома не могли заглушить воплей заключенных.

Вот он каков, конец света: слепящие вспышки и беспрерывные раскаты грома.

Фред пришел в себя и обнаружил, что лежит на полу. Локоть страшно болел. Это молния... должно быть, молния ударила в тюрьму. В коридоре было темно и снаружи было темно, и все же что-то разглядеть было можно — в сюрреалистических вспышках молний, следующих одна за другой, словно по заведенному образцу.

Вдоль камер двигался Чарли. В руках у него была связка ключей. Он выпускал заключенных одного за другим. Чарли открывал камеры, заключенные выходили и шли по коридору. Мимо камеры Фреда Чарли прошел не останавливаясь. Двери всех камер были уже открыты. Кроме камеры Фреда.

Фред завизжал. Чарли даже не оглянулся. Он дошел до конца блока камер, вышел, спустился по лестнице.

Фред остался в полном одиночестве.

* * *

Эрик Ларсен не оглядывался по сторонам, ни вправо, ни влево. Шел большими шагами, огибая мертвых и раненых. На призывы о помощи он не обращал внимания. Он мог бы помочь людям, но им двигало лишь одно всепоглощающее побуждение. Холодный блеск глаз Эрика и небрежно выставленный вперед ствол дробовика отбивали охоту заступать ему дорогу.

Другие полицейские навстречу ему не попадались.

А на прочих он едва ли обращал внимание. Некоторые люди помогали раненым, другие безутешно рассматривали руины, оставшиеся от их домов, мастерских, магазинов, третьи бежали куда-то — и сами не знали куда.

Сейчас эти люди ни в малейшей степени не интересовали Эрика. Они все были приговорены к смерти. Точно так же, как к смерти был приговорен и сам Эрик.

Он мог бы раздобыть себе автомобиль и удрать на нем в горы. Эрик видел проносившиеся мимо машины. Видел Эйлин Ханкок — в старом «крайслере». Если бы она остановилась, Эрик, возможно, уехал бы с ней. Но она не остановилась, и Эрик был этому только рад, поскольку, значит, то, что он решил, будет выполнено.

Но предположим, то, что он решил, — не нужно. Предположим, он не нужен. И то, что он задумал, — бессмысленная затея. Неизвестно: заранее ответ предугадать невозможно.

Но мне бы все же следовало найти себе машину, подумал он. Покончив с этим делом, я получил бы какой-то шанс спастись. Нет, уже слишком поздно. Уже видны полицейский участок и дом городского совета. Вон и тюрьма. Похоже, людей нигде нет. Эрик вошел в здание тюрьмы. Под обломками огромного шкафа, стоявшего раньше у стены, лежала женщина-полицейский. Мертвая. Больше никого не было — ни живых, ни мертвых. Эрик шел в глубь тюрьмы — мимо картотеки, вверх по лестнице. Вот и блок камер. Там было тихо.

Значит, все-таки это была бессмысленная затея. Приход Эрика сюда оказался ненужным. Эрик уже хотел спуститься обратно по лестнице, но остановился. Уже совсем тогда бессмысленно было добираться сюда, в такую даль, чтобы уйти, не удостоверившись полностью.

Говорили, что вслед за падением Молота нужно ждать цунами. В тюрьме Бурбанка должны были находиться люди, угодившие сюда по милости Эрика Ларсена. Пьянчуги, мелкие воришки, юные бродяги, ут-

верждающие, что им уже исполнилось восемнадцать, но выглядевшие гораздо моложе. Их нельзя оставить просто так, чтобы, запертые в своих камерах, забытые, они захлебнулись, утонули... как крысы. Они этого не заслуживали. Эрик обязан выпустить их — это его долг.

Решетчатая дверь, перегораживающая выход с лестницы, была открыта. Эрик шагнул в блок, вытащил фонарь, чтобы разогнать тьму. Двери камер были открыты — все кроме одной.

Всех кроме одной. Эрик подошел к этой камере. В ней — спиной к коридору — стоял Фред Лаурен. Правой рукой он нянчил левую. Лаурен неотрывно смотрел в окно. Он не обернулся, когда на нем остановился луч фонаря Эрика. Эрик на мгновение замер, разглядывая Лаурена.

Ни один человек не заслуживает, чтобы его оставили утонуть, словно крысу, забытую в клетке. Ни один человек этого не заслуживает. Вот именно — «человек». Не заслуживают этого ни воры, ни пьяницы, ни бродяги...

— Повернись, — приказал Эрик. Лаурен даже не пошевелился. — Повернись, или я прострелю тебе колени. Тебе будет очень больно.

Фред заскулил и повернулся. Он увидел нацеленное на него дуло дробовика. Полицейский отвел луч фонаря в сторону, направил на себя, чтобы Фред мог его видеть.

— Ты знаешь, кто я? — спросил полицейский.

— Да. Вы не дали тому, другому полисмену бить меня прошлой ночью. — *Фред подвинулся ближе. Глаза* его уставились на ружье. — Это... для меня?

— Я принес его сюда из-за тебя, — сказал Эрик. — Я пришел, чтобы освободить остальных арестованных. Но тебя я освободить не могу. Поэтому дробовик я принес для тебя.

— Наступает конец света, — сказал Фред Лаурен. — Конец всему. Ничего не останется. Но... — он всхлип-

нул, рыдания клокотали у него в горле. — Но когда он наступит? Если бы... Пожалуйста, вы должны сказать мне. Она уже мертва? Уже мертва? Она бы не могла пережить конца света. Она должна была умереть... и я уже никогда не смогу поговорить с ней!...

— Поговорить с ней! — Эрик в ярости нацелил ружье. Он видел спокойно ждущего Фреда Лаурена и видел кровать, на которой лежало тело девушки, видел ее квартиру, видел ее трогательно маленький гардеробный шкафчик. Запах горячей крови ударил в ноздри Эрика. Палец его напрягся на спусковом крючке. Напрягся — и расслабился. Он опустил ствол ружья.

— Пожалуйста, — сказал Фред Лаурен. — Пожалуйста...

Эрик быстро вскинул ружье... он никогда раньше и не подозревал, что у дробовика такая сильная отдача.

5

В забитом народом помещении грохотали атмосферные помехи. Бесформенные цветные кляксы густо прыгали на огромном экране телевизора. И все же двадцать мужчин и женщин неотрывно смотрели на экран. Смотрели, как вспыхивают и гаснут огни над Атлантическим океаном, над Европой, над Северо-Западной Африкой и Мексиканским заливом. Лишь Дан Форрестер продолжал работать. Он сидел за пультом управления компьютером. Над пультом — экран. На экране — начерченная компьютером карта Земли. Форрестер старательно анализировал последние сведения, полученные ИРД, отмечая на диаграмме места столкновений, вводил данные в машину. Вычислял.

Чарльз Шарпс подумал, что его должны были бы заинтересовать результаты вычислений Форрестера. Но никакого интереса он не ощущал. Он поглядел на ок-

ружающих. Приоткрывшиеся рты, выпученные глаза. Каждый, упираясь ногами, вдавил себя как можно глубже в кресло. Люди непроизвольно старались отодвинуться подальше от пультов управления и ослепительно сверкающих экранов, будто те представляли опасность. Лишь Форрестер работал — движения его были скупы, точны, он печатал, считывал результаты и печатал снова...

— Падение Молота, — сказал сам себе Шарпс. И что теперь, черт возьми, мы можем сделать? Он не мог ни о чем думать, окружающая обстановка действовала на него угнетающе. Он оставил свое место и подошел к длинному, стоящему возле стены, столу. На столе были банки с кофе, молоком. Шарпс налил себе чашку. Задумчиво посмотрел на нее и поднял в шутливом приветствии.

— За судьбу, — сказал он негромко. Остальные начали подниматься со своих кресел. — За судьбу, — повторил Шарпс.

Судьба. Страшный суд. Человек гордился созданной им цивилизацией, — и какая сейчас от нее польза? Наступает ледниковый период. Огненный период. Период Топора. Период Волка... Шарпс обернулся и увидел, что Форрестер, оставив свое кресло, идет к двери.

— Что? — спросил Шарпс.

— Землетрясение, — Форрестер быстрым шагом продолжал идти к выходу. — Землетрясение, — он сказал это громко: так, что все могли слышать. Люди кинулись к двери.

Доктор Чарльз Шарпс налил почти полную чашку. Поставил ее под кран и добавил холодной воды. Кофе мохаджава, его приготовили меньше часа назад и доставили сюда в термосе. Просто жаль разбавлять его водой. Но зато теперь он стал достаточно холодным, чтобы его можно было пить. Сколько пройдет времени, прежде чем корабли снова начнут пересекать океаны? Годы, десятилетия? Никогда? Возможно, никогда больше Шарпсу не доведется испробовать вкус кофе.

Он в четыре глотка осушил чашку и бросил ее на пол. Чашка из небьющегося фарфора упала, подпрыгнула и покатилась к пульту управления компьютером. Шарпс пошел к двери.

Его коллеги вслед за Форрестером спешили к выходу. Как раз в этот миг за спиной Дана закрылись стеклянные двери, ведущие на улицу. Эта его переваливающаяся походка: Дан Форрестер никогда не был спортивным типом, но наверняка он мог бы двигаться быстрее. Значит, еще есть время? Шарпс побежал — чтобы догнать Форрестера.

— Парковочная стоянка, — сказал, отдуваясь. Дан. — Осторожнее...

Шарпс замедлил шаг. Он приходил в себя. Дан балансировал на одной ноге. Земля ощутимо вздрогнула. «Ну, если так, то это не так плохо, — подумал Шарпс. — Здания даже не пострадают...»

— Скорей! — сказал Форрестер и побежал к парковочной стоянке. К стоянке вела — снизу вверх — длинная бетонная лестница. Не добежав до верха, Дан остановился, тяжело дыша. Шарпс подставил плечо ему под руку и помог Форрестеру пройти остаток пути. Добравшись до верха. Дан повалился ничком. Шарпс с жалостью наблюдал за ним.

Форрестер пыхтел, пытаясь что-то сказать, но это ему не удавалось. Он слишком вымотался. Тогда он поднял руку и показал ладонью сверху вниз: садитесь.

Слишком поздно. Земля дрогнула под ногами. Шарпс упал. Затем понял, что его откатило к лестнице. Раздался звук бьющегося стекла, но когда Шарпс оглянулся на здание ИРД, он не увидел никаких явных повреждений. Далеко внизу из дома Центра фон Кармана начали выбегать репортеры, но после первого несильного толчка многие остановились. Некоторые повернули обратно.

— Скажите им... пуф-пуф... скажите им, пусть они выйдут из здания, — сказал Форрестер. — Худшее еще впереди...

— Будет большой толчок! — крикнул Чарльз Шарпс репортерам. — Все выходите наружу! — Он узнал сотрудника «Нью-Йорк таймс». — Пусть они выйдут наружу! — закричал ему Шарпс.

Обернувшись, он увидел, что Форрестер уже встал на ноги и торопливо движется в глубь стоянки, подальше от автомобилей. Никогда еще Шарпс не видел, чтобы Форрестер двигался так быстро.

— Скорее! — крикнул Шарпс своим товарищам. Из здания ИРД выбегали люди — мужчины и женщины. Некоторые бежали к стоянке, по направлению к Шарпсу. Другие бесцельно закрутились между домами, не зная, куда идти. Шарпс яростно жестикулировал. Потом он посмотрел на Форрестера. Тот выбрался на открытое пространство и сел наземь...

Шарпс повернулся и побежал к Форрестеру. Добежал и кинулся ничком на асфальт. Какое-то мгновение ничего не происходило.

— Первый толчок... эта волна дошла по земле... как результат удара, пришедшегося в Долину Смерти, — пыхтел Форрестер. — Потом... волна от удара в Тихий океан. Не знаю, сколько еще ждать...

Земля застонала. Птицы взлетели в воздух. Повеяло ощущением неминуемой гибели. В дальнем конце стоянки показалась группа людей, они только что поднялись по лестнице и направлялись к Форрестеру и Шарпсу.

Земля застонала снова. Взревела.

— Сан-Андреас, — сказал Форрестер. — Там сейчас начинается движение. Этого и следовало ожидать. Энергия — сто мегатонн. Может быть, больше.

По лестнице поднялось с полдюжины человек. Двое направились к Шарпсу и Форрестеру. Остальные разыскивали свои машины.

— Пусть они уйдут оттуда, — пыхтел Форрестер.

— Выйдите на открытое пространство! — кричал Шарпс. — Подальше от лестницы! Уходите!

На верхней площадке лестницы появилась телека-

мера. Камеру волок мужчина, сопровождаемый женщиной. Сзади шло еще несколько человек. Телевизионщики двинулись через парковочную стоянку...

Земля закачалась. От первого толчка люди попадали наземь. А от следующих — через две-три секунды — зашатались здания. Земля снова взревела, снова к реву приметались другие звуки: крики, звон бьющегося стекла, треск разламывающегося бетона, а затем звуки потеряли всякую определенность, и началось царство беспорядочного кошмара. Шарпс, сидя, попытался выпрямиться и оглянуться на здание ИРД, но в мире уже не осталось ничего твердого. Асфальт качался и плыл волнами. Горячая мостовая со скрипом ползла куда-то в сторону — Шарпс нелепо закувыркался. Потом мостовая застыла на миг. И снова задергалась. И весь мир был заполнен треском, ревом и криками.

Наконец все закончилось. Шарпс сел и попытался сфокусировать зрение. Мир изменился. Шарпс посмотрел вверх — на горы Анджелес — и увидел, что их вершины изменились. Не очень, но все же изменились. Рассмотреть что-то большее Шарпс не успел. Какой-то звук раздался за его спиной, он обернулся и увидел, что часть стоянки исчезла, а оставшийся участок изогнут под самыми невозможными углами. Многие автомашины исчезли: их поглотила пропасть, разверзшаяся между Шарпсом и лестницей... но ведь нет уже никакой лестницы. Она тоже рухнула в пропасть. Оставшиеся на стоянке машины с лета наезжали друг на друга — словно дерущиеся звери. И сплошной грохот, в котором сливались все звуки. Грохот, издаваемый автомобилями, зданиями, скалами.

На Шарпса тяжеловесно катился «фольксваген». Он походил на стальное перекати-поле, он приближался, он делался все огромнее... Шарпс закричал, он попытался убежать с пути машины. Но не смог устоять на ногах. Шарпс упал, пополз. И увидел, что «фольксваген» кувыркается, превращаясь в кучу раскрашенного металла: «фольксваген» налетел на «линкольн»... и

снова он был размером всего лишь с «фольксваген».

Вон еще один маленький автомобиль опрокинулся, и кто-то, сбитый, лежал под ним. О Господи, да ведь это Чарлин, и нет никакой возможности добраться к ней. Внезапно Чарлин замерла, перестала шевелиться. Земля продолжала трястись и стонать, шла разломами и трещинами. Большая часть парковочной стоянки отвалилась в сторону. А потом медленно обрушилась вниз, унося Чарлин и убивший ее автомобиль. Шарпс уже не слышал рева. Он оглох. Он неподвижно лежал на трясущейся земле — ждал конца.

Башня, возвышавшаяся в центре ИРД, исчезла. Вместо нее осталась лишь куча, в которой перемешались стекло, бетон, куски перекрученного металла, обломки компьютеров. Центр фон Кармана тоже превратился в руины. Одна стена обрушилась, и Шарпс видел автоматический лунный отсек, металлического паука, который должен был отправиться на Луну для исследования ее поверхности. Космический аппарат выглядел совершенно беспомощным под обрушившейся крышей. И сразу обрушились и остальные стены, похоронив под собой и аппарат, *и помещения научного* прессцентра.

— Когда ж это кончится?! Когда?! — закричал кто-то. Шарпс едва смог расслышать этот крик.

Наконец тряска начала стихать. Шарпс продолжал неподвижно лежать. Ему не хотелось испытывать судьбу. От парковочной стоянки осталось немного, и это немногое превратилось в крутой откос с горбом посредине. Теперь у Шарпса было время на то, чтобы подумать, кто же там стоял на лестнице за спинами телеоператоров. Впрочем, сейчас это уже не имело значения. Те люди исчезли вместе с телевизионщиками. Все, кто находился в радиусе пятидесяти футов от лестницы, исчезли. Их погреб оползень, похоронили обломки автомобилей.

День начал темнеть. Просто на глазах темнеть. Шарпс посмотрел на небо.

Черная завеса, крутясь, затягивала небо. И в черных, беспорядочно мечущихся тучах вспыхивали молнии — множество молний, одновременно десятки и сотни.

* * *

Вспыхнувшая молния расколола видневшееся справа дерево. Без малейшего промежутка ударил оглушительный раскат грома, в воздухе запахло озоном. Холмы впереди были опоясаны множеством молний.

— Ты знаешь, куда мы едем? — спросил Тим Хаммер.

— Нет, — Эйлин, не снижая скорости, гнала машину вдоль пустых, залитых дождем улиц. — Где-то там должна быть дорога, ведущая в горы. Я там бывала пару раз.

Слева стояли дома, в основном они остались неповрежденными. Справа виднелись горы Вердуго. Маленькие улочки, квартала на два, кажется, уходили в глубь гор, и в начале каждой улочки был вывешен знак «тупик». Если бы не дождь и не молнии, все здесь выглядело бы так, как обычно. Дождь был вездесущ. На домах, в основном старых, оштукатуренных, выстроенных в испанском стиле, видимых повреждений не было.

— Ага! — закричала Эйлин. Она круто свернула направо. Асфальтовая дорога, извиваясь, шла у подножия высокого утеса. Этот утес был далеко выдвинутым отрогом видневшихся впереди гор — гор, омытых дождем и светом молний. Извилистая дорога вела все вперед и вперед, и вскоре уже ничего нельзя было разглядеть, кроме неясно вырисовывающихся впереди гор и — слева — площадки для игры в гольф. Не было видно ни людей, ни машин.

Поворот, снова поворот, и Эйлин нажала на тормоза. Автомобиль забуксовал, остановился. Дорогу преградил оползень. Обломки камней и грязь — футов десять в высоту, может быть, больше.

— Пойдем пешком, — сказал Тим. Он посмотрел на сверкающие впереди молнии, поежился.

— Дорога продолжается далеко отсюда, — сказала Эйлин. — Может быть, до самой вершины гор. — Она показала налево, на проволочный забор, ограждающий площадку для гольфа. — Нужно проделать дыру в этом заборе.

— Чем? — спросил Тим, но все же вылез из машины. Дождь почти мгновенно вымочил его до нитки. Тим беспомощно застыл. Эйлин вылезла с другой стороны и вытащила из багажника набор гаечных ключей.

Потом она достала домкрат, несколько осветительных ракет и старый дождевик. Дождевик был весь в масле, будто им вытирали двигатель. Эйлин отсоединила рукоятку домкрата.

— Попробуй этим. Тим, у нас не так много времени...

— Знаю.

Хамнер взял тонкий металлический стержень и подошел к забору. Он стоял беспомощно, постукивая по сетке рукояткой. Задача казалась невыполнимой. Он услышал, как хлопнула сетка багажника, затем хлопнула дверца. Затем — шум включенного двигателя.

Тим испуганно обернулся, но машина не двигалась. Он не мог разглядеть лица Эйлин: *мешали дождь и залитое водой ветровое стекло. Неужели она решила* бросить его здесь?

Для пробы он сунул рукоятку домкрата между проволокой и опорным столбом забора. Нажал, качнул. Ничего не произошло. Тим нажал изо всех сил, навалился на рычаг всем своим весом — и что-то там поддалось. Он поскользнулся, грохнулся прямо на забор, и почувствовал, как отогнувшаяся острая проволочка насквозь проткнула его мокрую одежду. Проволочка

оцарапала кожу, и соль попала в ранку. Тим сгорбился от боли и безнадежности. Он опять ощущал себя беспомощным.

— Тим! Как дела?

Он хотел обернуться и крикнуть ей в ответ. Он хотел сказать ей, что все бесполезно, что он — ничтожество, что он порвал костюм, и что...

Вместо этого он, нагнувшись, снова пустил в ход рукоятку домкрата. Он раскачивал ее из стороны в сторону, действовал ею как рычагом — и наконец оторвал проволоку от столба. Затем снова, снова, и вдруг он обнаружил, что сетка в этом месте уже полностью оторвана. Он отошел к следующему столбу и взялся за работу опять.

Эйлин двинула с места машину. Нажала на гудок и крикнула: «В сторону!» Съехав с дороги, автомобиль подкатил к забору и таранил его. Проволочная сетка оторвалась от столба, упала на траву. Машина поехала по ней. Мотор работал на больших оборотах.

— Залезай в машину! — крикнула Эйлин.

Тим побежал к автомобилю. Машина не полностью остановилась, и похоже было, что Эйлин вообще не собирается останавливать ее. Тим добежал, распахнул дверь и плюхнулся на сиденье. Эйлин повела машину по открывшемуся проезду. Колеса оставляли глубокие борозды. Машина выехала на лужайку и, разрывая ее заботливо взлелеянную поверхность, поехала по ней.

Тим рассмеялся. Смех его был с оттенком истерики.

— Что? — спросила Эйлин, не отводя глаз от дороги.

— Мне вспомнилось, как одна дама прошлась по лужайке лосанджелесского «Кантри-клуба». Туфли у нее были на каблуках-гвоздиках, — сказал Тим. — Распорядитель чуть не умер! Я думал, что понимаю, что такое падение Молота и что оно означает. Но выходит, не понимал. Только сейчас понял, когда ты поехала прямо по лужайке.

Эйлин ничего не ответила, и Тим уставился в ветровое стекло. Настроение у него было скверное. Сколько человеко-часов ушло на то, чтобы создать такую клумбу-лужайку, лужайку с подобной безупречной поверхностью? Даст ли когда-либо кто-нибудь себе труд создать такую лужайку? Тиму вновь ужасно захотелось рассмеяться. Если бы в машине были клюшки для гольфа, можно было бы выйти и, установив мяч, сделать удар...

Эйлин проехала через всю площадку и вывернула обратно на дорогу, ведущую в горы. Вокруг были густые заросли, по сторонам — высокие холмы. Машина проехала площадку для пикников. На площадке расположились бойскауты. Бойскауты установили на площадке палатку. Было такое впечатление, что они о чем-то спорили со своим руководителем. Тим открыл окно.

— Избегайте низменностей! — закричал он.

— Что происходит там, внизу? — спросил руководитель скаутов.

Эйлин замедлила ход, остановилась.

— Пожары. Наводнения. Уличные пробки, — сказал Тим. — Там ничего нет, из-за чего бы вам захотелось спуститься вниз. И долгое время не будет. — Он наклонился ближе к руководителю. — Оставайтесь здесь. Хотя бы на сегодняшнюю ночь.

— Наши семьи... — сказал руководитель.

— Откуда вы?

— Из Студио-Сити.

— Вы не сможете сейчас добраться туда, — сказал Тим. — В долине уличное движение нарушено полностью. Дороги забиты, шоссе разрушены, много пожаров. Лучшее, что вы можете сделать для ваших семей, — это оставаться пока здесь. Здесь вы в безопасности.

Мужчина кивнул. У него были большие темные глаза. И искреннее, с резкими чертами лицо. Подбородок его порос рыжей щетиной.

— Я уже говорил детям то же самое. Джули-Энн, ты слышала? Твоя мать знает, где мы находимся. Если

дела там, внизу, действительно обстоят плохо, за нами пошлют полицейских. Нам лучше оставаться здесь. — Он понизил голос. — После этого землетрясения, мне кажется, придется развернуть широкое строительство. Разрушений много?

— Много, — сказал Тим. И отвернулся. У него не было сил глядеть в глаза руководителю скаутов.

— Тогда мы останемся здесь еще на день, — сказал руководитель. — В дорогу двинемся, может быть, завтра. Несмотря на то, что дети совершенно не имеют защиты от этого дождя. Никто не ожидают, что в июне пойдет дождь. Может быть, нам все же следовало бы спуститься. Идти в Бурбанк и остановиться в чьем-либо доме. Или в церкви. Мы нашли бы приют...

— Не делайте этого, — настойчиво сказал Тим. — Пока что не делайте. Эта дорога ведет к вершине?

— Да. — Руководитель придвинул свое лицо к лицу Тима. — Почему вы стремитесь туда? — Он махнул рукой в сторону молний, вспыхивающих над горными пиками. — Почему?

— Надо, — сказал Тим. — А вы оставайтесь здесь. Хотя бы на сегодняшнюю ночь. В путь, Эйлин.

Ничего не сказав, Эйлин тронула машину с места. Развернулась, объезжая оставшегося стоять на дороге руководителя скаутов.

— Я ничего не могла сказать ему, — пробормотала Эйлин. — Они здесь в безопасности?

— Наверное, так. Здесь уже достаточно высоко.

— Вершина расположена на высоте примерно три тысячи футов, — сказала Эйлин.

— Мы ниже ее не более чем на тысячу футов, — сказал Тим. — Мы в безопасности. Может быть, лучше было бы подождать здесь, пока не прекратится это молниевое изобилие. Если только оно когда-нибудь прекратится. Потом мы сможем продолжать путь. Или повернуть обратно. Куда мы попадем, если продолжим путь?

- В Туджунгу, — сказала Эйлин. — Это на высоте

добрых тысячи восемьсот футов над уровнем моря. Если здесь мы в безопасности, там будем в безопасности тоже. — Она продолжала вести машину все дальше в горы.

Тим нахмурился. Он никогда не обладал хорошим чувством направления, а в машине не было карты.

— Моя обсерватория расположена в каньоне Большой Туджунги... По крайней мере, эта дорога выведет нас туда. Кажется, я ездил этой дорогой. А в обсерватории есть запасы пищи и всякого снаряжения, в том числе и спасательного.

— Страх Молота? — поддразнила Эйлин. — У тебя?

— Нет. Просто на тот случай, если тебя отрежет от внешнего мира. Несколько раз там случались снежные обвалы. Однажды я там просидел больше недели. Вот я и запасся как следует. Куда мы едем? Почему ты не останавливаешься?

— Я... Не знаю. — Эйлин продолжала вести машину дальше. Но медленнее — машина почти ползла. Дождь утихал. Он все еще лил, сильный для Лос-Анджелеса дождь, никогда не слышали, чтобы летом шел такой дождь, и все же сейчас это был дождь как дождь, а не потоп, льющийся с неба. Как бы сменяя его, усилился ветер, он выл, проносясь по ущелью, визжал так, что Эйлин и Тиму приходилось кричать. Но поскольку ветер дул беспрерывно, они скоро перестали обращать на него внимание.

Еще один поворот, и машина оказалась на высоко расположенном уступе, отсюда было видно в южном и западном направлениях. Хотя была опасность, что машина соскользнет с откоса, Эйлин остановилась. Выключила двигатель. Был ветер, в небе сверкали молнии. Из-за дождя долина Сан-Фернандо была почти не видна, но иногда ветер создавал узкие разрывы в завесе дождя, и можно было — хоть и плохо, расплывчато — что-то рассмотреть. Долина была усеяна горящими оранжевым светом огнями. Множество огней.

— Что это? — громко спросила Эйлин.

— Дома. Заправочные станции. Запасы нефтепро-

дуктов. Автомашины, здания, перевернувшиеся автоцистерны — все, что может гореть.

— Дождь и огонь. — Хотя в машине было тепло, Эйлин поежилась. Ветер взвыл снова.

Тим потянулся к ней. На миг она отшатнулась, затем прильнула к нему, уронив голову ему на грудь. Так они и сидели, слушая вой ветра, глядя на просвечивающие сквозь завесу дождя языки оранжевого пламени.

— Мы доберемся туда, — сказал Тим. — В обсерваторию. Доберемся. Осталось недалеко, мы сможем дойти даже пешком. Двадцать-тридцать миль, не больше. Если идти пешком, это займет дня два. Мы будем в безопасности.

— Нет, — сказала Эйлин. — Никто уже никогда не будет в безопасности. Никогда.

— Мы обязательно будем в безопасности, — Тим помолчал мгновение. — Я... я действительно рад, что ты разыскала меня... Я не такой уж герой, но...

— Ты действовал совершенно правильно.

Они снова помолчали. Ветер продолжал свистеть, выть, но постепенно они начали различать другой звук — низкий, грохочущий, заполняющий все вокруг. Словно реактивный самолет, нет, десять самолетов, тысяча самолетов, ревущих на взлетной дорожке. Звук доносился с юга, и, когда Эйлин и Тим посмотрели в том направлении, они увидели, что часть огней погасла. Эти огни не мерцали, но постепенно угасли, они исчезли внезапно, исчезли в мгновение ока. Звук усиливался, стремительно накатывался все ближе.

— Цунами, — сказал Тим. Он сказал это тихо, словно не веря. — Действительно, цунами. Волна в сотни, может быть, тысячи футов высотой.

— В тысячи? — испуганно переспросила Эйлин.

— С нами все будет в порядке. Волна не сможет продвинуться очень далеко в глубь суши. Для этого ей бы понадобилась уж слишком большая энергия. Слишком большая. Сейчас волна катится по старому руслу

реки Лос-Анджелес. Она не перехлестнет через Голливудские холмы. Все, кто здесь, вероятно, в безопасности. Но пусть Бог поможет людям, оставшимся в долине...

Они сидели, прижавшись друг к другу, а молнии вспыхивали в небе, вспыхивали вокруг них. Они слушали раскаты грома и перекрывающий эти раскаты рев цунами. И один за другим гасли огни, усеявшие долину Сан-Фернандо.

* * *

Между Бойя-Колифорния и западным побережьем Мексики есть узкая полоса воды. Ее береговые линии напоминают вилку камертона.

Вода в море Кортеса теплая, словно в ванной, и спокойная, словно озерная вода. Море Кортеса будто специально создано, чтобы можно было плавать или ходить под парусом.

Обломки ядра кометы Хамнера—Брауна пронизали атмосферу Земли, они походили на крошечные голубовато-белые звезды. Одна из звезд падала прямо в устье моря Кортеса. И упала в воду — между зубцами камертона. Образовался сверкающий оранжево-белым огнем кратер, вода с силой устремилась от него во все стороны. По расширяющейся дуге цунами двигалось к югу. Стиснутая берегами вторая волна, словно пуля, выпущенная из ружья, неслась к северу. Часть вод устремилась к востоку — на Мексику. Часть вод — на запад, через Байя, по направлению к Тихому океану. Большая часть воды устремилась на север моря Кортеса. Волна походила на увенчанную белой пеной горную гряду.

На линии ее движения оказалась величественная долина, второй по величине агропромышленный регион Калифорнии.

* * *

Выжившие ползли по разрушенной парковочной стоянке ИРД — сползались навстречу друг другу. Двенадцать мужчин, пять женщин.

Ошеломленные до глубины души, они сползлись вместе. Большая часть людей осталась внизу, в развалинах зданий. Люди кричали. Подходили остальные выжившие. Шарпс застыл, ошеломленный. Он хотел спуститься вниз, помочь людям, но ноги не повиновались ему.

Небо было покрыто клубящимися тучами. Они мчались, образовывали мгновенно меняющиеся странные узоры, походили на стремительно несущиеся потоки черных чернил. Свет дня еще пробивался сквозь тучи, но он был более тусклым, чем сверкание беспрерывно вспыхивающих молний. Неисчислимого множества молний.

Не веря, Шарпс услышал детский крик. Затем кто-то выкрикнул его имя.

— Доктор Шарпс! Помогите!

Это был Эл Мастерсон, дворник. Вместе с ним было еще двое спасшихся. Они стояли возле многоместного легкового автомобиля, уткнувшегося в боковой борт большого зеленого «линкольна». Автомобиль накренился под углом в сорок пять градусов, два колеса стояли на мостовой, другие два повисли в воздухе. Кричащие дети — это в автомобиле!

— Сэр, пожалуйста, быстрее! — крикнул Мастерсон.

Его крик помог преодолеть оцепенение. Чарли Шарпс бросился на помощь. Он, Мастерсон и двое других мужчин навалились на автомобиль. Автомобиль был тяжело нагружен. Они старались изо всех сил, и наконец автомобиль принял нормальное положение. Мастерсон распахнул дверь. Оттуда выглянули лица

– два совсем юных, залитых слезами, и одно постарше, это была Джун Мастерсон. Она не кричала.

— С ними все в порядке, — сказала Джун. — Говорю вам, с ними все в порядке...

Автомобиль был нагружен по самую крышу, даже больше. Пища, вода, банки с горючим — забито до самого багажника. Одежда, оружие, боеприпасы. Всякое спасательное снаряжение... плюс дети, завернутые в шерстяные одеяла. Мастерсон объяснял каждому, кто пожелал бы его слушать:

— Я слышал, как вы говорили, что Молот может ударить, я слышал...

Каким-то краем своего сознания Шарпс про себя рассмеялся. Мастерсон — дворник. Он слышал, о чем говорили инженеры, слышал как раз достаточно, чтобы сделать выводы, и, разумеется, он начисто не понял, что вероятность столкновения была очень мала. Итак, он подготовился. Он готовился выжить, и семья его ожидала столкновения, потому и оказалась на парковочной стоянке — просто на всякий случай. А мы все, оказывается, знали слишком много...

Семья.

— Что будем делать, доктор Шарпс?— спросил Мастерсон.

— Не знаю. — Шарпс обернулся к Форрестеру. Низенький и толстый астрофизик не помогал (да и пользы от него не было бы) вернуть автомобиль в правильное положение. Похоже, он был полностью погружен в размышления, и Шарпс отвернулся от него. — Наверное, мы должны помогать выжившим... сделать все, что в наших силах... только мне хотелось бы вернуться домой!

— Мне тоже, — раздался хор голосов.

— Но нам следует оставаться вместе, — сказал Шарпс. — Не так уж много людей, на которых можно положиться...

— Караван, — сказал Мастерсон. — Возьмем автомашины, и все вместе отправимся за нашими семьями.

Где кто живет?

Оказалось, что все живут далеко друг от друга. Шарпс жил поблизости, в Ла-Какаде. Там жили еще двое. Дома остальных были разбросаны на большом расстоянии — от Бурбанка до Каноча-парк, который в долине Сан-Фернандо. Каждый человек ищет, где ему лучше.

— Никуда не поеду, — сказал Форрестер. — Надо ждать. Хоть пару часов...

Остальные кивнули. Они все понимали.

— Четыреста миль в час, — сказал Гал Крейн. Каких-то несколько минут назад он был геологом.

— Больше, — сказал Форрестер. — Цунами появится примерно через пятьдесят минут после падения Молота. — Он взглянул на часы. — Осталось меньше получаса.

— Мы не можем ждать... оставаться здесь просто так! — закричал Крейн. Он не кричал — визжал. Таковы были они все. Для них невыносим был звук собственных голосов.

Пошел дождь. Дождь? Не дождь, а грязь. Шарпсу сделалось страшно, когда он увидел запрыгавшие по асфальту шарики грязи. Шарики грязи, твердые и сухие снаружи, с размягченной сердцевиной! С громким стуком шарики падали на крыши машин. Грязевой град. Люди кинулись искать себе убежище — в машинах, под машинами, в том, что осталось от машин.

— Тина? — вскрикнул Шарпс.

— Да. Это заслуживает внимания, — сказал Форрестер. — Тина и соленая грязь. С морского дна. Грязь была выброшена в атмосферу и...

Необычный град утих, люди стали вылезать из своих убежищ. Шарпс почувствовал себя лучше.

— Все, кто живет слишком далеко, чтобы ехать туда, пусть спустятся вниз и помогут выжившим — тем, кто остался в развалинах. Остальные отправятся за своими семьями. Образуем караван. Мы вернемся сюда... если сможем. Дан, куда нам... когда мы справимся со

всеми этими делами... куда нам лучше всего было бы отправиться?

Форрестер поглядел на него нерадостным взглядом.

— На север. Туда, где нет низменностей. Этот дождь... он может идти на протяжении целых месяцев. Все долины, образованные руслами рек, наверное, окажутся заполненными водой. В окрестностях Лос-Анджелеса безопасных мест не останется. И будут еще толчки... после основного землетрясения...

— Так куда? — переспросил Шарпс.

— Конечный пункт — Можави, — сказал не торопясь Форрестер. — Но не надо идти туда сразу. Там сейчас делать нечего. Это конечный пункт.

— Да, но сейчас куда? — настаивал Шарпс.

— К подножию Сьерры, — сказал Форрестер. — Туда, где начинается долина Сан-Иоаквин.

— К Портервиллю? — спросил Шарпс.

— Не знаю, где это...

Мастерсон залез в автомобиль и принялся рыться в «бардачке». Дождь усилился, поэтому он не стал выносить карту из машины. Все столпились снаружи, глядя на Джун Мастерсон и ее детей. Дети вели себя тихо. Они испуганно смотрели на взрослых.

— Это здесь, — сказал Мастерсон.

Форрестер изучил карту. Он никогда не бывал в тех местах прежде, но без труда представил теперь, куда им следует направиться.

— Да, я бы сказал, что вот подходящее место.

— Ранчо Джеллисона, — сказал Шарпс. — Вот оно! Он знаком со мной, и он нас примет. Туда мы и отправимся. Если мы потеряем друг друга, то встретимся там. — Он указал на карту. — Спрашивайте, где живет сенатор Джеллисон! Итак, те, кто не отправляется в путь немедленно, пусть спустятся вниз и помогут спасшимся. Эл, вы можете привести эти машины в рабочее состояние?

— Да, сэр. — На лице Мастерсона было написано явное облегчение. На лицах остальных тоже. На про-

тяжении долгих лет они привыкли получать приказы от Шарпса. И им казалось правильным, что он опять начал распоряжаться. Конечно, они не повиновались приказам, словно солдаты, но им нужно было, чтобы кто-нибудь указал, что нужно делать, тем более что в любом случае это делать надо.

— Дан, вы примкнете к каравану, поедете с нами, — сказал Шарпс. — От вас там, внизу, пока будет немного...

— Нет, — сказал Форрестер.

— Что? — в полной уверенности, что он не расслышал, спросил Шарпс. Гром грохотал непрерывно, кроме того, выл усиливающийся ветер.

— Не могу, — сказал Форрестер. — Мне необходим инсулин.

Лишь тогда Шарпс вспомнил, что Дан Форрестер страдает диабетом.

— Мы съездим к вам домой и...

— Нет! — закричал Форрестер. — У меня много дел. Я говорю вам: нет!

— Вы должны...

— Со мной будет все в порядке, — сказал Форрестер и повернулся, чтобы уйти в дождь.

— Ну и черт с вами! — завизжал Шарпс в спину Форрестера. — Вы даже не сможете завести свой автомобиль, когда сядут батареи!

Форрестер не обернулся. Шарпс смотрел в спину своего друга, зная, что никогда больше не увидит его. У всех остальных был подавленный вид. Им хотелось, чтобы им что-то советовали, приказывали, указали какую-то цель. Они ожидали, что все это бремя взвалит на свои плечи Шарпс.

— Мы будем ждать вас на ранчо! — крикнул Шарпс.

Форрестер чуть обернулся и помахал рукой.

— Пора в путь, — сказал Шарпс. — Автомобиль Мастерсона поедет в середине. — Он понаблюдал, как выполняется его приказ — пусть и крохотный, но приказ. — Престон, вы поедете со мной в головной маши-

не. Прихватите это ружье и проследите, чтобы оно было заряжено.

Все разместились по машинам. Автомобили поехали вдоль стоянки, поехали осторожно, объезжая наиболее крупные разломы и трещины.

Машина Форрестера осталась неповрежденной. Он оставил ее на самой верхней точке стоянки, на большом удалении от остальных машин, от деревьев, от обрыва. У самого склона холма. Когда караван поехал по улице, Шарпс увидел огни машины Форрестера: Дан ехал следом. У Шарпса мелькнула надежда, что Дан изменил свое решение и решил ехать вместе с ними, но, когда машины выехали на шоссе, он увидел, что Дан Форрестер свернул на Туджунгу.

* * *

Дорога сузилась, превратилась в тропу, изгибающуюся под самыми дикими углами. Справа — крутой откос футов в пятьдесят, а может быть, и больше. Эйлин попыталась справиться с управлением автомобиля. Не справившись, остановила его.

— Отсюда нам придется идти пешком.

Но не сделала ни движения, чтобы вылезти наружу. Дождь стал чуть потише, но сделался холоднее, а вокруг по-прежнему беспрерывно вспыхивали молнии. Сильно и резко пахло озоном.

— В таком случае пошли, — сказал Тим.

— Куда торопиться?

— Не знаю, но пошли. — Тим не мог объяснить, почему он чувствует, что не следует медлить. Он не был уверен, что и сам это понимает. Жизнь Хамнера была жизнью человека, порожденного цивилизацией, и она была относительно несложной. Нет такого места, где бы ни выяснилось, что деньги или социальное по-

ложение не имеют значения. Они всюду имеют значение. Ты нанимаешь людей, чтобы они делали то, что надо тебе. Или покупаешь инструменты, чтобы с их помощью эти люди делали то, что надо тебе.

Тим сидел, и мозг его постигал, что с подобной практикой покончено. А душа его... Ну, не может же быть, чтобы это был конец света! Конец света — это значит, что ты будешь мертв! Прежний мир еще окружал Тима, и Тим жаждал помощи. Ему хотелось, чтобы вокруг него были вежливые полицейские, предупредительные продавцы, учтивые чиновники. Короче говоря, ему хотелось цивилизации.

* * *

Все увеличивающаяся стена воды мчалась на восток. Это южная часть Атлантического океана. Левый край волны перехлестнул Мыс Доброй Надежды, опустошая земли, которыми поочередно владели готтентоты, голландцы, англичане и африканеры. Вода закрутилась, уничтожая все, у подножия Столовой горы. Вскипая пеной, понеслась вдоль широкой долины по направлению к Паарлю и Стелленбошу.

Своим правым краем волна ударила в Антарктиду. На протяжении десяти миль в длину и пять в ширину все ледники оказались разбитыми вдребезги. Волна пронеслась между Африкой и Антарктидой. Когда она вырвалась на широкие просторы Индийского океана, она уже потеряла половину своей мощи: теперь она достигала в высоту лишь четыреста футов. Со скоростью четыреста пятьдесят миль в час она мчалась по направлению к Индии, Австралии и островам Индонезии.

Она прокатилась по низменностям Южной Индии. Стиснутая узкими берегами Бенгальского залива, вол-

на обрела — почти полностью — свою прежнюю мощь. И выросла до прежней высоты. Вода обрушилась на обширные болота Бангладеш. Сметая все, понеслась на север — через Калькутту и Дакку. Наконец волна задержала свой бег у подножия Гималаев. Здесь она встретилась с потоком, несущимся из долины Ганга. Когда воды отхлынули, весь священный Ганг был забит трупами.

* * *

Они тащились по грязи, упорно взбирались все выше. Дорога вела к вершине горы. Перевал лежал несколько ниже верхней точки горы, не намного, но все же ниже. В небе по-прежнему сверкали молнии.

На их обувь налипли огромные комья грязи. И вскоре обувь стала весить в три-четыре раза больше, чем положено. Они падали в грязь и снова вставали, помогали друг другу, как только могли. Они шатались. Миновали вершину и начали спускаться по противоположному склону. Мир сузился, он превратился в последовательность шагов, шаг за шагом, и не было места, где бы можно было остановиться и передохнуть. Тим представил город, который лежит там, впереди. Не подвергшийся разрушениям город, там есть мотели и горячая вода и электрическое освещение. Там есть бар, где продают «Чивас» и «Мичелоб»...

Они вышли к мощеной дороге. Идти стало легче.

Тим нажал кнопку на своих часах с числовым табло:

— Примерно полдень...

— Так темно... — Эйлин поскользнулась на мокрых листьях и упала на мостовую. Она не делала попытки подняться.

— Эйлин... — Тим подошел, чтобы помочь ей.

Она села. Казалось, падение не принесло ей вреда, но она не вставала. Даже не пыталась. Она тихо заплакала.

— Ты должна встать.

— Зачем?

— Потому что я не смогу далеко пронести тебя на руках.

Она чуть не рассмеялась. Но тут же спрятала лицо в ладонях. Скорчилась под дождем.

— Пойдем, — сказал Тим. — Все не так уж плохо. Может быть, всюду, начиная с этого места, все в порядке. Мобилизованы Национальная гвардия. Красный Крест. Палатки спасателей. — Говоря это, он ощутил, как исчезают последние остатки надежды. Все эти названия — из области грез. Но он продолжал отчаянно: — Мы купим машину. Там, впереди, продаются автомобили. Мы купим автомобиль и поедем в мою обсерваторию. Мы будем ехать, а между нами будет стоять большое ведро с жареными цыплятами. Ты хочешь купить их?

Покачав головой, она рассмеялась странным смехом. Она не вставала. Он нагнулся и взял ее за плечи. Она не сопротивлялась, но и никак не помогала ему. Подхватив ее одной рукой под колени, Тим поднял Эйлин. И пошел, пошатываясь, по дороге.

— Это глупо, — сказала Эйлин.

— Чертовски глупо.

— Я могу идти сама.

— Хорошо. — Он отпустил ее ноги. Она встала. Прильнула к Тиму, положив голову ему на плечо.

— Я рада, что разыскала тебя. — Она сделала наконец первый шаг. — Идем.

* * *

— По порядку номеров рассчитайсь, — приказал Горди.

— Первый, — сказал Энди Рэнделл. Остальные подхватили по очереди: второй, третий, четвертый.

— Пятый, — сказал Берт Ванс. Он чуть запоздал со своим выкриком, и вид у него был испуганный, но его отец, казалось, ничего этого не заметил.

— Плюс я, — сказал Горди. — О'кей, Энди, ты в голове группы. Я буду замыкающим.

Они тронулись в путь. Утес был менее чем в миле отсюда. Это минут двадцать ходьбы, не больше. Группа прошла поворот, и открылся великолепный вид: за верхушками сосен тянулась к востоку прекрасная страна. Утренний воздух был кристально чист. А свет... странный свет.

Горди глянул на свои часы. Группа находилась в пути уже десять минут. Горди решил, что обязательную остановку для приведения в порядок обуви можно пропустить. Ибо какая разница? Никто не натер пока на ногах волдырей, и за оставшиеся полмили не натрет. Можно идти дальше. Но идти, стараясь вести себя естественно, было тяжелее, чем решить это сделать.

В восточном направлении мелькнула яркая вспышка. Ослепительная, хотя и небольшая вспышка. Слишком яркая для молнии, да и какая может быть молния, если небо чисто? После вспышки сетчатка глаз сохранила остаточное изображение — и никак от него не отделаться.

— Что это было, папа? — спросил Берт.

— Не знаю. Метеор? Остановка. Передние, остановитесь. Привести обувь в порядок.

Ребята скинули свою поклажу, каждый нашел себе валун, чтобы присесть. Остаточное изображение все хранилось на сетчатке глаз. Хотя постепенно начало ослабевать. Горди не мог рассмотреть, что там творит-

ся со шнурками его ботинок. Он заметил, что ветер стих. Деревья в лесу перестали шуметь.

Яркая вспышка. Внезапная тишина. Так, будто...

Сопровождаемый громовым раскатом сильнейший порыв ветра. Земля вздрогнула. Сухие деревья затрещали в последней попытке удержаться, цепляясь ветвями за ветви своих собратьев. Раскаты грохотали еще долгое время. Подул все усиливающийся ветер.

«Атомная бомба, сброшенная на плато Френчмана?» — подумал Горди. Не может быть. Они никогда не осмелятся развязать войну. Так что это было?

Мальчики возбужденно заговорили. Земля, загромыхав, тяжело осела. Многие деревья попадали.

Горди упал как раз на свой рюкзак. Мальчики поспетали со своих валунов. Один из них, Герби Робинетт, похоже, ранен. Горди пополз к нему. Крови на парне не видно и переломов, похоже, нет. Просто его хорошо встряхнуло.

— Оставайтесь на своих местах! — крикнул Горди. — И берегитесь падающих камней и деревьев!

Ветер продолжал усиливаться, но направление его было непостоянным. Его порывы по дуге перемещались к югу. Он уже дул не с востока, не оттуда, где они видели яркую вспышку. Земля снова вздрогнула.

И вдали, далеко из-за горизонта, взметнулась в стратосферу ужасная туча. Туча грибообразной формы. Она вздымалась все выше и выше, она бешено крутилась. Туча возникла как раз в том месте, где сверкнула вспышка.

У одного из ребят был радиоприемник. Он поднес его к уху.

— Ничего не слышно, мистер Ванс, только атмосферные помехи. Мне кажется, что я расслышал еще что-то, но не смог разобрать, что именно.

— Неудивительно. В дневное время в горах почти никогда нельзя поймать радиопередачу, — сказал Горди.

Но как мне не нравится этот ветер. И что это все же

было? Обломок кометы? Возможно. Горди горько про себя рассмеялся. Вся эта суета насчет конца света, а кончилось вот чем. То есть ничем. Яркая вспышка в районе Долины Смерти... а, может, это вообще и не было кометой. В том направлении — плато Френчмана. До него что-нибудь около ста пятидесяти миль... Земля перестала трястись.

— Давайте двинемся в путь, — сказал Горди. — Вставайте.

Он надел свой рюкзак. «Что теперь?— спросил он себя. — Могу ли я?.. Но кто поручится, что без меня с ребятами ничего не случится? Что там произошло?»

Ничего. Ничего там не произошло, лишь упал этот чертов метеорит. Может быть, это был большой метеорит. Может быть, такой же большой, как тот, что упал в Аризоне, после которого остался кратер диаметром в полмили. Впечатляющая штука, ничего не скажешь. И ребята видели, как он падал. Разговоров об этом им теперь хватит на годы и годы. Но мою проблему падение метеорита никоим образом не решает. Примерно в следующую пятницу явится банковский ревизор и...

— Странные облака, — сказал Энди Рэнделл. В голосе его звучало беспокойство.

— Да, конечно, — рассеянно согласился Горди. Но тут же увидел, куда показывал Энди.

Это в юго-западном направлении. Вернее, почти точно на юге. Выглядело это так, будто в небе разлилось целое море черных чернил. Огромные, вздымающиеся все выше и выше черные тучи, они уже покрывали все небо...

Проносясь между деревьями, выл ветер. Все больше возникало облаков и туч, они, казалось, возникали из ничего. Они неслись по направлению к группе со страшной скоростью, неслись быстрее, чем реактивный самолет...

Безумным взглядом Горди оглядел тропу. Спрятаться здесь негде.

— Пончо!— закричал он.

Ребята торопливо вытаскивали из рюкзаков все, что может защитить от дождя. Едва Горди успел развернуть свое пончо, хлынул дождь. Словно река теплой, нагретой для ванны воды. Горди почувствовал, что дождь соленый.

Соленый!

— Падение Молота! — прошептал он.

Это означает конец цивилизации. Банковская недостача — ее уже нет, она просто не существует. Она теперь не имеет никакого значения.

Мария? Над Лос-Анджелесом громоздились тучи, а до ближайшего автомобиля добираться долго, очень долго. Горди не в силах ничего сделать. Марии помочь невозможно. Может быть, о ней позаботится Гарви Рэнделл. Единственное, что должно заботить сейчас Горди, — это ребята.

— Возвращаемся к Содовым Источникам! — закричал он. Лучше места, где можно переждать, пока не выяснится, что будет дальше, не сыщешь. Там можно найти убежище, и место там открытое и ровное.

— Я хочу домой! — закричал Герби Робинетт.

— Веди группу, Энди, — приказал Горди. Он взмахом руки указал направление. Если надо, он погонит ребят пинками. К счастью, этого не понадобилось. Мальчики двинулись вслед за Энди. Берт шел последним. Горди показалось, что он видит слезы, вскипевшие в глазах сына. Слезы смешивались с грязными струями дождя. Дождь молотил по головам и спинам мальчишек.

Тропа мгновенно скрылась под потоками воды. Все дороги размыты, подумал Горди. Кроме того, эта теплая дрянь растопит снега. Керн выйдет из берегов, все дороги просто исчезнут под водой.

Горди Ванс внезапно запрокинул голову и закричал. В крике его клокотала радость. Он будет жить!

6

Гарви Рэнделла отделяло от дома минут пять... если бы не падение Молота. День превратился в ночь, в ночь, заполненную вспышками. Свет дня еще как-то просачивался сквозь черный покров туч, но молнии сверкали гораздо ярче. Холмы возникали в голубовато-белых вспышках и исчезали. Гарви видел: то белое небо, ограниченное черной зазубренной линией горизонта, то каньон по левую его сторону. То тьма, освещаемая лишь фарами автомашин. То близкая вспышка, и Рэнделл от боли закрывал глаза... «Дворники» работали на предельной скорости, но дождь заливал ветровое стекло еще быстрее. Все расплывалось. Рэнделл опустил боковые стекла. Лучше промокнуть, но хоть что-то видеть.

Вести машину в таких условиях — чистое сумасшествие, но улицы были забиты. Вероятно, все вокруг сошли с ума. Грохотал гром, дождь барабанил по металлу, но и грохот и барабанный стук покрывали блеяние множества автомобильных сирен. Машины без предупреждения выезжали в другие ряды. Выскакивали на полосу встречного движения. И протискивались обратно в свой ряд, расталкивая соседей, когда вспыхивали фары встречных автомобилей.

Вездеход Рэнделла был слишком велик, чтобы принимать участие в подобного рода играх. В одном месте почти все пространство дороги перегородил оползень. Водитель передней машины оказался трусом, он остановился, пропуская другие машины. Рэнделл повел свой вездеход прямо на оползень, машина повиновалась плохо, но все же повиновалась. И проехал перед носом машины труса и снова слился с потоком автомобилей (для этого пришлось несколько раз стукнуть радиатором в бок идущей впереди машины, пока ее водитель не сдал назад).

Гарви не замечал людей, мешавших ему проехать.

Он видел только препятствия: оползни, трещины в дорожном покрытии, автомашины. Он думал: а что, если дом обрушился, а Лоретта оставалась внутри? А что, если Лоретта, охваченная слепой паникой, взяла машину и отправилась искать его, Гарви? В одиночку ей не выжить, а им — если она уехала — уже не встретиться. Черт возьми, с момента падения Молота прошел уже почти час!

Раньше или позже появятся грабители. Лоретта знает, где хранится ружье, но сможет ли она пустить его в ход? Рэнделл свернул на Фокслейн. Воды на улицах было уже по ступицы. Рэнделл подъехал к дому, включил фары дальнего света. Окна в окружающих домах были темными.

Дверь гаража была закрыта. Но передняя дверь дома была широко распахнута.

Не может быть, чтобы грабители заявились так рано, подумал Рэнделл. Он заставил себя поверить в это — не может быть. Но на всякий случай он прихватил с собой ручной фонарик и пистолет. Двигатель вездехода он не стал заглушать. И, выйдя, сразу же залег под машиной, чтобы оттуда разглядеть, что творится вокруг.

Дом выглядел покинутым. В открытую дверь лил дождь.

Гарви выкатился из-под машины, метнулся к двери и встал сбоку от нее. Он по-прежнему не включал свой фонарик. Как только покажется кто-нибудь, Гарви сразу же направит луч фонарика ему в лицо. Может быть, этим «кем-нибудь» будет Лоретта, вышедшая закрыть дверь. И может быть, она прихватит с собой ружье. На этот случай Гарви приготовился тут же, отпрыгнув, скатиться вниз по ступеням. Это нужно будет сделать, потому что Лоретта так напугана, что может выстрелить.

Он сунул голову и руку с фонариком в дверь. Молнии не освещали прихожей, лишь метались пугающие тени. Гром заглушал все остальные звуки.

Он включил фонарик.

И сразу увидел. Это было словно безжалостный удар — прямо в лицо. На полу, навзничь, лежала Лоретта. Ее лицо и грудь представляли собой мокрую бесформенную массу. Такие следы оставляет выстрел в упор из дробовика. Рядом с ней лежал обезглавленный Киплинг — ком измазанной кровью шерсти.

Не чувствуя под собой ног, Гарви вошел в дом. Ноги были ватные, он чувствовал, что вот-вот потеряет сознание. Он встал на колени, уронив пистолет, — ему и в голову не приходило, что кто-нибудь может оказаться поблизости. Дотронулся до горла Лоретты. Но, содрогнувшись, отдернул руку. Нащупал запястье Лоретты. Пульса не было. Благодарение Богу. Ибо что бы он стал делать?

Ее не изнасиловали. Как будто теперь это имеет значение. Но грабители и не сорвали драгоценностей, украшавших ее руки. И еще, хотя ящики буфета были выдвинуты и все, что лежало там, было вывалено на пол, грабители не польстились на столовое серебро. Хорошего качества серебро.

Почему? Что им тогда было надо?

Мысли в голове Рэнделла ворочались медленно, беспорядочно. Дикие какие-то мысли. Некая часть его сознания отказывалась верить во все это. Не может быть, чтобы тут действительно лежало тело его жены, то появляющееся, то исчезающее в свете молний. Не может быть, чтобы за стенами дома бушевала дикая непогода. И что было землетрясение — тоже неправда. И неправда все это гигантское световое и пиротехническое представление, возвещающее о конце света. Потом Гарви встал и пошел в спальню — найти что-нибудь, чтобы накрыть Лоретту. Это необходимо сделать, потому что он все смотрел на нее — и он уже не мог этого вынести.

Дверцы платяных шкафов были распахнуты, вещи из них были вытащены, разбросаны по полу. Посреди этого развала Рэнделл увидел свои запонки, и золотое

кольцо, и аметистовую брошь Лоретты, и серьги, которые он преподнес ей в день свадьбы. Но грабители тщательно обыскали все шкафы. Где же?.. Да, грабители забрали оба плаща Гарви. Он перелез через разбросанные по полу вещи.

Кровать была завалена различными вещами — какими-то бессмысленными вещами: колготками, бутылочками с косметикой, тюбиками с губной помадой. Гарви смахнул все это на пол, содрал с кровати простыни и поволок их в прихожую. Он шел, волоча за собой простыни. Какие-то мысли возникали в его мозгу, он вроде бы начинал что-то понимать... но мысли были пугающие, он старался избавиться от них. Он накрыл простыней Лоретту и снова сел рядом.

Ни на секунду ему не пришло в голову, что они могут быть еще в доме. Но он пытался представить, что же это были за люди, сделавшие такое. Он? Она? Группа, состоящая лишь из мужчин? Группа, состоящая лишь из женщин? Смешанная группа? Что им было надо? Они не взяли ни серебра, ни драгоценностей, но взяли... плащи.

Волоча ноги. Рэнделл направился в кухню.

Грабители разыскали и забрали с собой вяленое мясо, весь запас витаминов, все консервы. Он сразу увидел это. Увидел — и продолжал поиски. Грабители забрали из гаража все канистры с бензином. Забрали ружья. Значит это не была случайность, они заранее подготовились к ограблению! К моменту падения Молота они уже знали, что им надо делать. Случайно ли они избрали именно его дом? Его улицу? Возможно, они совершили налет на все дома этого квартала.

Он вернулся в прихожую, к Лоретте.

— Ты просила, чтобы я остался дома, — сказал он ей. Ему хотелось сказать еще что-то, но слова застряли у него в горле. Он покачал головой и прошел в спальню.

Он устал до смерти. Он стоял рядом с кроватью, глядя на барахло, прежде лежавшее на кровати. Все

это просто не имело смысла. Колготки, еще в пакетах. Шампунь, сушилка для волос, аппарат для ухода за кожей, лак для ногтей — с пару дюжин больших бутылок. Тюбики губной помады, карандаши для бровей, зубочистки, маникюрный набор, коробка с бигуди — новая... Множество всякого барахла. Если Гарви сможет понять, зачем это все кому-то понадобилось, возможно, он догадается, кто совершил налет на его дом. Он сможет начать преследование бандитов. У него еще есть пистолет.

Хотя оцепенение полностью овладело им, он все еще не был в силах поверить. Грабители уже смылись, а он здесь, с Лоретой. Он сел на кровать и уставился на щетку для волос Лоретты и ее солнцезащитные очки.

...О! Разумеется. Молот ударил, и Лоретта начала собирать вещи. То, что должно было помочь ей выжить. Вещи, без которых она не могла обойтись. И тогда уже явились убийцы. И оставили ненужную им часть добычи — тюбики губной помады, карандаши для бровей и колготки. То, без чего Лоретта не представляла свою жизнь. Но забрали ее чемодан.

Гарви повалился ничком и спрятал лицо в ладонях. Гром и шум дождя отозвались в его ушах, прогоняя мысли, от которых он так хотел избавиться.

* * *

Он осознал, что кто-то смотрит на него. Раскаты грома повторялись все снова и снова. Никаких иных звуков Гарви не слышал. Но кто-то смотрел на него, и Гарви вспомнил, что он не должен двигаться, а потом вспомнил, почему не должен этого делать. Его движение должно быть внезапным и... да ведь он оставил свой пистолет рядом с Лоретой. А, черт с ним. Он перекатился на спину.

— Гарви?

Он не ответил.

— Гарви, это я, Марк. Господи Боже, дружище, что случилось?

— Не знаю. Налетчики.

Он чуть не отключился снова, но Марк заговорил:

— С вами все в порядке, Гарви?

— Меня здесь не было. Я брал интервью у этого чертова профессора из Лос-Анджелесского университета, а потом я попал в уличную пробку и... Меня здесь не было, оставьте меня одного.

Марк переступил с ноги на ногу. Заглядывая в шкафы, обошел кругом спальню.

— Гарви, мы должны уходить отсюда. Вы и ваша проклятая порция мороженого... Основание Лос-Анджелеса может соскользнуть в океан, вам об этом известно?

— Она просила меня остаться. Она боялась, — сказал Гарви. Он попытался что-нибудь придумать, чтобы Марк убрался куда подальше. — Уходите, оставьте меня одного.

— Не могу, Гарви. Мы должны похоронить вашу жену. У вас есть лопата?

— Ох, — Гарви открыл глаза. Комнату озаряли неправдоподобно яркие вспышки молний. Странно, что сознание его больше не отмечало раскатов грома. Он встал. — Лопата должна быть в гараже. Наверное. Спасибо.

* * *

На заднем дворе они вырыли могилу. Гарви хотел все сделать сам, но вскоре выдохся, и победило мнение Марка. Лопата с хлюпаньем врезалась в землю. Глина покрывалась водою быстрее, чем успевал копать Марк.

Хлоп. Хлоп. Хлоп. Грохотал гром.

— Сколько сейчас времени? — крикнул Марк. Крикнул, стоя по пояс в вырытой ими яме, его ботинки почти полностью были скрыты водой.

— Полдень.

Гарви, испуганный раздавшимся за его спиной голосом, обернулся. На откосе стояла Джоанна, дождь заливал ее лицо. В руках она держала ружье, вид у нее был весьма настороженный.

— Достаточно глубоко, — сказал Марк. — Оставайтесь, где стоите, Гарви. Джо, двигай сюда. А ружье отдай Гарви.

— Ладно. — Джоанна спустилась с откоса — крохотная женщина с большим ружьем. Не сказав ни слова, она отдала ружье Гарви.

Он стоял, заливаемый дождем, нес охрану. И не мог оторвать взгляда от пустой пока могилы. Если бы кто-нибудь появился за его спиной, Гарви бы этого не заметил. А может, заметил бы. Но пока — помимо ямы — Гарви видел лишь Марка и Джоанну.

Огромный Марк и крошечная Джоанна вынесли узел — завернутое в одеяло тело. Гарви дернулся было помочь им, но опоздал. Джоанна и Марк опустили тело в могилу. Вода сразу насквозь пропитала одеяло. Это одеяло с электроподогревом, понял Гарви, одеяло Лоретты. Она всегда мерзла по ночам.

Марк взялся за лопату. Джоанна забрала себе ружье. Размеренными движениями Марк сгребал землю в яму. Хлоп. Хлоп. Гарви хотелось что-то сказать, но не было слов. Наконец подумал: «Спасибо».

— Ладно. Хотите прочесть молитву?

— Надо бы. — Гарви направился было к дому, но понял, что у него нет сил войти внутрь.

— Вот. Он был в спальне, — сказала Джоанна. И вытащила из кармана маленькую книгу.

Это был молитвенник Энди — тот, что для конфирмации. Должно быть, Лоретта присоединила его к набору тех вещей, без которых она не мыслила своего

существования. Видимо, так. Гарви открыл книгу. Вот и заупокойная молитва. Дождь сразу же насквозь промочил страницу, раньше чем Гарви успел начать чтение. Но он все же нашел нужную строку и начал, — наполовину читая, наполовину по памяти: «Даруй ей вечный покой, о Господи, и пусть свет вечный озаряет ее». Больше Гарви ничего не смог разглядеть. Шло время, и, наконец, Марк и Джоанна отвели его в дом.

Они сели возле кухонного стола.

— Времени у нас немного, — сказал Марк. — Но, думаю, мы видели тех, кто совершил налет на ваш дом.

— Они убили Фрэнка Стонера, — добавила Джоанна.

— Кто они? — потребовал Гарви. — Как они выглядели? Сможем ли мы догнать этих ублюдков?

— Я все расскажу вам позже, — сказал Марк. — Прежде всего мы должны собрать вещи и двинуться в путь.

— Вы скажете мне все сейчас же.

— Нет.

Ружье Джоанна оставила — прислонила к столу. Гарви не торопясь взял его и проверил, есть ли патроны в заряднике. Оттянул назад курок. Гарви неплохо когда-то обучили — стрелок из него получился хороший. Но пока Гарви ни на кого не направил ствол.

— Я хочу знать, — сказал он.

— Они были на мотоциклах, — быстро сказала Джоанна. — С полдюжины. Они сопровождали большой голубой фургон. Мы видели их, когда выехали с Фокслейн.

— Вот кто эти ублюдки, — сказал Гарви. — Я знаю, где они живут. На небольшой боковой улице, в полумиле отсюда. Та улица длиной в полквартала. Там еще есть надпись «Снежная гора». — Он встал.

— Сейчас их там нет, — сказал Марк. — Они ехали на сев̀ер, по направлению к Мулхолланду.

— Мы ехали на мотоциклах, — сказала Джоанна, — Фрэнк, Марк и я.

— Они выехали с вашей улицы, — сказал Марк. — Я хотел узнать у них, что здесь происходит. Я затормозил и поднял руку — вы знаете, что таким образом мотоциклисты останавливают друг друга, если хотят поговорить. И один из этих сукиных сынов выстрелил в меня из ружья!

— Они промахнулись, стреляя в Марка, но попали во Фрэнка, — сказала Джоанна. — Он ехал крайним справа. Если выстрел и не убил его, то убило падение. Мотоциклисты не остановились. Мы не знали, что делать, и поэтому сразу поехали сюда.

— Господи, — сказал Гарви. — Я приехал на полчаса раньше вас. Значит, они были еще где-то здесь. Они были где-то здесь, пока я... пока я...

— Да, — сказала Джоанна. — Мы узнаем их, если встретим снова. Мотоциклы у них не новые, хотя и не очень старые. А стены фургона разрисованы. Мы их узнаем.

— Никогда не встречал этих бандитов прежде, — добавил Марк. — Сейчас мы их догнать не сможем — ни в коем случае. Гарви, нам нельзя оставаться здесь. Основание Лос-Анджелеса соскользнет в океан. Кроме того, все, кто окажется на низменностях, погибнут: нужно ждать цунами. Но в окрестных горах сейчас, должно быть, скопились миллионы людей. Можно с уверенностью сказать, что еды там на миллионы не хватит. Но есть другие места, куда нам лучше отправиться.

— Фрэнк хотел поехать в Можави, — сказала Джоанна. — Но Марк считал, что мы сперва должны заехать сюда, за вами...

Гарви ничего не ответил. Он положил ружье и уставился в стену. Марк и Джоанна правы. Сейчас он не сможет догнать этих моторизованных бандитов. Кроме того, он слишком устал.

— Хоть что-нибудь они оставили? — спросил Марк.

Гарви не ответил.

— Мы на всякий случай все же поищем, — сказал

Марк. — Джо, ты возьми на себя дом. Я обшарю все вокруг — в гараже и так далее. Но мы не можем оставить вездеход без присмотра. Пойдем, Гарви.

Взяв Гарви за руку, он заставил его подняться. Марк оказался неожиданно сильным. Гарви не сопротивлялся. Марк отвел его к вездеходу и усадил на пассажирское сиденье. Положил на колени Гарви спортивный пистолет, затем закрыл двери машины. Гарви сидел в вездеходе и неотрывно смотрел, как хлещет дождь.

— Он выправится? — спросила Джоанна.

— Не знаю. Но он с нами, — сказал Марк. — Пойдем, посмотрим, вдруг что-нибудь обнаружим.

В гараже Марк нашел бутыль с хлорированной водой. Нашел и другие вещи, в том числе и спальные мешки, мокрые, но вполне пригодные для использования. Очевидно, у мотоциклистов были свои спальные мешки, и чужие их не заинтересовали. Глупо, подумал Марк. Армейский полярный мешок Энди лучше, чем любой мешок, какой мог быть у грабителей.

Потом Марк отнес свою добычу к вездеходу и открыл заднюю дверцу. Затем он приволок мотоциклы, на которых приехали он и Джоанна. Мотоциклы были маленькие, измазанные грязью. Он хотел было попросить Гарви помочь, но вместо этого разыскал доску: доска может послужить в качестве трапа. С помощью Джоанны он кое-как закатил один мотоцикл в задний отсек вездехода, а сверху навалил свои трофеи.

— Гарви, где Энди? — под конец спросил Марк.

— В безопасности. Он в горах. Вместе с Горди Вансом... Мария! — закричал Гарви. Он выскочил из машины и кинулся к дому Горди. Затем остановился. Передняя дверь была открыта. Гарви застыл на месте, боясь зайти в дом. Что, если... что, если грабители вломились в дом Горди, пока он, Гарви, выл над телом Лоретты? Господи, какой же я проклятый, не годный ни на что выродок... В дом Ванса вошел Марк. Через несколько минут он вышел.

— Здесь грабители тоже побывали. Но в доме ни-

кого не было. Не видно никаких следов крови. Никаких следов. — Он подошел к гаражу и попытался открыть дверь. Дверь легко открылась: замок был сломан. Марк распахнул дверь, гараж был пуст.

— Гарви, какая машина была у вашего приятеля?

— «Кадиллак».

— Значит, она уехала. Это ясно, поскольку здесь машины нет, и у мотоциклистов мы не видели никакого «кадиллака». Возвращайтесь и приглядите за вездеходом. Или здесь у вас есть кое-что, что нам пригодится. Так что, если хотите, помогайте носить.

— Одну минуту. — Гарви вернулся к вездеходу. И застыл, размышляя. Куда могла отправиться Мария Ванс?

Ответственность за нее на нем. Горди взял на себя заботу о сыне Гарви, Гарви должен позаботиться о жене Горди. Только Гарви никак не может догадаться, куда отправилась Мария...

Может, лос-анджелесский «Кантри-клуб». Затея губернатора. Дети калеки. Мария — член правления. К моменту падения Молота она должна была находиться там.

И если она еще не вернулась домой, значит, она и не собиралась возвращаться. И значит, никакой ответственности Гарви за нее не несет.

Из дома вышел Марк, и Гарви даже испугался. Марк нес... Ох ты-господи-мой! Он нес хрустального кита стоимостью пять тысяч долларов, того самого, которого подарили родные Лоретты в день ее свадьбы. Пару лет назад Лоретта отказала Марку от дома — за то, что он дотронулся до этого кита.

Марк осторожно уложил кита в багажное отделение. Кит был обернут в простыни, наволочки и одеяло.

— Зачем это? — спросил Гарви и показал на кита, на крем для кожи, на бумажные носовые платки и прочее, что Лоретта считала необходимым для выживания.

— Для обмена, — объяснил Марк. — Так же, как и

ваши картины. И прочие предметы роскоши. Если мы наткнемся на что-нибудь лучшее, это мы выбросим. Но нам нужно иметь хоть что-то. Господи, Гарви, я так рад, что вы снова начали шевелить мозгами. Ну, будем считать, что мы уже достаточно нагружены. Ладно, садитесь в машину... или хотите еще раз осмотреть дом?

— Я не смогу туда войти...

— Ладно. Вы правы. — Марк возвысил голос: — Джо, мы отправляемся!

— Хорошо. — Она вышла из дома — насквозь мокрая и с ружьем в руках.

— Сможете вести машину, Гарви? — спросил Марк. — Это слишком большая машина, Джоанне с ее ростом будет трудно управлять ею.

— Смогу.

— Прекрасно. Я поеду рядом на мотоцикле. Передайте мне пистолет, а ружье пусть остается у Джо. Еще одно, Гарви. Куда мы направляемся?

— Не знаю, — сказал Гарви. — На север. Я подумаю по пути, куда нам ехать.

— Ладно.

Треск мотоцикла был едва слышен: все заглушали раскаты грома. Они отправились в путь, на север, по направлению к Мулхолланду. Этим же самым путем проехали и мотоциклисты. И поэтому Гарви продолжал надеяться.

* * *

Шел дождь. Дан Форрестер мог разглядеть дорогу лишь в те короткие промежутки, когда вспыхивала молния. «Дворники» гнали воду по ветровому стеклу. Свет фар угасал в струях дождя, не успевая коснуться дороги. Беспрерывно вспыхивающие молнии давали

больше света. Но и их свет в потоках воды превращался в пронизанную вспышками белесоватую тьму.

Извилистая горная дорога была сплошь залита потоками. Машина с трудом прокладывала себе путь.

А в долинах, наверное... ладно, скоро он это узнает. Нужно сперва кое-что сделать.

А еще раньше, что творится в долинах, узнает Чарли Шарпс.

Думая о Чарли, Дан испытывал тревогу. Шансы у Чарли не такие уж плохие, но не следовало ему включать в караван тот многоместный автомобиль. Тот легковой, что забит вещами. Совершенно ясно, что добро это ворованное. Но наверняка в числе прочих вещей у Мастерсона там есть и оружие.

Даже если они доберутся до ранчо, впустит ли их сенатор Джеллисон? Сельская местность, расположенная высоко над реками. Если жители ранчо начнут привечать всех приходящих, запасов пищи им хватит ровно на один день, а весь домашний скот будет съеден на следующий. Может быть, Чарли Шарпса и впустят — одного. Но вероятно, никому не потребуются услуги Дана Форрестера, доктора философских наук. Экс-астрофизика. Кому он нужен?

Дан удивился, обнаружив, что он уже доехал до дома. Он стукнул в дверь гаража, и она открылась. Ха! Еще не отключили электричество — ну, долго это не продлится. Дверь он оставил открытой. Включил свет в гараже, затем повсюду расставил свечи. Зажег две из них.

Дом был маленький. В нем была лишь одна большая комната. Стены этой комнаты были заставлены книжными полками — от пола до потолка. Обеденный стол был завален различными предметами. Дан закупил немалое количество обезвоженно-замороженной пищи (пока она еще продавалась). Но он предусмотрел и большее: натащил в дом множество пластиковых пакетов, инсектицидов и нафталина. Стол был завален. Работать пришлось сидя на полу.

Работая, он насвистывал. Обрызгать книгу инсектицидом, вложить ее в пакет, добавить нафталина и запечатать пакет. Вложить запечатанный пакет в другой пакет и тоже заклеить. И так далее. Книги — каждая в четырех запечатанных пакетах — кучей громоздились на полу. Дан встал: надо надеть перчатки. Заодно он принес вентилятор и установил так, чтобы поток воздуха дул на него сзади. Перчатки — чтобы предохранить от инсектицидов руки, вентилятор — чтобы предохранить легкие.

Когда куча на полу слишком выросла. Дан подвинулся в сторону. Когда вторая куча стала такой же большой, он осторожно встал. Суставы его ныли. Ноги затекли. Он подвигал ногами, чтобы восстановить кровообращение. Выйдя на кухню, он налил кофе. По радио ничего не было слышно — одни помехи, поэтому Дан включил магнитофон. На кухонном столе оставалось свободное место — Дан вновь принялся за работу.

Две кучи объединились в одну.

Лампы погасли, голоса «Биттлз» сделались на мгновение более низкими, протяжными — и умолкли. Дан внезапно оказался в темноте. Его окружили звуки, на которые он раньше не обращал внимания: раскаты грома, визг ветра и шум дождя, с силой обрушивающегося на дом. В углу с потолка закапала вода.

Выпив чашку кофе на кухне. Дан, подсвечивая, продолжал прочесывать библиотеку. Проходили часы. Забытый кофе продолжал кипеть и уже давно перекипел. Полки на четыре пятых еще были забиты книгами, но большая часть книг — тех, что намечены, — была уложена в пакеты.

Дан прошелся вдоль книжных полок. Усталость породила уныние. Он прожил в этом доме двенадцать лет, но лишь дважды за это время случались долгие периоды, когда он не перечитывал «Алису в стране чудес», «Дети воды» и «Приключения Гулливера». А вот тем книгам предстоит гнить в покинутом доме:

«Дюна», «Новая звезда», «Двойная звезда», «Коридоры времени», «Колыбель для кошки», «Сверхчеловек наполовину», «Убийство в прошлом», «День Гидеона», «Красная десница», «Троянский гроб», «Смертоносная тень золота», «Жена-колдунья», «Ребенок Розмари», «Серебряный замок», «Король Конан». Дан укладывал книги в пакеты не развлечения ради и даже не для того, чтобы сохранить свидетельства различных философских подходов к проблемам существования, но на тот случай, если люди начнут заново создавать цивилизацию. Даже Доул, «Планеты, пригодные для человека»...

Нет, черт побери! Дан швырнул «Планеты, пригодные для человека» на стол. Весьма вероятно, что той организации, которая когда-нибудь появится вместо НАСА, эта книга понадобится. И что это произойдет до того, как «Планеты, пригодные для человека» обратятся в пыль. Ну так что? Дан добавил еще несколько книг: «Потрясение будущего», «Культы безумия», дантовский «Ад», «Тау-ноль». Хватит. Через пятнадцать минут он закончил свою работу, пакетов больше не осталось.

Он выпил кофе. Кофе был еще теплый. Потом Дан заставил себя отдохнуть: предстоит тяжелая работа. Часы показывали, что уже десять вечера. Так ли это, сказать невозможно.

Дан выкатил из гаража тачку. Тачка новая, даже ярлык еще сохранился. Пришлось преодолеть искушение нагрузить ее до самого верха. Дан надел плащ, шляпу, натянул сапоги. Вывез книги, прокатив тачку через гараж.

Систему канализации в Туджунге построили относительно недавно. Весь участок был заставлен заброшенными очистными баками, один из них стоял как раз за домом Дана Форрестера, на пригорке. Но нельзя, чтобы везло во всем сразу.

Выл ветер. Дождь был насыщен песком и солью. Молнии освещали дорогу, но видно все равно было

плохо. Оглядываясь в поисках бака, напрягая все силы, Дан вкатил тачку на пригорок. Наконец он обнаружил бак — полный воды, потому что вчера вечером Дан сдвинул крышку.

Он подержал книги в ладонях и осторожно опустил их — прямо в скопившиеся с незапамятных времен (не без участия водопроводчиков) сточные воды. Перед тем как вернуться в дом, он установил фонарь на сдвинутой крышке бака.

Вторую ходку он сделал, переодевшись в купальный костюм. Теплый, хлещущий, как бичом, дождь — все же меньшее зло, чем намокшая и прилипающая к телу одежда. Третью ходку он сделал, надев шляпу. Возвращаясь, он чувствовал, что сил у него практически не осталось. Больше он не мог. Надо передохнуть. Он стащил с себя мокрый купальный костюм и растянулся на кушетке. Натянул на себя одеяло... и провалился в глубокий сон.

Он проснулся. За стенами творился ад кромешный: дождь, ветер, раскаты грома. Тело его страшно одеревенело. Он встал — каждое движение по дюйму — и кое-как доплелся до кухни. Бормотал себе под нос что-то подбадривающее. Сперва позавтракать, потом снова надо браться за работу. Часы стояли. Он не знал, день сейчас на дворе или ночь.

Тачку он загрузил наполовину: больше нельзя. И повез ее по скользкой грязи. Вверх на пригорок. Не забыть: на следующую ходку прихватить с собой фонарь. Взять книги в руки, опустить их в скопившиеся издавна сточные воды. Непохоже, чтобы кто-то — будь он идиот или гений — полез сюда за подобными сокровищами. Даже если бы знал, что они лежат именно здесь. Запах не слишком беспокоил Дана. Но эти ураганные ветры не могут продолжаться до бесконечности. Клад будет в полной безопасности. Надо вернуться за следующей партией...

Он поскользнулся и проехал по склону, по грязи, увлекаемый пустой тачкой. В падении его тело пере-

считало столько камней с острыми краями, что повтора Дану никак не хотелось.

Итак, последняя ходка. Вот он сделал ее. Напрягая все силы, попытался поставить на место крышку бака. Передохнул, попытался снова. У него заняло чертовски много времени, чтобы сдвинуть ее, открывая люк. Значит, чтобы поставить ее на место, уйдет тоже чертовски много времени. Поставил. Теперь — с пустой тачкой — вниз по склону. Скоро следы, оставленные колесами, будут скрыты водой. Мелькнула было мысль, что надо бы спрятать это последнее свидетельство его затеи — тачку. Но даже сама эта мысль, — что надо снова работать, — до боли перекорежила его тело.

В ванной комнате он обтерся полотенцами. И — почему бы и нет? — теми же самыми полотенцами он обтер шляпу, ботинки, и так далее. Из бельевого шкафчика достал еще полотенца. Прежде чем отнести ботинки в машину, он запихал туда — сколько поместилось — полотенца для рук. Отнес в машину плащ, шляпу. Отнес туда еще запас сухих полотенец. Весь старый дом Дана *уже протекал. Машина тоже старая, может* быть, и она протекает.

Но в конце концов это не имеет значения. В крайнем случае, можно будет вылезти из машины и дальше идти пешком. Идти под дождем, с рюкзаком на плечах — первый раз в жизни. И задолго до того, как дождь начнет задумываться, не пора ли перестать лить, Дан либо будет в безопасности, либо мертвым...

Он сунул в машину новый рюкзак, который он собрал позавчера. В числе прочих вещей в рюкзаке шприц для подкожных впрыскиваний и запас инсулина. В машине были еще два медпакета: рюкзак кто-нибудь может украсть. Или кто-нибудь украдет шприц... Но уж хотя бы один медицинский набор наверняка сохранится.

Машина представляла собой груду старого хлама. В ней не было ничего, что могло бы привлечь грабителей. А вот кое-что в ней — это то, что может спасти

Дану жизнь. Если сложится соответствующая ситуация. И одно из этого «кое-чего» — вещь по-настоящему ценная. Обычному среднему грабителю эта вещь, видимо, покажется просто хламом, но она может обеспечить Дану спасение.

Даниель Форрестер, доктор философии, средних лет, человек никому не нужной профессии. Его докторская степень — нечто гораздо менее ценное, чем, например, чашка кофе. И это теперь навсегда. Друзья говорили ему, что он зачастую недооценивает себя. Тоже качество не из лучших: этим он ограничивал свою способность заключать выгодные для себя сделки. Дан знал, как изготовляется инсулин. Для производства инсулина необходима лаборатория. И овцы — надо убивать одну овцу в месяц.

Вчерашний день Дана Форрестера — это теперь дорогостоящая, недостижимая роскошь.

Та вещь, которая лежит в его рюкзаке, предмет большой ценности. Это была книга — в пакете, как и другие. «Работа машин», том второй. Первый том лежит в баке.

Гарви Рэнделл увидел едущий навстречу белый «кадиллак». Какое-то мгновение Гарви не реагировал. А затем нажал на тормоза так резко, что Джоанну швырнуло вперед — лишь ремни безопасности удержали.

— С ума сошли? — закричала Джоанна, но Гарви уже открыл дверь и выскочил на мостовую. Он яростно замахал руками. Господи! Она должна увидеть его.

— Мария! — закричал Гарви. «Кадиллак» замедлил ход. Гарви подбежал к нему. Невероятно, но Мария Ванс была абсолютно спокойна. На ней было неброское длинное белое платье из льна, расшитое золотой нитью (подлинный Гернрейх). Золотые серьги и маленький бриллиантовый кулон на этом фоне смотрелись великолепно. Ее темные волосы были влажными, прическа в некотором беспорядке. Довольно коротко подрезанные волосы, не слишком завитые. Даже сейчас Мария выглядела так, будто весь день пробыла в

«Кантри-клубе» и сейчас ехала домой лишь для того, чтобы переодеться в вечернее платье.

Гарви в изумлении уставился на нее. Она ответила ему холодным взглядом. Гарви почувствовал, как в душе его вскипело раздражение. Ему захотелось наорать на нее. Сбить с нее это спокойствие. Разве она не понимает?..

— Как доехали? — спросил он.

Она начала отвечать, и ему стало стыдно. Мария Ванс говорила спокойно, слишком спокойно. Голос ее — на полутонах, почти незаметно — звучал неестественно:

— Я поехала через перевал. Кстати, там было много машин, некоторые даже с водителями. Я ехала... Зачем вам нужно знать, как я доехала, Гарви?

Он рассмеялся, — как смешон он сам, как смешон весь этот мир! Смех Гарви испугал Марию. Он увидел, что в глазах ее страх.

Подъехал Марк на мотоцикле. Поглядел на «кадиллак», потом на Марию. Он был очень серьезен.

— Ваша соседка? — спросил он.

— Да. Мария, вы должны поехать с нами. В вашем доме вы остаться не можете...

— Я и не собираюсь оставаться дома, — сказала Мария. — Я собираюсь отправиться на поиски моего сына и Горди, — добавила она после небольшой паузы. Она опустила взгляд на свои золотого цвета туфельки. — Мне нужно взять кое-что из одежды, а потом... Гарви, а где... — Не успев закончить, она увидела боль в его глазах. Боль, сменившуюся оцепенением. — Лоретта? — неверяще спросила она.

Гарви ничего не ответил. Марк, стоя за его спиной, медленно покачал головой. Его глаза встретились с глазами Марии. Она кивнула.

Гарви Рэнделл отвернулся. Он стоял под дождем — молча, глядя в никуда.

— Оставьте свой «кадиллак» и пересаживайтесь в вездеход, — сказал Марк.

— Нет, — Мария попыталась улыбнуться. — Пожалуйста, не можете ли вы подождать, пока я возьму другую одежду? Гарви...

— Ему сейчас трудно что-либо решать, — сказал Марк. — Посмотрите, там должны быть платья. Еды немного, но достаточно.

— У меня дома очень хорошая уличная одежда, — твердо сказала Мария. Она знала, как разговаривать с теми, кто работает на других — неважно, на Горди или на Гарви. — А также и обувь. На меня очень трудно подобрать обувь. Согласитесь, что десять минут особой разницы не составят.

— Это займет больше, чем десять минут, а времени у нас нет, — сказал Марк.

— Наверняка займет больше, если мы так и будем стоять здесь, обсуждая этот вопрос. — Мария тронула машину с места. Медленно поехала. — Пожалуйста, подождите меня. — И уехала в южном направлении.

— Господи, — сказал Марк. — Гарви? Что... — И не закончил своего вопроса. Сейчас Гарви Рэнделл не в силах принимать решения. — Садитесь в эту чертову машину, Гарви! — приказал Марк.

Марк сказал это так безапелляционно, что Гарви двинулся к вездеходу. Он хотел сесть на водительское сиденье.

— Джоанна! — зарычал Марк. — Пересаживайся на мотоцикл! Машину поведу я.

— Куда?..

— Назад. К дому Гарви. Так, наверное. Черт, сам не знаю, что нам следует делать. Может быть, нам просто следовало бы ехать дальше.

— Мы не можем оставить ее, — твердо сказала Джоанна. Вылезла из машины и села на мотоцикл. Марк пожал плечами и влез в вездеход. Он ухитрился развернуться и поехал обратно, беспрерывно ругаясь.

Когда они въехали в тупик, Мария Ванс уже сидела на веранде своего дома. На ней были брюки из дорогой искусственной материи. Брюки были разрисова-

ны неровными четырехугольниками, на вид они казались очень прочными. Еще на Марии была блуза из хлопчатобумажной материи, а поверх нее — шерстяная рубашка. И невысокие туристские сапоги на шнуровке, а под ними шерстяные носки. Рядом с ней лежал сделанный из одеяла узел.

Подъехав к газону, Джоанна остановила мотоцикл. Марк вылез из машины и встал рядом с ней. Он посмотрел на машину, потом на Джоанну.

— Черт возьми, никогда не видел, чтобы так быстро переодевались. Может быть, от нее будет польза.

— Смотря для чего польза, — холодно сказала Мария. — Кто вы оба, и что произошло с Гарви? — спрашивая, она продолжала зашнуровывать сапоги.

— Его жену убили. Та же банда, что вломилась в ваш дом, — сказал Марк. — Послушайте, куда вы собираетесь ехать в вашем «кадиллаке»? Энди Рэнделл, он с вашим мужем?

— Да, разумеется, — сказала Мария. — Энди и Берт там, с Горди. — Она завязала шнурок и встала. — Бедная Лоретта. Она... о, будь оно все проклято. Так вы скажете мне, как вас зовут?

— Марк. Это Джоанна. Я работал на Гарви...

— Понятно, — сказала Мария. Ей приходилось слышать о Марке. — Рада. Вы будете вместе с Гарви?

— Конечно...

— Тогда поехали. Пожалуйста, положите этот узел в машину. Я сейчас.

Несгибаема, мать ее так, как железный гвоздь, подумал Марк. Более хладнокровной женщины мне еще не встречалось.

Он взял узел: в одеяло завернуты одежда и еще что-то. Мария вышла, держа пластиковую туристскую сумку — из тех, что выдаются авиапассажирам. Места в заднем отсеке вездехода оставалось мало, но Мария заботливо уложила туда свою сумку, не забыв разгладить складки.

— Что там? — спросил Марк.

— Нужные мне вещи. Я готова.

— Сможете ли вы повести машину Гарви?

— По дорогам, — сказала Мария. — Никогда не пробовала водить машину по бездорожью. Впрочем, могу попытаться.

— Хорошо. Машину поведете вы. Она слишком велика для Джоанны.

— Я бы справилась.

— Конечно, Джо, но лучше не надо, — сказал Марк. — Пусть миссис...

— Мария.

— Пусть миссис Мария...

Мария раскатисто рассмеялась:

— Просто Мария. И машину поведу я. У вас есть географические карты? У меня хорошей карты нет. Я знаю, что ребята где-то в южной стороне Национального секвойя-парка, но не знаю, как туда ехать.

Одетая в брюки и шерстяную рубашку, в тонкую нейлоновую жакетку, принесенную ею из дома, она выглядела меньше ростом, чем сперва показалось Марку. И вид у нее вроде был не такой уверенный. Но у Марка не было времени на размышления, чем объяснить подобные перемены.

Справится, подумал Марк.

— Я поеду впереди на мотоцикле. Джоанна с ружьем — в машине. Гарви пусть расположится на заднем сиденье. Может быть, если он чуть поспит, его мозги снова придут в норму. Господи, никогда мне прежде не доводилось видеть, чтобы человек так расклеился. Словно он сам убил ее. — Марк видел, что глаза Марии чуть сузились. Да черт с ними со всеми, подумал он. И, отойдя к мотоциклу, ударом ноги включил двигатель.

Они поехали обратно, вновь держа курс на север. Дорога была пуста. «Куда же теперь ехать? — подумал Марк. — Можно было спросить у Гарви, но правильно ли ответит он? И как убедиться, что ответ правильный? Почему, черт побери, он так сломался из-за этого

случая? — не понимал Марк. — Вовсе она не была ему женой в полном смысле этого слова. Никогда нигде не появлялась вместе с Гарви. Смазливенькая, но товарищем ему не была. Почему же он так сломался? Если б Марку пришлось хоронить Джоанну, ему бы это чрезвычайно не понравилось, но он бы так не расклеился. Он бы не потерял способности действовать, а поднял бы стакан за следующий раз, когда доведется выпить... а ведь Гарви был всегда сильным парнем».

Марк глянул на часы. Поздновато. Ехать надо быстро — через то, что осталось от Бурбанка и долины Сан-Фернандо. А как? Если шоссе не пришли в негодность, они забиты автомашинами. Плохо. Куда же ехать? Марку подумалось: вот бы мозги Гарви вновь начали работать. Но не работают ведь, а это значит, что путь выбирать придется Марку. Доехав до Мулхолланда, он повернул налево.

Сзади раздался автомобильный гудок. Мария остановила машину на перекрестке.

— Не туда! — крикнула она.

— А я не сомневаюсь, что туда. Поехали.

— Нет.

Черт с ней. Марк вернулся к вездеходу. На переднем сиденье Мария и Джоанна, в позах их чувствовалось напряжение. В руках у Джоанны наготове ружье, дуло направлено вверх. Рука Марии небрежно закинута на спинку сиденья — возле ружья. Мария гораздо крупнее Джоанны.

— Что там? — спросил Марк.

— Мальчики. Мы собирались разыскать наших мальчиков, — сказала Мария. — А это к востоку отсюда, а не к западу.

— Черт возьми, я это знаю, — закричал Марк. — Но эта дорога лучше. Она идет по возвышенностям. Не съезжая с холмов Санта-Сюзанна, мы пересечем долину у Топанги. А потом по каньонам — в горы. Таким образом, мы сможем держаться вдали от шоссе и всех дорог, где могут быть еще люди.

Мария нахмурилась, пытаясь представить карту окрестностей Лос-Анджелеса. Затем кивнула. Предложенный Марком путь приведет их к секвойя-парку. Она тронула машину с места.

Марк ехал впереди. Мотоцикл грохотал. Марк ехал и бормотал себе под нос. Фрэнк Стонер сказал, что лучше всего им было бы отправиться в Можави. А Стонер знал все. Его слов было достаточно для Марка. Куда надо ехать — это ясно. А добравшись туда, можно будет подумать, что делать дальше. Так и будет.

Но Гарви хочет разыскать своего сына. И эта дама Ванс хочет разыскать своего. Странно, что она почти не упомянула о своем муже. Возможно, они между собой не ладят. Марк вспомнил, какой перед ним предстала Мария, когда он впервые увидел ее. Класс. Высокий класс. Возможно, дела начинают разворачиваться интересным образом.

Они ехали под дождем, через окраину Лос-Анджелеса. Дождь не давал разглядеть, насколько велики разрушения. Машин на дорогах не было. Там, где дорога спускалась с гребня холмов, вездеход ехал напрямую, через громадные, неизвестно откуда возникшие кучи грязи, все дальше, миля за милей — Марк был доволен.

Рэнделл проваливался в дрему и просыпался, снова засыпал и снова просыпался. Сиденье под ним тряслось, дергалось, кренилось. В ушах — раскаты грома и шум дождя. Страшная сцена, всплывая в памяти, не давала заснуть окончательно. При вспышках молний Гарви опять и опять видел это как наяву: комната, не тронутые грабителями серебро и хрусталь, на ковре — мертвые тела его жены и собаки... Иногда Гарви слышал чьи-то голоса, но ему казалось, что эти голоса возникают в его мозгу, что они лишь отзвук его мыслей:

— Да, они очень любили друг друга... Она не мыслила своей жизни без него...

Голоса ослабевали, пропадали и вновь возникали. Потом Гарви осознал, что машина остановилась. Зву-

чали, перебивая друг друга, три голоса. Но может быть, эти голоса — лишь порождение его мозга.

— Жена мертва... не было... да, она сказала, что хочет просить его остаться дома... потерять свой дом, свою работу и вообще все, что у него было... не просто работу, теперь он человек, не имеющий профессии. В ближайшую тысячу лет документальные телевизионные фильмы сниматься не будут. Господи, Марк, и вы тоже за бортом.

— Знаю, но... неожиданно... только съежиться и умереть...

Только съежиться и умереть, подумал Рэнделл. Он теснее съежился на своем сиденье. Машина снова поехала. Трясло. Гарви всхлипывал.

7

Земля вращалась. Прошло два часа. За это время «Молотлэб» совершил чуть больше одного оборота. Европа и Западная Африка плыли из вечерних сумерек в ночь.

Видимо, все они были слишком потрясены, чтобы сказать хоть слово. Рик знал, что с ним дела обстоят именно так. Если он заговорит, то что он скажет? Бывшая жена Джонни и его дети — они не в Техасе. И поэтому в Рике вспыхнула ненависть к Джонни; не выдать этого чувства, позор. Он смотрел, как беззвучно поворачивается Земля.

В «Молотлэбе» было жарко. Пот в состоянии невесомости вниз не стекает. Его капли остаются там, где выступили. Рик вспомнил об этом и вытер пот мокрой тряпкой, которую сжимал в левой ладони. Выступающие слезы увеличивались наподобие беспрерывно утолщающихся линз. Слепящие, все искажающие линзы. Нужно их стереть. Он стер их. Теперь он видел.

Темная Земля светилась ярко-оранжевыми кругами. Словно географическую карту проткнули с изнанки горящими сигаретами. Трудно сказать, в каких именно местах образовались эти ярко сверкающие круги. Огней городов Европы не видно. То ли они скрыты облаками, то ли просто исчезли. Моря неотличимы от суши. Рик уже видел громадные участки суши, теперь превратившиеся в море: многие области восточного побережья Америки, почти вся Флорида, значительная часть Техаса. Техаса! Способен ли армейский вертолет развить большую скорость, чем гигантская волна? А кроме того — ветры! Нет, она мертва...

Когда был день, он видел, куда приходились удары. Он попытался припомнить.

...Огонь, вспыхнувший посреди Средиземного моря, уже угас. Меньшей силы удар пришелся на Балтийское море. Там пламя угасло почти мгновенно. Гораздо большее число столкновений пришлось на центральную часть Атлантического океана. Оставленные ими следы еще видны. А когда «Молотлэб» был точно над тем местом, было видно лишь распространяющееся во все стороны матовобелое пламя взрыва. А потом экипаж космической лаборатории мог заглянуть прямо в центр гигантского урагана: прозрачный огромный столб перегретого пара, а внизу — сияющее ослепительным беловато-оранжевым светом пламя. Космическая лаборатория прошла над тремя местами таких соударений, сейчас оставленные обломками кометы следы гораздо меньше. Воды океана возвращались обратно.

Судан — четыре маленькие яркие вспышки. Европа — три. И одна громадная вспышка вблизи Москвы. Беловато-оранжевый свет этой вспышки все еще не угас — излучается в космическое пространство.

Джонни Бейкер вздохнул и, оттолкнувшись, поплыл прочь от иллюминатора. Откашлявшись, он сказал:

— Отлично. У нас есть что обсудить.

Остальные посмотрели на него так, будто он прервал чью-то хвалебную речь.

— «Аполлоном» мы воспользоваться не можем, — упрямо продолжал Джонни. — То сильное соударение в Тихом океане фактически пришлось на наш флот сопровождения. «Аполлон» спроектирован так, что его посадка возможна только на воду, а моря... а все океаны... а, черт возьми...

— Вам остается лишь просить, чтобы вас доставили домой, — кивнул Петр Яков. — Да. У нас есть такая возможность. Мы к вашим услугам, воспользуйтесь нашим гостеприимством.

— У нас нет дома, — сказала Леонилла Малик. — Где же мы совершим посадку?

— Москва — это еще не весь Советский Союз, — тоном мягкой укоризны сказал Петр.

— Разве?

На душе у Рика легче не стало. Он не отрываясь смотрел в иллюминатор, и Джонни видел лишь его спину.

— Ледники, — сказал Джонни. Да, внимание остальных переключилось на него. — Тот удар, который пришелся на Россию, удар в...

— В Карское море. Мы его не видели. Это слишком далеко к северу. Мы лишь пришли к выводу, наблюдая за движением облаков, что такой удар был.

— Наблюдая за движением облаков, правильно. Этот удар наверняка пришелся в океан. Облачный покров сдвинулся надо всей Россией — и он перемещался до тех пор, пока жар в образовавшемся кратере не остыл. Это означает, что вся страна будет завалена десятками миллионов тонн снега. Белые облака и белый снег. В течение ближайшей пары столетий весь солнечный свет, падающий на Россию, будет отражаться обратно в космическое пространство. Я... — Джонни дернул щекой. — Бог свидетель, мне бы не хотелось портить вам день, но ледники будут двигаться по направлению к Китаю. Я серьезно полагаю, что для посадки нам бы следовало подыскать более теплое место.

Лицо Петра Якова было неподвижным.

— Может быть, Техас? — сказал он.

Спина Рика содрогнулась.

— Весьма благодарен, — проскрежетал Джонни.

— Моя семья находилась в Москве. Они все погибли: их убили взрыв и пламя. Вашу семью погубило наводнение. Послушайте, я знаю, что вы сейчас чувствуете. Но Советскому Союзу уже пришлось переживать различные бедствия, и он всегда преодолевал их. Ледники движутся медленно.

— А революция распространяется быстро, — сказала Леонилла.

— Что?

Леонилла что-то сказала быстро по-русски. Петр ответил ей — тоже по-русски, тоже быстро.

— Пусть они все обсудят, — понизив голос, сказал Джонни Рику. — Черт возьми, это ведь их корабль. Послушай, Рик, а ведь вертолет мог успеть вовремя. А, Рик? Ведь могли же послать вертолет?

Рик не слушал его. Наконец Джонни взглянул туда, куда смотрел Рик. Внизу проплывал темный массив азиатского материка...

Леонилла вдруг заговорила по-английски. В словах ее перемешались горечь и веселье, она сказала:

— Ледники перемещаются медленно, революции распространяются быстро. Большинство членов партии, все члены правительства — все они были великими представителями русского народа. Так же, как я, так же, как Петр. Что ж, слишком много великих представителей русского народа погибло при столкновении. Что теперь произойдет — теперь, когда украинцы, грузины и все другие народы поймут, что Москва больше не держит их в своем кулаке? Я пыталась убедить товарища генерала Якова... На что это вы там смотрите?

Рик Деланти обернулся к ней, и она отшатнулась. У разных рас, в разных культурах эмоции на лице отражаются по-разному. Но Леонилла увидела лицо Рика, перекошенное в бешеной, убийственной ненависти. Мгновением позже Рик оттолкнулся от стены. Но он

всего лишь уступил ей место у иллюминатора.

Черный покров туч, порожденный падением Молота, был сплошь усеян множеством крошечных искр. И появлялись все новые. Количество искр увеличивалось. Светлячки, летящие в боевом порядке...

Леонилла выпустила поручень. Она плыла через «Молотлэб», парализованная ненавистью в глазах Рика, не имея сил отвести взгляд. Петр увидел этот взгляд и напрягся — одна рука плотно уперлась в стену, вторая сжалась в кулак. Он приготовился защитить женщину от непонятной пока для него угрозы.

Джонни Бейкер нырнул в белесую радугу, протянувшуюся над панелью радиопередатчика. Торопливым, но четко рассчитанным движением он установил частоту. Нажал кнопки и заговорил:

— «Зеркало», вызывает «Белая птица». Советский Союз дал залп своими межконтинентальными баллистическими ракетами. Повторяю: советские ракеты в воздухе. Ошибка исключена.

Черт побери, эти ублюдки запустили все, что у них было! Пятьсот «птичек», а может, и больше!

К панели подлетел Петр Яков. Резким ударом отключил питание передатчика. Индикаторные огни на панели погасли. Бейкер и Яков пристально — глаза в глаза — смотрели друг на друга.

— Деланти!

— Понял. — Рик, оттолкнувшись, кинулся на Якова. Его тело стремительно мчалось через капсулу — и в это время Леонилла пронзительно что-то закричала по-русски. Затем Рик вцепился в Якова, но русский не сопротивлялся. На лице его застыла маска ненависти — точь-в-точь как у Рика Деланти.

— Передавайте свое предупреждение, — сказал он. — Вы им не сообщите ничего, чтоб они и так не знали.

— Что, черт побери, ты имеешь в виду? — закричал Рик Деланти.

— Смотрите, — сказал Яков.

Голос Леониллы был странно безжизнен:

— Еще одна вспышка над Москвой. Еще одна.

— Что?— Джонни Бейкер переводил взгляд с русского генерала на женщину. Потом он подплыл к иллюминатору. Он уже знал заранее. Он знал, как это будет выглядеть, потому что один раз он уже это видел. Сбоку оранжево-красного огненного пятна, пылающего там, где была Москва, появился крошечный гриб, ярко переливающийся красным и фиолетово-белым цветом.

— Позднее соударение, — язык у Джонни еле ворочался, потому что это была ложь, потому что уже прошло два часа, как то, что осталось от кометы Хамнера — Брауна, миновало Землю. И потому, что глаза Джонни уже выискивали новые грибообразные образования. Он обнаружил еще два маленьких облачка, похожих формой на гриб, и вспыхнувшее — как раз, когда он смотрел, — крошечное, но ослепительное, словно солнце, пламя. — Господи, — выдохнул он. — Весь мир сошел с ума.

— Это для полноты картины, — сказал Рик Деланти. — Им недостаточно столкновения с кометой. Сучьи сыны принялись нажимать на кнопки. Ах, дерьмо...

Все четверо смотрели теперь на то, что разворачивалось внизу. Ползущие ввысь светлячки советских ракет. Внезапно вспыхнувшие языки голубовато-белого пламени, сплошь покрывшие то, что раньше было европейской частью России. Значит, вся промышленность, которая могла уцелеть при столкновении с кометой...

Сумасшествие, подумал Джонни Бейкер. Зачем, зачем, ЗАЧЕМ?

— Не думаю, чтобы нас приветливо встретили там, внизу, — сказал Рик Деланти. Голос его звучал странно равнодушно, и Джонни подумал: а не свихнулся ли Рик тоже? И Джонни не мог даже взглянуть на Леониллу.

У Рика что-то булькнуло в горле. Это был просто

звук, ничего не означающий и ни к кому не обращенный. Потом Рик повернулся и ударом ноги отправил себя через весь «Молотлэб», подальше от остальных. Яков уже находился в другом конце лаборатории, у воздушного люка, ведущего в «Союз», и у Джонни Бейкера мелькнула безумная мысль: а что, если русский хочет достать припрятанное оружие?

Вот это нам и нужно. Пистолетная пальба на орбите. А почему бы и нет? Там, откуда родом Яков, сумасшествие и месть — старая добрая традиция.

— Такие-то дела, — спокойно и тихо сказал Джонни. — Нам лучше бы вести себя дружно. Нам — последним астронавтам. Было бы лучше, если бы мы держались друг за друга. Но мне что-то не верится, Рик?

Рик спускался в воздушный люк «Аполлона». И при этом ругался — тихо, но в то же время достаточно громко, чтобы его можно было услышать.

Джонни, обернувшись, посмотрел на Якова. Русский не делал попыток открыть ведущий к «Союзу» воздушный люк. Он висел в воздухе, в позе, будто приготовился к чему-то, но не делая ни единого движения. Он неотрывно смотрел вниз — на Землю, на усеянную вспышками Землю.

Капсулу заполнил громовой вопль Рика:

— Дерьмо! — А затем: — Сэр! В «Аполлоне» вакуум. Как считаете, если я надену шлем и посмотрю, не повреждена ли тепловая защита?

— Не надо.

Дерьмо! Дыра в оболочке корабля в любом случае означает, что при возвращении Джонни и Рика ждет смерть. Итак, экипаж лаборатории опять-таки располагает лишь одним кораблем. Джонни обернулся к Петру Якову, все еще всматривающемуся в иллюминатор.

Ударить сзади Якова по шее, прямо сейчас, пока он этого не ожидает. Или посадка в России... В качестве военнопленных. Ну уж нет. Джонни Бейкеру вспомнились отрывки из «Архипелага ГУЛАГа». Рука его под-

нялась для удара. Рик справится с Леониллой, и тогда они...

Эти мысли мелькнули в голове Джонни, но он ничего не стал предпринимать. А Петр Яков обернулся и медленно, обращаясь сразу ко всем, сказал:

— Они движутся к востоку. К востоку.

Мгновение, которое тянулось бесконечно, Бейкер и Яков смотрели друг на друга, а потом оба кинулись к радиопередатчику.

* * *

— Понял, «Зеркало». «Белая птица» прекращает связь, — сказал Джонни Бейкер.

— Тебе удалось передать сообщение? — спросил Рик.

— Да. По крайней мере, получение передачи подтверждено. — Джонни Бейкер глянул на крутящийся хаос внизу. — Наверное, Бог услышал наши молитвы. Иначе не понимаю, как нам удалось наладить связь.

— Просто это участок пространства, где ионизация в силу случайных причин оказалась слабее, — сказал Яков.

Джонни Бейкер пожал плечами. Ему не хотелось спорить на богословские темы. Капсула продолжала свой беззвучный полет. А астронавты наблюдали за полетом ракет. Ракеты вышли на расчетную траекторию, и искры погасли. Позже они вспыхнут снова — но гораздо, гораздо ярче...

Но еще до того, как пламя двигателей угасло, было легко заметить, что кривая полета не проходит над Северным полюсом. На фоне узкого полумесяца Земли направление движения искр было видно вполне отчетливо. Ракеты летели точно на восток, к Китаю.

Вся Россия была покрыта грибами ядерных взрывов. Китайцы напали первыми, и те области, что поща-

дил Молот, сейчас превратились в радиоактивный ад.

Семья Петра находилась там, внизу, подумал Джонни Бейкер. И семья Леониллы — если у нее была семья — тоже. Хотя не думаю, что она замужем. Господи, я ведь счастливец. Энн уехала из Хаустона уже несколько недель назад.

Джонни тихо рассмеялся про себя. У Энн Бейкер не было никаких причин оставаться в Техасе. Разводясь, она вместе с детьми уехала в Лас-Вегас. И это, вероятно, спасло ее жизнь. Что касается Маурин... Да, Маурин. Если уж существует женщина, у которой хватит мозгов и решительности спастись при падении Молота, то это Маурин. Она говорила, что вместе со своим отцом собирается поехать в Калифорнию.

— Нам многое предстоит сделать, — задумчиво сказал Петр Яков. Задумчиво и профессионально бесстрастно, но так тихо, что сказанное им едва можно было расслышать. — Мы здесь можем пробыть несколько недель, самое большее. Дольше нам не продержаться. Генерал, у нас нет бортового компьютера. Вам придется рассчитывать траекторию возвращения на вашем компьютере.

— Конечно, — сказал Джонни.

— Понадобитесь вы оба, — Яков мотнул головой в сторону другого конца капсулы, где съежился Рик Деланти.

— Когда он понадобится, он нам поможет, — сказал Бейкер. — Он очень тяжело переживает происшедшее. Даже если его жена и дети еще живы, даже если им удалось уехать оттуда, где они жили, — он об этом никогда не узнает.

— Не знать — лучше, — сказал Петр. — Гораздо лучше.

Джонни вспомнил о дважды уничтоженной Москве и кивнул.

— Вероятно, доктор Малик может дать ему успокаивающее, — сказал Яков.

— Повторяю, с полковником Деланти все будет в

порядке, — ответил Бейкер. — Рик, нам нужно посовещаться.

— Ладно.

— Зачем? — спросил Яков. — Зачем они это сделали?

Внезапный этот вопрос не удивил Бейкера. Он ждал, когда Яков скажет что-нибудь в этом роде.

— Вы знаете — зачем, — сказала Леонилла Малик. Отплыла от иллюминатора. — Наше правительство уже заявляло претензии на китайские территории. Учитывая, что появилась угроза наступления ледников, у русских остается лишь одно место, куда можно уйти. Европа лежит в развалинах, а в южном направлении возможности продвижения крайне ограничены. Если мы пришли к этому заключению, то китайцы могли прийти к нему тоже.

— И они напали, — сказал Яков. — Но не успели это сделать достаточно рано. Мы смогли нанести ответный удар.

— Так где же нам совершить посадку? — спросила Леонилла.

— Вы очень спокойно задаете свой вопрос, — сказал Яков. — Вас не волнует, что ваша страна лежит в руинах?

— Я взволнована одновременно и больше и меньше, чем вы полагаете, — ответила Леонилла. — Россия — моя родина, но она не была моей страной. Мою страну убил Сталин. Во всяком случае, сейчас на территории России посадка невозможна. Если даже нам удалось бы отыскать место для посадки, мы оказались бы в самом пекле военных действий.

— Мы — офицеры Советской Армии, а война еще не закончена, — сказал Яков.

— Черта с два, — все обернулись к Рику Деланти. — Черта с два, — повторил Рик снова. — Вы чертовски хорошо знаете, что там, внизу, вам делать нечего. Так где вы хотите совершить посадку? В Китае, чтобы ждать там прихода Красной Армии? Или там, где все заражено радиацией, чтобы ждать прихода ледников?

Ради бога, Петр, эта война — не ваша война. Даже если вы настолько свихнулись, что верите, что она еще не закончена. Для вас она закончилась.

— Так где же мы можем совершить посадку? — спросил Яков.

— В Южном полушарии, — сказала Леонилла. — Климатические характеристики обычно не пересекают экватор, а большая часть столкновений пришлась на Северное полушарие. Я убеждена, что мы увидим, что в Австралии и Южной Африке промышленные структуры остались невредимы. С нашей орбиты посадку в Австралии совершить будет трудно. При приземлении мы можем контролировать посадку корабля лишь в очень малой степени, и если окажемся в малонаселенном районе, то просто умрем с голоду. Южная Африка...

Джонни горько рассмеялся. А Рик сказал:

— Для вас это особой разницы не представляет, но лично я предпочел бы остаться на орбите.

Все рассмеялись. Бейкер почувствовал, что напряжение чуть спало.

— Рассмотрим далее, — сказал он. — Мы, вероятно, исхитрились бы совершить посадку в Южной Америке. Разрушения там, вероятно, невелики. Но нужно ли нам это? Мы — все четверо — чужие для них. Никто из нас не владеет языками, на которых там говорят. Я предлагаю: устраиваем посадку у нас. В нашей стране. Мы можем приземлиться очень близко от того места, где был произведен запуск. У вас, двух иностранцев, окажутся помощники из числа туземцев, то есть мы. Кроме того, вы владеете английским.

— Неважно у нас обстоят дела, — сказал Деланти.

— Да уж...

— Так куда?

— В Калифорнию. Посадка в сельской местности Калифорнии, на плоскогорье. Ледники появятся там еще очень не скоро.

Леонилла промолчала. А Петр сказал:

— Землетрясения.

— Вы правы, но они закончатся еще до того, как мы совершим посадку. В результате сдвигов коры все разломы там перестанут существовать. На протяжении ближайшего столетия в Калифорнии после этого не будет никаких землетрясений.

— Что бы мы не решили делать, делать это надо быстро, — сказал Петр. И указал на приборную панель. — У нас истощаются запасы воздуха и энергии. Если мы не станем действовать быстро, то окажемся вообще неспособными действовать. Вы говорите. Калифорния. А как там примут двух коммунистов?

Леонилла бросила на него странный взгляд, будто собиралась что-то сказать. Но промолчала.

— Лучше, чем в любом другом месте, — сказал Бейкер. — Мы же совершим посадку не на Юге или Среднем Западе...

— Джонни, там, внизу, хватает людей, считающих, что все происходящее — результат заговора русских, — сказал Рик Деланти.

— Верно. Но повторяю, таких больше на Юге или Среднем Западе, чем в Калифорнии. Кроме того: Восточной Америки больше не существует. Так что же остается? Кроме того, вдумайтесь: мы герои. Мы все — герои. Последние люди, побывавшие в космосе. — Он пытался убедить самого себя в правоте своих слов. И у него это получилось плохо.

Леонилла и Петр обменялись взглядами. Тихо переговорили о чем-то по-русски.

— Вы можете представить, что бы предпринял КГБ, если бы мы возвратились домой в американском корабле?— спросила Леонилла. — И не окажутся ли американцы такими же идиотами?

В ответ Рик Деланти тихо и безрадостно рассмеялся:

— У нас дела обстоят несколько иначе. Я бы не стал беспокоиться насчет ФБР. В Бюро служат обычные, чтущие правопорядок граждане-патриоты...

Леонилла в сомнении нахмурила брови.

— Что ж, — сказал Рик. — Итак, что нас беспокоит? Мы совершаем посадку в советском космическом корабле, на борту которого изображены серп и молот. Плюс надпись крупными буквами «СССР»...

— Это лучше, чем символ Марса, — вставил Джонни Бейкер.

Никто не засмеялся.

— Черт возьми, — сказал Рик. — Получается, у нас вообще нет выбора. Получается, что нет такого места, где бы мы могли совершить посадку. Можно было бы предположить, что после всего этого люди перестанут враждовать. Но я лично в этом сомневаюсь.

— Некоторые перестанут, — сказал Бейкер.

— Еще бы. Послушай, Джонни. Половина людей мертвы. А выжившие начнут драться за то, чтобы завладеть остатком пищи. Небывалые погодные условия сгубят урожай. И ты — именно ты — хорошо понимаешь это. Многие из уцелевших во время падения не переживут следующую зиму.

Леонилла поежилась. Она знала людей, переживших — едва выживших — великий голод на Украине. Голод, последовавший за восхождением Сталина на царский трон.

— Но если на Земле сохранились какие-то остатки цивилизации, если там есть кто-нибудь, кому мы нужны, то это в Калифорнии, — сказал Рик Деланти. — С нами записи наблюдений за кометой Хамнера—Брауна. Последняя космическая экспедиция нашего времени. Следующая будет...

— Следующая будет очень не скоро, — сказал Петр.

— Именно. Мы обязаны сохранить эти записи. Потому что они кое-что значат.

По лицу Петра Якова было видно, что ему теперь легче: мучительный выбор был сделан.

— Прекрасно. В Калифорнии расположены атомные энергетические центры? Кажется, так. Вероятно, им удастся пережить катастрофу. Цивилизация начнет

возрождаться вокруг электростанций. Туда нам и следует направиться.

* * *

Линии связи стратегического авиационного командования спроектированы так, чтобы уцелеть при любых обстоятельствах. Они обязаны действовать, даже если совершено атомное нападение. Никто не предвидел, что может случиться всепланетное бедствие, но линии связи обладают такой насыщенностью, включают в себя так много параллельных систем, что даже после столкновения с Молотом связь продолжала действовать.

Майор Беннер Ростен слушал бормотание громкоговорителя. Большинство сообщений предназначалось не для него, но он все равно слушал. Если связь прервется, майор Ростен получит право распоряжаться ракетами по своему усмотрению и, когда все сроки истекут, может запустить их. И лучше — насколько он знал — дать слишком мощный залп, чем слишком слабый.

— *Внимание! Внимание! Боевая готовность номер один. Внимание, все командиры стратегического авиационного командования! Говорит главнокомандующий САК.*

Голос генерала Бамбриджа едва пробивался сквозь сильные атмосферные помехи. Ростен лишь с трудом мог понять, что говорит генерал.

— *Президент мертв: крушение вертолета. Доказательств вражеского нападения на Соединенные Штаты пока нет. Связь с высшим руководством страны утеряна.*

— Господи Боже мой, — пробормотал капитан Люс. — Что же теперь нам делать?

— То, за что получаем зарплату, — ответил Ростен. Атмосферные помехи заглушили доносящийся из громкоговорителей голос:

Чайка-2 молчит... Ураганы над... Повторяю... Торнадо...

— Господи, — пробормотал Люс. Что сейчас происходит с его семьей, оставшейся на поверхности? База оборудована бомбоубежищами. У Милли хватит разума укрыться в убежище. Хватит ли? Она жена офицера военно-воздушных сил, но она так молода, слишком молода...

— *Обстановка крайне опасная. САК сообщение закончило.*

— Придется распечатать карты целей, — сказал Ростен.

Гарольд Люс кивнул:

— Наверное, так будет лучше всего, начальник. — Затем, как и полагается, Люс отметил время в журнале дежурства: «По приказу командира, согласно коду 1841 Зулус, карты целей и расшифровки распечатаны». Он повернул ключ, затем набрал на панели нужный шифр. Вытащил пачку перфокарт IBM и разложил их перед собой.

На перфокартах не было никаких обозначений, но существовала кодовая книга, с помощью которой и производилась расшифровка. В нормальных условиях ни Люс, ни Ростен не знали, на какие объекты нацелены их ракеты. Но сейчас, когда право решения, видимо, перейдет не к ним, лучше это знать.

Проходили минуты.

Громкоговоритель заговорил снова:

— «Аполлон» сообщает: советские ракеты запущены... Повторяю... массированный залп... пятьсот...

— Выродки! — закричал Ростен. — Вшивые красные! Сучьи дети!

— Спокойнее, начальник, — капитан Люс перелистал перфокарты и кодовую книгу. Взглянул на приборную доску. Ракеты еще не в их распоряжении. Даже

при всем желании без приказа «Зеркала» их запускать нельзя.

— «Зеркало», говорит «Удар с полулета», «Зеркало», говорит «Удар с полулета». Мы получили послание от советского премьер-министра. Советы утверждают, что на нападение китайцев Советский Союз ответил залпом своих ракет. Советы просят Соединенные Штаты помочь им в отражении ничем не спровоцированной атаки китайцев.

— Всем воинским частям и подразделениям. Говорит стратегическое авиационное командование. «Аполлон» сообщает, что запуск советских ракет произведен в восточном направлении... Повторяю... не... Насколько мы знаем...

— Командиры эскадрилий, говорит «Зеркало». Советский Союз не произвел нападения на Соединенные Штаты. Повторяю: Советский Союз атаковал лишь Китай, а не Соединенные Штаты.

Громкоговоритель умолк. Намертво. Люс и Ростен переглянулись. Затем они одновременно перевели взгляд на карты целей.

Огни на приборной доске зажглись красным светом. Включился таймер, отсчитывая секунды.

Через четыре часа право запуска ракет перейдет к Ростену и Люсу. Им решать.

* * *

Словно пригоршня горящих угольков рассыпалась по территории Мексики и Соединенных Штатов.

Молот нанес удар и по суше. Столбы перегретого пара взметнулись в атмосферу. Пар унес с собой миллионы тонн земли и выпаренной соли. Увлекаемый паром воздух уходил в верхние оболочки атмосферы.

Возникли страшной силы ветры: воздух из наружных слоев заполнял образовавшуюся пустоту. Планета вращалась, и направление ветров начало искривляться — против часовой стрелки. Завихрения превращались в спирали — это возникали ураганы.

Сформировавшийся над Мексикой ураган-матка двинулся через залив на восток. Он вбирал в себя энергию, выделявшуюся при кипении морской воды. Все новая вода поступала к месту соударения обломка кометы с водами залива, и тепла выделялось все больше. Ураган переместился к северу. Теперь он двигался от моря к материку. По мере своего движения он порождал многочисленные торнадо. Ураганные ветры погнали воду вверх — по долине Миссисипи.

Влажный перегретый воздух над океанами уходил вверх, и как следствие возникли сильнейшие холодные ветры, дующие от Арктики. В долине Огайо сформировался чудовищных размеров погодный фронт. Образовывались и уносились вдаль торнадо. Когда фронт передвинулся, на его месте сформировался другой, а затем еще и еще один. Они изрыгали сотни, тысячи торнадо — и торнадо отплясывали свой неистовый танец над развалинами городов. Погодные фронты двигались на восток. И точно так же фронты образовывались в Атлантике, над Европой, в Азии. Дождевые тучи окутали всю Землю.

СОДЕРЖАНИЕ

В ОЖИДАНИИ 3

УДАР МОЛОТА 277

Ларри НИВЕН
Джерри ПУРНЕЛЬ

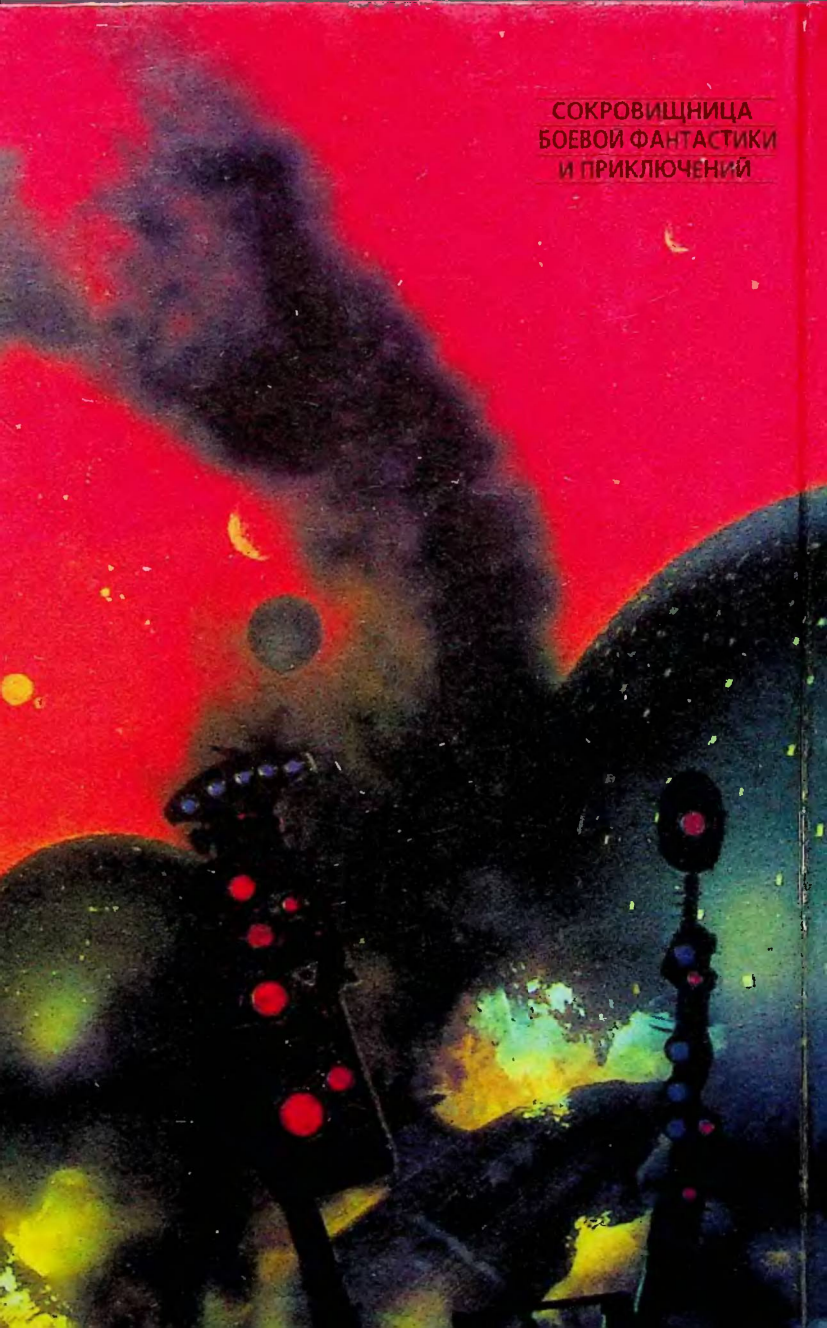
«Апокалипсис-I»
(«Сокровищница боевой фантастики и приключений»)

Художественный редактор А.САЯПИН
Технические редакторы Л. ЗАИЧКИНА. Ю. КОТОВИЧ

«Мелор». ЕЕ0001. Эстония, г. Таллинн, а. я 3515.
Лицензия ЛР № 062693 выдана 07.06.93 г.

Сдано в набор 03.10.96. Подписано в печать 21.11.96 г.
Формат бумаги 84x108 1/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Печ. л. 13,5. Тираж 11 000 экз. Заказ №2250

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика на полиграфической фирме «Красный пролетарий». 103473, Москва, ул. Краснопролетарская, 16.


СОКРОВИЩНИЦА
БОЕВОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ